

АНДРЕЙ
ДОБРОЛЮБСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ
ОДЕССЫ

АНДРЕЙ
ДОБРОЛЮБСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ
ОДЕССЫ

Одесса / Киев
Видавець Олег Філюк
2014

УДК 902(477)
ББК 63.4(4Ук)
Д56

Добролюбський А. О.

Д56 Археологія Одеси: монографія / Андрій Олегович Добролюбський. — Видання друге, перероблене і доповнене. — Одеса / Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. — 366 с., іл.

ISBN 978-617-7122-15-8

*Рекомендовано до друку як наукове монографічне дослідження
з історії і археології України рішенням Вченої ради
Південноукраїнського національного педагогічного університету
ім. К. Д. Ушинського (протокол № 8 від 29.03.2012 р.)*

Відповідальний редактор:

Симоненко О. В., доктор історичних наук,
член-кореспондент Германського інституту археології.

Рецензенти:

Дьомін О. Б., доктор історичних наук, професор;
Кавалеров А. І., доктор філософських наук, професор;
Немченко І. В., кандидат історичних наук, доцент.

У книзі висвітлюються наукові обставини відкриття в Одесі крупного античного міста Борисфена (Гавані Істріан) і його історико-археологічного вивчення. Місто було засновано у VII столітті до н. е. і досягло свого найбільшого розквіту у V–III століттях до н. е. Тоді воно стало називатись Одесосом на честь відвідування цього місця Одиссеєм за часів Гомера. Залучаються і нові історичні можливості вивчення середньовічних селищ і гаваней Джинестри та Хаджибея. Розглядаються вихідні джерелознавчі і ментальні підоснови існування тут античних Борисфена і Одесоса, їхні культурологічні контексти, наслідки і плоди, а також їхній вплив на ментальність і діяльність засновників Одеси в епоху класицизму. Основна ідея книги — відображення духовного світу минулих епох передісторії Одеси, відтворення системи уявлень і способу життя, які, по суті, і складають те, що називається «культурною спадщиною».

The book highlights the scientific circumstances of discovering in Odessa a major ancient city of Borisphen (Istriian Harbour) and its historical and archaeological studying. The city was founded in VII century BC and reached the peak of its prosperity in VIII centuries BC. At that time it became known as Odessos, in honour of Odysseus who had visited it in the time of Homer. New historical methods have been involved in the study of mediaeval villages and harbours in Ginestra and Hadzhibey. We consider the original source materials and mental grounds for the existence here of ancient Borisphen and Odessos, their culturological contexts, consequences and fruits, as well as their impact on the mentality and activities taken by Odessa founders in the epoch of classicism. The main idea of the book is to reflect the spiritual world of the bygone epochs of the pre-Odessa history and to reconstruct the beliefs and lifestyle systems which altogether make up the so-called «cultural heritage».

УДК 902(477)
ББК 63.4(4Ук)

© Видавець Олег Філюк, 2014
© А. О. Добролюбський, 2014

ISBN 978-617-7122-15-8

Содержание

От автора	11
-----------------	----

Часть 1

Антиковедческая увертюра

«Мусорологическое» краеведение	19
Опыт «мусороведческой» пушкинистики	23
Чернолаковая улыбка Судьбы	32
«Истинно классическая часть Одессы»	36
Одесская Атлантида	44
Искушение Гомером, Овидием и Геродотом	47
Эллины в Северо-Западном Понте	57
Варвары между Истром и Борисфеном	61

Часть 2

Борисфен

Интуиция профессора Карышковского	67
Борисфен изначальный	73
Следы царя Дария у дворца князя Воронцова	79
Бегство и гибель царя Скила	89
Под знаком Диоскуров	97
На весах судьбы Зопириона	104
Финикийцы и евреи в Северо-Западном Понте	116

Часть 3

Одессос и его гавани

Ключ к тайне античной Одессы	125
«Пуп Земли» и «Яйцо Пифона»	133
Пути в Аид неисповедимы	139
Одиссей в гостях у Тиресия	144
«Блуждающие» гавани Одессоса и его «неуловимая» Фиска	148

Часть 4

Хаджибей и Джинестра	159
«Свежие» турецкие памятники	160
Изначальный Хаджибей в документах и легендах	164
В поисках исчезнувшей Ени-Дунья	167
Остатки Хаджибея в свидетельствах «очевидцев»	170
Хаджибейский замок в археологических остатках	173
Хаджибейский поселок в археологических остатках	178
Топонимические загадки Джинестры, Качибея и Хаджибея	186
Еврейские надгробия под стенами Хаджибея	190

Часть 5

«O tempora! O mores!»

Гарпии и их потусторонние родственники	199
«Прекраснозадые» каллипиды с «женской болезнью»	205
Античные нравы Хаджибея. «Похищение сабинянок»	212

Часть 6

Чары Диониса

Мистерии царя Скила	219
Игра с Судьбой — «культурный героизм» дионисийства	221
«Просьба» перстня и «(собственность) Скила»	224
Панорама божественной сексуальности	229
Таинства Диониса-Вакха	240
Сын Зевса, воспитанный нимфами	244
Подражание богам — «сценарий на всю жизнь»	247
Казнь за безумство	251

Часть 7

Одесса, рожденная классицизмом

Одиссея Иосифа де Рибаса

Методология «вчувствования»	255
Ритуал и место основания Одессы	260

Подражание древним — «сценарий на всю жизнь»	263
Любовь Афины и мальтийский талисман	267
Во власти Светлейшего Посейдона, или «А ну-ка, подеритесь»	270
Метод «Сциллы и Харибды» под Хаджибеем	276
Измаильская «Илиада»	281
Гнев и милости Афины	286
На пути к городу Солнца	288
Одесса как памятник де Рибасу, или «Археология» имени	296
<i>Франц де Волан: жизнь по Витрувию</i>	300
Непонятый Лафитт-Клаве	301
Страсти по Хаджибею	303
«Отличнейший по достоинству и знаниям»	308
«Подражание древним»	311
Витрувий и де Волан. «Сравнительное жизнеописание»	313
«De architectura»	314
Дух и наука «витрувианства»	316
Ученик Витрувия	317
Опыт античного Борисфена	319
Замысел города Солнца	322
«Укрощение вредоносных» Австра, Кавра и Эвра	326
Идеальный порт	330
Крушение мечты	336
Одесса как памятник де Волану	337
Вместо эпилога	
Одесса, рожденная Одессосом	343
Литература	353

Памяти мамы —
Марии Гавриловны Добродлюбековой-Фукс
(1913–1998)

От автора

*...Касаться тайны и дышать свободой...
Петр Карышковский. Березанские сонеты*

Исторические «судьбы местности, занимаемой Одессой» (выражение профессора Новороссийского университета Ф. К. Бруна), интересуют автора этих строк всю его научную жизнь. Так получилось под влиянием моего незабвенного Учителя, профессора Одесского университета Петра Осиповича Карышковского, которому, на мой взгляд (и вовсе не только на мой), следовало бы присвоить титул «Светлейшего Князя Истории», если бы это было возможно. Действительно, он был очень светлым человеком в науке и заслуживал обращения «Ваша Светлость». Впрочем, такой титул — «Князь Истории» — французские историки школы «Анналов» посмели присвоить своему соотечественнику Фернану Броделю. Подобная инициатива похвальна и весьма заманчива. Ее очень хотелось бы подхватить и даже перехватить. Ученики профессора Карышковского уже немало для этого сделали. Так, с 1989 года регулярно проводятся научные Чтения «Древнее Причерноморье», посвященные памяти этого великого ученого. С тех пор издано десять выпусков их материалов — случай почти уникальный в историографической практике.

Эта книга является очередной данью памяти Петра Осиповича. Ее созданием я обязан очень многим людям, но более всего двоим. Это, естественно, сам П. О. Карышковский, а также мой друг, писатель и историк Одессы Олег Иосифович Губарь — вдохновитель и организатор первых археологических рас-

копок у Оперного театра в 1995 году, а в дальнейшем мой неизменный ментальный сподвижник. Годом позже нами был открыт и начал изучаться древнейший античный культурный слой у Воронцовского дворца. Так начались археологические раскопки в Одессе и вся связанная с ними общекультурная и научная деятельность.

В результате всей этой деятельности, помимо многочисленных статей в научной и околонучной прессе, были изданы книги «Борисфен–Хаджибей–Одесса» (2002), «У колыбели Одессы» (2002), «Античная Одесса» (2004), «Предыстория Одессы» (2006) и др. В них, в частности, утверждалось, что найден крупнейший и древнейший в Северном Понте античный центр — «торжище Борисфенитов», или просто Борисфен. Порт этого центра именовался Гаванью Истриан. По предложенной гипотезе, это торжище было основано в середине VII века до н. э. в виде сначала рыболовецкой выселки на месте теперешнего Приморского бульвара, а затем на Жеваховой горе и в Лузановке. Открытие крупнейшего сакрального центра на Жеваховой горе позволило установить, что с конца V века до н. э. эти поселки и гавани — истриан и позднее иаков (или асиаков) — получили общее наименование Одессоса по его эпонимному святилищу. Одессос являлся античной «протогородской» агломерацией и был топографическим и ономастическим предшественником нынешней Одессы. Его порт в римское время назывался Фиской.

В связи с археологическим обнаружением непосредственного предшественника Одессы — Хаджибея — приводятся также новые данные о расположении итальянской якорной стоянки Джинестра и о локализации литовско-польского Качибя.

За прошедшие годы эта гипотеза была многократно обнародована в научных изданиях и обсуждалась на авторитетнейших форумах и конференциях историков и антиковедов. Она не подверглась вообще никакой критике в научной печати, и если и опровергалась, то лишь в устных (преимущественно кулуарных) выступлениях оппонентов, которые возмущались самой недопустимостью подобной постановки вопроса и ее совершенной неожиданностью. Они никак не желали признать сам факт существования здесь античного культурного слоя. Однако никакой внятной аргументации высказано не было, кроме «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Со своей стороны, автор со своими помощниками продолжал археологические работы в Одессе, которые лишь подтвердили правомочность высказанной гипотезы. Такие же работы оказались продолжены и моими бывшими академическими оппонентами Института археологии и Одесского археологического музея НАНУ и подтвердили нашу исходную научную позицию — действительно, здесь был античный город. На Приморском бульваре даже создана музейная экспозиция «под открытым небом». Это лишь означало верификацию и признание имеющихся научных разработок и заключений, что, тем самым, превратило исходную гипотезу в обоснованную и продуктивную научную концепцию, разработка которой таит в себе немалые и весьма привлекательные культурологические перспективы. Я считаю спасение культурного слоя Одессы своей миссией — стараться оберегать его и не давать в обиду, по возможности, ни один черепок. Помимо вероятного продолжения историко-археологического изучения Приморского бульвара, Жеваховой горы и Лузанов-

ки возможными последователями — учеными критиками, а также научными «эпигонами» и, хочется надеяться, «диадохами», они заключены в постижении значимости открытого здесь крупнейшего и уникального культового центра на Жеваховой горе, который метафорически назван «Пупом Земли» и, может, истолковывается как один из «главных входов» в мифологический Аид, где сам Одиссей консультировался с «главным» провидцем античной Греции слепым Тиресием. Масштабность такого открытия еще не осознана до конца. Но это не беда, потомки разберутся.

Наша археологическая деятельность, направленная на изучение Борисфена, Одессоса и Хаджибея, проходила при неизменном и устойчивом противодействии, а также вязком и активном сопротивлении академических структур, прежде всего Полевого комитета Института археологии НАНУ и местных органов охраны культурного наследия. Поэтому она неминуемо носила все эти годы «незаконный», с их точки зрения, характер, и порой вынужденно приобретала хулиганские и диверсантские формы. Эти формы пребывали, однако, в пределах закона и носили исключительно открытый и публичный характер — «на глазах у изумленной толпы». В сущности, это была классическая диссидентская деятельность «инакомыслящих» в науке. Такие взаимоотношения с властями подробно описаны в моей книге «Одессея одного археолога» (СПб, 2009). Здесь даже нет смысла их комментировать. Ибо следует понимать, что многочисленные критические нападки любого рода — неизбежный удел всякой новой концепции. Хочется лишь выразить бесконечную благодарность руководству Южноукраинского национального педагогического университета, прежде

всего ректору академику Алексею Яковлевичу Чебыкину за постоянную твердую поддержку и спасение, в полном смысле этого слова, нашей экспедиции от прокурорского и уголовного преследования, а также всем нашим преподавателям, студентам, магистрам и аспирантам.

Куда приятнее было знать и ощущать столь же неизменную помощь, поддержку и симпатию «широких кругов прогрессивной культурной общественности», независимо от возраста, профессии, занятий и занимаемого положения. Моими самыми активными и неизменными помощниками всегда были историки и археологи, прежде всего, Сергей Гизер, Владимир Носырев и Андрей Красножон, а также Сергей Маевский, Артур Будников, Павел Гибский, Ирина Антипенко, Игорь Любинский, Юрий Слюсарь, Валерий Савелий, Раиса Галяс, журналисты, ведущие телеканалов, писатели Евгений Голубовский, Юрий Селиванов, Мария Гудыма, Олег Владимирский, Анатолий Горбатюк, Марина Жуковская, Феликс Кохрихт, Александр Ляхович, Александр Розенбойм, Татьяна Донцова, Наталья Огренич, отец Александр Чумаков и многие другие, которых перечислить невозможно. Отец-настоятель Александр убежден, что занятие археологией — это самая эффективная педагогическая процедура по воспитанию нравственности. Основные лозунги наших студентов: «Все наши лопаты — всегда с вами!», «Институт археологии — на мыло!». Моя благодарность им всем не знает границ.

Настоящая книга представляет собой описание, обобщение и истолкование большинства имеющихся сегодня разработок по археологии и предыстории Одессы. Наряду с переизданием, переработкой и дополнением многих очерков, предлагаются новые

археологические и историко-культурные сюжеты и соображения, связанные с изменившейся историко-культурной ситуацией в изучении «местности, занимаемой Одессой».

Научная манера преподнесения материала и его изложения сегодня становится едва ли общепринятой. Ее можно назвать «культурно-антропологической». Это методы исследования, разработанные исторической школой «Анналов», или «новой исторической наукой», которая изучает ментальности прошлого и картины мира людей и общественных групп в разные исторические эпохи. Стилистически это предусматривает вынужденное сочетание явных научно-повествовательных банальностей изложения с академическими обстоятельностью и добросовестностью, возможно, не всегда достаточно строгими. Подобная «академическая небрежность» (*выражение Умберто Эко*) в европейских историко-культурных кругах признается допустимой.

Антиковедческая увертюра

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

«Мусорологическое» краеведение

Античная Одесса была открыта случайно, неожиданно и совершенно непреднамеренно. Осенью 1995 года мы с писателем и краеведом Олегом Губарем задумали устроить археологические раскопки в сквере у Оперного театра. Нам лишь хотелось узнать, что может получиться, если покопаться в мусорных ямах знаменитой ресторации Отона, прославленной великим Пушкиным. Мы уповали на то, что в них будут содержаться предметы пушкинского обихода. И тогда мы в музеях сможем с гордостью показывать своим детям тот самый бокал или же ту самую тарелку, которую сам Пушкин, пригубивши немного лафита, запустил в голову заезжему карточному шулеру в казино Клубного дома Рено.

Вся эта затея была порождена идеями одесского «мусороведения», или гарбалогии (*garbage — мусор*) — науки, изучающей современные бытовые отходы. Эту науку придумали американские археологи. А у нас эти идеи вызревали самостоятельно, в процессе многолетнего общения с нашим любимым учителем, выдающимся историком-антиковедом П. О. Карышковским. Краеведческие прогулки по центральным кварталам города, нередко с таким блестящим «чичероне», каким был Петр Осипович, — наша обычная практика 1970–1980-х. Такие прогулки были «перипатетическими» (*peripatos — крытая галерея*), т. е. процесс нашего историко-мусороведческого обучения происходил на античный манер. Так Аристотель наставлял своих учеников, прогуливаясь с ними под галереями и в садах афинской Академии. Так и профессор Карышковский учил нас искать в изрядно обветшавших строениях и дворах старой Одессы следы ее былого процветания и богатства жизни. Лишь в том, чтобы

«касаться тайны и дышать свободой» [Карышковский, 1994: 158–159], он находил смысл любых научных занятий вообще. Это очень впечатляло.

Потом Учителя не стало, но традиция свято сохранялась. В перестроечное и постперестроечное время заметно усилилось «обновление» старых территорий городской застройки, когда, случалось, неоправданно сносились здания и сооружения, возведенные на рубеже XVIII–XIX ст. В этом, как говорится, была немалая печаль, но и немалое знание: в строительных котлованах обнажился неожиданно мощный для относительно юной Одессы культурный слой, состоящий из пластов строительного и бытового мусора. Нередко фиксировалось несколько мощных «строительных периодов», попадались уникальные предметы материальной культуры 200-летней давности. Все это, несомненно, представляло немалую источниковедческую и мемориальную ценность, требовало хранения и музеефикации и поселило в нас с Олегом чувство острого краеведческого возбуждения, которое искало выхода. Идея одесского «мусороведения» вызревала сама собой.

Разумеется, во время упомянутых прогулок мы неминуемо и многократно посещали дворовые туалеты, которыми тогда изобилует центр Одессы, и, естественно, участвовали в образовании там культурного слоя. Мы даже мнили себя специалистами по городской «сортирно-дворовой» топографии. Ныне эта уникальная и бесценная для своего времени информация почти не востребована — дворовые туалеты, едва ли не повсеместные для исторического центра города, стали постепенно исчезать на нашей памяти. Хотя отдельные раритеты продолжают существовать по сей день. Самым надежным ориентиром для их продуктивного визуального поиска была надпись мелом на воротах: «Во дворе туалета нет!». В такие ворота нужно было зайти, а дальше уверенно двигаться по путеводным указателям — канализационным люкам.

Профессор Карышковский

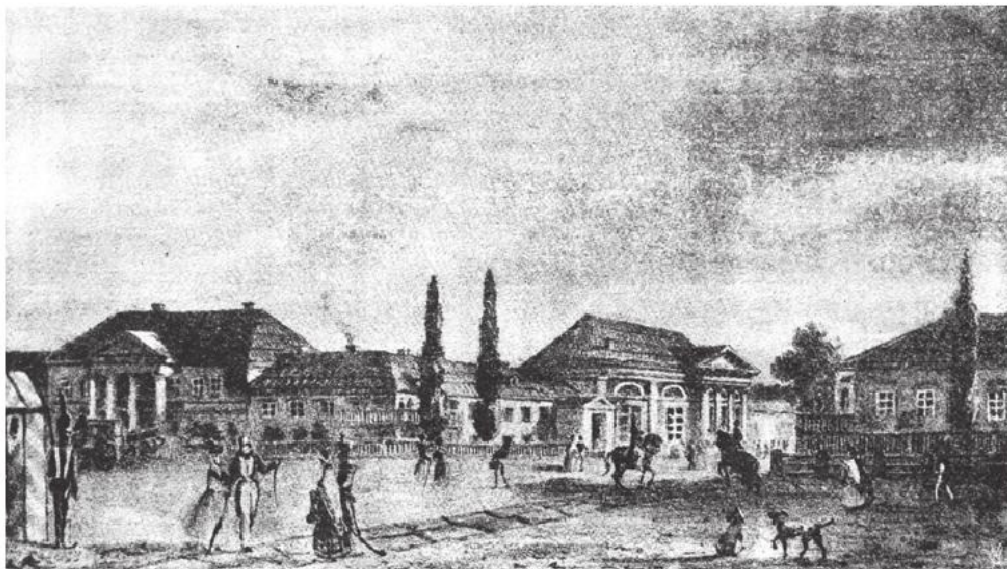

Вид раскопа у Оперного театра, 1995 г.

Слева направо: А. Добролюбский,
О. Губарь, В. Носырев

Эти туалеты — порождение одесского коммунального быта XIX–XX вв. — были во все времена существенным компонентом одесской бытовой культуры. Если взглянуть на них глазами археолога, то можно видеть — в процессе своего функционирования отхожие места накапливают множество выброшенных или потерянных там вещей (лучше всего сохраняются ключи, монеты или выброшенные обломки стеклянной и другой посуды) и превращаются со временем в богатейший и хорошо датированный археологический источник по истории бытовой культуры. Такой источник

вполне может быть исследован раскопочными приемами, как любой подобный археологический объект. Он представляет собой обычную яму, заполненную зеленоватым гумусированным грунтом — «копролитическим» (*coprolite* — *высохший или окаменевший помет*), который давно утратил свои первичные признаки органических остатков — цвет, запах и консистенцию. Для нас это — классическая «культурно-археологическая» модель. И если спроецировать такую модель в прошлое Одессы, то окажется, что и ранее мусор из одесских домов и дворов вывозился «парашными обозами» не весь и не регулярно, он, несомненно, скапливался в специальных

Одесса 1819 г. Дом Рено и домик Ришелье

дворовых отхожих ямах. В том числе и тех, близ которых неоднократно бывал Александр Сергеевич. Именно эти соображения легли в основу изобретенной нами «мусорологической» пушкинистики.

Прогностичность описанной туалетной модели для поиска мусора, к которому мог прикасаться великий поэт в 1820-е годы, нам представлялась довольно высокой и даже наглядной. Поэтому копать мы решили на том месте напротив Оперного театра, где некогда стоял дом барона Рено, в Клубной гостинице которого, как известно, квартировал Пушкин. Если судить по изображению дома на рисунке Жюста Гаюи, дом этот, несомненно, имел внутренний двор. Он и питал наши хрупкие, но смелые надежды. Именно там, по нашим предположениям, должны были находиться те самые гипотетические мусорники и отхожие места, которые посещали обитатели отеля, коммерческого казино и ресторации Отона. Ведь Пушкин туда наверняка ходил. Особенно возбуждал наше историко-литературное воображение предполагаемый состав мусора из ресторана и казино. Ведь их посетители, временами, неминуемо должны драться, буяннить, бить не только друг друга, но и бутылки, тарелки, прочую посуду, ломать мебель, терять деньги и т. п., в зависимости от своего состояния и темперамента. Это позволяло ожидать и соответствующий состав находок в искомых мусорниках —

обильный, разнообразный и хорошо датируемый. Шансы на то, что к этим изделиям мог прикасаться Пушкин и другие видные персонажи региональной истории, были очень высоки. Нам тоже хотелось подержать их в ладонях.

Опыт «мусороведческой» пушкинистики

С этими «научными» идеями мы обратились к городским властям. И они, с некоторым недоумением и даже с каким-то, обычно не свойственным им легкомыслием, дали нам разрешение временно «изгадить» прелестный городской пейзаж близ театра пыльным котлованом, окруженным кучами земли и всевозможного строительного мусора.

Чтобы власти не успели в этом раскаяться и передумать, мы немедленно начали копать и разбили раскоп около трех ветвистых «голубых елей». Это хорошо известная всем одесситам клумба, покрытая дерном, непосредственно примыкающая к Доске почета «Герои Советского Союза». Эта доска ныне украшает брандмауэр дома по ул. Ланжероновской, 9, вместе со статуей творчески озаренного рабочего (или инженера). Нам предстояло трудиться под его строгим и неусыпным наблюдением. Но мы продолжали мечтать лишь о помойках пушкинского времени и полагали, что имеются высокие шансы их обнаружить. Для этого мы стремились использовать достоинства избранного нами участка и расположить раскоп таким образом, чтобы он оказался непосредственно над бывшим двором бывшего дома Рено. Территория этого двора, как мы надеялись, должна была совпасть с территорией последующего двора более позднего и последнего на этом месте дома компании Беллино-Фендерих, разрушенного в 1941 году. Таким образом, у нас появлялись кое-какие шансы добраться до мусорных ям первой половины XIX века, не потревоженных позднейшим строительством.

Вначале все шло почти точно по плану. «Голубые ели» мы, естественно, беспокоить не стали (нельзя и незачем), а лишь разбили около них длинную траншею шириной в пять метров и бодро, вместе с детьми, школьниками, студентами и иными добровольцами врезались в зеленую травку. Она была посажена, как оказалась, на привозном черноземе, который мы в пределах траншеи изъяли довольно быстро. Его

слой был толщиной чуть более полуметра. Но и он сумел нас порадовать находками, документирующими отдельные бытовые эпизоды одесской жизни последних двух-трех десятилетий — мы нашли в нем несколько монет 1960–70-х гг., перочинный нож (цена 2 р. 30 коп.), пластмассовую расческу (цена 18 коп.) и пр. А также захоронение маленькой собачки. Ее тельце неведомый скорбящий хозяин завернул в тряпочку и закопал под елкой, видимо, тайно и ночью. Это произошло лишь несколько лет назад. Удостоверившись в сем прискорбном факте, мы, поохав, перезахоронили рядом с раскопом потревоженные кости усопшей.

История нашей клумбы стала разворачиваться перед нами как бы в обратном хронологическом порядке — подобно киноленте, запущенной с конца: от современности вглубь десятилетий. Пришлось читать книгу «с конца». Сняв черноземный слой, насыпанный на рубеже 1960–70-х гг. после реставрации Оперного театра, мы попали в середину нынешнего столетия. Об этом свидетельствовали датировки наших находок и очевидцы — впрочем, мы и сами еще могли об этом помнить. Но того, что было здесь ранее, мы помнить уже не могли. Чернозем перекрывал слой строительного мусора мощностью до 40 см. Этот слой содержал множество фрагментов силикатизированного грунта и стеклянного литья. Очевидцы утверждали, что здесь был тот самый заводик, который производил жидкое стекло для силикатизации грунта под оседающим Оперным театром. Наверное, так оно и было. Мусор лежал на ровной асфальтовой поверхности, которая местами была прорезана линзами другого чернозема — видимо, остатками прежних газонов. На погребенном асфальте лежала разбитая балясина декоративного фонаря, освещавшего эти газоны в 1950–60-х годах.

Все это было крайне любопытно — но раскопки мы затеяли вовсе не для того, чтобы инспектировать собственную память. Поэтому асфальтовую площадку пришлось «срезать» и копать глубже. А глубже нас ожидал новый мощный слой слежавшегося и очень плотного строительного мусора, который, видимо, был нам послан как испытание на упорство и целеустремленность. Цель тогда казалась уже достаточно близкой: мы надеялись, что, прорезав этот слой, попадем прямо во двор дома Рено. И потому увлеченно рвались вниз, фанатично продираясь сквозь завалы известнякового крошева вперемешку с цементными и каменными блока-

ми. Копать это и нелегко, и немного обидно, особенно под издевки некоторых наших «коллег». Ведь мы почти наверняка знали происхождение слоя — остатков стоявшего здесь до 1941 года дома. Было известно, что он — последний на месте нашего раскопа. Это был торговый и жилой трехэтажный дом, построенный компанией Беллино-Фендерих (тогда уже Беллино-Коммерель) в середине 70-х гг. позапрошлого столетия. В 1930-х гг. здесь размещалось отделение Госбанка СССР. Летом 1941 года в это здание попала немецкая авиабомба, оно разрушилось, но его внешние стены стояли на протяжении 1940-х годов. Затем стены разобрали немецкие военнопленные — это хорошо видно на редких фотографиях того времени, сохранившихся в коллекции известного одесского краеведа С. З. Лущика.

Все это мы знали заранее, это же подтверждали находки — едва ли не полная бытовая атрибутика жилого дома второй половины XIX — первой половины XX вв.: монеты, посуда, парфюмерные и аптечные флаконы, статуэтки, мебельная фурнитура, а также обломки сантехнических изделий, облицовочной и печной плитки, клейменной черепицы, лестничной и электрической арматуры и т. п. Толщина этого слоя была более метра — он образовался из разваленных внешних стен, которые затем были выровнены под асфальтовую площадку 1950–60-х гг. Под ним была стерильная прослойка с напльвами глины — свидетельство того, что некоторое время дом стоял разрушенным, т. е. в 1940-х гг., после попадания авиабомбы.

Слой же разрушений от самой бомбы располагался под стерильной прослойкой и напльвами глины. Он, в свою очередь, лежал на другой прослойке — катастрофического пожара. Этот пожар перекрывал вымостку двора из лавового камня и ливневый коллектор с колодцем-отстойником. Было ясно, что это тот самый пожар, который был вызван бомбежкой, при которой часть дома рухнула во двор. Стало также ясно, что, героически прорвавшись сквозь мощный слой мусора на глубину более 2-х метров, мы попали не в столь уж отдаленную от нас эпоху — в жаркое лето 1941 г., во времена куда более героической обороны Одессы. Но до мусорников реставрации Отона оставалось еще более столетия.

Впрочем, в археологическом отношении это не было невезением — ведь пожар «законсервировал» момент разрушения. Мы обнаружили своеобразные «одесские Помпеи».

Аналогия с Помпеями усиливалась и тем, что при зачистке лавовой поверхности двора у ливневого коллектора мы обнаружили обгоревший скелет кошки. Видимо, несчастное животное мирно сидело во дворе и грелось на солнышке, когда бомба попала в дом. Оно погибло мгновенно под рухнувшими горящими обломками. Наверное, это была не самая ужасная трагедия времен обороны Одессы. Но мы все же огорчились и захоронили кошачьи останки на соседней клумбе-розарии, рядом с останками упомянутой собаки. Ведь смерть всех уравнивает и примиряет.

Наше огорчение в связи с перезахоронениями собачьих и кошачьих останков компенсировалось в какой-то мере тем, что мы, наконец-то, стали получать достоверную и хорошо датированную историко-археологическую информацию. Безусловно, радовало обнаружение поверхности двора. К сожалению, это еще не был двор дома Рено, но изучение его вымостки вдохновляло на дальнейший поиск. Лавовое покрытие было явно старше сталинской эпохи. Так называемая неаполитанская лава, из которой оно изготовлено, хорошо известна всем одесситам — она привозилась в наш город в качестве балласта на судах и издавна использовалась здесь едва ли не при любых строительных работах, чаще всего для мощения дворов и тротуаров. Такие вымостки и сегодня кое-где сохранились в старых одесских двориках.

Открытая нами вымостка неоднократно ремонтировалась, разбиралась (т. е. состояла как бы из нескольких разновозрастных вымосток), а ливневый коллектор был построен позднее нескольких ее ремонтов. Используя археологический научный жаргон, можно сказать, что коллектор был «впущен» в более раннюю вымостку в 1890-х гг. Об этом ясно свидетельствовали клейма бельгийской компании, обнаруженные на коллекторных трубах, которые датировали время построения первых одесских канализационных сооружений концом XIX века. Это же означало, что поверхность двора почти не изменялась со времени возведения дома Беллино-Фендерих в начале 1870-х годов и вплоть до 1941 года. Стало быть, она не нарушалась, и предшествующие ей остатки строений, связанные с домами Рено и Ланжерона, ожидают нас не потревоженными за последние 120 лет. Значит, мы все же сумеем добраться до вожделенных пушкинских помоек.

Действительно, рядом с коллектором, вровень с двором, мы зачистили лестницу, ведущую в какой-то подвал.

Эта лестница, как и поверхность двора, тоже неоднократно ремонтировалась. Если выразиться археологически, она состояла из нескольких строительных периодов. На просевшие мраморные ступени были доложены ряды обычных кирпичей, которые служили уже обновленными ступенями в более позднее время. Но изначально эта лестница, безусловно, была нарядной и роскошной, из великолепного и дорогого средиземноморского мрамора, т. е. она, в полном смысле слова, могла быть дворцовой. Трудно было себе представить, чтобы ступени, сделанные из такого прекрасного мрамора, были созданы лишь для того, чтобы спускаться по ним в какой-то подвал. Ясно, что мы столкнулись лишь с их вторичным использованием. А первоначально они должны были служить входом в богатый дом, возможно, дворец. И если это так, то единственным дворцовым сооружением на этом месте до 1870-х гг. был дворец графа Ланжерона, точнее, тот отличный дом, который Ланжерон арендовал в 1810 – начале 1820-х гг. у того же барона Рено, превратив его в свою губернаторскую резиденцию. В таком случае, по этим ступеням следовало вовсе не спускаться в подвал — напротив, они были изначально построены для того, чтобы по ним подниматься на флигельное крыльцо именно этого дворца. Это же означало, что мы пока нашли всего лишь поверхность этого крыльца, которая впоследствии была использована как часть двора дома Беллино-Фендерих.

А если это было так (т. е. мы находились на верхней площадке крыльца дворца Ланжерона), то не было никакого смысла вскрывать его лавовое покрытие — ведь нам продолжала оставаться нужной поверхность двора, с которой граф Александр Федорович и его именитые гости — государь Александр I, граф Каподистрия, возможно, даже Сам А. С. Пушкин и др. могли подняться на крыльцо и зайти в дом. Впрочем, вряд ли они это делали именно со стороны двора, но для наших задач это особого значения уже не имело — нужно было искать, куда ведут ступени. А шли они, как выяснилось, в более поздний подвал дома Беллино-Фендерих, строительство которого, как становилось уже совершенно ясным, уничтожило былую поверхность двора при дворце. А вместе с ней и возможные мусорники того времени. Получалось, что поиски именно этих мусорников становились бесплодными: их уже точно на нашем участке не найти.

С этого момента мы перестали строить планы: ситуация на раскопе сама указывала, что следует дальше делать. Оста-

валось только углублять раскоп на тех участках, которые это позволяли, т. е. в месте предполагаемого подвала. Для этого пришлось сделать прирезку у того борта раскопа, под который уходили мраморные ступени. А шли они действительно в самый настоящий подвал, забитый тем же самым строительным мусором, который образовался после разрушения дома Беллино-Фендерих. Сразу же обнаружилось, что подвальное перекрытие не выдержало взрыва и рухнуло под тяжестью обрушившихся верхних стен. Поэтому нам оставалось лишь полностью выбирать заполнение этого подвала, которое состояло из каменных блоков и плит от стен и перекрытий — как выяснилось, на глубину более 7 метров от современной поверхности клумбы.

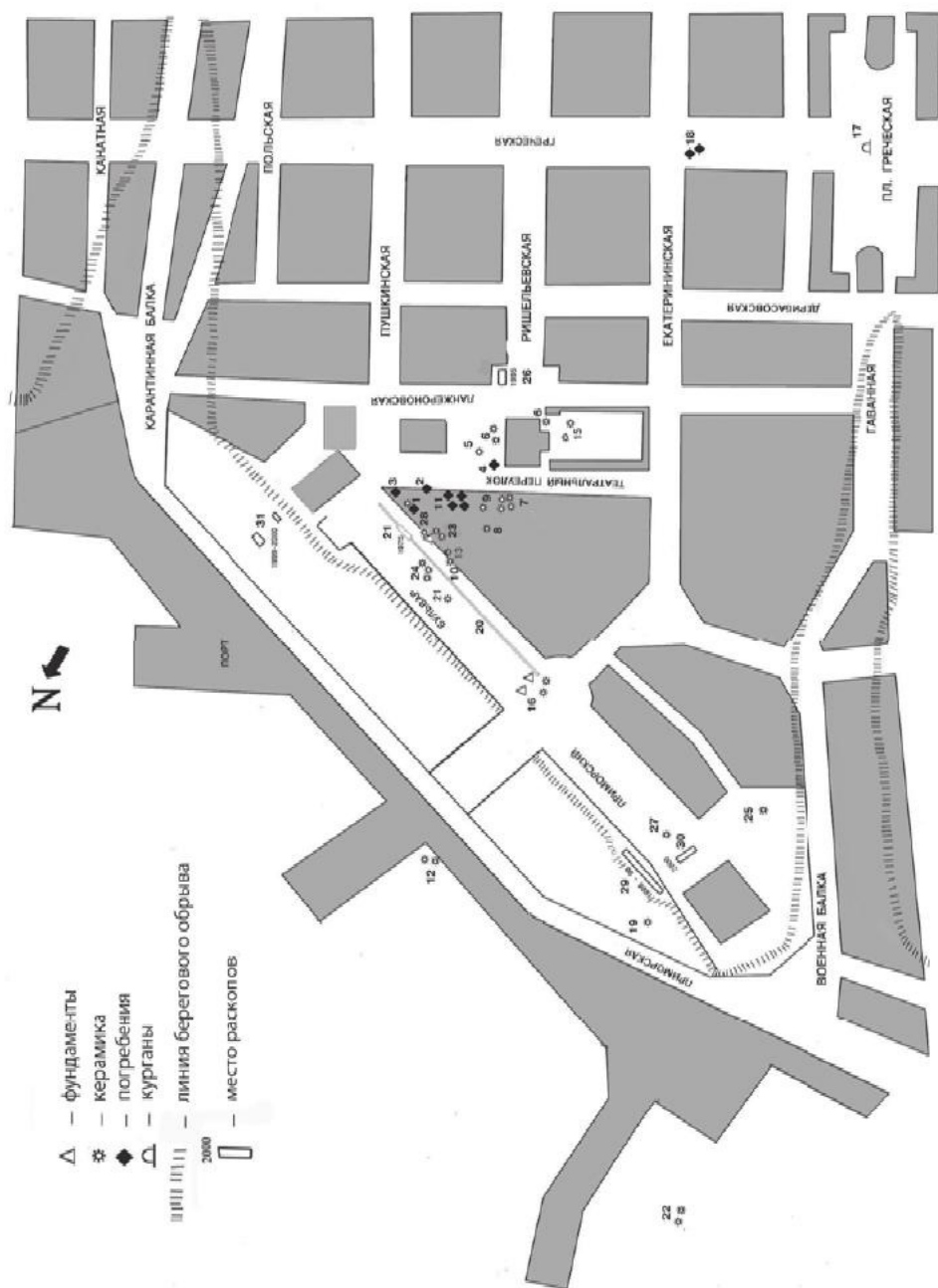
Выяснилось также и то, что стены подвала были построены в несколько приемов. Верхняя их часть была сложена известняковыми квадрами фасона после 1830 г., а нижняя — до 1830 г. Граница между этими частями совпадает с прослеживаемыми в стенах остатками лестницы из такой же «неаполитанской лавы», которой была выложена площадка дворцового крыльца и мраморных лестничных маршей. Это означало, что мы открыли остатки лестничных ступеней и маршей, которые вели на эту площадку, увенчиваясь упомянутыми мраморными ступенями. Стало ясно, что после 1830 г. это крыльцо было застроено, превращено в стенку другого дома, который здесь был возведен после разрушения дворца. Получалось, что таким домом, скорее всего, мог быть лишь вождеденный нами Клубный дом Рено. Лишь после его разрушения раскапываемое нами помещение могло быть превращено в подвал самого позднего дома Беллино-Фендерих, в который уже в 1941 г. рухнуло выбираемое нами его руинное заполнение.

Итак, последовательность строительных действий на нашем участке вырисовывалась следующая: сначала строители «дворца Ланжерона» построили крыльцо и лестницу с лавовыми маршами, вход на которую оказывался приблизительно на 6 метров ниже современной поверхности клумбы. Затем, после 1830 года, это крыльцо было застроено и превращено в стену более позднего строения дома Рено. И лишь при строительстве дома Беллино-Фендерих эта стена стала подвальной, причем мраморные ступени верхней части дворца были использованы, но уже для спуска в этот подвал.

Дно самого подвала представляло собой слой утрамбованной глины. На нем были найдены несколько монет «ланжероновского периода» — четыре двухкопеечные монеты 1815–1821 гг. Это уже точно означало, что мы зачищаем подвальный пол дома Рено. Нам удалось зачистить также три подвальные стенки в довольно узком шурфе. Одна из стен, более поздняя, стояла непосредственно на этом дне, а две другие имели фундаменты. Эти фундаменты оказались еще более ранними, по сравнению со стенами, которые они держали, и представляли собой шестиступенчатые многоярусные кирпичные «подушки»-отмостки, уложенные в специальные закладные траншеи, вырытые в материке, а затем засыпанные. Таким образом, стало очевидным, что мы наконец-то добрались до фундаментов самого первого дома, построенного на этом участке. Уровень земли, с которого началось его строительство, располагался глубже современной поверхности на 7 метров. Этому уровню соответствовала верхняя часть (последняя ступень) «подушек»-отмосток. Он хорошо датировался найденной здесь монетой — 2 копейки 1798 г. с вензелем Павла I.

Именно с этого уровня и были в свое время вырыты закладные траншеи под первый одесский дом. Заполнение этих траншей, перекрытое слоем утрамбованной глины дна подвала, оказалось иным, по сравнению с заполнением самого подвала. Это естественно, поскольку они были вырыты на «пустопорожном» месте, в голой степи и засыпались поэтому иным грунтом, который совершенно не содержал никакого строительного мусора. Этот грунт представлял собой лишь смесь чернозема и глины, обычную для нашей степной местности. Иными словами, в степи были вырыты траншеи, заложены кирпичные фундаменты, а затем засыпаны изъятый из этих же траншей землей.

Так мы докопались до времени основания Одессы. Строго говоря, это и являлось нашей сугубо археологической задачей. В научном отношении она сводилась к тому, что мы получили возможность дать стратиграфическую диагностику раскапываемого участка и установить последовательность и характер залегания культурных напластований, выяснить состав каждого слоя и причины его образования. Исторически же это означает изучение последовательности любой жизнедеятельности. Что мы и сделали. Мусорных ям отеля Рено и ресторана Отона мы не нашли.

План центральной части Одессы с обозначением местонахождений античного времени

Несомненно было, что мы получили неплохой, но, в общем-то, обычный археологический результат. Стоил ли он затраченных на него сил, нервов и энтузиазма? С одной стороны, мы добыли впечатляющее количество предметов материальной культуры Одессы конца XVIII – первой половины XX веков, которые представляют несомненную коллекционную и музейную ценность. С другой же стороны, история домостроительства на нашем участке в общих чертах и так была нам известна. Она вполне могла быть воссоздана и детализирована без раскопок, при работе, например, с архивом Одесского строительного комитета и другими первоисточниками. Равным образом, было заведомо совершенно ясно, что какой-нибудь из раскапываемых нами домов окажется здесь первым, самым ранним. Мало того, мы даже знали, какой именно. Это был дом князя Григория Семеновича Волконского. Князь начал его строить в 1794 году. Изображений этого дома как будто не сохранилось. Известно лишь, что дом был одноэтажный, занимал весь квартал по нынешней Ришельевской улице между Дерибасовской и Ланжероновской. В 1806 году этот дом вместе с участком у князя откупил барон Жан Рено и частично, а затем и значительно его перестроил. Об остальном уже сказано.

И все же, когда мы добрались до времени основания Одессы, нас ожидало то, чего мы заведомо никак знать не могли. Уже упоминалось, что заполнение в траншеях, прилежавшее к кирпичным фундаментам, существенно отличалось от заполнения располагавшегося над ними подвала. Помимо смеси глины и чернозема оно содержало обломки чернолаковой посуды античного времени — V–IV вв. до н. э. Эти обломки отчасти встречались нами и выше; здесь же, на ограниченном участке, открытом нами в маленьком шурфе, их было куда больше. Казалось почти очевидным, что первые строители Одессы начали ее возводить прямо на культурном слое античного времени, который они и потревожили своими первыми траншеями. Значит, они не могли не видеть эти обломки. СМИ в нарождающейся Одессе еще не было, впрочем, как и профессиональных археологов, музейных работников, архивистов и т. п. Находки не могли быть научно зафиксированы, но слух о них, вероятно, пошел.

Как бы там ни было, мусора, который бы остался непосредственно от Александра Сергеевича, отыскать, увы, не удалось. Этот пушкинистический опыт не удался. Зато мы

обнаружили следы ритуала — археологические остатки возлияния в честь основания Одессы [Добролюбский, 2002: 25–30]. находка материальных свидетельств ритуала закладки города самим Иосифом де Рибасом — это невероятное везение. Это даже больше, чем везение, — это улыбка Судьбы. А она не так часто улыбается дважды и подряд. Поэтому нельзя было жадничать, и мы немедленно прекратили копать.

Раскоп давно законсервирован и засыпан. Здесь снова растут цветы. Зато теперь стало известно, что в культурном слое Одессы в месте раскопок содержатся обломки чернолаковой древнегреческой посуды, которая достаточно определенно датировалась V–III веками до н. э. Это было удивительно и неожиданно. Мы совершенно не поняли тогда, что Судьба улыбается нам снова.

Чернолаковая улыбка Судьбы

Впрочем, чернолаковым находкам мы поначалу не поверили. Они были «слишком» античными, а мы — люди опытные и искушенные. И сначала решили, что нам эти обломки подсунули. Такие шутки достаточно распространены в археологической среде и, несмотря на неоригинальность, считаются едва ли не самыми остроумными и даже изысканными. Их цель — представить своего коллегу-раскопщика безграмотным идиотом. Для этого всего лишь нужно тайно подложить какую-либо вещь или фрагмент в слой, который будет обрабатываться раскопщиками в ближайшее время. Любой сколько-нибудь археологически осведомленный человек может это сделать, порой — незаметно и профессионально. По идее, мы должны были найти эти подкидыши, убедиться в их подлинности, обрадоваться, как

Краснофигурный сосуд
(Приморский бульвар).
IV – нач. III вв. до н. э.

Античная керамика из раскопок у Оперного театра

дети, и широко раструбить об этом замечательном открытии. А шутники могут злорадно потирать руки в предвкушении публичного разоблачения нашего махрового невежества.

В нашем случае подкладывание обломков античной посуды могло показаться многим вполне заманчивым. Но мы очень не хотели оказаться в дурацком положении, тем более, что едва ли не наперечет знали наших недоброжелателей. И даже обсуждали кандидатуры вероятных шутников. К тому же, самих обломков оказалось не так уж много — в общей сложности около двух десятков фрагментов. Зато были они очень выразительны и красивы: доньшки чернолаковых киликов (плоских чаш для питья на ножке и с двумя ручками. — А. Д.), розетка от светильника с изящной пальметкой, фрагменты краснофигурных стенок. Известно, что чернолаковая посуда в греческом мире была предметом роскоши. И вероятность ее обнаружения в многократно перелопаченном и переотложенном слое XIX—XX вв. была ничтожна. Это обстоятельство усиливало нашу подозрительность. Ведь если бы мы действительно натолкнулись на остатки культурного античного слоя, то скорее бы следовало ожидать так называ-

емый массовый материал — обломки амфор, лепных сосудов и т. п. А их не было. Поэтому мы решили, что подлог вполне вероятен, и не спешили радоваться этим фрагментам как чему-то особенному и интересному.

С другой стороны, очень хотелось поверить, что находки окажутся подлинными: они были разнообразны и не единичны. Тем более, мы знали, что не так уж далеко от места раскопа, на Приморском бульваре, еще в XIX в. были обнаружены первые античные изделия на территории Одессы. Они связывались с существованием здесь так называемой Гавани Истриан, которая отмечена в описании нашего побережья Флавием Аррианом, римским военачальником, губернатором провинции Каппадокия, известным историком, писателем и путешественником, автором книги «Поход Александра», в которой он описывает путь Александра Македонского в Индию. Важное место в наследии Арриана занимает «Перипл Понта Эвксинского». Слово «перипл» означает «объезд по морю, плавание вокруг». Арриан описал такой «объезд» в 134 г. н. э., при котором привел все известные ему географические сведения о прибрежных населенных пунктах. В районе нынешней Лузановки, у Жеваховой горы, им отмечен и другой поселок, который многие антиковеды [Карышковский, Клейман, 1985; Агбунов, 1987 и др.] связывают с Гаванью Исиаков (исиаки, или асиаки — скифское (сарматское?) племя, населявшее окрестности нынешнего Тилигула-Исиака (Асиака)). Там также известно небольшое античное поселение, которое изучалось одесским археологом Э. И. Дьямантом. Оно датируется IV—III вв. до н. э.

Четверть века тому назад Эммануил Израилевич попытался найти и культурный слой самой Гавани Истриан, которая локализуется теми же исследователями на Приморском бульваре. Он заложил небольшой шурф

*Краснофигурная ваза
(Театральный переулок).
Сцена омовения у лутерия*

близ гостиницы «Лондонская». Находки в шурфе подтвердили существование на этом месте в V—III вв. до н. э. небольшого античного поселка, что не противоречило сведениям Арриана и всем иным имеющимся данным.

Обнаружение в нашем раскопе обломков роскошной посуды того времени казалось странным: такая посуда могла содержаться лишь в напластованиях крупного и богатого города. Именно поэтому мы с самого начала были почти уверены, что нам эти обломки подбросили. Они никак не вписывались в сложившиеся представления о Гавани Истриан как о небольшом, заштатном поселке. И, естественно, они никак не могли сохраниться в столь многократно перекопанном слое. Да и было их слишком мало, чтобы о чем-то говорить.

Но, просматривая разбросанные по различным изданиям сведения о находках античного времени на территории Одессы, мы все более удивлялись их многочисленности, давности и очевидности. Сведения о них появляются уже с конца XVIII в. Позднее, в 1820—30-х гг., об этом писали И. П. Бларамберг и И. А. Стемповский — основатели Одесского музея древностей. Помимо научных трудов, сообщения об этих находках публиковались и в одесских газетах на протяжении едва ли не всего XIX в. И если нанести эти местонахождения на современный план Одессы, то окажется, что они почти повсеместны на участке между Военной и Карантинной балками, от моря вплоть до улицы Греческой. Причем отмеченные находки едва ли не уникальны — это фрагменты дорогой чернолаковой и краснофигурной посуды. Особенно выделяется район нынешнего Театрального переулка и Оперного театра. Здесь в 1826—31 гг. при строительстве домов Делявоза и архитектора Боффо было обнаружено несколько древних захоронений, с медными и бронзовыми украшениями, амфоры с клеймами, целые чернолаковые и расписные сосуды. На них изображены прелестные умывающиеся женщины. В районе Греческой площади И. А. Стемповским упоминаются и срытые при постройке домов курганы. Дорогие сосуды были найдены и недалеко от Театральной площади, в саду Мари.

Очевидно, есть смысл представить здесь читателю перечень и локализацию хотя бы основных находок с тем, дабы разделить с автором его радостное удивление и убедиться в том, что «...окрестности нашего театра и нового бульвара составляют истинно классическую часть Одессы. Всякий раз, когда там роют землю, находят новые остатки греческих древностей» [«Одесский вестник», 1827 г.].

«Истинно классическая часть Одессы» *

№ 1. «...20 марта 1823 г. один из работников, копавший ров во дворе дома Телесницкого (Приморский бульвар, возле гостиницы «Лондонская»), на глубине 1,4 м обнаружил погребение с остатками человеческого скелета. Кости были «прикрытые необделанными камнями в беспорядке положенными». В погребении была обнаружена чернолаковая чаша с двумя ручками, «относимая к числу сосудов для возлияний», а также куски угля и орехи. Возле нее, с левой стороны, лежал глиняный сосуд, который тут же разбил рабочий. Сосуд представляет собой краснофигурную пелику (*расширяющийся книзу сосуд с двумя вертикальными ручками. — А. Д.*) вытянутых пропорций и высотой 0,18 м. Высокая шейка с перехватом венчается широким растрескиванием. Ободок горла низкий, вертикальный. Ручки округлены и слегка прогнуты. Тулово, раздутое в средней части, сужается к низу, подставка плоская, профилированная в виде валика. На лицевой стороне большая женская голова, вправо и на уровне с ней протома (*бюст. — А. Д.*) грифона. Голова и лицо амазонки занимают большую часть рисунка. Лицо и шея покрыты белой облицовкой, волосы выделены темными полосками. Голова грифа небольшая, с округло выступающей лобной частью. Клюв короткий. Длинная шея постепенно расширяется книзу. Справа по шее широкий гребень с зубцами. Спереди на шее дуговидные линии. Крыло отделено от шеи двумя тонкими полосками с точками между ними. По краю вверху и внизу рисунка, а также по краям ободка из орнаментов. На оборотной стороне две фигуры в гиматиях (*himation — плащ*).

Правая фигура с поднятой к груди рукой; между фигурами помещен кружок. Данный сосуд является поздней боспорской пеликой и датируется концом IV — началом III в. до н. э.» [Стемпковский, 1826: 160].

№ 2. «В конце 1826 г., при земляных работах в саду дома г-на Сен-При (пер. Театральный), было обнаружено погребение. Рядом с костяком лежала краснофигурная пелика. «Ваза сия была вся в кусках, коих сыскано 130 штук, и, вероятно, была разбита еще прежде чем была положена в

* Номера по списку соотнесены с планом (см. с. 30).

гробницу, ибо некоторые куски были скреплены свинцовыми скобами» [Стемпковский, 1827: 442].

Сосуд имеет несколько приземистые формы. Короткое горло, плавно закругляющееся к тулову, оканчивается прямым нависающим венчиком с пояском по краям. Раструб горла широкий (диаметр 0,12 м). Ручки, округло согнутые в верхней части, с четким вертикальным ребром на внешней стороне, начинаются прямо под венчиком. Тулово раздуто и расширяется к основанию. Подставка низкая, простая, в виде диска. Венчик с чередующимися точками орнаментирован овалами, нанесенными по оставленному в цвете глины полю. На ручках, в основании их, большие пальметты с волютами.

На лицевой части, в центре рисунка изображен лутерий (*глиняный таз для умывания. — А. Д.*) на высокой ножке с широкой подставкой. По обе стороны лутерия четыре стоящие обнаженные женские фигуры. Крайняя слева фигура изображена в профиль вправо. На женщине тонкий длинный хитон, спущенный с плеч ниже пояса. Верхняя часть тела обнажена. Женщина, чуть наклоняясь, отжимает свисающие с головы почти до колен волосы. По левую сторону лутерия обнаженная женская фигура в профиль вправо (голова и шея не сохранились). Женщина грудью опирается на край лутерия. Правая рука по локоть опущена в воду, левая, согнутая в локте, приподнята над сосудом ладонью вверх. По правую сторону лутерия обнаженная женская фигура в фас (лицо и правая рука не сохранились). Длинные распущенные волосы свободно спадают на плечи и грудь. Сохранилась верхняя часть головы в верхней прическе. Крайняя правая обнаженная женская фигура изображена в профиль влево (шея, лицо и голова не сохранились). Правая рука поднята над головой кистью вправо ладонью вниз. В левой руке, согнутой в локте и протянутой поперек туловища, продолговатый, с загнутым острием вверх, предмет. В центре рисунка над лутерием подвешена обувь. Внизу, по левую сторону лутерия, у ног изображенной в профиль, опирающейся на сосуд обнаженной женской фигуры, плющевая ветвь. По правую сторону лутерия ветка с листьями лотоса. С обратной стороны пелики изображены три мужские фигуры, закутанные в длинные плащи (от правой фигуры, обращенной в профиль влево, сохранились только голова и ступни ног). Прически мужчин покрыты сплошным лаком. Пелика выставлена в экспозиции Одесского археологического музея. Сосуд датируется третьей четвертью V в. до н. э.

Вместе с пеликой был найден небольшой краснофигурный сосуд «с одною ручкою и узким горлом. На нем видно несколько стертое изображение крылатого гения или Амура, присевшего к земле и держащего в руках открытый ящичек. У греков и римлян подобные ящички назывались пиксис и принадлежали к таинственным обрядам, в которых хранились различные украшения для свадеб и других таинств. Все его части склеены и принадлежат графу Василию Викторовичу Кочубею» [Стемпковский, 1827: 442].

№ 3. В 1826 г. во дворе дома Делявоза (переулок Театральный, угол Приморского бульвара) при земляных работах обнаружена «древняя могила, как и прочие, обложенная простым известняковым камнем». В погребении рядом с костяком «обнаружен сосуд из простой глины, грубой работы, с горлом сбоку и одною ручкою. Он, вероятно, служил вместо лампы» [Стемпковский, 1827: 454].

Из погребения также извлекли чернофигурную вазу с узеньким горлом и одною ручкою. «На левой стороне вазы изображена женщина, сидящая на складном стуле, похожем на римские курительные кресла», — пишет И. А. Стемпковский. На голову женщины наброшено покрывало, закинутае назад, под ним заметна диадема, под ногами стоит скамья. В одной руке она держит перед собой предмет, который И. П. Бларамберг считает гадальным зеркалом. Перед женщиной, с правой стороны, лежит старец с длинной бородой, обернутый в широкую мантию. На его голове, обращенной в противоположную сторону, находится шапка (пелидан), используемая моряками. Над фигурами видны гирлянды цветов или плодов. Бларамберг полагает, что «сидящую женщину можно принять за Пенелопу, спрашивающую о судьбе Улисса посредством катоптрomanтии или гадания через зеркало, а лежащего старца за Лаэрта, отца Улисса. В этом случае гирлянды могут означать сады и виноградники Улисса, о которых в его отсутствие попечительствовал Лаэрт. Лаэрт участвовал в походах аргонавтов, следовательно, шапка переходная. Гирлянды также представлены на многих вазах, изображающих театральные действия. Возможно, рисунок на данной вазе — это театральный сюжет из какой либо трагедии античных поэтов о Лаэрте и Пенелопе. Возможно, ваза сделана в Ольвии, коей жители, как известно, имели особенное почтение к Омиру, певцу Ахиллеса и Улисса». Находки переданы Одесскому музею древностей [там же: 456].

№ 4. «В июне 1826 г., при рытье канавы близ дома графа Сен-При (дом находится в переулке Театральном, рядом с домом Телесницкого) обнаружено захоронение с двумя скелетами. Близ них найдены две большие амфоры. Костяк был прикрыт большими неотесанными камнями» [Отечественные записки, ч. 28: 142].

№ 5. «При рытье рва близ Оперного театра был найден сосуд, видимо подобный тому, что извлечен из погребения во дворе дома Делявоза — небольшой, с горлом и одной ручкою. И. П. Бларамберг причисляет его к роду, называвшемуся у древних *infundibulum*. Там же найден небольшой чернофигурный килик. Фигуры грубо изображены и представляют собой какой-то комический сюжет. Рисунок сильно испорчен. Бларамберг считает этот род сосудов очень редким, а потому любопытным» [Стемшковский, 1827: 440–455].

№ 6. «В разных местах вокруг театра найдено несколько обломков разных ваз с украшениями. На одном из них изображены листья и цветы, изображение вышукло» [Стемшковский, 1827: 455].

№ 7. Также в 1826 г. в саду дома Сен-При отмечена находка чернолаковой чаши с двумя ручками, «предназначенной для возлияний». Там же найдены «обломки остродонных амфор и два амфорных горла с клеймами АΨΟΓΟ θ ΟΝΑΣΟ. Сосуды переданы Одесскому музею древностей» [Стемшковский, 1827: 453].

№ 8. При рытье котлована под строительство дома Сен-При выявлен культурный слой античной эпохи. В частности были обнаружены обломки амфор [Стемшковский, 1826: 160].

№ 9. В 1826 г. в саду г-на Сен-При выкопаны фрагменты расписной вазы [ЗООИД, 1894: 86].

№ 10. При рытье погреба во дворе дома князя П. Лопухина найдена целая большая амфора с двумя ручками и остроконечным дном. Рабочие, копавшие погреб, долго использовали ее для хранения воды, пока она не разбилась. Черепки отчасти были собраны И. П. Бларамбергом [Стемшковский, 1826: 12].

№ 11. В 1827 г., при рытье котлована для магазина возле дома архитектора Боффо (переулок Театральный, № 8) были обнаружены четыре могилы. Из погребений извлекли: красноглиняную амфору, чернолаковую чашку с двумя ручками, сохранившуюся весьма неплохо; еще одну подобную, но разбитую, горло амфоры с клеймом ΑΡΙΣΤΗΡΟΣ

(Аристипп), написанным на двух строках справа налево [Одесский вестник, 1827]. По клейму захоронение датируется рубежом V–IV вв. до н. э.

№ 12. «При работах, производящихся теперь в нашей гавани внизу Приморского бульвара г-ном Фан-дер-Флисом, искусным гидротектом, найдена почти неповрежденная амфора и часть глиняного сосуда того же рода, сделанного из грубой глины. Имена горшечника, начертанные близ горлышка амфоры, много пострадали: их нельзя ни разобрать, ни восстановить в прежнем виде». И. Бларамберг [Одесский вестник, 1831].

№ 13. «В доме Лопухина найдено несколько мраморных осколков и чаша» [ЖМНП, 1850: 82–83].

№ 14. «Во дворе дома Кочубея (Театральный переулок?) найдена чернолаковая кружка с двумя ушками» [ЖМНП, 1850: 82–83].

№ 15. В сквере Пале-Рояль обнаружены амфорные осколки с клеймами [Отечественные записки, ч. 26: 263].

№ 16. «Близ статуи герцога Ришелье найдены основания зданий и две греческие амфоры с костями» [там же: 82].

«На пространстве от памятника Ришелье до Карантинной балки вдоль бульвара я заметил следы фундаментов из твердого камня, какового в окрестностях Одессы не встречается, но здания, к коим принадлежали эти фундаменты, возможно, были турецкими. Ведь здесь стояла крепость Хаджибей».

«Обломками еще недавно была усеяна часть пространства Нового бульвара. Древние обломки тут начали находить с тех пор, как стали строить дома и садить деревья по бульвару».

И. П. Бларамберг пишет, что в районе Театральной площади обломки античных сосудов находили еще в 1813 г. [Стемшковский, 1826: 2].

№ 17. «Одесские старожилы помнят, что в окрестностях было несколько курганов, и один такой, довольно высокий, был срыт в 1803 г. при постройке домов нынешнего Греческого рынка» [Стемшковский, 1826: 2].

«Вот некоторые подробности, — пишет Стемшковский, — о месте при крепости Коджибей, сообщаемые нам одним французским путешественником, бывавшим здесь незадолго до взятия крепости русскими войсками: “Вся земля окрестная — есть плоская равнина, на коей, по местам,

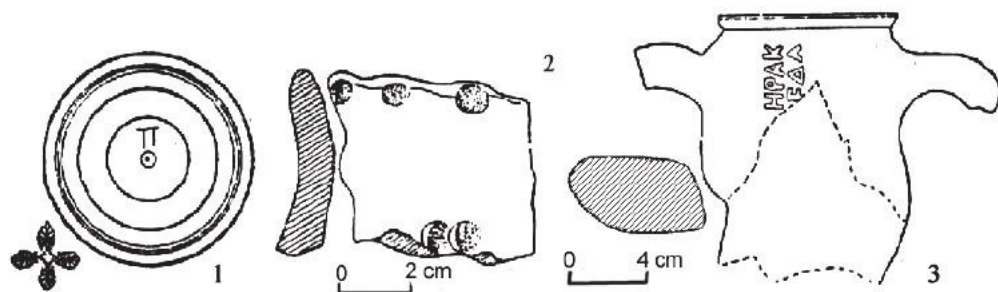
несколько курганов, означающие древние могилы подобно тем, кои видны на равнине древней Трои». Имя путешественника Ле Шевалье» [Отечественные записки, ч. 26: 362].

№ 18. Одесский коллекционер Петридис сообщает, ссылаясь на старожила И. Соловьева, с которым ему довелось разговаривать еще в 1950-е годы, что в районе нынешних ул. Греческой и Екатерининской, во время прокладки первой трамвайной линии маршрута № 23, в 1910 г., были найдены древнегреческие погребения [Константинов, Незнахин, 1992: 6–7].

№ 19. «В 1937 г. в нижнем саду Воронцовского дворца велись раскопки турецких водоемов под руководством инженера-строителя Л. Дудакова. Кроме предметов, относящихся ко второй половине XVIII в. (турецкие трубки, старинные орнаменты и т. д.), найдена разбитая древнегреческая амфора и остатки костей» [«Известия», 8.08.1937].

№ 20. В апреле 1967 г., на Приморском бульваре, от памятника Пушкину до памятника Дюку де Ришелье была вырыта строительная траншея. Ее зачистку произвели сотрудники Одесского археологического музея. На глубине около 1,5 м были выявлены культурные напластования, насыщенные керамикой конца V – начала III вв. до н. э. Слой прерывался за двадцать метров до памятника Дюку. Большое количество керамических остатков принадлежит продукции Гераклеи Понтийской. Найдены горловина гераклеийской амфоры с двустрочным энглифическим клеймом (HPAKΛEIDA; первая четверть IV в. до н. э.) и фрагменты такого же клейма на шейках гераклеийских амфор. Встречаются обломки амфор с колпачкообразной ножкой, значительно меньше керамической тары Фасоса и других центров. Найдена также чернолаковая керамика IV в. до н. э., лепная и столовая посуда. Помимо этого были обнаружены обломки античной черепицы и глиняного пода печи. «Это говорит о том, что в поселении были каменные здания, крытые черепицей с глиняными очагами» [Станчев, 1967].

№ 21. В контексте изучения описанной траншеи Э. И. Диамант заложил шурф напротив гостиницы «Лондонская», в котором также оказались материалы V–III вв. до н. э. Найдены обломки амфор Фасоса, Синопы и амфор типа Солоха I. Третьей четвертью V в. до н. э. датируется доньшко чернолакового килика с граффиито в виде ◉ и буквы л. Лепная керамика местного производства представлена, в

Обломки амфор

основном, фрагментами сосудов, украшенных пальцевыми вдавлениями [Диамант, 1976: 204–211].

№ 22. На дне Одесского залива, в Хлебной гавани, обнаружено два экземпляра керамической тары Херсонеса IV–III вв. до н. э., а также одна средневековая амфора [Охотников, Пасхина, 1984: 100].

№ 23. В середине 1980-х гг. в ходе строительных работ напротив ворот гостиницы «Лондонская», на аллее Приморского бульвара, на глубине 1,5 м, был открыт угол каменного здания античного времени. Остатки сооружения исследованы сотрудниками Одесского археологического музея В. Г. Петренко и И. В. Бруяко. Найдены фрагменты керамики, зернотерка, кости домашних животных. Высота кладки вместе с фундаментом составляла 0,6 м. Угол здания был направлен на северо-запад.

№ 24. В 1995 г. напротив гостиницы «Лондонская» Андрей Красножон при визуальном осмотре газонов бульвара нашел несколько обломков гераклеийских амфор IV в. до н. э. и поддон чернолакового канфара (*сосуд для питья в виде чаши с поднятыми ручками.* — А. Д.).

№ 25. В том же году, также при осмотре газонов, нами были найдены фрагменты столовой керамики античного времени у бывших конюшен дворца Воронцова.

№ 26. Оперный театр (раскопки 1995 г.). Как уже говорилось, в скверике на углу улиц Ришельевской и Ланжероновской автор этих строк со товарищи руководил раскопками домов князя Волконского, графа Ланжерона и барона Рено (конец XVIII – первая половина XIX в.). В ходе работ в семиметровой толще строительного мусора XVIII–XX вв. было найдено около двух десятков фрагментов античной керамики: фрагменты чернолаковых сосудов (киликов и солонки) V в. до н. э., лепная посуда местного производства,

обломки черняховской керамики IV в. н. э. и верхняя часть светильника закрытого типа, который датируется III в. н. э. Находки, по всей видимости, относились к древнему некрополю, на территории которого был заложен раскоп.

№ 27. Тогда же коллекционер Сергей Маевский рассказал («имейте в виду, что я вам ничего не говорил»), что при строительстве памятника Глушко в котловане им было обнаружено множество фрагментов античной посуды, а также несколько истрийских монет-колесиков.

№ 28. Он же (С. Маевский) поведал (шепотом и опасливо озираясь), что в 1991 г. при осмотре траншеи при ремонте коммуникаций во дворе гостиницы «Лондонская» им была найдена серебряная монета Истрии с Диоскурами на аверсе.

Таковой оказалась экспозиция античных древностей в «истинно классической части Одессы». Можно видеть, что на территории к юго-западу от Приморского бульвара нигде не отмечено собственно строительных и хозяйственных остатков древнего культурного слоя. Здесь попадались только богатые находки и захоронения. Остатки же самого слоя известны только под бульваром. Это означает лишь то, что центральная часть современной Одессы располагается на территории большого и богатого могильника античного времени. На участке нашего раскопа этот могильник был потревожен еще при строительстве первых домов Одессы. Значит, адмирал де Рибас с князем Волконским вполне могли бы в свое время увидеть античную посуду при закладке первых фундаментов (они начинали свою работу в голой степи). Но сегодня искать здесь остатки древнего культурного слоя было бы слишком самонадеянно.

И вот почему. Как уже говорилось, строительство первого дома Волконского разрушило предшествующий культурный слой (если он там был). Затем этот дом неоднократно перестраивался его следующим хозяином, бароном Рено. Сюда же, на этот участок, вклинился флигель другого дома Рено, занимаемого Ланжероном. Позднее, в 1870-е гг., на этом месте был построен трехэтажный дом компании Беллино-Фендерих. Этот дом дожил до бомбежки Одессы летом 1941 г., когда в него попала авиабомба. В конце 1940-х гг. остатки стен этого дома разобрали и сивелировали. После этого здесь был разбит сквер. В 1960-х гг. тут размещался упомянутый выше «стекольный заводик». И, наконец, после реставрации Оперного театра и очередного благоустройства

площади сюда был завезен чернозем, образовавший ту самую поверхность ныне существующего сквера, которую мы решились потревожить. Очень трудно себе представить, чтобы предшествующий культурный слой, каким бы он ни был, мог здесь сохраниться после всех описанных событий.

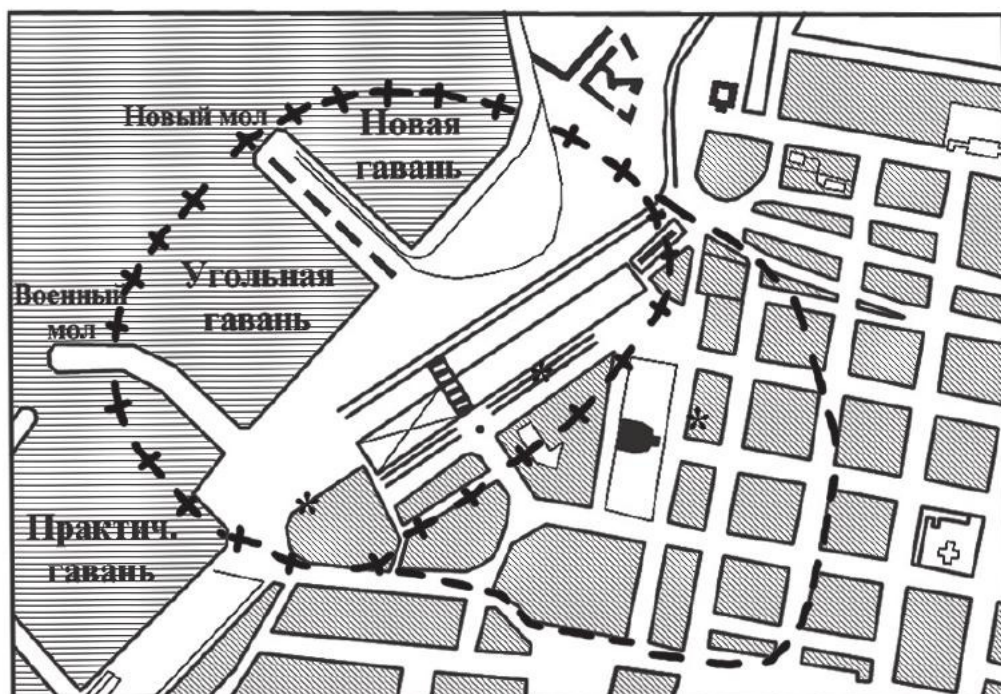
Однако античный могильник, видимо, был настолько богат, что нам все же достались отдельные фрагменты содержащихся в нем роскошных вещей. Несмотря ни на что. Получается, надо удивляться не тому, что находок мало; напротив, поразительно, как их могло здесь сохраниться так много. И тогда, сколько же их может обнаружиться, если копать на менее потревоженных одесскими строителями участках: под улицами, в скверах, во дворах, на любых открытых площадках?!

Ясно, что такой большой и богатый могильник (общая площадь распространения находок составляет, по нашим подсчетам, не менее 40 га) мог быть оставлен лишь населением большого и богатого города. И от этого города должен был сохраниться мощный культурный слой. Между тем, остатки такого слоя на Приморском бульваре, изученные Э. И. Диамантом, указывают на возможное существование здесь лишь небольшого сельского поселка. И крупный некрополь (по территории он сопоставим с некрополем самой Ольвии) никак не мог быть оставлен скромными сельскими поселенцами. В таком случае, куда же этот город подевался?

Одесская Атлантида

Создавалось ощущение, что он «уплыл в море». Действительно, хорошо известно, что прибрежная зона в районе Одессы чрезвычайно динамична и давно изучается геологами и палеогеографами. Трудно сказать, насколько точны их конкретные заключения, однако общая тенденция динамических изменений конфигурации черноморского побережья улавливается как будто однозначно. И выясняется, что берег в районе Одессы неуклонно отступает, а уровень моря — колебательно изменяется. Так, в середине I тыс. до н. э. этот уровень здесь был предположительно на 6–12 м ниже современного. Береговая же линия в районе нынешнего Приморского бульвара проходила гораздо мористее. Пересыпь в районе Хаджибейского лимана раз-

Антиковедческая увертюра

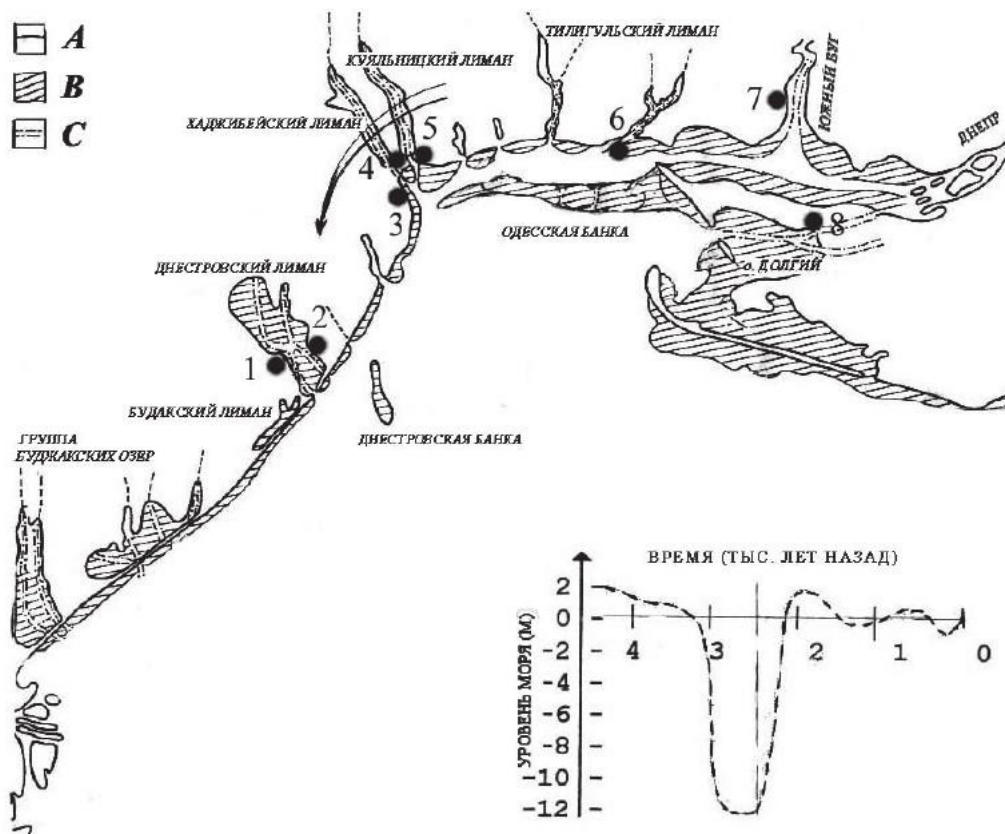

Предполагаемые контуры античного города и могильника

мывалась, и в ней периодически существовали судоходные протоки. Основная же часть древнего города V–III вв. до н. э. вполне могла находиться на поглощенном ныне морем участке шириной до 0,5 км перед нынешним Приморским бульваром и между Военной и Карантинной балками. Такая территория была достаточной для размещения на ней крупного по античным представлениям города и порта. Ныне она утонула — как некогда древняя Атлантида.

Все это кажется удивительным. Но вполне согласуется с имеющейся научной литературой. А если это так, то здесь действительно существовал большой древнегреческий город с некрополем на степной окраине. Живой, реальный, он то и дело всплывал в воображении. Это было вполне отчетливое, впечатляющее ощущение.

Впечатление, разумеется, следует проверять: если догадка верна, то как могло случиться, что мы первыми до этого додумались. Ведь то, что сейчас описано, должно быть совершенно очевидным для любого историка и археолога. Тем более что находки изделий античного времени, как выяснилось, ранее встречались едва ли не повсеместно при любых строительных и дноуглубительных работах в Одес-

Карта береговой линии северо-западной части
Черного моря в середине I тыс. до н. э.

- A – современная конфигурация побережья;
- B – контуры побережья в середине I тыс. до н. э.;
- C – контуры русел рек в середине I тыс. до н. э.;
- – античные поселения и города.

ском порту. Границы их распространения в целом соответствовали предполагаемой территории поглощенного морем древнего города — до 1 км от современной береговой линии. Получается, что все сведения согласуются, и наши наблюдения обоснованы.

Оставалось непонятным и то, что такой большого город не был в свое время замечен самими эллинами, если не считать упомянутого сообщения Флавия Арриана о Гавани Истриан. Но Арриан не был эллином, к тому же, его сообщение слишком позднее. Оно оставлено в начале II века н. э., примерно на 500–700 лет позднее того времени, на которое нам

ясно указывают археологические материалы. Равным образом и о затонувшей Атлантиде мы знаем лишь из куда более позднего свидетельства Платона.

Иными словами, сообщение Арриана не синхронно, а потому и не адекватно интересующему нас времени. Ведь достоверный источник должен быть ему синхронен, в противном случае он сомнителен.

Сказанное — азбука источниковедения. Римский флотоводец Арриан составлял карту Понта Эвксинского для конкретных нужд своей эпохи. Принято считать, что он использовал другие, более ранние сведения из утраченных периплов эллинистического времени, которые имелись в его распоряжении. Но до нас они не дошли. Эти соображения позволяют лишь предполагать более давнее существование гаваней Истриан и Исиаков (Асиаков) — максимум три-четыре столетия до времени Арриана. Скорее всего, так оно и было. И тогда ясно одно — при Арриане, т. е. в первой половине II в. н. э., Гавань Истриан была лишь небольшим приморским поселком. Каким этот поселок был раньше и как именовался — неизвестно. Нужно искать иные пути, чтобы это выяснить.

Искушение Гомером, Овидием и Геродотом

Действительно, наше археологическое впечатление о крупном древнегреческом городе V–III вв. до н. э. на месте Одессы никак не увязывается с другим впечатлением — об обстоятельной изученности античной эпохи в Северном Причерноморье.

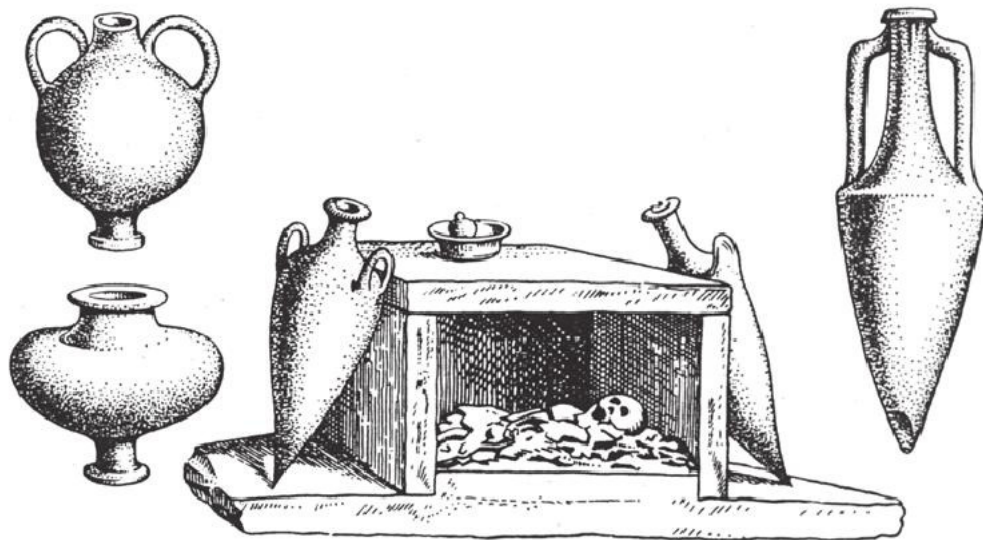
Такая обстоятельность, на первый взгляд, никаких сомнений не вызывает. В самом деле, античная проблематика для наших краев имеет богатую долгую историю. Античные памятники привлекали к себе внимание многих ученых, путешественников, писателей и поэтов еще с конца XVIII века — со времени колонизации Россией этих земель. Древности греков и римлян в Северном Причерноморье воспринимались российским образованным обществом, воспитанным на искусстве и литературе классицизма, как что-то свое, почти родственное. Обаяние античной культуры, Гомера и Гесиода, в те времена оказалось всепроникающим. Всем хотелось поселить на отвоеванных у Турции территориях как можно больше античных героев. Первым сюда прописали Одиссея.

Так, поэт Василий Капнист, автор знаменитой «Ябеды», был совершенно убежден, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях. Доказательство этому пытались найти и в начавшихся здесь почти повсеместно археологических поисках.

За раскопки под Керчью и на Тамани предприимчивые люди взялись еще при Екатерине: сначала военные, которых вскоре сменили увлеченные любители. Таков был П. Дюбрюкс, исследовавший некрополь Пантикапея с 1811 года. Сложилась плеяда знатоков нумизматики и эпиграфики Причерноморья — таковыми были уже упоминавшийся здесь пушкинский знакомец И. П. Бларамберг и керченский градоначальник И. А. Стамповский, который в 1823 году подал новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову докладную записку: «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». Он писал: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в Отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить по истечении 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших».

«Гробница Овидия»

Антиковедческая увертюра

Это отражало общее умонастроение. Уже со времен основания Одессы начались поиски гробницы Овидия. Напомним, что в 8 году н. э. Публий Овидий Назон был выслан императором Августом на далекую окраину античного мира — в город Томы на западном берегу Черного моря. Здесь он прожил около девяти лет и создал два сборника элегий — «Скорби» и «Послания с Понта». В городе, основанном в VI в. до н. э. выходцами из Милета, было очень пестрое население. Кроме греков и римлян там жили скифы, геты, сарматы. Овидий, как будто, учил гетский язык и даже пробовал сочинять на нем стихи. В 17 или в начале 18 года н. э., не дождав-шись амнистии, он умер и, вероятно, был похоронен на городском некрополе. Судьба Овидия была близка ссыльному Пушкину, который из Кишинева жаловался Н. И. Гнедичу, переводчику «Илиады» на русский язык: «Живу меж гетов и сарматов, никто не понимает меня». Об Овидии говорится и в первой главе «Евгения Онегина»:

*...Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.*

Если общество требует гробницу Овидия, то ее нужно найти. Так и сделали. В 1795 г. первый строитель Одессы, военный инженер Франц де Волан, возводя укрепления строящейся крепости на Днестровском лимане, на месте турецкого поселка Хаджидер, наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. Она была немедленно принята за могилу Овидия *. О сенсационной находке русских солдат на Днестре оповестили мир петербургские и парижские газеты, доктор Метью Гатри послал об этом три научных доклада обществу антиквариев в Лондоне. Естественно, что новая русская крепость получила имя ссыльного римского поэта. Хотя еще тогда академик Паллас пытался доказать, что Овидий жил и умер значительно западнее. И сейчас почти все так думают. Но, ни для Пушкина, ни для всей литературной традиции эти доказательства никакого значения не имели. Всем было приятно думать, что Овидий жил именно здесь. И его имя до

---

* Основатели Одессы де Волан и де Рибас, вслед за средневековыми картографами, считали Днестровский лиман «Овидиевым озером».

сих пор сохранилось в названии современного нам городка-райцентра (*Замечу в скобках, что Пушкин был отлично информирован о древней географии Подунавья и Поднестро-вья, обсуждал со знатоками судьбу Овидия и знал, где он окончил свой жизненный путь. Но эти знания не вписывались в востребованный обществом жанр, а потому никак не отразились в его творчестве*).

Этот пример ярко демонстрирует острую потребность соотносить самые разнообразные легенды об античности с выявляемыми археологическими памятниками. Он показывает, как создавалась историко-научная мифология в XIX веке, и как научные мифы постепенно закреплялись в общественном мнении и мировосприятии. Они сохраняются в нем и сегодня. Почему же так получается?

В нашем обиходном сознании античная эпоха предстает ярким культурным явлением, достаточно отчетливым и характерным. Между тем, при конкретном историческом ее изучении такая цельность восприятия рассыпается. Это естественно: продолжительность этой эпохи только в Причерноморье — более тысячелетия. Ведь первые эллинские колонисты здесь появились с VII в. до н. э., а последние остатки античных городов здесь сметены в конце IV в. н. э. гуннским нашествием.

При обобщении имеющихся письменных сведений обо всем этом тысячелетии в Северном Причерноморье можно видеть, что они содержатся в описаниях лишь немногих древних авторов. А если эти данные распределить по отдельным периодам внутри античной эпохи, то возможности их конкретного использования перестанут быть очевидными. Сведения оказываются либо заимствованными друг у друга, либо составленными задним числом, много лет и даже столетий после упоминаемых событий. Иными словами, все эти сообщения требуют тщательной хронологической проверки и локализации.

Принято считать, что наши представления о Причерноморье в античную эпоху основаны на так называемых первоисточниках: трудах Геродота, Страбона, Помпония Мелы, Птолемея, Арриана и ряда других древних авторов, которые в свое время начитались Гомером и Гесиодом. Разумеется, это так. Каждый из перечисленных авторов привлекает к себе повышенное внимание ученых-антиковедов. Возникла стойкая научно-литературная традиция их изучения. Напри-

мер, вряд ли можно посчитать число трудов, посвященных творчеству древнегреческого историка Геродота. Это — необозримое море научной, популярной и учебной литературы. Наследие Геродота изучено и истолковано столь тщательно, что читать его самого стало как бы излишним и необязательным. Традиция заменила Геродота и, вольно или невольно, приписала ему те сообщения, которые в оригинальном тексте не содержатся.

Научные мифы обычно возникают по схеме, описанной на примере с обнаружением Овидиевой гробницы. Затем они опровергаются. Или нет. В этом отношении «искушение Геродотом» многих антиковедов очень велико. Даже сильнее, чем «искушение» Гомером или Овидием. Быть может, потому, что Геродот был историком, а не поэтом.

Напомним время жизни Геродота — около 484–425 гг. до н. э. Он родился в городе Галикарнасс, в Карию, откуда бежал из-за политических преследований. Между 455 и 444 гг. много путешествовал и посетил, в том числе, Северное Причерноморье — тогдашнюю Скифию. Труд Геродота — «Изложение событий» — впоследствии неоднократно редактировался. Лишь во II в. н. э. он был назван «Историей» и разделен на девять книг, каждая из которых получила имя одной из девяти муз (книга I — имя музы истории, Клио). Цицерон удостоил Геродота почетного имени *Pater historiae* (Отец истории). В XV в. Лоренцо Валла познакомил читателя с историческими трудами Геродота в латинском переводе. На русский язык его труд был впервые переведен в 1763–74 гг.

Книга IV, под названием «Мельпомена» (муза трагедии), посвящена, в частности, описанию Скифии. Эта книга — единственный дошедший до нас письменный памятник по истории нашего края в V в. до н. э. Повышенный интерес к его изучению естественен и, как в случае с Овидием, породил острое желание ученых сделать Геродота очевидцем всех происходивших здесь событий.

Так, одним из научных мифов, созданных толкователями Геродота, является миф о посещении им Ольвии — крупнейшего древнегреческого города в Северо-Западном Причерноморье. Не вполне ясно, когда этот миф возник. Но он прочно обосновался в научной литературе и давно перекочевал в учебную. В этом может убедиться каждый, кто не поленился заглянуть едва ли не в любой учебник. Но если обратиться к самому тексту книги Геродота, то легко обнаружить, что там об этом ничего не говорится.

Желание поселить Геродота в Ольвии по-человечески понятно. Этот город — законная гордость отечественного антиковедения и эталонный античный памятник. Ольвия была обнаружена и локализована давно, еще в конце XVIII века П. Сумароковым и П. Палласом, которые впервые описали ее развалины. Первые попытки ее археологического исследования были предприняты в 1801 году генералом Сухтеленем. О ней стали писать И. П. Бларамберг, Д. Рошетт и П. Кешпен, которые издали знаменитый Протогеновский декрет. В XIX веке В. В. Латышев — признанный ныне классик антиковедения — собрал и издал греческие и латинские надписи и, в частности, написал книгу «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии».

Руины Ольвии мало тревожили в XIX веке, если не считать варварской добычи камня, выворачиваемого из древних стен для хозяйственных нужд местными жителями. А с 1901 г. знаменитый впоследствии археолог Б. В. Фармаковский начинает планомерные исследования Ольвийского городища и некрополя. Они продолжались до 1917 года и, после некоторого перерыва, возобновились самим Фармаковским, а затем его преемниками. До сегодняшнего дня эти исследования интенсивно продолжаются, их результаты систематически публикуются и популяризируются. Ольвия давно стала эталонным памятником для изучения всей истории античного мира в Северо-Западном Причерноморье. В ряду многообразных археологических материалов в изучении истории Ольвии особую роль играют нумизматические и эпиграфические сведения. Они обобщены в книгах выдающегося ученого-антиковеда П. О. Карышковского «Монеты Ольвии» [Карышковский, 1988] и его учеников [Виноградов, 1989]. Созданы и впечатляющие реконструкции архитектурного облика древнего города [Крижицкий, 1985, и др.]. Глядя на них, трудно не поверить, что этими прекрасными домами, храмами, оборонительными стенами любовался сам Геродот, что только отсюда он мог вести описание степной Скифии.

Однако прямые свидетельства древних авторов, касающиеся Ольвии — так называемые нарративные, — весьма скудны и опосредованы. С Ольвией принято связывать новеллу Геродота о скифском царе Скиле и вступительный раздел к речи Диона Хрисостома — бродячего оратора и философа из Вифинии, жившего в I в. н. э. Для Диона Ольвия — экзотический фон, на котором ему удобнее, как Орфею перед

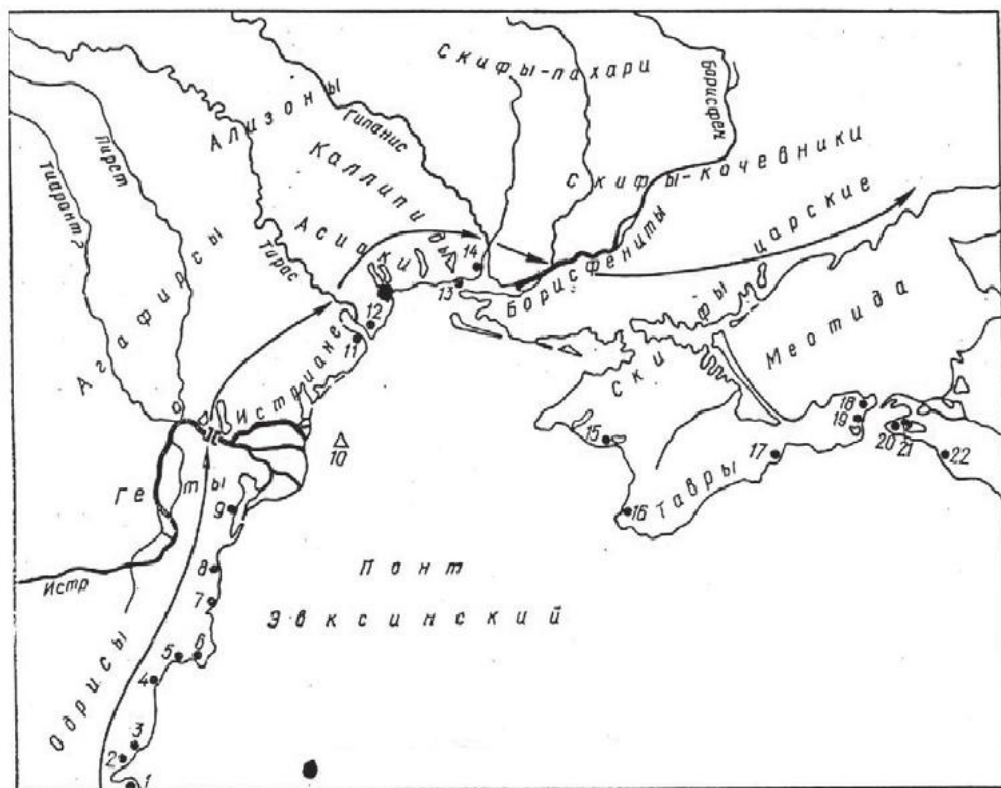
фракийцами, излагать свое философское credo о «хорошо устроенном городе».

Остальные свидетельства еще более опосредованы. Это объясняется тем, что Ольвия, за редкими исключениями, не была втянута в мировые катаклизмы древней истории. По дошедшему до нас отрывку из какого-то сочинения ольвийского писателя Дионисия нельзя даже определенно судить, было ли оно географического или исторического содержания. Ольвия также упоминается в «Сатурналиях» латинского писателя V века н. э. Амвросия Макробия, которые посвящены вопросам грамматики, философии, риторики и культуры в связи с осадой города полководцем Александра Македонского Зопирионом. Вряд ли этот провинциальный сюжет попал бы в поле зрения Макробия, если бы Зопирион не исполнял широко задуманные планы великого царя.

Здесь перечислены все прямые повествовательные сведения об Ольвии. Сходная картина и с другими античными городами Северо-Западного Причерноморья. Таким образом, Геродот — единственный автор, оставивший нам синхронные для V в. до н. э. известия.

Что же это за известия? Нигде в тексте «Мельпомены» не содержится никаких прямых упоминаний о греческих городах. Кроме города Борисфена, или «торжища Борисфенитов», откуда «Отец истории» ведет свое повествование. Описывая народы Скифии, Геродот берет за географическую основу речную сеть Причерноморья. Принято считать, что достоверно отождествляются лишь реки западнее Днепра. Истр — это Дунай (из его притоков важнейшие — это Марис, т. е. Тиса с Мурешем и Пората — Прут), Тирас — Днестр, Гипанис — Южный Буг, Борисфен — Днепр. Гилея при его устье — это лесистая область в устье Днепра.

«Начиная от торжища Борисфенского, которое находится в середине приморских земель всей Скифии, первые живут каллипиды, кои суть элино-скифы, а выше их другой народ, алазонами именуемый, — пишет Геродот... — На другой же стороне Борисфена первая от моря земля есть Гилея; выше оной обитают скифы-земледельцы, коих элины, живущие у реки Гипаниса и зовущие себя ольвиополитами, называют «борисфенитами»» [Геродот, IV, 17–18]. Строго говоря, перед нами единственный термин — «ольвиополиты», — который позволяет лишь полагать, что Ольвия располагалась в зоне обитания борисфенских скифов-земледельцев.

Северо-Западное Причерноморье во времена Дария и Скила

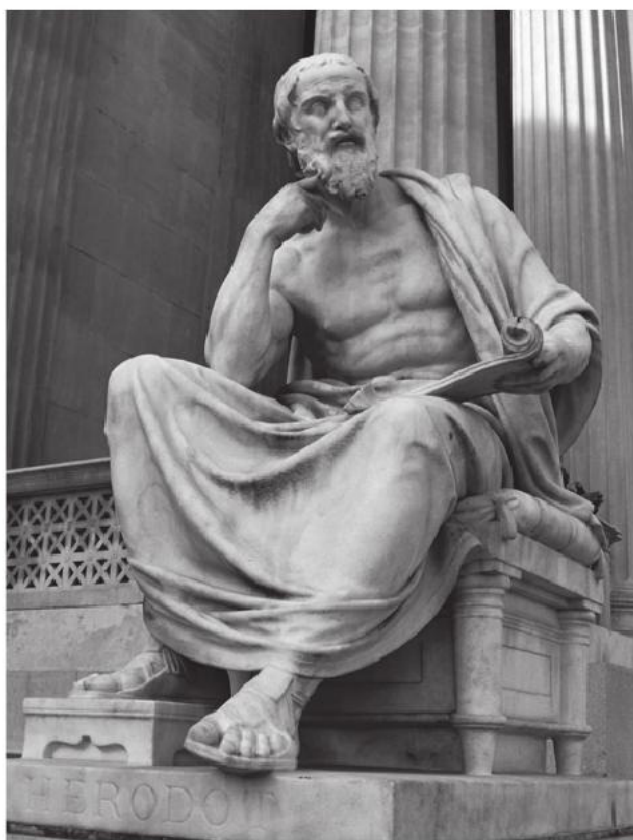
Однако далее по тексту, в уже упомянутой здесь новелле Геродота о царе Скиле, речь идет лишь о городе Борисфени-тов, или Борисфене. Это дало основание большинству толкователей Геродота отождествить Борисфен с Ольвией. Такое отождествление стало общепринятым и легло в основу всех последующих исследований. Поэтому именно с Ольвией связали историю самого Скила, даже ведутся поиски его дворца.

Вот эта история в изложении Геродота [IV, 78]:

«...Был у скифского царя Ариапифа между прочими сыновьями сын Скил, родившийся не от туземки, но от истриянки, которая сама научила его эллинскому языку и наукам. По прошествии времени Ариапиф изменою был убит Спаргапифом, царем агафирсов; и Скил принял после него престол... Но и царствуя над скифами, Скил никак не любил скифского образа жизни, а склонялся больше к эллинским обычаям по причине данного ему воспитания. Почему и поступал он таким образом: всякий раз, как ходил он со скифским войском в город борисфенитов (тех борисфенитов, кои

называют себя милетянами), войско оставлял он в предместьи города, а сам входил в город, запирали ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, даже дом себе построил в Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок».

Можно видеть, что об Ольвии здесь не сказано ни слова. Речь идет лишь о городе и торжище Борисфенитов, кои называют себя милетянами. Именно в нем находился Геродот. А на право именоваться Борисфеном ныне претендует поселение на острове Березань (в античные времена он

Геродот

предположительно был полуостровом). Действительно, на Березани археологически обнаружены материалы VII в. до н. э. А сам остров находится в устье Борисфена-Днепра. Поэтому и его претензия на имя Борисфен вполне обоснована. Как бы то ни было, сказанное может означать лишь то, что Геродот находился в Борисфене. Там же он узнал об истории Скила.

Если оказывается, что Геродот насильно «переселен» в Ольвию из Борисфена современными учеными,

то это явное историографическое недоразумение. Ныне оно постепенно исправляется. В литературе последних лет осторожно указывается лишь на вероятность пребывания Геродота в Ольвии [Крыжицкий, 1994, с. 169]. Зато сам царь Скил продолжает там (на страницах учебника) по-прежнему предаваться своим вакханалиям и эллинофильству. Они будут обстоятельно описаны ниже.

Можно видеть, что Геродот не счел нужным локализовать Борисфен точнее, чем «в середине приморских земель всей Скифии», где «первые живут каллипиды, кои суть эллино-скифы», т. е. между Гипанисом и Тирасом. Для «Отца истории» причерноморский греческий мир служит лишь мифологической декорацией, перед которой разыгрывается драматическая история скифского царя-вероотступника.

Это означает, что город Борисфен мог находиться в любом месте черноморского побережья между устьями Днестра и Днепра. В том числе и на месте нынешней Одессы. Выяснить это можно лишь в контексте с иными сведениями о греческих городах V в. до н. э. Они нам даны эпиграфикой, нумизматикой и археологией. Но если Ольвия, Тира и прочие античные центры известны и давно исследуются, то древнему городу на месте Одессы просто не повезло.

Действительно, к концу XVIII века большая часть этого античного центра была уничтожена морем, и потому здесь не наблюдалось никаких развалин. Их не могли видеть ни основатели города, ни первые одесские антиковеды-одиночки в период застройки рубежа XVIII–XX вв. Они лишь обратили внимание на яркие античные находки в Одессе. Это очевидно из научных и газетных сообщений. Таких замечательных руин, как в Ольвии или в Херсонесе, в Одессе не было. Быть может, поэтому не было особого смысла организовывать здесь археологические раскопки. Никто тогда не мог знать и современных палеогеографических данных об отступлении береговой линии в районе Одессы с античных времен из-за изменения уровня Черного моря. Напомним, что раскопки античных памятников после первого бума на рубеже XVIII–XIX вв. более нигде не проводились. Систематическое изучение Ольвии началось лишь в 1901 г., когда археология снова стала входить в моду. Но к тому времени вся центральная часть Одессы уже давно была застроена и существовала в почти современном виде. Старая информация забылась, а если и вспоминалась, то лишь в связи с арриановой Гаванью Истриан.

Однако наш город явно существовал уже в V в. до н. э. — археологически это можно считать установленным. Тогда его имя и историческое место может выясниться лишь при пересмотре под новым углом зрения всех имеющихся данных об истории греческой колонизации Причерноморья.

Эллины в Северо-Западном Понте

Предпошлем такому пересмотру известных первоисточников краткий обзор сведений по истории греческой колонизации Северного Причерноморья в ее хронологической последовательности. Колонизационное движение греков на берега Понта Эвксинского началось в VIII веке до н. э. преимущественно выходцами из ионийского города Милета, находившегося на юго-западном берегу Малой Азии, в устье реки Меандр. Вообще термин «колонизация», который принят в славяноязычной историографии, происходит от латинского слова *colonia* (*colo* — *возделывать землю*) и означает поселение латинских и римских граждан. В этом смысле римскому понятию *colonia* более соответствует греческое понятие «клерух», которое появляется не ранее V–IV вв. до н. э. Для обозначения колонии раннего времени у греков употреблялось слово «апойкия» («жить вдали», т. е. выселяться). Оно означает поселение греков в чужой стране. Город, откуда выселились колонисты, оставался для колонии метрополией, т. е. городом-матерью. Понятно поэтому, почему борисфениты называли себя милетянами.

Древнейшими колониями («выселками») Милета были основанные в VIII в. до н. э. Кизик на берегу Мраморного моря и Синопа на южном берегу Понта Эвксинского.

Ранние походы греков в страшивший их тогда Понт сохранялись в памяти эллинов в виде легенды об аргонавтах. Опасности, которым подвергались Ясон и его спутники, отражали реальные трудности, встречавшие греческих мореходов при плавании в понтийских водах: водовороты и сильные течения в проливах, плавание по обширной морской глади, лишенной островов, ветры различных румбов, получившие собственные имена, и т. д. С VIII в. до н. э. походы эллинских мореходов в Черное море становятся все более регулярными. Сначала ими было освоено южное, а затем и западное Причерноморье.

Освоение Западного Причерноморья началось примерно с середины VII в. до н. э. Местное население, фракийцы, были известны грекам давно и вошли в греческую мифологию. Это, например, миф о местопребывании на острове Левке (Белый, ныне Змеиный) обожествленного героя Троянской войны Ахилла. В дальнейшем среди колонистов Западного и Северо-Западного Понта широко распространяется культ Ахилла — владыки моря, Ахилла-Понтарха.

Первыми колонистами здесь были также выходцы из Милета, основавшие ранее всего Истрию на небольшом полуострове к югу от дельты Дуная-Истра. Там была удобная естественная гавань, а Дунай служил великолепным речным путем. Традиция относит основание Истрии к 657 / 656 г. до н. э. Это подтверждается и археологическими наблюдениями. Несколько позднее, в 647 / 646 г. возникла колония (апойкия) Борисфен. Эти даты известны из сочинений «Отца истории церкви» Евсевия Кесарийского и его последователя Иеронима.

Поскольку иных археологических претендентов, кроме поселения на острове (тогда, возможно, полуострове) Березань в устье Днепро-Бугского лимана, на имя «Борисфен» не было, то эта «выселка» была соотнесена с Березанью. Такое соотнесение соответствовало ее также «речному имени» — по греческому названию Днепра. Первопоселенцы устраивались в обоих случаях на островах или полуостровах, в местностях, мало пригодных для сельскохозяйственного производства, но зато безопасных и создававших благоприятные условия для рыболовства. Поэтому неудивительно, что за этими первыми поселениями закрепились «речные имена». Керамические материалы из Истрии и с Березани не расходятся с приведенными датами, хотя остатки поселений в обоих пунктах датируются лишь концом VII в. до н. э. Значительную часть ранней керамики составляют фрагменты сравнительно дорогой расписной посуды ионийского происхождения, что заставляет многих исследователей предполагать изначально торговый характер Березани-Борисфена и Истрии. Такие специализированные торговые поселки назывались эмпориями (*emporium* — рынок). Они создавались для дальней оптовой торговли и существовали обособленно. Очевидно, их население стало устанавливать торгово-обменные связи с кочевыми или оседлыми племенами.

Истрия и Борисфен явились исходными пунктами дальнейшей колонизации греками западных и северопонтийских

берегов, что выразилось в образовании новых населенных пунктов уже не на островах, а непосредственно на побережье. Сначала основываются Аполлония (совр. Созополь) и фракийский Одессос (на месте нынешней Варны), Томы (в Констанце). Эти города постепенно образуют вокруг себя сельские округа и становятся полисами, которые, в свою очередь, образуют новые поселки, постепенно осваивая все понтийское побережье. Начинается как бы «вторичная колонизация». Наиболее интенсивной она становится к VI в. до н. э., особенно ко второй его половине. Так, борисфенитами на правом берегу Бугского лимана была основана Ольвия. Позднее, во второй половине VI века, возник и «город победы» — Никоний, на левом берегу Днестровского лимана, у нынешнего села Роксоланы. Примерно в то же время (а быть может, некоторое время спустя, на рубеже VI–V вв. до н. э.) была основана Тира (совр. Белгород-Днестровский).

Ольвия уже к концу VI в. до н. э. приобретает городской облик, равно как и «березанский» Борисфен. По археологическим сведениям, в обоих центрах развивается каменное строительство, формируются кварталы, разрастается застроенная территория. В Ольвии выделяется священный участок с храмами, теменос, и окруженная общественными сооружениями агора. Сравнительно быстрый рост Ольвии и березанского Борисфена заставляет предполагать такое увеличение численности населения, которое вряд ли возможно в результате только естественного прироста. В это же время, с середины VI в. до н. э., вступает в жизнь и ряд небольших греческих поселений на всем побережье от устья Южного Буга до Березанского лимана. Все эти поселения аграрные, в их жизни роль выходцев из глубинных районов Причерноморья была невелика. Поэтому предполагается появление новой волны колонистов из метрополии. Нечто подобное прослеживается и в Истрии, где открыт ряд поселений, позволяющих говорить об интенсивном проникновении греков в среду местных фракийских племен.

По археологическим наблюдениям, северопричерноморские колонии в VI в. до н. э. приобретают чрезвычайно большое значение в экономической жизни Греции. Они становятся поставщиками сырья, хлеба и рабов. Между греческими колонистами и местными племенами устанавливаются оживленные торговые сношения. Импортируемые из Греции ремесленные изделия, вино и оливковое масло, а

также изделия местных греческих мастеров обменивались греческими купцами на сельскохозяйственные продукты. В обмене были заинтересованы и племенная знать, владевшая огромными стадами и плодородными землями, и широкие слои местного населения, сеявшего хлеб, по свидетельству Геродота, на продажу. Многочисленные предметы материальной культуры греческого происхождения, находимые при раскопках местных поселений и курганов, наглядно иллюстрируют интенсивность этих связей. Равным образом, очевидно и тесное общение греков-колонистов с местными племенами, их культурное взаимопроникновение, образование смешанного населения (миксэллинов) в городских округах (так называемой хоре), т. е. в сельских поселках, окружавших города. Но в разных местах Причерноморья «варварский» компонент такого смешения был различен.

По имеющимся данным, накануне и в эпоху колонизации степные пространства между Нижним Дунаем и Днестром были слабо заселены фракийцами. Известны их небольшие поселения. Также известны и отдельные скифские воинские погребения VI–V вв. до н. э. [Андрух, 1995]. Получается, что именно греческие поселенцы оказались здесь едва ли не первыми постоянными оседлыми жителями.

К востоку от Днестра к началу колонизации основным населением были скифы, племена которых перечисляет Геродот. Первыми он называет каллипидов, фигурирующих у него и под другим характерным названием — элино-скифов. Они были ближайшими соседями торжища Борисфенитов и, видимо, ранее других ассимилировались с греческими колонистами. О живущих рядом с каллипидами алазонах Геродот сообщает, что они сеяли и употребляли в пищу хлеб, лук, чеснок, чечевицу и просо. Далее за алазонами жили те самые скифы-пахари, которые сеяли хлеб не только для собственных нужд, но и на продажу. Напротив, живущие восточнее скифов-пахарей скифы-кочевники «не сеют и не жнут». Еще далее, на восток, живут «царские скифы», которые всех прочих скифов считают своими рабами.

К западу от каллипидов римские авторы Помпоний Мела и Плиний, жившие на полтысячелетия позднее Геродота, помещают племя асиаков (по древнему названию Тилигула — Асиак). В низовьях Днестра и Дуная современные антиковеды помещают гето-фракийское племя истриан на основании утраченных ныне периплов эллинистического

времени. Эти периплы, как будто, знал и использовал в свое время уже известный нам Флавий Арриан и его более поздний переписчик — так называемый «псевдо-Арриан», составивший в V–VI вв. н. э. перипл «Анонимного автора». Этот анонимный автор почти без изменений повторяет сведения Арриана, а потому механически подтверждает существование гаваней этих племен — тех самых Гавани Истриан на Приморском бульваре и Гавани Исиаков (Асиаков) в районе Жеваховой горы (согласно общепринятой локализации).

Если в асиаках едва ли не все исследователи единодушно видят одно из скифских племен, населявших междуречье Тилигула и Нижнего Днестра, то с истрианами не все так просто. О них ничего не сообщает Геродот. Поэтому многие ученые в истрианах видят граждан города Истрии. А Гавань Истриан на берегу Одесского залива, отмеченную Аррианом, считают основанной переселенцами из Истрии [Карышковский, Клейман, 1985, с. 39–40]. В таком случае истриане не могли быть племенем, здесь жили другие фракийцы — агафирсы, которые с востока соседнили со скифскими племенами асиаков и каллипидов, а с юга — со своими фракийскими родственниками одрисами. Как бы то ни было, территория между Днепром и Дунаем остается зоной самого активного скифско-гето-фракийского этнокультурного взаимодействия. Именно в этой зоне оказались занимающие нас греческие города — Ольвия, Тира, Никоний, Борисфен. Перечисленные факторы и определяют мотивы поступков всех действующих лиц новеллы о царе Скиле.

Варвары между Истром и Борисфеном

В общем-то, все изложенное кажется очевидным археологически. Исследования последних десятилетий показывают, что фракийские элементы в материальной культуре этого времени прослеживаются на восток вплоть до Ольвии. Равным образом со своей стороны, скифские элементы наблюдаются здесь далеко на запад, вплоть до Добруджи. Это наблюдение даже дает основание предполагать существование здесь некоей синкретичной скифо-фракийской общности, возникшей со времени проникновения сюда кочевых скифов в VII в. до н. э. и просуществовавшей вплоть до конца скифской истории. Эта общность охватывала временами все пространство между Южным Бугом и Дунаем.

Такое общее впечатление о своеобразии степного населения Северо-Западного Причерноморья детализируется в связи с различными этапами существования здесь скифов и гето-фракийцев. По археологическим данным, в ранний период своей причерноморской истории (VII–VI вв. до н. э.) скифы вели преимущественно кочевой и довольно подвижный образ жизни: эти столетия сохранили лишь несколько десятков скифских погребальных памятников к западу от Южного Буга [Андрух, 1995]. Между тем, археологами уверенно отмечается наличие в греческих городах и поселках керамики скифоидного облика. Это объясняется перемещением к черноморскому побережью северных, лесостепных племен по долинам Днестра и Южного Буга. Греческие города, видимо, становятся и центрами притяжения скифского населения.

С другой стороны, отмечается значительная доля фракийского компонента на этих памятниках. Фракийская керамика не столь многочисленна, как скифская, но и ее число значительно. Очевидно, наряду со скифами лесостепных областей, в связи с возникновением первых греческих поселений в регионе сюда начинают переселяться и фракийцы из-за Дуная. Так, в Нижнем Побужье фракийская керамика известна уже в слоях второй половины VII–VI вв. до н. э., на Днестре — с середины или конца VI в., т. е. с самого начала греческой колонизации. Города и поселки греческих колонистов, куда стало стремиться варварское население, превращаются в центры смешения перечисленных этносов: эллинов, гетов, фракийцев, скифов. Такое смешение в литературе именуется «метисацией аборигенов». При этом в VI в. до н. э. ни одна из названных этнических общностей не обладала достаточными силами для завоевания здесь господствующего положения.

Обстановка меняется к рубежу VI–V вв. до н. э., после разгрома скифами войска персидского царя Дария в 512 г. до н. э. Эта история обстоятельно освещена в обширной литературе, и нет смысла на ней здесь останавливаться. Стоит лишь отметить, что антискифский поход был начат с фракийской территории, которую Дарий перед тем завоевал. Поэтому он вряд ли смог бы его осуществить без участия (а возможно, и поддержки) фракийцев.

Сказанное требует некоторого пояснения, поскольку отношения между скифами, фракийцами и греками — одни из самых существенных для всего нашего сюжета. Эти народы,

видимо, весьма разнились в своей, как сейчас принято говорить, ментальности. Но было у них и немало общего, что прямо следует из мифологии. Фракийский царь Рес помогал оборонять Трою от греков-ахейцев. К спутникам Ясона, отправлявшегося в Колхиду, присоединился и знаменитый певец Орфей, который, согласно легенде, был из фракийского царского дома, и власть его деда Харопса утвердил сам Дионис. Фракия считалась родиной бога войны Ареса и бога северного ветра Борея.

При этом мироощущение фракийцев оставалось чуждым и непонятным для греков. Геродота, например, удивляло, что фракийцы с радостью встречали смерть и провожали мертвеца в последний путь песнями, плясками и весельем. Зато они горевали при рождении ребенка, потому что его ждала многотрудная жизнь. Греки после смерти отправлялись в мрачный загробный мир стелющихся теней — Аид (Гадес) за Стиксом или Океаном. Зато фракийцы после смерти попадали в светлую обитель, где их ждали вечная жизнь и блаженство. Это обеспечивал фракийцам их бог Залмоксис, которому они регулярно приносили избранную по почетному жребию жертву. Стать такой жертвой считалось большой удачей; счастливого избранника бросали на поднятые копья.

Для фракийцев были естественными многоженство и обычай убивать любимую жену на могиле мужа, продажа своих детей в рабство. Это сближало их со скифами, но отторгало греков. Как и скифы, фракийцы носили штаны, похожие на шаровары, и высокие войлочные шапки, обшивали одежду золотыми бляшками-апликациями, славились как коневоды. Их язык и искусство довольно близки персидскому. Фракийский мир — это своего рода островок Востока в Европе. Поэтому, когда персы завоевали Фракию в конце VI в. до н. э., это не встретило этнокультурного противодействия. Поэтому же не исключено, что фракийцы оказались невольными союзниками персов в походе против скифов. Естественно, отношения между скифами и фракийцами ухудшились. Самым мощным из племенных объединений фракийцев в V веке до н. э. было царство Одрисов к югу от Дуная.

После победы над персами скифы воцарились на обширных пространствах Северного Причерноморья. Они явно активизируются, начинается их экспансия на запад, за Дунай, направленная, в частности, против фракийцев. В 496 г. до н. э. Геродот отмечает крупный скифский поход на Балканы, предпринятый в целях отмщения персам и, видимо,

фракийцам. Однако, как видно, Одрисское царство сумело организовать отпор, скифы вынуждены были возвратиться на левый берег Дуная, а быть может, и отступить за Днестр. Археологически это отразилось в том, что на рубеже VI–V вв. до н. э. фракийская керамика исчезает с поселений Побужья и Поднестровья. Это подтверждает господство скифов к востоку от устьев Днестра [Андрух, 1995].

Противостояние скифов и фракийцев после похода Дария длилось более трех десятилетий, до 480 г. до н. э. Оно закончилось миром и династическим браком между Ариапифом — царем скифов и дочерью одрисского царя Тереса. Тогда же был заключен еще один брак Ариапифа — с некой истрианкой. От этого брака и родился тот самый царь Скил, происхождение и судьба которого нас здесь столь занимают. Ведь по времени рассказ Геродота соответствует расцвету греческого города на месте Одессы. Стало быть, этот город должен был входить во владения Скила.

Нам решительно ничего не известно о поведении греческих городов на понтийском побережье между Истром и Борисфеном во время нашествия Дария. Лишь по археологическим наблюдениям можно судить, что в начале V в. до н. э. на здешних сельских поселениях жизнь замирает, полностью прекращается приток варварского земледельческого населения, начинается строительство оборонительных стен в Ольвии и Никонии. Это может означать, что города не воспротивились персам. Их жители просто бежали. При раскопках у Воронцовского дворца нам это даже удалось археологически проследить (см. очерк «Следы царя Дария у дворца князя Воронцова»). Поэтому отношения греков со скифами явно ухудшаются. Скифы разрушают сельскую округу, а сами города попадают в прямую от них зависимость. Над ними устанавливается так называемый «варварский протекторат». Городами начинают управлять скифские цари либо их ставленники. Такими царями были и Ариапиф, и его сын Скил — «цари-протекторы» Тиры, Ольвии, Никония и Березани-Борисфена. А также города на месте Одессы, который мы вычислили пока лишь по косвенным признакам. Датировки имевшихся в нашем распоряжении материалов довольно широки — V–III вв. до н. э. Они никак не уточняли ни дату возможного основания города, ни время прекращения его существования. Прояснить ситуацию могли лишь новые раскопки сохранившихся до наших времен участков античного слоя. Такие участки необходимо было обязательно найти. Эта затея отнюдь не была изначально обречена на успех.

Борисфен

Нет нужды вести дальнейшие раскопки. Тому, кто ищет, достаточно одной единственной достоверности. Дело за тем, чтобы вывести из нее все следствия.

Альбер Камю. Миф о Сизифе

Интуиция профессора Карышковского

Было ясно, что самой перспективной местностью для подобных поисков является район Приморского бульвара. Лишь здесь были прослежены строительные остатки частично уничтоженного морем античного города. По нашим расчетам получалось, что собственно культурный слой этого города мог сохраниться лишь в самой окраинной, юго-западной его части. Она, видимо, непосредственно примыкала к некрополю, который прослеживается уже в районе Театрального переулка. Это подтверждает и топографическое распределение археологических находок.

В нашем распоряжении оказывалась, таким образом, территория всего некрополя. Но копать его было почти невозможно. Вся часть города между Военной и Карантинной балками плотно застроена, улицы многократно замощены и заасфальтированы. Точных сведений о расположении древних могил у нас нет, искать их можно лишь вслепую. Разумеется, можно было попробовать снова побеспокоить городские власти очередной авантюрой. Но в поисках античного могильника вероятность «промахнуться» очень велика. Так можно испортить репутацию. Искать следовало если не наверняка, то с высокими шансами на успех.

Перспективный, на первый взгляд, Приморский бульвар при ближайшем рассмотрении также не обещал гарантированного успеха. У нас не было технических и финансовых возможностей для стационарных раскопок. И не предвиделось.

К тому же не было ясно, где именно их следует начинать. Ведь Приморский бульвар также неоднократно перестра-

ивался, его склоны не раз нивелировались и укреплялись. Особенно интенсивно — между зданием Городской думы и памятником Дюку. Несколько менее потревоженным выглядел склон обрыва в районе Воронцовского дворца. На рисунках первой половины XIX века, сделанных со стороны моря, можно видеть укрепленную верхнюю часть склона — каменную стену под зданием дворца и колоннадой. Рисунки оставляли надежду, что именно этот район берега существенно не изменился со времени строительства Воронцовского дворца. Место для поисков культурного слоя здесь казалось самым перспективным. Тем более, нам было известно, что при строительстве дворца в свое время находили обломки античных сосудов и даже целую амфору с клеймом. Об этом еще двадцать пять лет назад, во время одной из «мусороведческих» прогулок, рассказывал мне П. О. Карышковский, когда мы с ним вместе сидели на этом обрыве и, прячась от милицеевских патрулей, пили в кустах вино и любовались акваторией Одесской бухты. У Петра Осиповича была изумительная историческая интуиция. Именно тогда он мне поведал, что две с половиной тысячи лет назад на этом же месте, так же, как мы, сидели и пили вино из амфоры древние греки, любуясь акваторией своего прекрасного порта — Гавани Истриан. Разве что патрули их не гоняли.

Профессор Карышковский не ошибался никогда. Значит, город был именно здесь. Здесь и следовало копать.

Впрочем, и это место могло оказаться археологически безнадежным — ведь именно здесь находилась та самая Хаджибейская крепость, которая была взята штурмом Иосифом де Рибасом и впоследствии разрушена. Для искомого античного слоя это могло означать лишь катастрофу: крепость должна была его уничтожить.

Наши хрупкие надежды питали также туманные признания одесских коллекционеров, которых мы частично «приручили» еще на раскопе у Оперного театра. Этим несчастных обычно гонят прочь от раскопов, поскольку они всегда склонны в них тайно рыться и могут украсть самое ценное. Это правда. Но в наших условиях гнать их глупо и бесполезно — раскопы никак не охраняются, и каждый желающий может здесь ковыряться когда угодно после окончания археологического «рабочего дня». Поэтому мы давно решили не бороться с этой «стихией», а пытаться ее использовать.

Коллекционеры — владельцы бесценной и неведомой специалистам информации. Они, в отличие от археологов

и органов охраны памятников истории и культуры, внимательно следят за всеми строительными и реставрационными работами в Одессе. Они же подбирают все, что плохо лежит. У этих людей порой неплохая археологическая, нумизматическая и искусствоведческая подготовка. Не станем здесь называть их имена: это было бы не слишком честно. Мы пользуемся их уникальными услугами. По точности извлечения информации частные коллекции немногим уступают музейным. Замечу с благодарностью, что за такую своеобразную любовь нам подарили несколько десятков обломков античной посуды с территории Одессы. И показали истрийские монеты V–IV вв. до н. э., найденные при строительных работах в районе Приморского бульвара.

Итак, при отсутствии надежной информации об археологическом прошлом Одессы мы использовали любые сведения. Даже слухи. При строительстве памятника Глушко был вырыт небольшой котлован. В этом котловане обнажился, по слухам, культурный слой античного времени, содержащий множество обломков чернолаковой и краснофигурной посуды. На эти обломки строители памятника выдающемуся академику, естественно, не обратили никакого внимания. Коллекционеры же стали их собирать. Видимо, по ночам. И, естественно, никому об этом не говорили. И хотя вряд ли кто может назвать какого-нибудь грабителя, который бы когда-либо пострадал за нарушение Закона об охране памятников истории и культуры (пострадавших археологов-профессионалов куда больше), никто эту деятельность в свое время не афишировал: формально она считалась почти уголовной. Она и сегодня считается таковой, хотя происходит прямо «на глазах у изумленной толпы». Это общеизвестно в Тире и Никонии или Ольвии; там грабеж повальный и организованный. Поэтому раскопки под памятником Глушко могут рассматриваться как невинные игры. И все же рискнем упомянуть здесь добрым словом имя коллекционера Сергея Мавевского — любителя этих игр, активного участника раскопок у Оперного театра, столь много нам помогавшего.

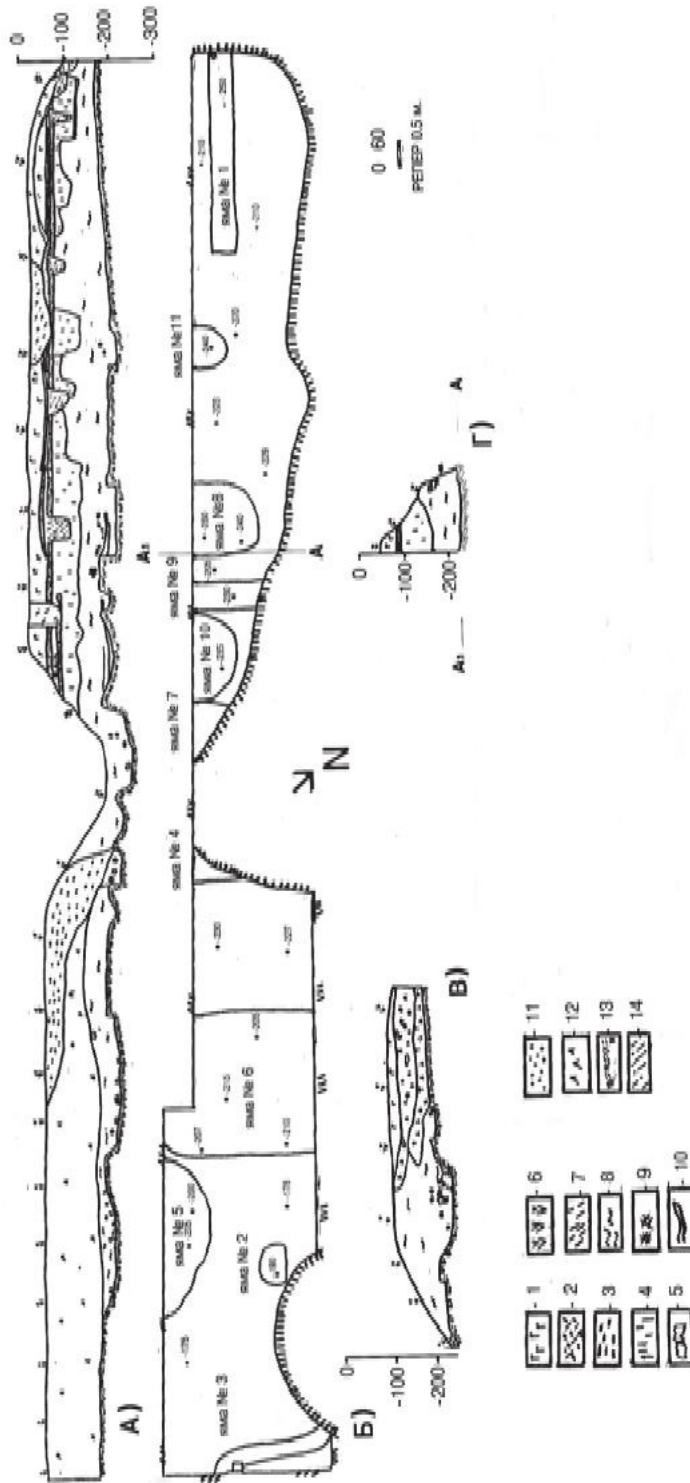
Итак, наши друзья-коллекционеры утверждали, что в числе находок под памятником было более десятка античных монет. Не исключено, что даже и клад. Судя по словесному описанию, это были медные истрийские монеты, так называемые «колесики», которые давно и хорошо известны специалистам-нумизматам.

Типы истрийских серебряных монет с Диоскурами-Кабирами

Поэтому мы решили искать непо потревоженный античный слой между Воронцовским дворцом и памятником Глушко. Ничего не оставалось делать, как просто попытаться счастья. И Судьба нам улыбнулась очередной раз: на том самом месте, где четверть века тому назад сидел профессор Карышковский и рассказывал о Гавани Истриан, мы просто зачистили лопатами верхнюю часть склона и с радостным изумлением легко обнаружили непо потревоженный античный слой. Он хорошо сохранился в виде нескольких хозяйственных ям и землянок, которые в свое, еще античное, время были заброшены жителями и превращены в мусорники.

В верхней своей части античный слой перекрывался строительными остатками XVIII века. В нашем разрезе они выглядели линзой глиняного выброса, содержащей несколько фрагментов поливной турецкой посуды. Их датировка соответствовала времени существования здесь Хаджибейской крепости. Линза защитила античный слой от позднейшего строительства, она частично прорезалась слоями мусора XIX и XX вв. Самый ранний из них, видимо, был образован при разрушении дома помещика Куликовского, того самого, которого посещал Пушкин. Светлейший князь М. С. Воронцов купил этот дом с участком, дабы построить на этом месте свой замечательный дворец. Сохранились многочисленные образцы фигурной гипсовой лепки 1820-х гг. Они по времени соответствовали пушкинской поре в Одессе, и мы передали их в Пушкинский отдел Литературного музея. Наконец-то

План и разрез раскопа на Приморском бульваре

нам удалось найти подлинные предметы пушкинского времени. Ныне они выставлены в экспозиции.

Павшая в 1789 г. Хаджибейская крепость сберегла мусорные ямы античного времени, содержавшие множество разнообразных обломков античной посуды VI–V вв. до н. э. Встречено много амфорного боя, в том числе и с граффити (*процарапанные или вырезанные надписи на черепках. — А. Д.*). Большинство изделий было произведено в Ионии (западное побережье Малой Азии), на островах Лесбос и Хиос, встречались вещи из Синопы и даже Аттики. В целом, состав находок довольно обычен для крупного северопонтийского центра того времени. Это — фрагменты киликов, скифосов (*сосуды для питья с двумя горизонтальными ручками. — А. Д.*), мисок, тарелок, кубков, кратеров (*большие сосуды с двумя ручками для смешивания вина с водой. — А. Д.*), пелик, светильников, кувшинов, лутериев и т. п. Широко представлена чернолаковая и чернолаковая расписная керамика, столовая сероглиняная и лепная — «скифского» и «фракийского» облика. Находки поражали своей многочисленностью, необычайным разнообразием и богатством*. Особенно отрадны были датирующие вещи. Они позволили уверенно отнести время образования наших мусорников к середине и второй половине VI в. до н. э. Среди находок попадались обломки кувшинов с высокоподнятой ручкой. Такая посуда характерна для керамического производства города Истрии. Все означало, что искомый город здесь возник не позднее середины VI в. до н. э., а возможно, и ранее. В таком случае он был старше Ольвии, Тиры и, видимо, несколько моложе придунайской Истрии. Последнее подтверждалось, в частности, обломками керамики фракийского облика и истрийского производства в нашем раскопе [подробное описание коллекции см.: Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 94–121].

Полученные сведения не противоречили описанным представлениям об истории греческой колонизации и этническом составе населения Северо-Западного Причерномо-

---

* Всего при раскопках у Воронцовского дворца в 1996–2000 гг. было найдено более 5000 фрагментов керамики [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 94–128]. Примерно столько же найдено при раскопках 2004 года. На базе этой коллекции создан Музей археологии Одессы в Южноукраинском национальном педагогическом университете.

рья. Эти сведения ясно указывали, что античный город на месте Одессы существовал задолго до похода царя Дария. Состав керамических находок из слоя позволяет предполагать его изначальное истрийско-фракийское происхождение. Судя по всему, перед нами была вторичная выселка истрийских колонистов (апойкия). И тогда получается, что после основания Истрии в 657 / 656 г. до н. э. ее жители, продвигаясь на восток вдоль северного побережья, основали свою апойкию на месте будущей Одессы. Это произошло десятилетие спустя, в 647 / 646 г. до н. э. И первой такой апойкией был Борисфен.

Борисфен изначальный

Где же он, собственно, находился? Одни антиковеды убеждены, что Борисфен и Ольвия — это одно и то же. Поэтому туда и поселяют царя Скила. Вместе с Геродотом. Другие думают, что Борисфен находился на Березани. И селят Скила с Геродотом туда же. Третьи считают, что изначальный Борисфен был основан на Березани, а затем его имя перешло на Ольвию. При этом Скил может быть помещен в Ольвию, но Геродот — только на Березань. Или наоборот. Четвертые полагают, что «эмпорием Борисфенитов» греки считали всю освоенную ими территорию в низовьях Днепра и Буга [см. об этом: Виноградов, 1986]. Вся эта невнятица, или, выражаясь академично, «диапазон мнений», была отражена в соответствующей научной литературе задолго до наших раскопок в Одессе.

Обнаружение же достаточно ранних, так называемых позднеархаических материалов середины VI в. до н. э. на Приморском бульваре позволяет внести в этот вопрос некоторую ясность. Это снова побуждает нас обратиться к сведениям об изменениях побережья Одесского залива. В целом, палеогеографическая гипотеза о том, что уровень Черного моря в северо-западной части в середине I тыс. до н. э. был ниже современного от 5–6 м до 12 м, разрабатывается давно и обстоятельно [Агбунов, 1987 и др.]. Повторимся: это значит, что берег напротив теперешнего Приморского бульвара в античное время был от 500 до 1000 м

мористее *. Этот факт сейчас не вызывает сомнений у соответствующих специалистов. Этот же факт означает, что большая часть древнего города (приблизительные размеры до 1000 x 800 м) сегодня затоплена.

Мало того, реконструкция береговой линии Северо-Западного Понта для середины I тыс. до н. э. показывает, что нынешнего Одесского залива в его современных пределах и конфигурациях вообще не существовало [Бруйко, Карпов, 1992: 87–97]. И если это так, то античный город на Приморском бульваре был основан истрийскими колонистами на правом берегу реки (ныне — Хаджибейский лиман). Позднее, в конце V века до н. э., возникли поселение и святилище у Жеваховой горы, а также у Лузановки. Они существуют около двух столетий. Лузановское поселение было самым западным населенным пунктом ольвийской хоры и маркировало, тем самым, границу ольвийского полиса [Диамант, 1984: 83–88].

Если посмотреть на карту этой береговой линии в античные времена, то на ней легко увидеть, что в начале греческой колонизации (VII – начало VI вв. до н. э.) нынешняя Кинбурнская коса простиралась на запад вплоть до устьев Хаджибея и Куяльника. Не менее легко увидеть, что устье Днепровско-Бугского лимана — древнего Борисфена-Днепра — тогда располагалось у нынешней Одессы. В таком случае само нахождение античного города на этом месте позволяло ему полностью контролировать единственный выход из всего Днепровско-Бугского бассейна, Березанского лимана, а также бассейнов Тилигула, Куяльника, Хаджибея — основных территорий причерноморского скифского мира. Ясно, что такое расположение было ключевым и исключительно выгодным в масштабах всего Северо-Западного Причерноморья.

Ясно и то, что при колонизации с юга на север и вдоль северо-западного берега Черного моря греческая апойкия в устье Днепровско-Бугского лимана должна была быть основана самой первой. Поэтому обнаружение ранних керамических находок на Приморском бульваре выглядит легко объяснимым: поселок на этом месте был основан истриянами

---

* Обстоятельные консультации о динамике изменений одесского побережья были нам даны акад. И. П. Зелинским, проф. А. Е. Шевалевым и М. В. Агбуновым.

при их последовательном продвижении на восток вдоль побережья при выходе из тогдашнего устья Борисфена-Днепра. В таком случае получается, что мы открыли самый ранний, или изначальный, Борисфен. Естественно и место его основания — наиболее удобное для дальнейшего продвижения на восток. Естественно и его «речное» имя — именно здесь располагалось широкое устье тогдашнего Борисфена-Днепра (*Borysthenis* — *широкий*). И его второе имя — Гавань Истриан — также выглядит совершенно естественным, ведь наша «выселка»-апойкия была основана именно истрианами.

Такое уникальное местонахождение одесского Борисфена в VI–V вв. до н. э. превратило его в крупнейший античный центр Северо-Западного Понта. Исключительное богатство и разнообразие археологических находок на Приморском бульваре не оставляют в этом никаких сомнений. Археологов ранее даже удивляло, что такой центр не был найден, поскольку в районе Одесской бухты было известно восемь других античных поселений. Их концентрация может свидетельствовать «о попытке устройства здесь в период колонизации античного центра, аналогичного Ольвии, Тире, Никонию, но в силу каких-то причин не развившегося в полнокровный полис» [Буйских, 1997: 101]. Значит, обнаружение такого полиса могло быть вполне ожидаемым.

И наши раскопки оправдали это ожидание. Они показывают, что такой центр — Борисфен (Гавань Истриан) на Приморском бульваре — все же существовал и оформился. В конце VI — первой половине V в. до н. э. это был крупный античный торговый город с развитым производством, центр притяжения многочисленного и разноэтничного местного населения и, видимо, опорный пункт Истрии в регионе. Его необычайно выгодное навигационное положение близ тогдашнего устья Борисфена-Днепра никак не могло быть не использовано греческими колонистами.

Дата основания Борисфена известна, как уже говорилось, из сообщения Евсевия Кесарийского (ок. 260–339 гг.), который под вторым годом 33-й олимпиады (647 / 646 г. до н. э.) сообщает, что «в Понте основан Борисфен». Именно он и обнаружен нами археологически на Приморском бульваре. Тогда получается, что именно этот город, или «торжище Борисфенитов», в первой половине V в. до н. э. посетил Геродот. Здесь же он написал четвертую книгу своей «Истории» — «Мельпомену». В таком случае, здесь же и проис-

ходили описанные «Отцом истории» события со скифским царем Скилом, который «держался эллинских обычаев и... даже дом себе построил на Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок» [Геродот: IV, 78].

Сказанное вовсе не исключает возможности практически одновременного основания греками такой же «выселки» на Березани, где достоверно найдены культурные остатки второй половины VII в. до н. э. Впоследствии, в связи с подъемом уровня моря и по мере отступления Кинбурнской косы, а также, начиная с середины V в. до н. э., соответствующего перемещения устьев Борисфена-Днепра на восток, имя «Борисфен» переходит на Березанское поселение, а затем и на Ольвию.

Остается кратко обобщить все имеющиеся ныне археологические сведения об античном слое под историческим центром Одессы.

Местонахождения остатков античного времени занимают всю территорию Приморского бульвара между Военной и Карантинной балками, окрестности Оперного театра, а также простираются до нынешней улицы Греческой. При этом, культурный слой самого поселения залегает лишь под бульваром. В настоящем своем виде он сохранился в виде узкой полосы шириной около 50 м, вытянутой вдоль берега более чем на 800 м. Его общая площадь — около 4 га. Такая конфигурация культурного слоя поселения, вытянутого узкой полосой вдоль всего Приморского бульвара, показывает, что перед нами лишь сохранившаяся степная окраина крупного приморского центра второй половины VI—III вв. до н. э., большая часть которого была со временем поглощена морем.

Остальную часть территории распространения античных находок занимает обширный и богатый некрополь, который начинается уже во дворах Театрального переулка. Этот некрополь располагается по всей территории исторического центра Одессы между Приморским бульваром и ул. Греческой. Его площадь — не менее 35 га.

Состав всей керамической коллекции наглядно указывает на активные связи поселения на Приморском бульваре с традиционными торговыми центрами — Хиосом, Лесбосом, Самосом и др. Довольно велик и процент чернолаковой посуды (более 5). Это характерно именно для городских центров — известно, что на сельских поселениях этого времени он не превышает и двух процентов, а чаще всего находки об-

ломков такой посуды единичны. Также высок процент (более 25) сероглиняной лощеной керамики, которая, по сравнению с прочими типами, занимает здесь оторванное второе место. Такое положение также характерно только для городов — Истрии, Тиры, Никония, Ольвии. Напротив, на сельских поселениях того времени эта посуда куда менее многочисленна и по количеству значительно уступает лепной. Это также является признаком того, что на Приморском бульваре сохранилась окраинная часть именно древнего города, большая часть которого оказалась затопленной, согласно упомянутой палеогеографической гипотезе, еще в античные времена.

Таким образом, былое существование здесь крупного античного города доказывается по следующим достоверным археологическим признакам.

1. Повсеместное обнаружение культурных остатков античного времени при любых строительных и дноуглубительных работах в Одесском порту, на расстоянии до 1 км от нынешнего Приморского бульвара.
2. Существование под историческим центром Одессы обширного и богатого некрополя, который по всем своим характеристикам предусматривает наличие близ него крупного городского центра; размеры и богатство некрополя никак не соответствуют небольшому сельскому поселению.
3. Наличие мощного (до 1,5 м) культурного слоя на Приморском бульваре, который обильно насыщен обломками керамики, а также остатками каменного домостроительства.
4. Сравнительно большое число чернолаковой и ионийской посуды, высокий процент которой не характерен для сельских поселений.
5. Сравнительно большое число гончарной сероглиняной лощеной керамики, высокий процент которой также не характерен для сельских поселений.

В настоящее время на участках Приморского бульвара, примыкающих к Военной и Карантинной балкам, сохранились окраинные остатки культурного слоя второй половины VI — начала V в. до н. э. Очевидно, тогда город Борисфен занимал большую часть своей затонувшей территории. Позднее, в V—III вв. до н. э., город распространяется на центральную часть бульвара; тогда же возникает и некрополь в Театральной переулке. Однако и здесь сохранилась лишь окраинная часть города, который к тому времени постепенно «дезурбанизируется». На этом участке снижается коли-

чество сероглиняной лощеной (10 %) и чернолаковой посуды (менее 2 %), но увеличивается процент лепной (12 %) [Диамант, 1976: 211].

Зафиксированные нами остатки мощного культурного слоя указывают, таким образом, на существование здесь во второй половине VI в. до н. э. крупного приморского города в период расцвета. Для того, чтобы такого расцвета достичь, должно было пройти какое-то время. Это означает, что затонувший город был основан задолго до середины VI в.

Тем не менее, трудно ожидать археологического обнаружения его более ранних культурных остатков. Очевидно, что они находятся под водой, до километра от нынешнего уреза Приморского бульвара. Зато такие остатки сохранились на Березани, и вот почему.

Нынешний остров Березань является древним скальным останцем, венчавшим в античные времена обширный полуостров, большая часть которого оказалась со временем затопленной. Именно этот останец и заселили первые греческие колонисты в середине VII в. до н. э. Поэтому здесь и сохранились культурные остатки того времени. В Одессе же такого останца не было, поэтому находки VII в. до н. э. здесь затоплены. Однако мы обязаны учитывать всю совокупность палеогеографических и археологических сведений, согласно которым значительный участок мыса между Военной и Карантинной балками оказался затопленным. В таком случае, ничто не мешает предполагать, что первая апойкия на месте Одесского порта была основана в середине VII в. до н. э. и именовалась Борисфеном.

С отступлением Кинбурнской косы на восток с середины V в. до н. э. этот город постепенно утрачивает свое ключевое положение, хотя и продолжает существовать как крупный центр, вплоть до последней трети IV в. до н. э. и, вероятно, до IV в. н. э. На это указывают находки римского времени. В эллинистическое время (с конца IV в. до н. э.) пришедший в упадок город, видимо, сохраняет лишь название Гавани Истриан, а с конца I в. н. э. переименовывается в Гавань Исиаков, в связи с перемещением в этот район сарматского (позднескифского?) племени исиаков [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 88–93]. Под таким наименованием он отмечен в «Перипле Понта Эвксинского» Флавием Аррианом в 134 г. (более чем через 750 лет после времени его основания) лишь как небольшой приморский поселок.

А отступившая на восток древняя Кинбурнская коса ныне сохранилась в виде современной Одесской банки — песчаной отмели на глубине около 6 м. Эта отмель указана еще на навигационных картах XVIII в. Она по сей день делает возможным плавание из Днепровско-Бугского лимана в открытое море лишь в обход, мимо Одесского залива. На тех же картах все фарватеры проложены в обход Одесской банки — подводного останца Кинбурнской косы.

Такое навигационное положение, благодаря и доньше сохраняющейся Одесской банке, исключительно выгодно для Одессы и сегодня. Все фарватеры в Днепровско-Бугский лиман по-прежнему проходят мимо Одесской бухты. Это было учтено в конце XVIII в. первыми строителями Одессы — Иосифом де Рибасом и Францем де Воланом — при выборе места для основания нового города и порта. Это же обусловило и последующий расцвет Одессы, как и, в свое время, ее античного предшественника — «эмпория Борисфенитов».

Возвращаясь к эпохе VI–V вв. до н. э. — временам Дария, Скила и Геродота, — отметим, что археологические материалы показывают на немалое влияние истриан и фракийцев в «торжище Борисфенитов». Об этом, помимо керамики, говорят истрийские монетные находки V–IV вв. до н. э. на территории Одессы. Это означает, что такое влияние здесь продолжалось и в IV в. до н. э. Сохранение такого влияния никак не увязывается с впечатлением о резком усилении здесь скифов после разгрома Дария и установлении их господства над Ольвией и другими греческими полисами.

Следы царя Дария у дворца князя Воронцова

Поход персидского царя Дария I на скифов является центральным сюжетом четвертой книги Геродота, вокруг которого разворачивается все повествование. Тем не менее, именно в эпизоде, посвященном скифо-персидской войне, содержится больше всего «неясностей, противоречий и даже фантастики» [Куклина, 1985: 137]. Считается, что поход Дария состоялся где-то между 519 и 505 гг. до н. э. Приведем краткое описание этого похода, в соответствии с текстом Геродота. Итак, Дарий I собрал войско численностью 700 тысяч и флот из 600 кораблей, с которыми переправился через Боспор Фракийский и двинулся на север. Прежде чем прибыть к Истру, он первыми покоряет

гетов, которые оказали сопротивление и были порабощены. Иные фракийские племена (скирмиады и нипсеи, живущие выше Аполлонии и Месембрии), покорились царю без боя. Достигнув Истра, Дарий наводит мост (в районе нынешней Орловской переправы) и приказывает ионийцам охранять его в течение 60 дней [IV, 93].

Далее Геродот переходит к рассказу о создании скифами «антиперсидской коалиции». В нее вошла часть соседних скифам племен, остальные отказались помогать кочевникам в борьбе против Дария. Оценив свои возможности, скифы избирают тактику «выжженной земли», избегая прямых сражений, решив действовать двумя самостоятельными частями войска. Передовой отряд скифской конницы, состоявший из лучших всадников, двинулся навстречу персам. «Когда же передовые скифов обнаружили персов, отделенных тремя днями пути от Истра, то скифы, держась впереди на расстоянии одного дня пути, сразу же стали располагаться лагерями, уничтожая все, что растет на земле. А персы, как только обнаружили появление скифской конницы, немедленно пошли по следам непрерывно отступавших скифов. И затем персы (ведь они устремились в направлении одной из частей населения) начали преследование на восток и в направлении Танаиса. Когда же скифы переправились через реку Танаис, персы, переправившись вслед за ними, продолжали преследование до тех пор, пока, пройдя всю страну савроматов, они не достигли страны будинов» [IV, 122].

Со второй половины этого отрывка и начинаются многочис-

Царь Дарий I

ленные неясности в описании «Отцом истории» дальнейших событий похода. Изложение пританаисских событий Геродот увязывает с переправой через Истр: встретив Дария приблизительно в трех днях пути от Истра, скифы с савроматами, будинами и гелонами в течение какого-то очень короткого времени заставили его переправиться через Танаис [IV, 122]. В результате самых скромных подсчетов, тот путь, которым Геродот заставлял персов пройти по просторам Скифии, приравнивается М. И. Артамоновым к 3750 км; Б. А. Рыбаков отвел на маршрут персов 4050 км; В. А. Ильинская высчитала 5750 км [Черненко, 1984: 89]. Однако за указанные Геродотом 60 с небольшим дней совершенно невозможно пройти описанный им маршрут [Агбунов, 1989: 150].

Ход военных действий в изложении Геродота содержит много неясного, что отражено в обширной литературе, посвященной этой проблеме. Одним из наиболее полемичных является вопрос о протяженности маршрута персидского войска в пределах Северного Причерноморья. Исследователи в своих мнениях относительно маршрута Дария поддерживают несколько версий. Одни придерживаются текста Геродота, считая его достоверным источником и в основном принимая маршрут, указанный им. Так, по мнению Б. А. Рыбакова Дарий переправился через Истр, прошел вдоль всего побережья Северо-Западного Причерноморья, пересек Днепр и вышел к северному побережью Азовского моря, на берегу которого выстроил лагерь. После чего персы выдвинулись на север, до Гелона, соотносимого с Бельцким городищем, а затем через Нижнее Поднепровье вернулись назад, к дунайской переправе [Рыбаков, 1979]. Некоторые исследователи [Черненко, 1984 и указ. там литература] считают, что Дарий за 60 дней мог дойти только до Приазовья, в район современного Бердянска.

Иная точка зрения [Куклина, 1985: 137–142 и указ. там литература] подвергает критике предыдущую концепцию, поскольку она не объясняет участие затанаисских племен (будинов, гелонов и савроматов) в борьбе против Дария на стороне скифов. «Это обстоятельство, а также тот факт, что в изложении Геродота отсутствуют указания на переправы войск Дария через полноводные скифские реки, за исключением Истра и Танаиса, наводят на мысль, что был не один, а два похода Дария [...]. Несомненно, эти походы могли быть и скорее всего действительно были разновременными, а Геро-

дот, который писал свою историю почти столетие спустя после походов, когда они уже обросли легендами, соединил разные экспедиции Дария в одно предприятие» [Куклина, 1985: 139]. Эти соображения согласуются с топографией скифских памятников VI в. до н. э. Из текста «Отца истории» явствует, что скифы предлагают персам отыскать в степи область, где находятся могилы их предков, в ответ на вызов Дария к генеральному сражению [IV, 127]. Во времена, синхронные скифскому походу, наиболее западные богатые скифские могильники располагались в районе нынешнего Нижнего Подонья и Прикубанья [Алексеев, 1993: 29]. Нижнеднепровская группа царских курганов появилась значительно позднее — начиная со второй половины IV вв. до н. э., что никак не позволяет увязывать эту область с геродотовым Герром.

Наконец, третья основная концепция возникла в противоположность традиционному «длинному» пути Дария, оговаривая вариант «короткого» маршрута, который был предложен Р. Хеннигом еще в 1950-е годы [Хенниг, 1961: 196–197]. В пользу этой точки зрения И. В. Бруяко острожно приводит в качестве аргумента тот факт, что города Нижнего Поднестровья и Побужья уцелели в результате персидского похода, при их раскопках не обнаружено никаких следов разгрома или упадка: «Если принять точку зрения Р. Хеннига, то становится очевидным, что Никоний, как, впрочем, и Ольвия с ее округой, оставался за пределами района боевых действий. И наоборот, если следовать логике рассуждений С. Б. Охотникова и других сторонников “длинного” маршрута, то тогда нужно объяснить причину миролюбивого отношения Дария к городам и поселениям Нижнего Побужья. И это — при катастрофической, если верить Геродоту, нехватке продовольствия и фуража в персидской армии» [Бруяко, 1993: 76].

Несколько иным выглядит мнение М. И. Артамонова, который опирается на свидетельство Страбона (64 / 63 до н. э. — 23 / 24 н. э.). «Маршрут Дария, — пишет М. И. Артамонов, — как он изображен в легенде, совершенно невероятен. Войско Дария в назначенный срок не могло пройти на северо-восток до Волги, а затем, повернув на запад, вдоль всей лесостепной полосы, дойти до Западной Украины и только после этого добраться до построенного по приказу Дария моста через Дунай. На самом деле, как свидетельствует Страбон, Дарий, перейдя Дунай и углубившись в

Буджакскую степь, подвергся опасности погибнуть со своим войском от жажды и, не дойдя даже до Ольвии — греческой колонии в устье Южного Буга, — поспешил вернуться обратно» [Артамонов, 1974: 77].

Обратимся непосредственно к тексту Страбона: «Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время как перешел за Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды, но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад» [VII, 3, 14]. С этим сообщением согласуется свидетельство Ктесия Книдского: «Собрав 800000 войска и построив мосты на Боспоре и Истре, Дарий переправился в Скифию, пройдя 15 дней пути», после чего Дарий обратился в бегство (§ 16).

Как видно, сообщения этих авторов существенно отличаются от описания Геродота, и, критикуя их, Б. А. Рыбаков призывает в союзники факт необычайной временной удаленности сообщения Страбона от описываемых им событий: «Страбон, писавший 506 лет спустя после похода Дария, не может, разумеется, считаться надежным источником» [Рыбаков, 1979: 171]. Выходит, Геродот может считаться надежным источником уже только на том основании, что он писал о походе спустя 80 лет?

Идея о том, что Дарий прошел едва ли дальше Ольвии, поддержана также Д. П. Каллистовым [Каллистов, 1949: 133] и Б. Н. Граковым [Граков, 1971: 29]. Не сбрасывая со счетов аргументацию тех исследователей, которые видят в тексте Геродота два разных персидских похода, можно согласиться и с тем, что в Северо-Западном Причерноморье (от Истра и далее, по Гетской пустыне) Дарий прошел если и не дальше Ольвии, то уж точно дальше Тираса. Во всяком случае, тому есть некоторые археологические свидетельства, о которых речь ниже.

А прежде рассмотрим основной аргумент сторонников «короткого» маршрута скифского похода Дария — то есть в пределах Нижнего Поднепровья. Им является сообщение Страбона о «Гетской пустыне», которая ограничивалась побережьем Понта с востока, землями гетов с запада и течением Истра с юга. Между тем, северо-восточная граница «Гетской пустыни» Страбоном определена не так конкретно. Дословно — эта пустыня простирается «по направлению к

Тире» [VII, 3, 14]. Другими словами, античный географ указал направление распространения описываемой области (в которой он, кстати, лично не был) на север, к городу Тира, но вовсе не ограничил Тирой или течением Тираса ее предел. Между тем, именно достоверная локализация «Гетской пустыни» может позволить определить район боевых действий скифо-персидской войны по Страбону. Вопрос состоит в том, до каких пределов на северо-востоке распространялась «Гетская пустыня».

Обратимся снова к Геродоту. Он пишет, что маршрут персов от Истра до места встречи с передовым отрядом скифов исчисляется «тремя днями пути от Истра», пытаясь увязать пространственно-географические дефиниции с событийно-хронологическими. Тремя днями определяется вовсе не максимальный предел дальности маршрута, а срок, по истечении которого персы впервые встретились с передовым скифским отрядом. После чего, как пишет Геродот, скифы оторвались от персидской армии на расстояние одного дня пути, продолжая, надо полагать, движение (поскольку персы, «как только обнаружили появление скифской конницы, немедленно пошли по следам непрерывно отступавших скифов»), уничтожая на своем пути «все, что растет на земле» [IV, 122]. Далее в тексте Геродота происходит неожиданный скачок к пританаисским событиям, которые, по мнению И. В. Куклиной, относятся уже ко второму походу Дария, кавказско-азовскому [Куклина, 1985: 137–142].

Увязывая сказанное с сообщением Страбона, можно предположить, что земли, в которых Дарий «был захвачен в ловушку» скифами «и рисковал погибнуть со всем своим войском», находились где-то в «Гетской пустыне» на расстоянии более чем трех дней пути от Истра. Сколько еще дней передовой отряд скифов заманивал Дария в степи на северо-запад, неизвестно. Очевидно, что не один. Можно предположить, что в общей сложности за пять-шесть дней персидская армия вполне могла переправиться на левобережье Нижнего Днестра, а то и достичь Нижнего Побужья.

Что касается проблемы локализации «Гетской пустыни», то ее принято соотносить с территорией нынешнего Буджака. И. В. Бруяко полагает, что эта «пустыня» могла охватывать южную Бессарабию, поскольку с конца 90-х гг. III в. до н. э. сюда распространяет свое влияние гетское «царство» Дромихета, разгромившее армию Лисимаха. «Особенно,

если учитывать, что она в это время действительно обезлюдела». В то же время толковать термин «Гетская пустыня» И. В. Бруяко предлагает, исходя из того, что «эта степная часть находилась под потенциальным контролем гетов», поселения которых «около 300 г. до н. э. располагались по Нижнему Дунаю и Днестру, а также в лесостепной Молдавии, тем самым ограничивая этот степной треугольник и обозначая его как внутреннюю, действительно гетскую, пустыню» [Бруяко, 1999: 24].

На самом деле в нашем распоряжении имеется всего лишь географическое определение рубежа эр, которое использовано Страбоном для обозначения событий, имевших место за 500 лет до него. Античный географ составлял свой труд для своих современников и оперировал современными его времени, общепринятыми и понятными в его время, географическими названиями применительно к поставленным целям и задачам описания местности с краткими экскурсами в историю и быт народонаселения.

Следовательно, искать «Гетскую пустыню» надо не в IV–III вв. до н. э., а непосредственно во времена Страбона. Тем более что царство Дромихета было не единственным гетским военно-политическим образованием, которое распространяло свое влияние в степные области Северо-Западного Причерноморья. В античное время в карпато-днестровском ареале происходила смена и частичное сосуществование трех гетских культур. Каждая из них обладала своей изменившейся типологической спецификой, региональном доминировании и иной системой внешних связей. Территориально и хронологически информационные всплески о гетах (VI–V, IV–III и I в. до н. э.) совпадают с ритмами в развитии трех археологических гетик. Каждый из информационных всплесков о гетах в письменных источниках отчасти синхронизируется с упоминанием фантастического или достаточно реального этнического царя-лидера. Первый из них — Залмоксис, затем упоминается некий Дромихет, возглавивший борьбу гетов против македонской экспансии Лисимаха, и, наконец, Буребиста — последний царь единой Гетики [Ткачук, 1996: 53–55].

Результаты «гетского влияния» Буребисты в Северо-Западном Причерноморье максимально соответствуют смыслу страбоновского определения «Гетской пустыни». В современной науке археологические следы деяний Буребисты

даже стали отдельным хроноидикатором, который получил сходный термин — «гетский разгром», после которого, как известно, Северо-Западное Причерноморье действительно превратилось в «пустыню». Около середины I в. до н. э. в Карпато-Дунайском регионе сложилась особая политическая ситуация. В ряду других западнопонтийских полисов нападению и разгрому полчищами гетов подверглась Ольвия, как крайний восточный пункт влияния Бурбисты. Страбон свидетельствует, что гетский царь «в немногие годы создал великую державу и большинство соседей подчинил гетам» [VII, 3, 11]. Предположительно, его государство просуществовало несколько десятков лет и распалось с гибелью своего основателя [Виноградов, 1989: 265]. По недвусмысленному высказыванию Страбона, Бурбиста совершал свои грабительские рейды вплоть до границ римских провинций Македонии и Иллирии [VII, 3, 11]. Походы Бурбисты против негетского населения носили характер опустошительных набегов с целью грабежа или физического уничтожения соседних племен, которые представляли для гетов военную опасность. Они не ставили себе целью подчинение и планомерную эксплуатацию побежденных. Судьбу Ольвии разделили Тира, Истрия, Одесс, Томы, Каллатис, Аполлония, Бизона, Анхиала. Разорение и разрушение всех этих городов подтверждается археологически и документально. «Уцелевшие после разгрома ольвиополиты, подобно жителям Истрии и Одесса, вынуждены были покинуть город. Вернулись они на пепелища спустя некоторое время, как предполагает Дион Хрисостом, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле с эллинами» [Виноградов, 1989: 269–271].

Опустошительные нашествия гетов Бурбисты привели к обезлюдиванию и разорению огромных территорий Северо-Западного Причерноморья между Гипанисом и Истром. И если соотносить термин «Гетская пустыня» с этими событиями, то ее локализация не ограничивалась Дунай-Днестровским междуречьем, а распространялась вплоть до Нижнего Побужья, северо-восточной границы волны гетского разгрома Бурбисты, к пределам которой Дарий вполне мог добраться со своей армией за пять-шесть дней.

Археологически эти вторжения персов на территорию степной Скифии маркируются хоть и скудными, но выразительными находками. Так, С. В. Полиным отмечены на ольвийском некрополе наконечники стрел сакско-персидского

типа [Полин, 1987: 29]. У города Лубны Полтавской области найдены ахеменидские удила рубежа VI–V вв. до н. э., имеющие ближайшие аналогии в Персеполе. Еще двое удил такого же типа обнаружены в лесостепном Приднепровье, но точное место их находки неизвестно [Титенко, 1954: рис. 1–3; 33].

Однако рассчитывать на археологические следы разгромов таких античных городов как Тира, Никоний, Ольвия (отсутствие которых сторонники «короткого» маршрута Дария воспринимают как аргумент в пользу своей концепции) не приходится, поскольку их внешний облик в конце VI в. до н. э. был деревенским, а не урбанистическим. Недаром Коас, стратег митиленцев, обратился к Дарию при переправе через Истр с такими словами: «Государь! Ты предприемлешь поход в такую землю, в коей не представится ни вспаханных полей, ни обитаемого города» [IV, 97]. Будучи ионийским греком, Коас был прекрасно информирован насчет обстановки в Северо-Западном Причерноморье. Действительно, из упомянутых апоекий в середине VI в. до н. э. лишь Ольвия в общих чертах стала формироваться как урбанистический центр. Здесь прокладывается центральная осевая магистраль города, распланирована территория теменоса, выделен участок под общественную площадь и прилегающие к ней общественные здания [Виноградов, 1989: 45–46]. Однако внешний облик Ольвии еще остается руральным. В VI в. до н. э. здесь преобладало традиционное для северопричерноморских городов позднеархаического времени земляночное домостроительство [Археология СССР, 1984: 35–36]. В целом, внешний облик даже такой апоекки как Ольвия ничем не отличался от вида заурядного аграрного поселения. Особенно с точки зрения персидского царя или его ионийского советника. В еще большей степени это относится к Никонию, который к середине VI в. до н. э. едва начал существовать. Основание Тиры (позднеархаические слои которой до сих пор не выявлены), вероятно, состоялось и того позже — в пределах последнего десятилетия VI в. до н. э. [Бруяко, 1999: 14–15].

Это означает, что жители молодых апоекий Северо-Западного Причерноморья, владевшие лишь нехитрым скарбом, могли быстро и без особого ущерба для благосостояния покинуть свои землянки в случае внезапной внешней угрозы и спрятаться в степи с тем, чтобы после прекращения военных действий вновь развернуть хозяйственную деятельность на прежнем месте.

Из всех памятников позднеархаической эпохи археологически картину такого вынужденного ухода жителей с поселения в результате серьезной угрозы удалось отчетливо проследить пока лишь только при раскопках секундарной апойкии Истрии [Виноградов, 1989: 68] — Гавани Истриан, локализованной на Приморском бульваре [Добролюбский, Красножон, 1998: 51–57]. На участке раскопок у Воронцовского дворца выделены два стратиграфических периода в пределах второй половины VI – первой четверти V вв. до н. э. Между ними выявлена четкая граница в виде глинистой прослойки или мелкого камня-ракушечника. В верхнем, более позднем слое, был найден бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы V в. до н. э. [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002; Добролюбский, Красножон, 2005: 172–178].

Две землянки и несколько ям относятся к нижнему, раннему периоду. Ямы представляют собой погреба для хранения утвари и зольник. В одной из ям имелись ступеньки. Горловина другой ямы была аккуратно обложена камнями по кругу (объект № 6). На дне ее лежал свернутый в бухту рыболовный невод, от которого сохранились лишь каменные и керамические грузила (около 100 шт.), раздавленные рыбные блюда с костями осетра, солонка, несколько фрагментированных лепных сосудов, железные нож и прут (видимо, вертел), точильный брусок, а также кусок прозрачного гипса с обработанной плоскостью и пазом для крепления к какой-то основе. Названные предметы были помещены в яму явно сознательно — для сбережения их до «лучших времен». Яма была перекрыта закладом известковых камней, который просел в ее заполнение. Все ямы, относящиеся к первому периоду, были намеренно засыпаны их создателями, которые после этого покинули свой поселок на какое-то время.

Очевидно, владельцы спрятанной утвари рассчитывали вскоре за ней вернуться. Время вынужденной «консервации» поселка соответствует походу персидской армии Дария через эту местность. На месте покинутых жилищ и погребов образуется стерильная прослойка. Этим временем и завершается первый, «доперсидский» период.

После ухода Дария население сюда возвращается. Но вернувшиеся жители уже не могли отыскать свое прежнее имущество. Или же вернулись иные люди, которые не знали, где находятся землянки и ямы первого периода. Жизнь здесь

возрождается уже после образования стерильной прослойки. Второй строительный период с тремя ямами и каменными кладками в заполнении прежних землянок датируется самым концом VI – первой четвертью V в. до н. э. Зерновые ямы, относящиеся к верхнему, более позднему периоду, оказались зернохранилищами. Одна из этих ям «верхнего периода» перерезала яму нижнего периода. Это означает, что поселенцы второго периода, повторно заселившие этот участок, не видели остатков жизнедеятельности своих недавних предшественников.

В истории греческих городов античного мира подобное явление «вторичного синойкизма» являлось достаточно повсеместным. Известно до дюжины городов, которые после военных нашествий подвергались вторичному заселению. Вторичному синойкизму подвергается Никоний в первой половине III в. до н. э., о чем ясно свидетельствует найденный в Тире декрет в честь Автокла [Карышковский, 1988: 57]. В результате гетского нашествия Бурбисты вновь осваивают брошенные города жители Истрии, Одесса и Ольвии [Виноградов, 1989: 271].

На позднеархаическом участке Гавани Истриан зерновые ямы второго, «постперсидского» периода просуществовали около четверти столетия, пока не были заброшены, о чем свидетельствуют их обрушившиеся стенки, упавшие на дно камни, служившие крышками для горловин, и затечные слои в заполнении. В верхнем слое найден трехлопастный, втульчатый наконечник скифской стрелы. Больше на этом участке поселения никакой строительной деятельности греками не велось. Это может объясняться нарастающей опасностью нападений со стороны скифов после победы над Дарием, что заставило жителей более компактно распределить территорию городской застройки.

Бегство и гибель царя Скила

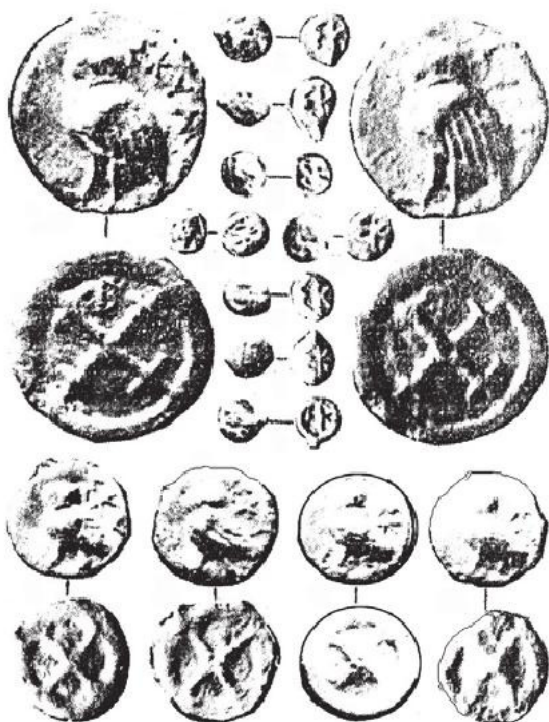
Снова попытаемся представить себе возможное место города Борисфена на фоне общей исторической обстановки между Истром-Дунаем и Борисфеном-Днепром на рубеже VI–V вв. до н. э. Мы видим, что сведения туманны, они извлекаются из рассказа Геродота о Скиле и переплетаются в сознании с отрывочными археоло-

гическими и нумизматическими наблюдениями. Сопоставлять их — необычайно увлекательно, связь фактов и событий неочевидна, кажется парадоксальной, улавливается с трудом и всегда неожиданно.

Рассказ о Скиле хронологически соответствует первой половине V в. до н. э. — времени возникновения «варварского протектората». Это время скифо-фракийского противостояния, которое примерно к 480 г. до н. э. закончилось примирением Тереса с Ариапифом и династическими браками последнего с фракиянкой и истрианкой. Вероятно, встретив сильное сопротивление во Фракии, скифы решили напасть на земли агафирсов — также гето-фракийского племени, с которым они и ранее враждовали. Геродот без каких-либо пояснений сообщает, что Ариапиф, отец Скила, погиб от руки Спаргапифа, царя агафирсов. Он же утверждает, что агафирсы были непосредственными соседями скифов, начиная от Истра [IV, 100]. Это подтверждается находками на территории Молдовы скифских погребений и оружия конца VI–V вв. до н. э., которые свидетельствуют о проникновении сюда скифов. Видимо, со времен похода Дария агафирсы были на стороне персидского царя. После его разгрома они оказались как бы в политической изоляции. Можно даже предполагать, что убийство Ариапифа было предпринято с целью помешать скифо-одрисскому союзу, направленному против агафирсов [Андрух, 1995]. Как бы там ни было, достаточно ясно, что агафирсы соседствовали с востока со скифскими племенами алазонов и каллипидов (если судить по описанию Геродота), и асиаков (исиаков), населявших долину Тилигула по сведениям более поздних авторов. Эти племена входили в царство Ариапифа, которое и унаследовал Скил. Если это так, то владения Скила располагались в междуречье Днестра (Тираса) и Южного Буга (Гипаниса).

Поведение Скила в Борисфене, где у него был дворец и где он чувствовал себя как дома, подтверждает эту локализацию — ведь у Геродота ясно сказано, что каллипиды были для греков-борисфенитов ближайшими соседями. Они же, видимо, наряду с царскими скифами (которые «считают всех остальных скифов своими рабами»), осуществляли над Борисфеном свой «варварский протекторат». Другие, западные пределы владений Скила находились у Тираса. Так, в Николии в недавние годы были найдены и идентифицированы монеты с его именем. На аверсе этих монет изображена сова,

Монеты царя Скила

за спиной которой читается имя Скила, а на реверсе — колесо, один из древнейших соляных символов. Все эти монеты, независимо от их типов, позволяют утверждать, что Скил властвовал не только над Борисфеном, но и над Никонием. Монеты датируются первой половиной V в. до н. э., скорее, второй его четвертью, что соответствует времени жизни и правления этого царя.

Еще одним свидетельством деятельности Скила является его перстень, найденный в северной Добрудже, к югу от

устьев Дуная, недалеко от Истрии, места его гибели. Попытаемся рассмотреть все эти сведения о царствовании Скила на фоне общей исторической обстановки в Северо-Западном Причерноморье.

Считается установленным, что Истрия, Борисфен и Ольвия в VI—V вв. до н. э. входили в особую сферу денежного обращения, сложившуюся в Северо-Западном Причерноморье. Функции денег здесь, как и повсюду, выполняли электровые монеты Малой Азии, главным образом города Кизика — «кизикины». На местных рынках обращались бронзовые монеты необычных для Эллады видов — так называемые анонимные литые наконечники двухлопастных стрел, ольвийские дельфиновидные слитки, круглые истрийские монеты с изображением колеса, такого же, как и на монетах царя Скила из Никония и на более ранних ольвийских монетах.

Упомянутая проблематичность пребывания Скила в Ольвии, выпуск монет с его именем в Никонии, находка его перстня близ Истрии (на нем изображена женщина (возмож-

но, богиня?) на троне, смотрящаяся в зеркало, и надпись от имени перстня: «Вели [мне] быть при Арготе») и, наконец, само истрийское происхождение Скила по матери — все это прямые свидетельства о тесной связи этого скифского царя с Истрией и Фракией, которая предполагает и соответствующую этой связи культурно-политическую ориентацию.

Действительно, мы знаем, что Скил был обвинен соплеменниками-скифами в эллинофильстве в связи с посвящением в таинства Диониса и участием в вакхических оргиях. Он был вынужден бежать из Борисфена во Фракию, потом был пойман и казнен. Подробное описание этнокультурной коллизии и династического конфликта приводится в очерке «Чары Диониса». А сама коллизия может истолковываться лишь исходя из конкретных реалий исторической ситуации в Причерноморье. Истрийско-эллинская ориентация Скила очевидна. Она, надо думать, не соответствовала общескифским умонастроениям. К власти вместо Скила — сына истриянки — приходит Октамасад, его единокровный брат и сын фракиянки. Мы видим сглаживание скифо-фракийских отношений и ухудшение скифо-истрийских на фоне лояльных взаимоотношений скифов с Борисфеном и, видимо, Ольвией.

Действительно, по археологическим данным усматривается усиление скифского влияния на греческие города в Побужье и Нижнем Поднестровье. Выше отмечалось, что к началу V в. до н. э. обрывается жизнь на сельских поселениях, начинается строительство оборонительных стен в Ольвии и Никонии. Налицо явное стремление скифов к установлению над ними своего «варварского протектората». В Ольвии это выразилось в выпусках монет с именами ΑΡΙΧ, ΕΜΙΝΑΚΟ, в которых можно видеть варварских ставленников скифских царей или даже самого царя.

Наверное, так оно и было. Эмиссия первых серебряных монет Ольвии с именем Эминака отразила потребность в собственной монете для этого полиса. Во многом она явилась ответом на предшествующий ей по времени выпуск серебряных монет Истрии, которые ко второй половине V в. до н. э. широко распространились в Северо-Западном Причерноморье. На аверсе монет Эминака изображен коленопреклоненный Геракл, а на реверсе — солярное колесо, окруженное четырьмя дельфинами. Если и колесо, и дельфины на ольвийских монетах можно рассматривать как одну из эмблем этого полиса, то на аверсе, несомненно, представлен один из

основных эпизодов сохраненной Геродотом [IV, 8–10] скифской этногонической легенды — «натягивание лука», точнее, приведение его в боевую готовность [Карышковский, 1988].

Это греческая легенда о происхождении скифов. У некой женщины-змеи, жившей в Гилее, было три сына от Геракла: Агафирс, Гелон и Скиф. Покидая Гилею и эту женщину, Геракл оставил своим сыновьям лук, пояс и чашу. Кто из них сумеет натянуть лук, тот получит пояс и чашу и будет владеть всей страной. Геракл на прощание показал, как это делается. Впоследствии натянуть лук удалось только младшему сыну Скифу, а старшие сыновья выселились из страны и стали родоначальниками племен агафирсов и гелонов.

Греческое происхождение легенды о Скифе, сыне Геракла, натягивающем лук, изображенном на аверсе ольвийской серебряной монеты, а также негреческий характер имени Эминака заставляют П. О. Карышковского полагать, что Эминак был царем или предводителем одного из скифских племен, живших со второй трети V в. до н. э. близ Ольвии. Значит, монеты Эминака доказывают усиление скифского протектората над Ольвией и, видимо, Борисфеном после казни Скила, которая произошла примерно в 450 году до н. э.

В Никонии же, по-видимому, была иная обстановка. Здесь, наряду со строительством оборонительных стен, наблюдается распространение монет Скила — скифского царя с истрийской ориентацией. Ясно, что он реально властвовал именно над Никонием. Сова на аверсе его монет может означать и ориентацию на Афины, причем в те годы, когда формировался Афинский морской союз. Эллинофильство Скила, таким образом, оказывается не только результатом происхождения и воспитания; оно проявляется и в антискифской политике. В таком случае протекторат Скила над Никонием оказывается не таким уже «варварским». Он отражал истрийско-афинскую политическую линию, которой Ольвия тогда, видимо, не придерживалась.

Истрийские симпатии Скила давно обратили на себя внимание. «Скил намеревался строить на базе греческого Никония свою, независимую от Ольвии, торговую и финансовую политику», а потому он «стал жертвой интриг ольвиополитов, договорившихся со скифской верхушкой о замене его «настоящим скифом». Нумизматы увязывают появление монет Скила в Никонии с его изгнанием и превращением им этого города в опорный пункт для борьбы с Октамасадом.

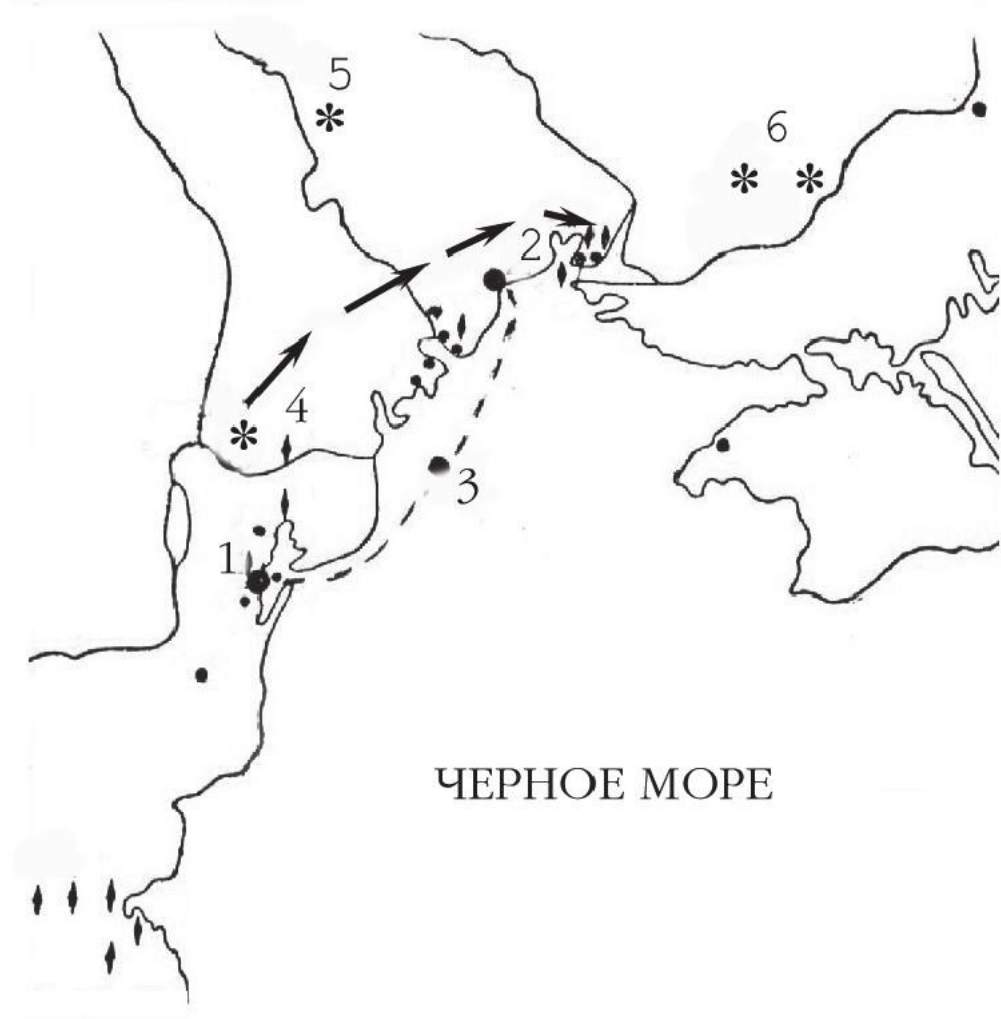
Последнее, впрочем, сомнительно. Рассказ Геродота оставляет впечатление, что свержение Скила, его бегство и казнь были быстрыми, даже стремительными. Стало быть, он не мог закрепиться в Никонии и, тем более, выпускать в столь экстремальной ситуации собственную монету, да еще и с разными номиналами — последнее явно предполагает достаточную длительность эмиссии.

Опора Скила на Никоний выглядит естественной с учетом того, что этот город был основан Истрией во второй половине VI в. до н. э. Впрочем, не исключено, что он скоро попал под власть скифов и даже был ими назван в честь победы над Дарием (Никоний — город победы) [Охотников, 1990: 67–70]. Все это логично, и тогда в правление «истрианина» Скила город должен был противопоставлять себя Ольвии. Не исключено, что именно против скифов и были построены в нем оборонительные сооружения.

Все сказанное может означать, что в Скифии примерно около 450 г. до н. э. произошел государственный переворот — свержение истрийско-эллинской «партии» скифо-ольвийской оппозицией, которая при этом сумела замирить сочувствующих Скилу фракийцев в лице одрисов и их царя Ситалка. Это же означало разделение сфер скифо-фракийского влияния между устьями Истра и Гипаниса. Результатом было закрепление скифов в Ольвии и Борисфене, что выразилось в серебряных монетах Эминака — ольвийском ответе на эмиссию серебряных монет Истрии, начавшуюся значительно ранее.

Действительно, к тому времени истрийские монеты, известные в Северном Причерноморье с рубежа VI–V вв. до н. э., распространяются здесь еще более широко. Крайние восточные области их находок — скифское городище на Днепре, Каменское и Северо-Западный Крым. Но зонами их наибольшей концентрации являются районы самой Истрии и Никония. Такая ситуация характерна для всего V в. до н. э. Наблюдается она и в дальнейшем.

Ясно, что ареал и характер распространения монет свидетельствуют о влиянии выпускавшего их экономического центра. Большинство истрийских монет — медные «колесики», наибольшее число которых найдено в Истрии и Никонии. Их также находят практически повсеместно в различных пунктах черноморского побережья вплоть до Ольвии. Таков же ареал и серебряных истрийских монет (с Диоскура-

ЧЕРНОЕ МОРЕ

- Местонахождения истрийских монет.*
 → → → Поход Золириона
 - - - - - Морской путь между Истрией (1),
 гаванью Истриан (2), через остров Левке (3)

ми на аверсе), выпуск которых в Истрии начался значительно раньше, чем в Ольвии. Их изучение показывает, что именно они играли едва ли не самую существенную роль в торговле всего Западного и Северо-Западного Причерноморья. Этим монетам даже стали подражать на местах. Судя по топографии находок, они глубоко проникали в варварскую среду.

Монеты же других городов — Ольвии или Тиры — проникали в гето-фракийскую и скифскую среду лишь изредка и

нерегулярно. Получается, что Истрия играла ведущую роль в экономике и торговле региона. В связи с этим понятен выпуск ольвийской серебряной монеты как ответ на истрийскую монетную экспансию. Такой ответ стал возможен лишь под сильным скифским протекторатом и после свержения «истриофильского» скифского царя Скила.

Концентрация упомянутых «колесиков» и серебряных монет (драхм) в приморской части междуречья Днестра и Южного Буга предполагает существование здесь довольно крупных истрийских центров. Таковым мог быть Никоний, где за многие годы систематических раскопок обнаружено несколько сотен медных «колесиков» и множество серебряных драхм. До начала наших раскопок в Одессе ведущая роль Никония как крупнейшего истрийского центра в нашем регионе по мере его археологического изучения казалась все более очевидной. Между тем, обнаруженный нами под одесской застройкой город, даже по самым скромным подсчетам, оказывается по размеру куда больше Никония. Кроме того, здесь также были найдены истрийские «колесики» под памятником Глушко. В частных коллекциях оказались и экземпляры редких истрийских серебряных драхм. Одна из них, с изображением Диоскуров на аверсе, была найдена в траншее во дворе гостиницы «Лондонская». Это может означать, что Борисфен (или Гавань Истриан) был тогда одним из крупнейших центров истрийского влияния в Северо-Западном Причерноморье.

Таким образом, территория распространения монет Истрии наполняется реальным историко-политическим, экономическим и этнокультурным содержанием. Опорными пунктами «граждан города Истрии» к востоку от Днестра были основанные ими ранее Никоний и Борисфен (или Гавань Истриан) на берегу Одесского залива. Если вспомнить, что Хаджибейский лиман в те времена мог соединяться с этим заливом широкими протоками, то вполне естественно, что на его противоположном берегу, у Жеваховой горы, располагалась Гавань Исиаков скифов. Получается, что этнополитическая граница между упомянутыми скифскими племенами калипидов (а позднее исиаков) и истриано-фракийцами проходила именно по Хаджибею. Это наблюдение совпадает с единодушными заключениями археологов о западной границе Ольвийского полиса в V–IV вв. до н. э. — по имеющимся данным, она проходила у нынешнего Хаджибейского лимана.

Обнаружение истрийских опорных пунктов в царстве Скила объясняет возможность его стремительного бегства во Фракию. Вряд ли он мог легко бежать сухопутным путем: его неминуемо схватили бы люди Октамасада. Но Скил мог иметь сторонников в Борисфене, которые тайно и быстро переправили бы его морем в Истрию, под защиту фракийцев Ситалка. Логично предположить, что Скил бежал от своих преследователей именно отсюда. Борисфен, по сути, дочерняя Истрия — Гавань Истриан — крупный город в центре его владений, мог надежно укрыть царственного беглеца от скифской погони. Но он не смог уберечь его от судьбы.

Под знаком Диоскуров

Предположение о существовании второй, как бы дочерней, Истрии (или Гавани Истриан) в «одесском» Борисфене, на берегу нынешнего Одесского залива в свете изложенных сведений и соображений представляется вполне обоснованным. Это допускают значительные размеры открытого нами города — одного из крупнейших в Северо-Западном Причерноморье в VI–V вв. до н. э., который лишь впоследствии, ко II в. н. э., превратился в захудалую якорную стоянку, в смутное воспоминание о былом величии. Его расположение в центре Скилова царства и тогдашнее немалое значение могут объяснить и матримониальный выбор Ариапифа — брак с истрианкой, не туземкой, как подчеркивает Геродот, но эллинкой, а, стало быть, горожанкой. В таком случае очень вероятно, что она происходила как раз из «одесского» Борисфена. Если это так, то, с точки зрения «одесского патриотизма», Скил родился и вырос в Одессе, где получил соответствующее воспитание, которое его впоследствии и погубило.

Морской путь из «торжища Борисфенитов» — Гавани Истриан, или дочерней Истрии, в саму материнскую Истрию примерно соответствовал современному пути из Одессы в Констанцу. Отличие заключается отчасти в том, что в античные времена этот путь пролегал через остров Змеиный, или Левке, где располагалось знаменитое всеэллинское святилище Ахилла. Посещение Левке, видимо, было почти неизбежным при таком маршруте. Не исключено, что Скил там побывал, тем более что беглец, как никто другой, нуждался

в божественном заступничестве. Ясно, что военно-политический контроль над островом, освящаемый именем самого Ахилла, был чрезвычайно важен для торговцев и мореплавателей: остров, пожалуй, в этом отношении играл ключевую роль для Северо-Западного Причерноморья.

Уникальное расположение острова на торговых путях, имевших важнейшее значение для древнего мореплавания, придавало культу Ахилла общеэллинский характер. Флавий Арриан хорошо знал, что остров Левке посещали не только случайные мореходы, но сюда специально направлялись для поклонения герою... «А некоторые рассказывают, — пишет Арриан, — что Ахилл является им наяву на мачте или в конце рей, подобно Диоскурам. Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову».

В этом свидетельстве Арриана, описавшего защитные (сотерические) функции Ахилла по отношению к мореплавателям, в том числе и путешествующим между Истрией и Гаванью Истриан, названы и Диоскуры, изображение которых украшает аверсную сторону серебряных истрийских монет. А если это так, то мы встретились с очень важным божеством.

Принято считать, что верховным божеством Истрии (как, впрочем, «ранней» Ольвии и Борисфена) в IV в. до н. э. был Аполлон Врач. Диоскуры же появляются в истрийской эпиграфике позднее, лишь с середины III в. до н. э., и упоминаются редко. Между тем общеизвестно, что аверс монеты представляет герб города или государства, его основной смысл, назначение и символику. В нашем случае, если на аверсе истрийских серебряных монет V–IV вв. до н. э. изображены именно Диоскуры, то как бы очевидно, что именно они в эти столетия олицетворяли в общественном сознании истриан основную сущность и функции их полиса. Естественно, что и в этом случае функции Диоскуров также были сотерическими — защищающего и спасающего божества.

Для того чтобы их понять, напомним, что Диоскуры — близнецы, сыновья Леды, отцом которых был либо Зевс, либо супруг Леды Тиндарей (отсюда — Тиндариды). По другой версии, один из братьев, Полидевк (лат. Поллукс), был сыном Зевса, а другой, Кастор, был сыном Тиндарея и потому смертен. Наиболее распространенные мифы говорят о трех подвигах Диоскуров: освобождение своей сестры Елены, по-

хищенной Тесеем; участие в походе аргонавтов, в котором Полидевк победил Амика; битва с сыновьями царя Афарея — Идасом и Линкеем. В ней Кастор был убит Идасом (но Полидевк убил Линкея, сам же Зевс испепелил Идаса — на всякий случай). Полидевк, не желая пережить брата, просил Зевса послать ему смерть или дать возможность поделиться своей жизнью с Кастором. Тогда Зевс позволил братьям жить попеременно: ночь в подземном царстве (Аиде), а день — на Олимпе. (Вспомним, что и Ахилл, оказавшись в подземном царстве, испытал как бы «функциональную инверсию», сделавшись его владыкой.) По некоторым преданиям, Зевс в награду за братскую любовь Диоскуров сделал их созвездием Близнецов, или утренней и вечерней звезды.

Миф о Диоскурах, таким образом, символизирует смену и органичную взаимосвязь жизни и смерти, света и тьмы. Их культ в классическую эпоху носил всегреческий характер: именно эти близнецы-герои пользовались большей благосклонностью Зевса, чем любая другая пара близнецов. В противном случае, как полагает Р. Грейвс, созвездие Близнецов было бы названо в честь Геракла и Ификла или же Идаса и Линкея [Грейвс, 1992: 193–195]. В этом смысле Диоскуры превосходили Геракла в эллинском сознании. Ощущение такого превосходства можно обнаружить в аверсной символике двух соперничавших полисов — Истрии и Ольвии — на серебряных монетах V в. до н. э. Взаимная оппозиция налицо — Диоскуры на истрийских монетах противостоят Гераклу на ольвийских монетах с именем Эминака. Изначальное превосходство Диоскуров над Гераклом может казаться очевидным каждому эллину — ведь, согласно мифу, не кто иной, как Кастор, обучил Геракла искусству рукопашного боя, благодаря чему последний и был подготовлен к многочисленным подвигам.

Противопоставление сотерических функций Диоскуров и Геракла иллюстрирует их взаимозаменяемость. Диоскуры считались самыми искусными укротителями коней, кулачными бойцами, они были покровителями в битвах, в мореплаваниях и спасителями при кораблекрушениях. Особенно они почитались в Спарте — как защитники государства и покровители гимнастики. Изображались Диоскуры прекрасными юношами в овальных шапках (носимых греческими моряками), часто с конями. Ясно, что их могущество было достаточным, чтобы защищать любую полисную

государственность. И в случае возможного соперничества Истрии и Ольвии искусственное противопоставление Диоскуров Гераклу могло вполне отражать и тенденцию к политическому противостоянию.

Между тем, если взглянуть на аверсные изображения на истрийских серебряных монетах V–IV вв. до н. э., то очевидно, что они отличаются от канонических изображений Диоскуров. Здесь мы видим головы двух безбородых молодых мужчин. Нет общепринятого мнения о семантике этого изображения: головы соединены между собой таким образом, что одна из них отчеканена в перевернутом положении.

Большинство известных гипотез о семантике «истрийских голов» исходят из их понимания как абстрактного олицетворения сил природы или географических объектов. Так, еще в XVII в. И. Фосс, известный эрудит, высказал идею о том, что головы являются изображениями реки Истра (Дунай), которая, согласно географическим представлениям древних греков, впадала одним рукавом в Черное, а другим в Адриатическое море. Поэтому двойное изображение реки в связи с массовым вывозом гето-фракийских рабов на греческие рынки было оформлено с подчеркнутыми признаками местного этнического типа населения. Близки к этому и предположения, что на монетах изображены не два устья Истры, а это река и Черное море, куда она впадает; или два течения близ устьев Дуная — из реки в море и возникающее под влиянием ветра обратное течение; или два вида плавания: по бурному морю и по спокойной реке. В связи с нашим сюжетом выделим догадку известного филолога XIX в. И. Беккера о том, что головы на монетах символизируют отдельно город Истрию и отдельно ее гавань (эмпорий) — в нашем случае Борисфен, или Гавань Истриан.

Впрочем, большинство предположений основано на том, что на аверсах истрийских монет изображены именно божества-близнецы Диоскуры. Именно их впервые увидел в «истрийских головах» немецкий историк И. Экгард в начале XVIII в., с тех пор его мнение наиболее распространено. В дальнейшем давались и другие объяснения непонятного изображения. В нем узнавали Аполлона-Гелия, олицетворявшего двумя головами восходящее и заходящее солнце, видели в противопоставленных лицах двуликого Борея или безымянных богов ветров, господствующих в устьях Дуная, неизвестных гето-фракийских небожителей аборигенных племен и даже легендарных героев эпохи основания города Истрии.

Очевидно, все высказанные мнения по-разному абсолютизируют одну из сторон синкретичного мифологического мышления греков, которое при этом было все же совершенно конкретным — известно, что они общались с богами и героями запросто и непосредственно. В этом легко может убедиться каждый, кто возьмет на себя труд перечитать Гомера. Как и другие боги, Диоскуры вполне отвечали едва ли не любым запросам, в зависимости от ситуации. И неудивительно, что в Истрии, находившейся на фракийских землях, близнецы-Диоскуры стали адаптироваться к местным условиям, приобретая черты фракийских богов-близнецов Кабириов [Алексеев, 1982].

Кабиры, именовавшиеся у греков «великими» или «самофракийскими» богами, считались рожденными на острове Лемносе, вулканическая природа которого давала повод видеть в них сыновей Гефеста — бога огня и кузнечного дела, сына Зевса и Геры. Это были доброжелательные божества, связанные с подземным огнем, рудными богатствами и кузнечным делом. При этом Кабиры рассматривались как покровители виноградарства и мореплавания. Кабириов сближали уже в древности с другими парными богами-близнецами, прежде всего с Диоскурами — помощниками в битвах и защитниками от морских бурь. Возможно, образы этих близких божественных пар иногда сливались полностью.

Кабиры часто изображались на монетах городов тех регионов, которые были центрами металлургии. Известно, что Истрия была одним из таких центров, и изображение Кабириов на аверсе ее монет представляется вполне естественным и объяснимым.

Мифы, связанные с Кабирами, были широко распространены среди земледельцев и ремесленников. В Истрии в V в. до н. э. как раз усиливается «средний слой» торговцев, мореплавателей и ремесленников, начавших политическую борьбу за свержение олигархического правления. Победа этих демократических слоев обычно датируется V в. до н. э., тем самым временем, когда появились занимающие нас серебряные монеты.

Материалы из раскопок Истрии не оставляют сомнений в том, что жители города испытывали сильное влияние фракийских верований и культов. Наиболее древние учреждения города — филы — выступают в истрийских надписях как прямые почитатели Кабириов, «богов самофракийских».

Видимо, этот культ утвердился в Истрии даже раньше культа Диоскуров, с которым он органично соединился уже к V в. до н. э., отразив тем самым местные особенности греко-фракийского этнокультурного взаимодействия.

Известно, что Диоскуры на монетах греческих полисов изображались хотя бы с одним из присущих им атрибутов — колпаковидные шапки, лошади, звезды и т. п. На серебряных монетах Истрии этих атрибутов нет. Видимо, Кабиры не имели своих специфических символов. На Кабиров может указывать форма, в которой на монетах выражена идея двух противоположных начал — «несомненно, негреческая в своей основе», а черты юношеских лиц имеют порой явные признаки неэллинского типа, характерные, по выражению Аристофана, *Istriana metora* («истрийские лбы»). Вполне естественно было изобразить похожими на местных жителей тех богов, культ которых сложился в местной этнической среде, а не лица самих Диоскуров — чисто греческих богов.

На истрийских монетах разных групп головы юных божеств часто изображены контрастно: одно лицо — суровое, грозное, волосы на голове вздыблены и разбросаны, другое — спокойное, даже равнодушное, волосы моделированы в виде шаровидных локонов или расчесаны и приглажены. Не исключено, что облик одного из богов — устрашающий — оформился под воздействием местных гето-фракийских традиций. Это же может подтверждать композиция голов, одна из которых всегда перевернута по отношению к зрителю, что характерно для традиционного фракийского художественного мышления.

Эта особенность мышления подчеркнута на истрийских серебряных монетах вертикально-антипоидальной композицией голов Кабиров-Диоскуров — они, как парные, перевернуты на 180 градусов по отношению друг к другу. Другим памятникам фракийского искусства первой половины I тыс. до н. э. также свойственна подобная антипоидальная композиция. Это топорики-амулеты с раздвоенным обухом, заканчивающиеся головами баранов, коней, птиц, фракийские конные украшения — бляхи, в основе композиции которых лежит солярный крест со сломанными концами — лошадиными головами. Возможно, эти головы — древнейшая зооморфная оболочка самих Кабиров: ведь античные боги-близнецы мыслились в образе коней. Изображения богов-близнецов с головами коней известны на монетах из городов

Западного Причерноморья — в ареале фракийского мира. Тот же соляренный крест со сломанными концами повсеместен на истрийских монетах-колесиках.

Сказанное означает, что семантика изображений на истрийских монетах отражает не только некий греко-фракийский ментальный симбиоз, породивший соответствующую культурную близость, но и конкретные историко-политические реалии. Сравнение аверсов серебряных монет Ольвии и Истрии указывает на противостояние двух греко-варварских объединений: скифско-ольвийского и фракийско-истрийского. Эта оппозиция в ольвийской чеканке серебра ясно выразилась в изображении Геракла как основного героя скифской этногонической легенды. Скифский Геракл, готовящий оружие к бою, противостоит Кабирам-Диоскурам. Такое толкование вполне соответствует всем приведенным выше историко-археологическим наблюдениям.

Вернемся к вероятности существования двух Истрий: материнской — к югу от Дуная, и «одесской», дочерней — Борисфену (Гавани Истриан). Напомним в связи с этим предположение И. Беккера о том, что двойное изображение на монетах означает две разных Истрии — сам город и его эмпорий. Уточним лишь, что в нашем случае речь идет об апоийкии — Борисфене или Гавани Истриан, превратившейся к V в. до н. э. в крупнейший истрийский город на восточных границах гето-фракийского мира — фактически во вторую Истрию. Двойное и антипоидальное изображение истрийских голов конкретно на это указывает. Равно как и неодинаковость выражений их лиц. Так, устрашающий лик одного из близнецов символизирует и соответствующую военно-политическую функцию Борисфена (Гавани Истриан) — готовность дать гневный отпор вооружающемуся Гераклу, т. е. скифам и Ольвии. Такой гнев естественен в условиях усиления скифского давления на запад.

На географической карте можно видеть, что остров Левке со святилищем Ахилла находится едва ли не точно в середине морского пути между Истрией и Борисфеном (Гаванью Истриан). Оба города симметричны друг другу и, при движении вокруг оси этой симметрии на острове Левке, оказываются в антипоидальной оппозиции, в такой же, как и головы юношей на истрийских монетах. Это может быть интерпретировано так, что юноши — Диоскуры — оберегают оба участка морского пути, которые сходятся у острова.

Здесь мореплавателей, по свидетельству Арриана, защищает уже Ахилл. Покровительство Диоскуров усиливают на всем этом пути сотерические функции Ахилла, семиотически обеспечивая полную надежность мореплавания в северо-западном Понте.

Ясно, что военно-политический контроль над всеэллинским святилищем Ахилла был исключительно важен и для истриан, и для ольвиополитов. Но если наше толкование истрийских аверсов верно, то осуществляли этот контроль именно истриане. Причем на протяжении всего периода чеканки серебряных монет с Диоскурами-Кабирами — до 330-х гг. до н. э., а затем она прекращается. Обратимся к этому «нумизматическому сюжету».

На весах судьбы Зопириона

Историческая ситуация в причерноморской части степей между устьями Дуная и Днестра во второй половине V и большей части IV вв. до н. э. столь же туманна, как и прежде, во времена Скила. Контуры политических событий по-прежнему размыты, неопределенны и едва проглядываются при сопоставлении крайне скурых и разнородных сведений.

Действительно, мы не располагаем какими-либо повествовательными источниками о племенах Северо-Западного Причерноморья со второй половины V в. до н. э., от момента казни Скила около 450 г. и вплоть до 331 г. до н. э., времени похода фракийского наместника и македонского военачальника Зопириона против Ольвии и скифов. Известие о походе, как уже упоминалось, донесено до нас Макробием, римским сановником и писателем конца IV и первой половины V в. н. э., более чем через восемь столетий после случившегося события.

Археологическая экспозиция степной зоны между Днестром и Дунаем — это поселения земледельцев с гето-фракийской керамикой; на них встречаются и обломки греческих амфор. На восточном берегу Днестра в это время продолжают жить скифы — кочевые, оставившие многочисленные погребения, а также оседлые. Значит, нижнее течение Днестра к IV в. до н. э. отделяло скифов от их гето-фракийских соседей. Это следует из археологических наблюдений.

Но, видимо, политическое влияние скифов на западе было куда сильнее. Об этом можно косвенно судить по сообщению историка Фукидида (429 г. до н. э.) в связи с подготовкой несостоявшегося выступления одрисов во главе с Ситалком против Пердикки Македонского. Оценивая политическую ситуацию на Балканах, Фукидид пишет, что держава одрисов уступает скифам по силе и по количеству войска. С ними «не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел».

Очевидно, и после смерти Скила в Скифии продолжались династические распри, приводившие к ее ослаблению и, возможно, даже расколу. Смягчается, а затем и ликвидируется скифский протекторат над Ольвией.

С 440-х гг. в Ольвии усиливается власть греческих тиранов [Виноградов, 1989: 121, сл.]. Это сопровождается прекращением чеканки и литья монет с Гераклом и именем Эминака. Предположительно в 437 г. Ольвию посетила экспедиция Перикла, город становится членом Афинского морского союза — Архэ. В 400–390-х гг. происходит свержение ольвийской тирании и ликвидация скифского протектората. К власти приходят демократы. Возобновляется чеканка монет — литых оболков с изображением Горгоны и надписью ОЛВИО. Наряду с этим едва ли не исчезнувшая во времена Скила ольвийская хора начинает быстро возрождаться, причем в масштабах, которые превосходят прежние. На территории старых поселков, как и на новых местах, в пределах прежних границ полиса возникает большое количество аграрных поселений. Этот факт отражает стремление обновленного Ольвийского государства восстановить свое сельское хозяйство, нормальное функционирование которого было некогда нарушено диктатом скифов.

Со стороны же скифов, как видно, снижается активность по отношению к полисам Побужья. Зато она увеличивается на западе от Днестра. Если для конца VI–V вв. до н. э. к западу от Днестра известны одиночные погребения и курганы на общем фоне гето-фракийского этнокультурного земледельческого массива, то к концу V в. здесь появляются крупные могильники, которые существуют до начала III в. до н. э., в том числе и святилище и могильник на Жеваховой

горе *. Очевидно, в IV веке тут начинается оседание скифов на землю, усиливаются их торговые контакты с фракийским населением Подунавья. Эти археологические наблюдения отражают ситуацию, сложившуюся к началу мощного движения скифов на запад во главе с царем Атеем во второй четверти IV в. до н. э.

Движение скифов на запад археологи объясняют их довольно быстрым вытеснением из причерноморских степей сарматами, памятники которых обнаруживаются на левобережье Днестра уже со второй половины IV в. до н. э. Возможно, из-за этого контроль над Ольвией был скифами временно утрачен. При этом к западу от Днестра продолжают преобладать гето-фракийские поселения. Видимо, фракийское влияние здесь не ослабляется, несмотря на давление скифов. А если фракийское влияние связано с истрийским, то оно оказывается куда значительнее. Это ясно из наблюдений над топографией монетных находок.

Из всех крупных городов Северо-Западного Причерноморья (Истрия, Тира, Ольвия) именно Истрии принадлежит обособленное и ведущее место в монетной чеканке для середины V – второй трети IV в. до н. э. Истрийские медные и серебряные монеты широко распространены по обоим берегам Нижнего Дуная и в прибрежной полосе Черного моря, вплоть до Днестра. Их картографирование позволяет видеть широкое проникновение истрийских монет вглубь территории всего этого региона, а не только в греческие города.

Если торгово-экономический контроль Истрией прилегающих территорий кажется естественным, то широкое распространение истрийских монет к востоку от Днестра пока не получало удовлетворительного объяснения. Очевидно, такое объяснение также станет естественным после обнаружения нами крупного истрийского центра на берегу Одесского залива — Борисфена, или второй Истрии. Однако сведения о монетных находках здесь документированы не вполне надежно и пока не опубликованы.

Зато они опубликованы для Никония. Монеты Истрии V–IV вв. до н. э. явно преобладают. Это давно известно. Сейчас же эту информацию дополняет сообщение коллекционера С. В. Хейфеца о количестве монет из Никония, находящихся в частных коллекциях. Их около 800, и это чис-

---

* Он стал именоваться Одессосом (см. часть 3).

до значительно превышает официальные научные данные [Хейфец, 1991: 106–108].

Преобладание истрийских монет кажется просто подавляющим. Из 800 экземпляров около 700 — истрийские. Тира представлена 58-ю экземплярами, Ольвия — лишь 18-ю. При этом все истрийские монеты (в большинстве своем — «колесики») относятся к так называемому «автономному периоду», который датируется 360–330 гг. до н. э.

Окончание автономного периода (330 г.) совпадает с прекращением обращения истрийских монет к востоку от Днестра. С этой же датой связаны и тезаврации крупнейших кладов с истрийскими монетами: Орловского (близ переправы через Дунай), Дороцкого (у Дубоссар, близ переправы через Днестр) и двух кладов под Херсоном — Камышанского и Висунцовского (близ переправы через Днепр). Глядя на карту, легко убедиться, что все они зарыты примерно на одинаковом расстоянии от Никония и Борисфена (Гавани Истриан) почти одновременно и также около 330 г. до н. э.

Раскопками Никония давно установлено, что в конце третьей четверти IV в. до н. э. город пережил катастрофу: жилые кварталы погибли в огне, а оборонительные сооружения были разрушены. Дата разрушений совпадает с датами тезаврации всех названных крупнейших кладов с истрийскими монетами, с исчезновением «колесиков» в Никонии и во всем регионе к востоку от Днестра. Ясно, что клады сохраняются лишь тогда, когда спрятавшие их люди за ними не возвращаются. Видимо, не удалось вернуться и беженцам-истрианам из Никония и Борисфена (Гавани Истриан). Им не повезло. Зато повезло нам, через два с половиной тысячелетия. Ведь клады оказались не востребованными их владельцами, наверное, погибшими.

Вернемся к политической обстановке третьей четверти IV в. до н. э. в связи со скифо-фракийско-эллиническими отношениями. Отмеченная западная активность скифов резко усиливается при царе Атее, который, по словам Страбона, автора известной «Географии», господствовал над всей причерноморской Скифией. По другим данным, Атей был лишь вождем одного из скифских племен, кочевавших в районе Нижнего Дуная. Так или иначе, Атей обратил на себя внимание древних авторов в связи со своей воинственностью. Он воевал с царством одрисов, с трибаллами, истрианами, пытался подчинить и некоторые города западного побережья

Письмо Зопириону от Никофана

Черного моря. В Истрии прослежены следы разрушений, произведенных, по мнению многих археологов, именно Атеем. Это не улучшило отношение истриан к скифам. Сдался (или же отдался под протекторат) скифам и город Каллатис, что подтверждается выпуском в 343 г. до н. э. здесь монеты с изображением скифского всадника и именем Атея.

Атей вмешался во фракийские дела как раз тогда, когда на престол Македонии взошел Филипп II, отец Александра Македонского. Он также стремился овладеть Фракией. Временный союз Атея и Филиппа кончился, естественно, их во-

енным столкновением в 339 году. Скифы были разбиты, Атей погиб в битве. Ему как будто было тогда около 100 лет. Филипп занял Фракию, скифы покинули Добруджу. Историки связывают поражение Атея с раздробленностью и слабостью Скифии. Усилившаяся Македония подчинила все фракийские земли к югу от Дуная. С приходом к власти Александр Великий в 335 г. до н. э. совершает поход против гетов и трибаллов на левобережье Дуная. Скифов здесь к тому времени уже давно не было. Вполне вероятно, что Александром был замирен едва ли не весь гето-фракийский этнокультурный массив, в который входили и истриане. Последние вряд ли симпатизировали скифам после разгрома Атеем их города. Видимо, Истрия, как и другие западнопонтийские города, в сложившейся политической ситуации подчинилась Александру и его фракийскому наместнику Зопириону совершенно естественно. Она стала верным (хотя, возможно, и вынужденным) союзником македонян. Это, в частности, позволило Александру Македонскому начать свой великий поход на Восток уже в следующем, 334 г. до н. э.

Другой поход — вдоль северного побережья Черного моря — был задуман Александром, вероятно, как встречный. Великий царь планировал создать свою империю, объединив все земли вокруг Черного и Каспийского морей. Это соответствовало его ойкуменическим устремлениям. Встречный поход на Восток через евразийские степи должен был возглавить наместник Фракии Зопирион. Он выступил в 331 г. до н. э., когда сам Александр уже был в Месопотамии.

Политическая и военная задача, стоявшая перед Зопирионом, видимо, была аналогична задаче Александра, который, прежде чем двинуться вглубь Азии, должен был замирить греческие ионийские города. Это ему блестяще удалось — один лишь Милет, материнский город понтийских полисов, оказал сопротивление. Однако Александр взял его штурмом, открыв себе дорогу на Восток.

Трудно судить о дипломатической прелюдии похода Зопириона. Похоже на то, что в своем движении вплоть до Южного Буга и осады Ольвии он не встречал сопротивления. Это можно объяснить лишь предположением, что истриане стали союзниками македонян. Они контролировали весь участок пути от Дуная до Борисфена на суше и на море, вплоть до западной границы Ольвийского полиса. Неясна позиция Тиря, однако никаких следов разрушений этого

времени здесь не обнаружено. Видимо, Тира не оказала сопротивления Зопириону.

Еще во времена Филиппа II македоняне устанавливают антиафинские отношения с Гераклеей и ее эмпорием Херсонесом. Так, в середине IV в. до н. э. Херсонес выпускает серию «парадных» монет, вероятно, по случаю победы над Ольвией в Северо-Западном Крыму. Отмечается македонское влияние на монетное дело Херсонеса и Керкинитиды на фоне их расширяющегося конфликта с Ольвией и Боспором. В третьей четверти IV в. до н. э. херсонеситы изгоняют ольвиополитов из Северо-Западного Крыма. Там также найдены истрийские монеты-колесики автономного периода. Значит, антиольвийская деятельность Херсонеса и Истрии была взаимосвязана.

К началу похода Зопириона Ольвия, таким образом, оказывается окруженной греческими полисами, союзными македонянам. Ее единственными союзниками оставались лишь отброшенные еще Филиппом от Дуная скифы. Получается, что дипломатическая подготовка похода Зопириона была удачной: одна лишь Ольвия стояла на его пути на Восток в 331 году. Видимо, это препятствие казалось Зопириону не столь уж существенным: он не мог не знать о победе Александра над Милетом.

Посмотрим на фоне сказанного на территорию к востоку от Днестра перед походом Зопириона через «нумизматический бинокль». Мы увидим зону, густо насыщенную истрийскими монетами. Их количество в Никонии столь велико, что производит впечатление истрийского «плацдарма» для похода на Восток. Все это — монеты чеканки 360–330 гг. до н. э. — наглядная иллюстрация подготовки македонской экспансии. Она маркирует направление македоно-истрийского удара против Ольвии, планируемого к концу 330-х гг. Очевидно, плацдармы готовятся в Никонии и в Борисфене (Гавани Истриан). Они обеспечивали беспроблемное продвижение македонской армии к Ольвии, победа над которой казалась делом решенным.

Как же Зопирион потерпел поражение? Снова обратимся к Макробию. В соответствующем разделе «Сатурналий», начинающемся словами: «Немало (случаев) показывает, что и в обществе сослужила службу рабская фортуна», приводятся несколько примеров того, как рабы, отпущенные на волю в тяжелое для государства время, взявши в руки оружие и

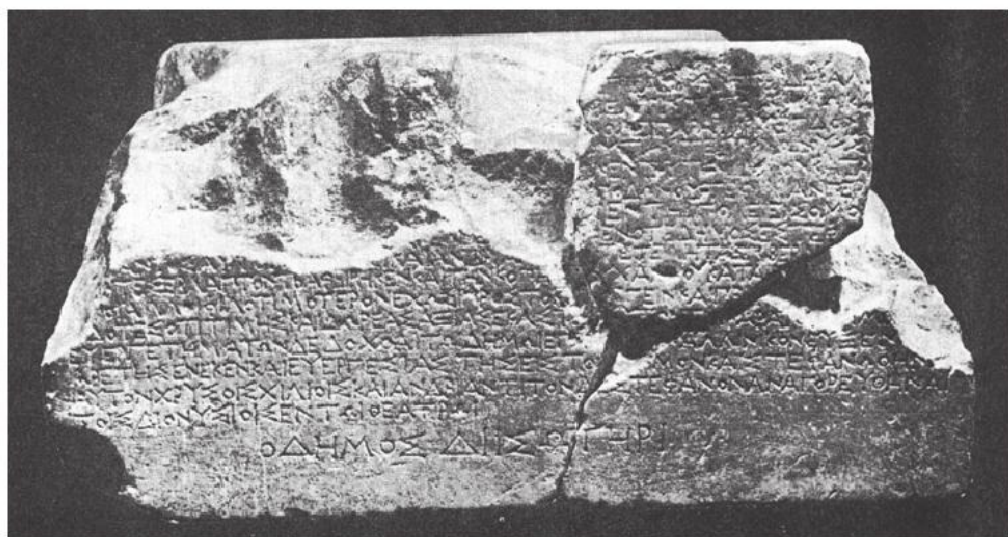
проявив мужество и доблесть, принесли большую пользу обществу. Затем Макробий говорит: «А чтобы ты не думал, что такое случилось только в нашем государстве, — Борисфениты (здесь — ольвиополиты. — А. Д.), осаждаемые Зопирионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага».

Свидетельство Макробия подтверждается известным декретом в честь Каллиника, сына Евксена. Декрет этот экстраординарный. В нем Каллиник, «будучи мужем прекрасным и добрым постоянно», награждается огромной денежной суммой в 1000 золотых и установлением бронзовой статуи за выдающиеся и исключительно важные деяния и услуги, оказанные городу в крайне тяжелое время. Именно благодаря решительным действиям Каллиника — отмене долгов и обложения, освобождению рабов — было достигнуто единодушие жителей Ольвии, мобилизованы все силы на оборону и тем самым спасена от македонского завоевания сама городская община.

В самом деле, во время осады положение Ольвии было отчаянным. Ведь, помимо дипломатической и военной блокады, в городе действовала «пятая колонна». Это подтверждается находкой на поселении Козырка близ Ольвии амфорного остракона — письма, переданного через ольвийского гражданина — изменника Никофана, в котором некто дарит Зопириону коня и просит от него конкретные инструкции. Очевидно, измена была раскрыта: сохранились археологические следы расправы с предателями в виде коллективного захоронения из 52 человек (включая детей и рабов в кандалах, побитых камнями и расстрелянных из лука).

Славная победа мужественных ольвиополитов, видимо, потрясла их самих. Это подтверждает другой декрет, сохранившийся на постаменте от конной статуи с острова Левке. Этот декрет синхронен предыдущему и относится к 30–20 гг. IV в. до н. э. Он также связан с награждением некоего чествуемого лица — вероятнее всего, того же Каллиника. Это лицо (Каллиник?) изгнало захвативших до этого священный остров (кого-то) и бывших с ними, затем прибыло в Ольвию и оказало много важных услуг народу ольвиополитов. Для составителя этого декрета главным деянием в жизни умершего было очищение острова. Именно за это народ ольвиополитов ставит на Левке его конную статую. Во всем содержании

Декрет в честь Каллиника

декрета сквозит горделивое желание показать всем грекам, как самоотверженно печется о благополучии священного острова Ольвия, которая при этом не считает Левку своим владением, но священной землей и храмом всех эллинов.

Декрет сохранился не полностью. В его дошедшей до нас части не указывается, от кого именно был очищен остров. Предполагается, что «от пиратов и иже с ними». Однако пиратов в Причерноморье всегда было немало, победа всего лишь над ними не может так высоко оцениваться. В связи с описанными обстоятельствами наиболее вероятно, что

владели островом именно македоняне и способствовавшие им истриане. Именно за эту победу Каллиник мог быть отмечен такими исключительными почестями. Ведь награды, если судить по обоим декретам, беспрецедентны: огромная сумма в 1000 золотых, бронзовая статуя в Ольвии и высшая мыслимая честь — конная статуя во всеэллинском святилище Ахилла. По уровню социальной оценки заслуг перед государством такую честь можно сравнить разве что с сооружением на Красной площади мавзолея В. И. Ленину. Ясно, что заслуги Каллиника были для Ольвии феноменальными и исключительными: он спас жизнь своему городу и народу в совершенно безнадежной ситуации, быть может, самой опасной за всю его историю.

Выясняя все эти обстоятельства, сегодня трудно невольно не восхититься подвигами Каллиника. Действительно, если представить себе шансы Ольвии на спасение, то они не просто кажутся ничтожными, их нет. К тому же, во время зопирионовой осады Ольвия еще не имела стен вдоль Гипаниса. Поэтому ольвийский флот должен был обеспечить охрану водных границ полиса с целью нейтрализовать действия флота противника. Очевидно, против них действовал флот Зопириона, основной базой которого мог быть Борисфен, или Гавань Истриан. Ясно, что во время осады ольвиополитам было не до острова Левке. Однако, как только они ликвидировали с помощью Каллиника социальный конфликт и благодаря этому сумели отстоять независимость своего отечества от страшного врага, то должны были первым делом ринуться вызволять святыню, отправив на остров Ахилла экспедицию военных кораблей во главе с неким доблестным ольвиополитом. Здесь для нас не столь уж важно, был ли это Каллиник или же кто иной. Но ясно, что враг был могущественен и крайне опасен. Вряд ли этим врагом могли быть какие-то пираты; другое дело — истриане на македонской службе, по мнению ольвиополитов, вражеские пособники или, в современном политическом лексиконе, «незаконные вооруженные формирования».

Так или иначе, Зопирион вынужден был снять осаду и отступить. По словам римского писателя II в. н. э. Юстина, он погиб, «поплатившись за необдуманное начатие войны с неповинным народом», где-то на Дунае. Вероятным археологическим свидетельством его гибели может служить великолепная находка парадного оружия близ дунайской пере-

правы у села Олэнешть. Бронзовые шлемы и позолоченные поножи, носящие метки их греческих владельцев, вполне могли принадлежать видным воинам злосчастливого македонского военачальника [Виноградов, 1990: 16].

Другим археологическим свидетельством гибели Зопириона является и упоминавшийся выше клад кизикских статеров у села Орловка, также близ дунайской переправы. 330-е гг. до н. э. — наиболее вероятное время его сокрытия. Следует добавить, видимо, к этим сведениям и клады с истрийскими монетами близ села Дороцкое у переправы через Днестр и два клада истрийских монет под Херсоном, у переправы через Днепр. Они также зарыты примерно к 330 г. до н. э. Тогда же мог быть разрушен и Никоний — опорная база истриан и Зопириона в войне против Ольвии.

Неизвестна судьба одесского Борисфена (видимо, уже Одессоса) — Гавани Истриан, другой вероятной военно-морской базы истрийско-македонского флота. Возможно, она разделила участь Никония. После поражения Зопириона и разгрома от ольвиополитов под Левке город потерял флот и остался беззащитным. Однако его разрушение, как, впрочем, и Никония, было для ольвиополитов бессмысленным — им было гораздо выгоднее получить готовые опорные пункты на западе. Вероятно, Никоний и Борисфен (Гавань Истриан) разрушили союзные с ольвиополитами скифы. Такая месть победителей за смерть Атея и унижительные последующие поражения кажется наиболее естественной. Если ольвиополиты, захватив священный остров Левке, закрепили, таким образом, свою победу на море, то скифы, со своей стороны, с удовольствием разрушили Никоний и Борисфен. Победа была полной, а победители — беспощадными.

Несчастливые жители Борисфена-Одессоса и Никония оставили клады у переправ через Днестр, Дунай и Днепр. Они бежали от скифской расправы к гетам, фракийцам и в Крым, к херсонеситам, бывшим союзникам македонян. Видимо, эти беглецы погибли или не сумели вернуться за своими сокровищами. Это позволяет нам сейчас воссоздавать их печальную историю. А она такова, что отношения Ольвии и Херсонеса после гибели Зопириона налаживаются, сама же Ольвия расцветает под новым, демократическим, правлением. Очевиден ее экономический и политический

подъем. Победа над врагом отразилась и в монетной чеканке — в эмиссии великолепных золотых статов с изображениями речного бога Борисфена и скифского оружия. Этой символикой Ольвия наглядно противопоставляет свою совместную со скифами победу над Истрией — над Диоскурами, и над Македонией — над олимпийской символикой монет Филиппа и над крылатой Nike золотых статов Александра. Такая чеканка — своеобразная декларация независимости, политическая демонстрация города, устоявшего перед армией, превышавшей численность его населения. И послезопирионовский период стал апогеем развития Ольвийского полиса.

Поражение Зопириона определило и выбор Александра Македонского, вынужденного отказаться от своих прежних ойкуменических планов. Теперь он решает направиться в Индию. Начинаются переговоры со скифами, которые также были заинтересованы в прекращении конфликта, поскольку затеяли войну с Перисадом I, царем Боспора. Скифские послы посещают восточную ставку Александра. Ответное посольство побывало в Северном Причерноморье. Находки здесь наборов скифского золотого оружия — ножен мечей и горитов (футляров для лука и стрел), выполненных греческими мастерами, — связываются с подарками, которые послы Александра раздавали скифской знати. Заручившись нейтралитетом скифов, Александр мог спокойно думать об Индии.

Судьбы побежденных Никония и Борисфена-Одессоса оказались печальными. Данные археологических исследований Никония показывают, что город после разгрома восстанавливается, но уже никогда не достигает своего прежнего расцвета. Возможно, с Борисфеном, который к тому времени сохранял лишь название Гавани Истриан, произошло нечто подобное. Тем более что море неуклонно наступало на разрушенный скифами город. Однако жители в ней оставались вплоть до II в. н. э., когда она была отмечена в перипле Арриана. Находки же обломков посуды римского и черняховского времен в наших раскопах пока позволяют предполагать, что поселок здесь существовал до конца IV в. н. э. Видимо, он окончательно погиб во времена гуннского нашествия, разделив тем самым участь остальных северо-понтийских античных городов.

Финикийцы и евреи в Северо-Западном Понте

В составе самых ранних, так называемых «позднеархаических», слоев и закрытых комплексов античных городов Северо-Западного Причерноморья (конец VII – первая четверть V в. до н. э.), среди многочисленных обломков амфорной тары и иной посуды греческого происхождения, а также лепной керамики местного производства, четко выделяется немалая и своеобразная группа сероглиняной гончарной посуды с лощением. Она отличается высоким качеством, стойкой, развитой и профессиональной ремесленной традицией. Такую посуду, число обломков которой на разных памятниках достигает 25 %, никто из археологов-антиковедов не берется определить в этнокультурном отношении сколько-нибудь уверенно или хотя бы внятно. Специальных разработок не имеется. Создается впечатление, что этот вопрос в соответствующей антиковедческой литературе, порой, просто игнорируется.

Кратко охарактеризуем эту группу сероглиняной керамики на примере материалов наших раскопок Борисфена-Одессоса [Добролюбский, 2001: 3–6]. Большинство находок представлено, в основном, обломками мисок с вогнутыми вовнутрь и отогнутыми наружу краями и фрагментами поддонов неопределенных типов. На многих мисках по венчику, а также у его основания на внешней стороне проведены неглубокие бороздки. Имеются и обломки массивных мисок закрытого типа с пролощенным по внешнему краю венчика орнаментом. Аналогии встречаются в Истрии, однако они имеют не истрийское происхождение, а, скорее всего, южнофракийское или же ионийское. Найдены также горловины и обломки тулов, с массивными петлевидными ручками, от сосудов типа кратера, фрагменты различных типов кувшинов и ойнохой, по-видимому, производства Истрии, двуствольные ручки, фрагменты кувшинов и чаш. Материалы этой группы керамики датируются VI – началом V в. до н. э. Найдена сероглиняная реплика открытого двурожкового (?) светильника. Количество этой посуды по сравнению с другими типами в одесской коллекции — более 25 %. Она занимает оторванное второе место, уступая лишь многочисленной амфорной таре.

Сходное соотношение наблюдается и на других крупных памятниках Северо-Западного Причерноморья — Ист-

рии, Ольвии, Никонии, Тире и др. Как показывает самый предварительный и беглый просмотр материала, такая посуда характерна для всех колоний Понтийского и Эгейского регионов, в частности для всех городов Ионии. Нет никаких сомнений, что в Понт Эвксинский она попала, наряду с греческой посудой, откуда-то из Средиземноморья.

На фоне тщательных типологических разработок греческой амфорной тары и иных типов керамики, которые ясно атрибутируются и отчетливо увязываются с различными греческими центрами Средиземноморья, такое отношение археологов к описанной сероглиняной посуде кажется не вполне понятным. Она многочисленна, ее типология довольно разнообразна, при этом совершенно очевидно ее негреческое происхождение. В таком случае кажется очевидным, что эту посуду изготавливало негреческое, инокультурное, однако, несомненно, городское ремесленное население, которое неизвестно откуда здесь взялось среди греческих колонистов. Почти вся греческая керамика этого времени — ионийская, импортная, а местная — грубая, лепная, которая хорошо и уверенно всеми археологами атрибутируется как скифская, гетская или фракийская.

Нам представляется, что при отсутствии внятных археологических аналогий и сколько-нибудь обстоятельных разработок этого вопроса, поиск его решения неминуемо смещается в область рассмотрения общеисторической ситуации, которая сложилась в Средиземноморье и Причерноморье в первой половине I тыс. до н. э. В самых общих чертах она выглядит следующим образом.

Хорошо известно, что с конца II — начала I тыс. до н. э. началась мощная морская колонизация из Восточного Средиземноморья, в частности из городов Сидон и Тир, с «сиро-финикийского» побережья, которая осуществлялась финикийцами. Она охватила, прежде всего, бассейн Эгейского моря. Один из основных путей финикийской колониальной экспансии проходил от Родоса вдоль западного побережья Малой Азии к Фасосу и Абдере. С XII—XI вв. до н. э. финикийцы постепенно вытесняют отсюда крито-микенских колонистов. В X в. здесь уже создано множество опорных пунктов финикийцев — факторий, якорных стоянок. На Фасосе и в южной Фракии финикийцы основывают и эксплуатируют рудники и храмы, которые выступают как организаторы производства. Об этом пишут Геродот, Плиний и Страбон.

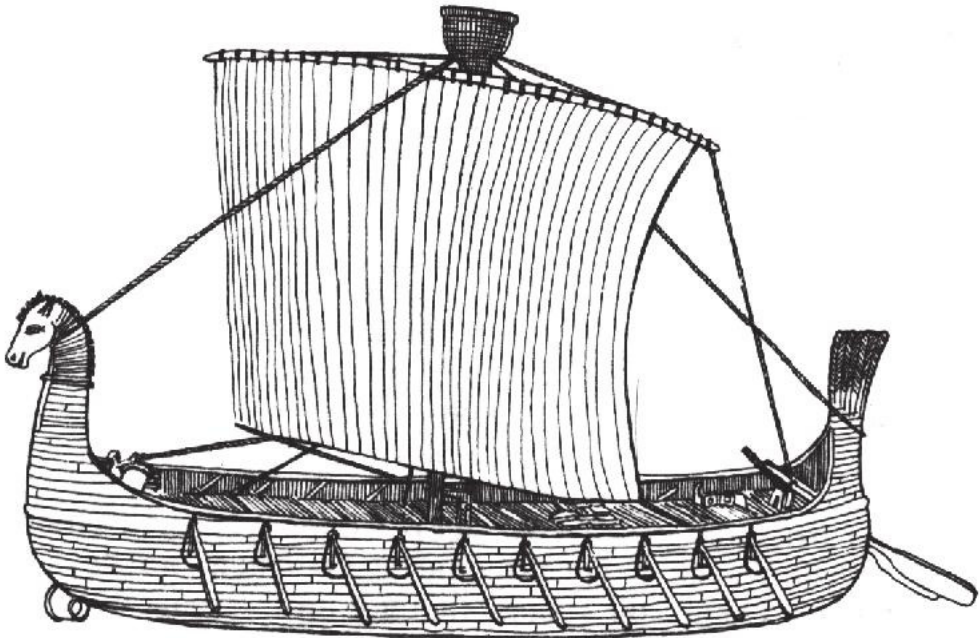
Об этническом составе финикийских колонистов мы знаем очень мало, однако очевидно, что он был весьма неоднороден и в нем значительную часть составляло израильско-иудейское население.

Известно, что после образования Израильско-Иудейского царства в 1020 г. до н. э. при царе Давиде финикийцы заключают с ним серию торговых договоров. Особенно тесные отношения сложились у иудеев с царем Тира Хирамом при Соломоне (965–968 гг. до н. э.) и продолжались много веков, по крайней мере, до времени Кира Великого, умершего в 530 г. до н. э. Самостоятельно иудеи, видимо, никогда не плавали и их корабли укомплектовывались финикийскими экипажами, «знающими море». На Синайском полуострове археологически обнаружены остатки верфей, на которых финикийцы, подданные Хирама, строили свои корабли. Многочисленные экспедиции иудеев с финикийцами в загадочные страны Офир и Фарсис породили обширную литературу и поиски копей царя Соломона.

В дальнейшем, согласно библейским свидетельствам, иудейский царь Иосафат (873–849 гг. до н. э.) «сделал корабли на море, чтобы ходить в Офир за золотом; но они не дошли, ибо разбились в Эцион-Гебере». Позднее Иосафат, вместе с израильским царем Охозией (850–849 гг. до н. э.) «соединился... чтобы построить корабли для отправления в Фарсис; и построили они корабли в Эцион-Гебере... И разбились корабли, и не могли идти в Фарсис». Можно видеть, что без помощи финикийцев израильтяне и иудеи не могли самостоятельно осуществлять морскую колонизацию.

Бурные социально-демографические процессы, проходившие на рубеже тысячелетий в Восточном Средиземноморье, в частности, в связи с разделением Израильско-иудейского царства после смерти Соломона на Израильское и Иудейское (начало X в. до н. э.), также хорошо известны. Не менее известно, что и в последующие столетия оба этих царства подвергались постоянным нападениям могущественных соседей, что побуждало евреев, преимущественно торговцев и ремесленников, к массовым миграциям с этой территории. Кажется очевидным и их активное участие в финикийской колонизации. В таком случае, мы можем говорить о первом крупном диаспорном расселении евреев в Средиземноморье.

Эти процессы совпали по времени с упадком Тира. После смерти Хирама здесь вспыхивают непрекращающиеся

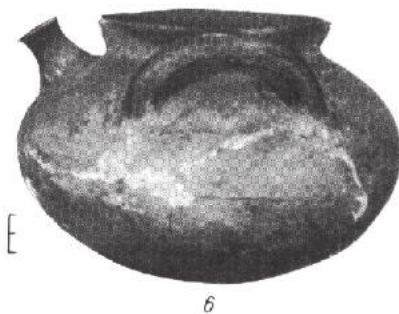
Финикийцы и евреи. Еврейский корабль

междоусобицы. Это приводит к очередному массовому изгнанию неугодных и также стимулирует финикийскую колонизацию. Тир фактически лишился флота и был захвачен ассирийцами Ашшурнасирпала II (883–859 гг. до н. э.).

Между тем, уже в X–IX вв. до н. э., финикийские колонисты освоили бассейн Эгейского моря, в частности Ионию и город Милет. Если сказанное справедливо, то еврейское торгово-ремесленное население, вывезенное финикийцами в ионийские города, было довольно многочисленным. К тому времени, с VIII в. до н. э., куда-то пропадают 10 колен Израилевых. Количество евреев-изгнанников резко увеличилось после 586 г. до н. э., когда было уничтожено Иудейское царство. Значительная их часть оказалась тогда в «вавилонском пленении». Не менее значительная их часть бежала на запад, в Ионию. Таким образом, наблюдаем второе крупное диаспорное расселение евреев в Средиземноморье.

С IX–VIII в. до н. э. в Ионии постепенно возрастает доля греческого населения. Греки здесь захватывают и политическую власть. Социально-демографические процессы в Греции, породившие Великую греческую колонизацию VIII в. и связанные с изгнанием из греческих городов «неугодных» и

Еврейская керамика

иноплеменников, привели к почти полному вытеснению финикийцев из Ионии греками. К концу VIII в. до н. э. эта волна колонизации выплеснулась в Причерноморье, и к середине VII в. достигла его северных берегов. Первые греческие колонии Северного Причерноморья — Истрия и Борисфен — были основаны 650–640 гг. до н. э. выходцами из Милета. Между тем известно, что задолго до греческой колонизации Понт был освоен финикийцами и, видимо, сопутствующими им выходцами из Иудеи и Израиля.

Экономический подъем Милета, который играл с IX–VIII вв. до н. э. значительную роль в морской торговле между европейской Грецией и странами Востока, общеизвестен. Это обусловило бурный всплеск его колонизационной деятельности (свыше 80 колоний), которая происходила, преимущественно, путем изгнания «неудобного» населения. В таком случае, ничто не мешает полагать, что в числе колонистов — изгнанников и неудобных из Милета — было немалое число евреев. Пик колонизационной активности Милета в Причерноморье приходится на VI — начало V вв. до н. э. Именно тогда милетянами были основаны крупнейшие северопричерноморские центры — Тира, Никоний, Ольвия и др. После сожжения Милета персами в 494 г. до н. э. колонизационная активность милетян, естественно, затухает.

Приведенные исторические сведения и соображения хорошо согласуются с датировками сероглиняной лощеной керамики, которая относится к VI — первой четверти V вв. до н. э. Если учесть ее явно негреческое происхождение, то единственным удовлетворительным объяснением оказывается то, что она изготавливалась еврейскими ремесленными колонистами. Такое объяснение в настоящее время полностью соответствует всей совокупности приведенных исторических и археологических сведений. В частности (по неопубликованным данным и газетным сообщениям), в последние годы найдено несколько надписей с еврейскими именами на черепках и свинцовых пластинках в Тире и в районе Ольвии, которые относятся к концу VI — V вв. до н. э. Не исключено, что само название «Тира» заимствовано от финикийского Тира.

Предлагаемая гипотеза «еврейской» культурной атрибуции сероглиняной лощеной керамики разработана на материалах Северо-Западного Причерноморья. Разумеется, она требует тщательной и всесторонней проверки по другим

регионам античного мира. Для этого необходимо сравнение синхронных (и предшествующих) керамических комплексов Восточного Средиземноморья, Ионии и Северного Причерноморья во всем хронологическом (и географическом) диапазоне финикийско-греческой колонизации. По имеющимся в настоящее время данным, совокупность приведенных археологических наблюдений в сочетании с известными историческими сведениями и соображениями позволяет отчетливо выделить мощный «археологический финикийско-иудейский след» в греческой колонизации Северного Причерноморья. Эта колонизация проходила в условиях активного вытеснения греками иноплеменников из городов Ионии и других районов Эгейского моря с VIII–VII вв. до н. э. и позднее. Еврейское население — торговцы и ремесленники — составляло немалую часть изгнанников.

Сказанное означает, что сероглиняную лощеную керамику на причерноморских памятниках оставили именно еврейские колонисты — торговцы и ремесленники. Это же означает, что если предложенная гипотеза окажется справедливой, то сероглиняная лощеная керамика становится индикативной для обнаружения диаспорного еврейского населения во всех городах античного мира в эпоху финикийско-греческой колонизации.

Таким образом, высокий процент (более 25 %) сероглиняной лощеной керамики в составе керамических комплексов в античных городах Северного Причерноморья в VI – первой четверти V вв. до н. э. является ясным археологическим указанием на то, что доля евреев — торговцев и ремесленников — в составе населения греческих полисов была весьма значительной — примерно четвертая его часть. В частности, именно такие данные нами получены по Борисфену (Гавани Истриан) на месте нынешней Одессы. Эти 25 % здесь наблюдаются в слоях, датированных столетием позже известной даты основания Борисфена (646 / 7 г. до н. э.). Любопытно сравнить, что почти через 2,5 тысячелетия, в 1795 г., через год после основания Одессы, в городе проживало 244 еврея, также торговцев и ремесленников, из общего числа жителей 2345 человек (10,41 %). Однако, менее чем столетие спустя, к 1880 г. в составе всего населения Одессы (219300 чел.) было 55300 евреев, что составляет 25,22 %. К 1912 г. этот процент еще более повысился — до 32,25 %.

Одессос и его гавани

Начнем ab ovo.

А. Пушкин. Евгений Онегин

*Люди железные, заживо зревшие
область Аида! Дважды узнавшие
смерть, всем доступную только
однажды.*

Гомер. Одиссея

Ключ к тайне античной Одессы

На заседании Императорского общества истории и древностей в апреле 1902 года тогдашний директор его музея профессор Эрнст Романович фон Штерн предположил, что ключ к тайне античной Одессы следует искать на Жеваховой горе. К тому времени вся территория ее естественного плато, возвышающегося над заливом, перешла во владение города и была поделена на участки. При размежевании землекопы снесли одну из курганных насыпей, из которой извлекли греческие амфоры V в. до н. э. Эти-то находки и послужили основанием для доклада Э. Р. Штерна.

Античный памятник «Жевахова гора» назван так по месту своего расположения — на высоком плато коренного берега, возвышающегося над Одесским заливом в северо-западной его части, на водоразделе Куяльницкого и Хаджибейского лиманов. Куяльник, как известно, — знаменитый грязелечебный курорт — некий аналог Мертвого моря в Палестине. Помимо этого он известен еще своими зловонными сероводородными испарениями.

Вообще репутация Жеваховой горы весьма таинственна и загадочна. Здесь систематически наблюдаются и в наши дни различные паранормальные явления. Это любимое место оккультистов, ворожей, гадателей, прорицателей, а также уфологов. Летающие тарелки наблюдаются здесь местными жителями довольно систематически. Тут же, где-то в лаби-

ринтах катакомб, на глубине 20 м, отправляют свои тайные ритуалы местные и приезжие сатанисты. Экстрасенсы, которые здесь частые гости, утверждают, что Жевахова гора — маяк для НЛО. Есть сведения о некоем мощном излучении, источник которого находится глубоко в недрах горы. Неофициальная статистика свидетельствует, что по количеству самоубийств и числу людей, потерявших рассудок, эта территория занимает первое место в Одесской области.

Водораздельное плато Жеваховой горы представляет собой вытянутый и сужающийся к морю мыс, оконечность которого (шириной 400 м) обращена к Одесскому заливу. Восточный, северный и южный склоны — почти вертикальные, обрывистые. Свободный доступ на гору открывается лишь с западной, напольной стороны, постепенно переходящей в равнинную степь.

Фронтальная часть плато содержит остатки одного из самых крупных в Северном Причерноморье древнегреческих святилищ IV в. до н. э. Со степной, напольной стороны, к нему некогда прилегал обширный курганный могильник, именованный местными жителями и казаками «Довгою могилою». Любопытно, что именно здесь, среди обширного курганного поля (более 200 курганов) переночевал отряд генерала Иосифа де Рибаса в ночь перед штурмом Хаджибея в сентябре 1789 года. Тогда этот могильник был еще в полной археологической сохранности.

А первые находки античного времени на этом памятнике были сделаны еще в 20-х годах XIX века одним из основоположников одесской археологии полковником Иваном Алексеевичем Стемшковским. Они произвели на него тогда очень сильное впечатление. «В пяти вестах от Одессы к северу, — писал он, — между обоими лиманами, отделенными от моря песчаной пересыпью, возвышается мыс, вдающийся острым концом к полудню. На самом краю сего мыса, с вершины которого можно обозреть великое пространство окрестной страны и моря, видно множество разбросанных обломков глиняных амфор, находимых обыкновенно в тех местах, где обитали древние греки» [цит. по: Диамант, 1990: 18–19]. Его попытки найти здесь следы древних жилищ не увенчались успехом.

Располагавшийся здесь некогда курганный могильник, «Довгу могило», который последними видели в целости, наверное, солдаты де Рибаса и черноморские казаки, давно

снесен. Самый большой курган разрушили вышеупомянутые землекопы в 1902 году, заложив тем самым стойкую вековую традицию уничтожения этого уникального памятника. Более чем за столетие от него мало что осталось — сказалось соседство кирпичного завода, который выбрал почти всю глину на горе. Пытаясь спасти хоть что-нибудь, мы летом 2006 года организовали раскопки на самом краю карьера. Очень хотелось очередной раз проверить смелую догадку профессора Штерна. Он имел репутацию человека редчайшей антиковедческой образованности. И научного чутья.

Наше желание отыскать ключ к тайне Одессы было отнюдь не пионерским, но зато самым масштабным и упорным. Наши предшественники такие попытки делали трижды — директор Одесского исторического музея К. А. Раевский в конце 1930-х годов, доцент-археолог Одесского педагогического института М. С. Синицын в середине 1950-х годов, и тот же Э. И. Диамант в 1972 году, который в научных кругах имел также репутацию очень квалифицированного антиковеда и эрудита. В результате его настойчивых археологических усилий (как и при раскопках на Приморском бульваре и в Лузановке) здесь, в юго-западной части плато были обнаружены остатки жилых помещений и глубокие ямы, заполненные золой и пеплом. Такие ямы Э. И. Диамант считал мусорными. Под одним из наземных строений археологи обнаружили котлован «полуземлянки с отопительной печью». В ее заполнении была сделана редкая находка — письмо на свинцовой пластине. В нескольких строках некоему греку ольвийского происхождения — Протагору — предлагалось вернуться домой в связи с тем, что события, имевшие неблагоприятный для него резонанс, улеглись.

В ходе раскопок в 2006 году нами было обнаружено и изучено двадцать восемь объектов античного времени, которые по керамическому материалу (общее количество 7,5 тыс. единиц) и амфорным клеймам достаточно уверенно датируются концом V — первой половиной IV века до н. э. Большая часть из них представляет собой округлые в плане ямы, заглубленные в материк до 2 м. На всей площади раскопок (более 400 кв. м) не обнаружены достоверные следы жилого строительства.

В каждой яме находился широкий набор предметов различной функциональной принадлежности: перстни, раковины каури, пряслица, свинцовые пластины, рыболов-

ные грузила и т. д. А также кости крупного рогатого скота — овец, баранов, коров, быков. Типичными оказались находки, связанные с домашними ремеслами, — глиняные грузила для ткацких станков. В массе своей они не были пригодны для практического применения (отсутствие обжига, отверстия для нити). В одной из ям, забитой пеплом и золой, обнаружено рыбное блюдо. На дне большой ямы в дальней части раскопа найдена целая «гетская» корчага. Тут же нашли нижнюю часть чернолакового сосуда с процарапанной посвяtitельной надписью на древнегреческом: «Ολυμπίου». Надпись означала эпитет какого-либо божества, очевидно, «олимпийский».

В другой яме обнаружен еще один целый сосуд, но уже «скифского облика». Там же находился железный перстень с креплением для геммы и ракушка каури (у греков она символизировала женское естество) с отверстием для нити. Еще одна яма содержала целый сероглиняный сосуд и чернолаковую афинскую солонку. В четвертой яме находилось несколько пирамидальных отвесов и пряслица для ткачества, керамические грузила от рыболовных сетей, два чернолаковых килика, обломки ножей, наконечники дротиков и стрел, амфоры, роскошные сосуды для благовоний и многое другое.

Почти в каждом объекте попадались обломки свинцовых пластин. Один комплекс дал увесистое свинцовое грузило от невода, причем абсолютно целое. На обилие находок свинцового шлага и изделий из этого металла указывал в своих публикациях по раскопкам на горе еще Э. И. Диамант. Свинец был очень популярным материалом в античные времена. Как известно, свинцовыми листами полностью обшивали корпуса и днища древнегреческих судов, начиная несколько выше ватерлинии. Свинец не только предохранял металл от коррозии, а дерево от гниения, но и способствовал остойчивости судна, не допускал обрастания днища ракушками.

Ямы располагались в соответствии со строгой планировкой. Над каждой из них были возведены маркирующие «маяки» из массивных тесанных известняковых плит — чтобы новый объект случайно не зацепил соседний. Смысл и назначение этих «странных», с хозяйственной точки зрения, комплексов казались очевидными, они явно были сакральными.

Действительно, в каждой яме находились предметы различной функциональной принадлежности: начиная с украшений и заканчивая загадочными круглыми заготовками из амфорных стенок («намотки»). Весьма типичными оказались находки, связанные с домашними ремеслами, — глиняные грузила для ткацких станков. Но они не были пригодны для практического применения (отсутствие обжига, отверстия для нити). Кроме того, многие вещи перед тем, как бросить в яму, хозяева «портили» намеренно. Например, у дорогих чернолаковых сосудов отбивали нижние части, поддоны исписывали посвятельными надписями в честь богов [Добролюбский, Красножон, 2007: 88–94].

Все это настойчиво наводило на мысль, что мы имеем дело вовсе не с поселением античного времени, а со священным участком. Так называемые «поля культовых ям» известны по всему эллинскому миру, однако «жеваховское» оказалось уникальным в своем роде. Судя по всему, оно имело особое сакральное значение в античном Причерноморье. Ведь именно здесь пролегал морской торговый путь из Средиземноморья в Ольвию и крымские города. На побережье нынешнего Одесского залива располагались крупный портовый город и целый куст периферийных поселений. Их жители, надо полагать, и составляли основную «клиентуру» святилища на Жеваховой горе.

Культовые ямы предназначались, прежде всего, для общения живых с умершими, которое, в частности, выражалось в отправлении обрядов, связанных с плодородием, земледелием, поклонением земле. За плодородие и земледелие в Элладе «отвечала» богиня Деметра — один из главных персонажей северопричерноморского религиозного пантеона. Культы в ее честь отправлялись в сочетании с поклонением ее дочери — Коре-Персефоне, которая являлась женой властителя подземного царства Аида-Гадеса (Плутона). Культ в честь Деметры и Керы обладает определенными ритуальными признаками. В ее честь греки приносили в жертву, в частности, нижние части сосудов (символ потустороннего мира). Перед тем, как сбросить приношения в яму, хозяева намеренно их ломали (если речь идет о предмете). Это символизировало «умерщвление» вещи. Такой ритуал означал своего рода «кормление» другого мира, поддержание его жизни с помощью «пищи», приготовленной по «зеркальному» рецепту (разбить, сломать). Только в этом случае прино-

шение может быть принято в ином мире. Так происходит изменение семиотического статуса вещи, и самый заурядный бытовой предмет становится культовым. Но без учета признаков «умерщвления» это не всегда можно заметить. Видимо, поэтому Э. И. Диамант и принял «священные помойки» за обычные бытовые мусорные ямы.

Одними из магических вещей являются и самодельные «намотки». Вырезанные из стенок сосудов или известняка, они встречались практически в каждом комплексе. Чудодейственное предназначение «намоток» на разных святилищах подчеркивалось надписями-посвящениями Коре-Персефоне. Стрелы и оружие посвящали Аполлону, поскольку он «куррировал» не только праздник жатвы (таргелии, в июле), но и покровительствовал охотникам. Исключительная меткость его стрельбы особо отмечена. Ведь лук и стрелы Аполлон получил на четвертый день после своего рождения от Гефеста. И с ними немедленно отправился на гору Парнас, где затаился злейший враг его матери Лето змей Пифон. Там он сумел так сильно изранить Пифона стрелами, что несчастный дракон в панике сбежал к оракулу Матери-Земли в Дельфах. Дельфы названы так по имени чудовищной Дельфины, старрой и близкой подруги Пифона. Однако Аполлон все же решился войти в святилище и расправился со змеем на краю священной бездны (расщелины?). Так, во всяком случае, авторитетно утверждается в гомеровском гимне в честь Аполлона Пифийского [Грейвс, 1992: 55]. К поверженному Пифону я еще специально вернусь.

В честь Деметры существовал специальный праздник тесмофорий — один из самых распространенных в причерноморских греческих городах, где основной статьей экспорта являлось зерно. В нем могли принимать участие только женщины. Тесмофории были связаны не только с земледелием или плодородием, но и с брачной жизнью, поскольку Деметра являлась одной из ипостасей Великой Богини-Матери, и воспринималась как богиня жизни и смерти.

На Деметру были также возложены функции покровительницы ремесел. С этим связаны многочисленные находки глиняных пряслиц. Кроме того, у греков символика ткачества тесно переплеталась с мотивами судьбы и жизни. Считалось, что Мойры плели именно нить судьбы. За ткацким станком у Орфея изображалась и Кора-Персефона, которая являлась хранительницей всякого посева (поскольку

в Северном Причерноморье зернохранилищами служили большие подземные резервуары).

Свинцовые шлаки и пластины, встречавшиеся едва ли не в каждом комплексе, часто находят на некрополях древнегреческих городов. Характерно, что в Ольвии находки свинцовых предметов наиболее распространены именно на территории сакральных участков. Очевидно, защитные свойства свинца в сознании греков носили магический характер, а потому он широко использовался для производства культовых изделий. В античной ментальности свинец — это металл Кроноса (Сатурна), он олицетворяет тяжесть, плотность, «нездоровое» состояние человека. Поэтому принесение в жертву свинцовых предметов означало избавление от такого состояния и могло способствовать «оздоровлению» тех, кто совершал этот обряд.

Почему же Э. И. Диамант пришел к иным выводам при раскопках на горе более тридцати лет тому назад? Наверное, потому, что он раскопал лишь ничтожную часть памятника, и его раскоп мог зацепить участок, застроенный сооружениями особого культового характера (храмы, каменные ограды священных участков, жилища жрецов и т. п.), каковые имеются при многих античных святилищах.

Мы же со своими раскопами оказались на участке иного ритуального характера — с культовыми ямами. И почти сразу же стало ясно, что даже по предварительным результатам древнегреческое святилище на Жеваховой горе можно назвать одним из крупнейших в Северном Причерноморье в V–IV вв. до н. э. Его расположение полностью соответствует представлениям о сакральной географии в античном мире. Присутствием священных капищ были отмечены любые чем-либо примечательные места. Например, урочища или приметные вершины, грязевые вулканы и важные в географическом и навигационном отношении острова, проливы, мысы, а также серные и иные источники. Так, дельфийский оракул вещал именно над зловонной расселиной у горы Парнас. Уникально-зловонные запахи лечебных грязей Куяльницкого лимана у Жеваховой горы могут и сегодня обострить провидческое чутье каждого. И если подобные ароматы из здешних расселин выпускались и в античные времена, то без своего оракула Жеваховское святилище никак не могло обойтись.

Святилища на возвышенностях, помимо культовых сооружений, могли служить и маяками, а также сторожевыми

пунктами, обеспечивающими визуальную связь с центром. Подобная маячная служба могла находиться и на Жеваховой горе (еще одно возможное объяснение находкам строе- ний Э. И. Диамантом). Существование маяка на этой возвы- шенности совершенно необходимо при наличии морского торгового пути, проходившего через нынешний Одесский залив, и судоходности Куяльника и Хаджибея, которые в те времена были реками.

Все это позволяет видеть в Жеваховой горе древнегре- ческое общественное святилище ландшафтного (или по- лисно-пограничного) типа. Такие святилища в Причерно- морье чаще всего устраивались в пограничных зонах на мысах, реже — из-за немногочисленности таковых — на маленьких островах, холмах, в дикорастущих рощах, лесах. В античное время по линии нынешнего Хаджибейского ли- мана проходила граница сфер влияния соседних городов- государств — Ольвии и Истрии. «Священная» Жевахова гора находилась именно на этом рубеже ольвийского по- лиса и указывала на его юго-западные пределы. Вполне до- пустимо, что в соответствующее время сюда съезжались не только жители близлежащих поселений, но и Ольвии (на- пример, тот же Протагор), для отправления официальных культов в честь почитаемых божеств. Значит, святилище могло быть общеэллинским.

Подобные святилища могли маркировать границы ольвийского государства по всему периметру. Например, юго-восточным «пограничным столбом» являлся культо- вый комплекс на Тарханкутском полуострове. А северную границу определяло общественное святилище на берегу Бугского лимана, напротив современного Николаева (по- селение Богдановка). Там находился своеобразный «огнен- ный алтарь». Здесь единовременно сжигали огромное ко- личество камыша, снопов пшеницы, ячменя. Сохранились следы воздействия очень высоких температур на землю и камни. «Богдановский» алтарь функционировал в связи с определенными циклами сельскохозяйственных работ, а также символически защищал северные окраины полиса. Священный огонь в виде громадного костра должен был воздействовать как магическая сила, способная препятство- вать проникновению на территорию полиса холодных масс воздуха и вражеским вторжениям.

«Пуп Земли» и «Яйцо Пифона»

Свой «огненный алтарь» обнаружился и на Жеваховой горе, в центральной ее части, в десятке метров от фронтального, открытого морю, обрыва. Первым на него наткнулся экскаватор. Но от разрушения уникальный объект спасли строгие требования технологических служб кирпичного завода к чистоте и качеству добываемой глины — ведь примесь инородных включений в сырье портила кирпич. А в этом месте вертикальный разрез котлована изобиловал черноземными включениями. Он был похож на огромный слоеный пирог. Из него во множестве торчали амфорные ножки, кости, фрагменты чернолаковых сосудов. Поэтому мы остановили экскаватор и стали зачищать этот разрез. И открыли обширную цилиндрическую яму, которая достигала в диаметре пяти метров. Общая глубина ямы от современной поверхности достигала шести метров. В ней отдельные пласты заплывшего или насыпного грунта чередовались и перемежались в вертикальном разрезе с мощными слоями и прослойками пепла, золы и пережженной глины. Это археологически означало, что часто огонь в яме поддерживался подолгу и непрерывно.

Если бы мы в тот момент случайно там не оказались, говорить сейчас было бы просто не о чем. Наш основной раскоп находился в полусотне метров оттуда. Мы взялись за эту яму лишь после «открытия» ее экскаватором, чтобы попытаться и ее спасти. Просто оказались «в должном месте, в должный час». И яму спасло лишь чудо. Если бы нас там не было, экскаватор бы бесследно снес ее за считанные минуты.

Менее всего мы ожидали от ее раскопок чего-то удивительного. Тем более что были удовлетворены прекрасными находками со всего святилища. Но яма нас просто поразила. Ведь сказано: «У Бога добавки не просят». Мы и не просили, Он сам предложил.

Правда, пришлось потрудиться. Копали мы на этом месте более двух недель. Выяснилось, что в середине IV века до н. э. здесь была вырыта абсолютно круглая в плане яма, диаметром 5 м и глубиной более 4 м. Она оказалась просто «гигантской» по сравнению со всеми остальными. На плоском глинистом дне был разведен огонь (судя по пеплу, палили

камыш). Стоя на краю котлована, люди брали с отвала свежую глину, сдавливали комок в ладонях и бросали в огонь. После всего днище залили тонким слоем зеленоватой морской глины. На этой прослойке была возведена конусовидная насыпь из утрамбованного пережженного грунта высотой до полутора метров. В ее толще было найдено множество обломков керамики со следами воздействия огня, бронзовые наконечники стрел, ритуальные «намотки» и грузила для пряжи. В основании насыпи находилось небольшое корыто, вытесанное из местного камня-ракушечника.

Простоявшая какое-то время под открытым небом, яма постепенно засыпалась грунтом, до половины своей глубины. Конусовидная насыпь значительно оплыла. Но вскоре сюда вновь явились люди и развели огромное пламя. Огонь был такой силы, что мощность утрамбованного пепельного слоя в яме превышала 20 см. Глинистые борта ямы значительно пропеклись. В огонь бросали донья амфор, стенки керамических сосудов, множество костей — коров (быков) и овец (баранов). Пожарище наверняка было видно за десятки километров. После этого яма вновь была заброшена и простояла под открытым небом какое-то время — достаточное, чтобы заплывть окончательно. Судя по масштабам, этот комплекс являлся одним из главнейших в системе культового святилища на Жеваховой горе.

Такая, возведенная на дне ямы, конусовидная насыпь не могла быть не чем иным, чем так называемым «омфалосом», или, в просторечьи, омфалом. «Омфалос» (лат.: *omphalos*) — это «Пуп Земли». В античном мире он трактовался и истолковывался как центр мироздания. В нашем случае этот «центр» располагался в середине круглой в плане ямы, так называемой «целлы» (лат.: *cella* — внутреннее святилище), символизировавшей собой это самое мироздание. Иными словами, оказалось, что греки соорудили на горе миниатюрную модель мира. И мы ее неожиданно раскопали.

Сам факт археологического обнаружения «головного» святилища для этой местности, «Пула Земли» — огромной, крупнейшей «целлы», круглой ритуальной ямы, специально вырытой явно не для индивидуального, но для широкого общественного общения с мертвыми, весьма значителен. Он исключительно редок. Огромная яма содержала именно

полуяйцевидный земляной «омфалос» — символ поклонения Великой, или Белой Богине, а конкретно Гестии, покровительнице очага. Такой объект уникален в Северном Понте, и ясно, что перед нами что-то особенное. Совершенно ясно, что мы столкнулись с отправлением древнейшего матриархального хтонического культа. И оказались в одном из крупнейших центров этого отправления.

Известно, что мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством. Вот почему греческое публичное жертвоприношение предусматривало принесение первой жертвы именно Гестии — богине огня и домашнего очага. Именно к ней, и только к ней мог обращаться каждый, чтобы найти защиту в частном доме или общественном здании. Гестия была самой доброй, самой справедливой и самой сердобольной из всех олимпийских богов. По свидетельству Диодора Сицилийского, ее огонь был столь священен, что стоило ему погаснуть в знак траура или случайно, как его тут же вновь разводили с помощью кресала [Грейвс, 1992: 52]. И мы археологически проследили периодическую непрерывность поддержания огня в нашей яме за все время ее существования.

Образ этой богини в архаической традиции существовал и изображался «аниконически» — в виде омфалоса, который первоначально являл собой горку тлеющих углей, покрытых белой золой, чтобы не дать им погаснуть. Это был самый простой способ бездымного хранения огня. Это же был самый удобный и экономный способ обогрева жилищ в древние времена, он не давал ни дыма, ни пламени, и в то же время становился естественным центром семейных или племенных сборищ.

Позднее внешние признаки этого символа перешли на земляную насыпь, часто побеленную известью, под которой прятали урожайную «хлебную бабу», чтобы извлечь ее весной, когда она прорастет [Грейвс, 1992: 7].

Самый знаменитый в античном мире омфалос находился, как известно, в Дельфах, у подножия Парнаса.

В Дельфах горка угля постепенно переходит из-под крыши на улицу и модифицируется — превращается в хол-

мик известняка и, наконец, становится «омфалом», или каменным пупом, который часто фигурирует в греческой вазописи и обозначает предполагаемый центр Земли *.

По преданию, Зевс захотел выяснить, где находится «центр земли» и запустил двух орлов в разные стороны. Они облетели землю и встретились над Дельфами. Древние авторы (Гесиод, Пиндар, Павсаний, Страбон и др.) сообщают о том, как выглядел дельфийский омфалос. Эти сообщения дополняются сохранившимися изображениями на рельефах и в вазописи. Общим для всех этих свидетельств является представление пупа земли в виде полусферы (пол-яйца). Это часто встречается не только в греческой, но и в ряде других древних традиций.

Омфалос в разных обычаях изображался по-разному — полуяйцевидно (самая древняя традиция), а также куполообразно, конусовидно или в виде украшенного резьбой эрегированного фаллоса. Более поздние его изображения, как в Дельфах, были каменными [Словарь античности, 1989: 395]. Именно такую полусферу, или пол-яйца, мы нашли на Жеваховой горе.

Название «Дельфы», как тоже известно, произошло от слова дельфис (греч.: — *delphis*) — «лоно». Греки связывали его со щелеобразным отверстием на склоне горы Парнас, которое вело к мрачной пещере, где обитал огромный змей Пифон. Отвратительный дракон, он пожирал всякого, кто осмеливался приблизиться к этой расщелине. И лишь Аполлон, явившись туда, уничтожил чудовище и обрек его на вечное смердящее гниение. Естественно, в честь такого знаменательного события он заложил на этом месте храм и святилище, получившие название Пифийского. Это место стало обителью пифийского оракула, наиболее авторитетного в древнем мире. Ритуал гаданий был связан со зловонным источником, точнее, с самим вечно гниющим Пифоном в этой пещере. Ясно, что такие испарения оказывали одурманивающее воздействие на ворожей-прорицательниц.

---

* Этот священный предмет, переживший само святилище, до сих пор еще хранит надпись с именем Матери-Земли и имеет 11,25 дюйма в высоту и 15,5 дюйма в поперечнике, т. е. соответствует по размерам очагу, необходимому для обогрева древесным углем большого помещения [Грейвс, 1992: 53].

Таким образом, традиция почитания «Пупа Земли» берет свое начало в очень древних представлениях о Великой Богине-Матери, которая имела власть над сотнями святилищ героев по всей Греции, где сохранялись челюстная кость, отсеченные гениталии покойного, а также его пуповина (отчего подобные захоронения и именовались «святилищами пупа»). Такая пуповина, некогда соединявшая тело младенца с материнским лоном, являлась зримым символом того, что герой, как бы велик он ни был, происходил от женщины, ей был обязан появлением на свет и служил Богине-Матери.

Кульст Великой Богини в Средиземноморье стал постепенно угасать примерно в 4300-х годах до н. э., и окончательно утратил свои позиции в 2500-х годах до н. э. Начиная с этого времени эллинская религия представляет собой причудливую смесь матриархальных староевропейских верований и патриархальных индоевропейских обычаев. В разных местностях это происходило по-разному. В частности, в Греции на первое место постепенно выдвигается представитель мужского начала — Зевс, оформленный мифографами как отец и царь богов Олимпа.

После победы олимпийства многие прежние верования сохранялись в виде посвященных мистерий. Великая Богиня-Мать заняла на Олимпе не только место жены Зевса — Геры. Все олимпийские женские божества — суть ее многочисленные ипостаси. Та же Гестия. А также и дочь Деметры, Кора-Персефона, которая после брака с Гадесом-Аидом-Плутоном получила в управление древнейшие владения Богини-Матери — подземный мир.

Естественно, самая распространенная эмблема Великой Богини-Матери имела вид омфалоса. Почитание «Пупа Земли» на «жеваховском» святилище было связано с поклонением женскому божеству, которое почитали в Элладе еще в «доолимпийские» времена.

Все это лишний раз подтверждает, что «Пуп Земли» отражает древнейшую матриархальную мифологическую традицию. Тайна античной Одессы должна оказаться, таким образом, в яме, или в полуяйце-омфалосе — в «Яйце Пифона». А в нашем, «жеваховском» яйце Пифона, по археологическим наблюдениям, застряли бронзовые стрелы Аполлона. Точно как в волшебной сказке про яйцо дракона. И в полном

соответствии с мифом об Аполлоне [Пропп, 1986]. Ведь после убийства Пифона Аполлон захватывает прорицалище Матери-Земли в Дельфах, или Дельфины, которая была одной из ее пророческих ипостасей. Эти ипостаси воплощали пифии. Такова имагинативная, энигматическая (греч.: «энигма» — загадка) логика античного мифа [Голосовкер, 1987].

В насыпи нашего яйца-омфалоса содержались также и «намотки» — неперенные атрибуты одной из богинь судьбы, или Мойр — Клото («прядущая»). Именно она со своими сестрами Лахетис («отмеряющая жребий») и ужасной Атропос («та, которую нельзя избежать или отворотить») плела нити судеб каждого смертного.

Это же означает, что если удачно обратиться к нашей яме-омфалосу, то можно будет узнать тайну своего будущего. А сам Жеваховский мыс был в античные времена подлинными северопонтийскими Дельфами. И у него, очевидно, еще в античные времена была сакральная, или «паранормальная» репутация, которая сохраняется за этим местом в наши дни.

Таковой нам видится энигма-загадка Жеваховой горы. И она подсказывает пути к ее разгадке.

Ведь, как известно, угадывать будущее могут только провидцы. Обычными провидицами, обслуживающими оракулов, были пифии. Именно они воспроизводили пророческую мудрость змея-Пифона, содержащуюся в его «яйце». Но величайший провидец в античной Греции был лишь один — слепой ясновидец Тиресий *. Именно к нему и решил обратиться Одиссей, чтобы узнать, что готовит ему судьба на

---

* Своими провидческими талантами слепой Тиресий был обязан именно змеям, в частности, Пифону [Грейвс, 1992, 282]. Так, лишь обретя мудрость змея, он стал авторитетнейшим в античном мире специалистом в сексуальных вопросах. Потому что его земная жизнь сложилась таким образом, что он ухитрился побывать в двух ипостасях — мужчины и женщины. И за это был приглашен экспертом и третейским судьей в споре самих Зевса и Геры о том, кто из сторон в любви получает большее удовольствие. Зевс утверждал, что женщина наслаждается куда больше, а Гера возмущенно возражала. Об этом свидетельствует Лукиан. Призванный Тиресий как знаток свойств обоих полов, ответил:

*«Из десяти частей любовных наслаждений
У женщин трижды три, а у мужчин — одна».*

Итак, если ему удастся до нее добраться. А Тиресий, как назло, пребывал уже в Аиде. И для того, чтобы его найти, следовало, увы, там побывать.

И тут, когда до меня все это, наконец, дошло, то я сразу все понял. Ведь я знал, что Одессос должен был находиться где-то здесь. И знал, что он был назван в честь Одиссея. Значит, Одиссею нужно было отправиться именно сюда, в здешние «Дельфы», к здешнему «Пупу Земли», в ритуальное культовое святилище, которое и указывало бы ему на вход в Аид. Именно здесь должен был находиться центр обитания всех античных провидцев-гадателей. Он и сейчас здесь находится. Точно как в Дельфах. И зловоние лиманов делает это место священным.

Значит, Одиссей стремился именно сюда. Здесь он и побывал. А это место, в честь столь знаменательного визита, назвали Одессосом. Значит, я правильно догадался. Вот и вся тайна. Она проста и незатейлива. Проще и не бывает. Как удачно мы нашли эту роскошную яму! Спасибо безымянному экскаватору и кирпичному заводу! Вечная им слава! Теперь потомки их точно не забудут.

А нам снова феерически повезло. Ведь находка «омфалоса» на Жеваховой горе оказалась, таким образом, «*corpus delicti*» — «вещественным доказательством» происхождения Одессоса и его дальнейшего существования. Как легко можно видеть, Одессос зародился «от Яйца Пифона» (лат.: «*ab ovo*») — в полном смысле этого слова. Здесь может показаться вполне уместным это латинское выражение о начале Троянской войны от «яйца Леды», из которого, как известно, вылупилась прекрасная Елена, виновница этой войны.

Пути в Аид неисповедимы

Повесть о странствиях Одиссея в изложении Гомера следует рассказывать двадцать четыре вечера подряд. Поэтому «Одиссея» разделена на 24 песни. Его визит в Аид, к провидцу Тиресию, описан в песне одиннадцатой.

Действительно, чтобы прочесть песнь 11 вполне хватит и одного вечера устного и монотонного чтения. Но все равно можно и утомиться. Напомню лишь, что воссоздавать антич-

ную, как любую историческую реальность, и мировосприятие возможно лишь в ментальных категориях изучаемого времени. А не нашего. При этом известно, что мифологическая действительность исходит из субстанционального отношения ко времени. Боги вечны, потому что они бессмертны. По определению. Поэтому они всегда современники и собеседники для любого смертного. Такова структура античной ментальности. Мы обязаны это признавать, как «медицинский факт», и при изучении любой эпохи не можем не вступать в «диалог с ментальностями прошлого» (выражение Жоржа Дюби). Лишь тогда прошлое может быть нами воссоздано во всей своей неприкрытой реальности. И лишь тогда мы почувствуем его неповторимый вкус и аромат [Добролюбский и др., 2000: 68–96; Добролюбский, 2010: 118–123].

Ясно, что путешествие Одиссея * в Аид отражает мифологические реалии VIII–V вв. до н. э. Это реалии Гомера, Гесиода, Гекатея и Геродота, отображенные в соответствующих географических и картографических представлениях об Ойкумене [Словарь античности, 1989: 250–251]. Поэтому, чтобы попасть в Аид (Гадес), Одиссей должен был плыть через Океан. А Океан — это, как известно, река, вечно текущая по кругу и обтекающая вокруг Земли. За Океаном повсеместно находится потусторонний мир — Аид.

У тех же Гомера и Гесиода, видимо, не было мнения о Понте как о замкнутом водном пространстве, они его себе представляли как часть Океана. В ряде мифов само название Понт Эвксинский (изначально Понт Аксинский) означает море, «принимающее мертвых». Поэтому Одиссей направился в потусторонний мир через именно это море, в страну киммерийцев-галактофагов — наиболее отдаленную из из-

---

* Само имя «Одиссей» встречается в надписях и на вазах в разных формах — Одиссей, Оликсей или Уликсей. Отсюда и латинская форма имени — Улисс. По одной из версий, имя «Одиссей» происходит от греческого «ὀδύσσομαι» («быть прогневанным», «сердиться») и означает «Тот, кто гневается» или «Тот, кто ненавидит», «Свирепый». По другой — попытки расшифровать его имя на греческом материале несостоятельны. А имя «Улисс» или «Уликс», возможно, произошло от *oulos* («рана») и *ischion* («бедро») — указание на шрам и хромоту от нанесенной вопреки рану, по которой его узнала старая кормилица, когда он вернулся на Итаку [Грейвс, 1992: 476, 542, 569]. Одиссей был хромым, как впоследствии и Иосиф де Рибас, который считал себя Одиссеем (см.: очерк «Одиссея Иосифа де Рибаса»).

вестных северных стран на рубеже мира живых и мертвых, в страну «киммерийского мрака».

Пути в Аид, как известно, неисповедимы. Попасть туда можно было откуда угодно. И таких путей было немало. Но существовали как бы «главные» входы — ворота. Они именовались «Телепил» — «дальние ворота» (страны мертвых). Принято считать, что именно у Телепила, у «врат подле мертвых», Геракл сразился с самим Гадесом, ранил его и сумел посетить преисподнюю [Грейвс, 1992: 407, 540]. Он это ухитрился сделать раньше, чем Одиссей.

Таких «врат подле мертвых» — Телепилов — было, видимо, также немало по всему периметру греческой Ойкумены. Самые известные из них — на Иберийском полуострове, у «Геркулесовых столбов» Гибралтара (Гадес), а также на севере Адриатики, в Ливии, Палестине и т. п. Наверное, это были «главные ворота». Такие «ворота» в современной терминологии и восприятии могут ассоциироваться с большими «терминалами» в крупных портах, морских, железнодорожных и автовокзалах, в аэропортах. Телепилы-«терминалы» в Аид размещались, если судить по научной литературе, по всему периметру Средиземноморья.

Понт Эвксинский также имел свои «терминалы». Один из «главных» северопонтийских входов в Аид, или в «Землю Айэ», «остров Айайэ» мог располагаться у Боспора Киммерийского, близ устья Гипаниса (Кубани). Такая, вполне обоснованная точка зрения [Мачинский, Мусбахова, 2001, ч. 1: 4–5], исходит из сведений, содержащихся в ранних «Аргонавтиках» и «Одиссее».

Между тем, на тех же самых основаниях можно смело утверждать, что другие «главные врата в страну мертвых» во всех ранних «Аргонавтиках» и «Одиссее» находились в Северо-Западном Понте, а именно — на Жеваховой горе; «Земля Айэ», а сейчас — «местность, занимаемая Одессой», — это территории между широкими устьями Гипаниса–Борисфена и Истра, с множеством островов в дельте последнего. Не говоря уже об «острове тирагетов» в устье Тираса, а также островах Левке и Березани. Каждый из них может претендовать на название «остров Айайэ» при сопоставлении достоверных сведений о Понте и античной письменной традиции.

Путь же самого Одиссея, проходивший вдоль западного побережья Понта Эвксинского, отчетливо маркируется двумя эпонимными пунктами — Одессосом фракийским (в Варне) и Одессосом скифским, в северо-западном Понте. Последний располагался, как сказано в авторитетнейшем

«Реальном словаре классических древностей», «на северном берегу Понта, на запад от Ольвии и устья Борисфена», т. е. примерно на месте нынешней Одессы. Так это было принято считать в эпоху классицизма и романтизма. Так считали и основатели Одессы. Впрочем, в дальнейшем его пытались «перелокализовать» многие ученые XIX–XX вв. Но никто в этом так и не смог толком разобраться [см. об этом: Сымонович, 1954; Редина и др., 1999: 19–24; Охотников, 2001: 169–170; Алексеев, 2005]. Остается заметить, что у нас нет никаких оснований считать ученых-энциклопедистов XVIII–XIX веков, времен классицизма и Винкельмана, менее образованными и компетентными, чем антиковеды XX столетия. Напротив, думается, что им было виднее. Пушкин и Капнист с Гнедичем и Жуковским, получившие неплохое классическое образование, видимо, были правы. Известно, что поэтам часто бывает виднее лучше всех. Их и надо слушать.

Как уже говорилось (см. часть «Борисфен»), в античные времена уровень моря был значительно ниже сегодняшнего, а береговая линия нынешнего Одесского залива была мористее (до 1 км). В таком случае и плато Жеваховского мыса было куда более протяженным, значительно более выдавалось в море, и обрамлялось двумя реками-лиманами — нынешними Хаджибеем и Куяльником*. Поэтому, со стороны моря этот высокий, господствующий над местностью, вытянутый мыс визуально вполне мог восприниматься понтийскими колонистами точно так же загадочно, как и Гибралтарский мыс (Геркулесовы столбы), или Телепил. Иными словами, именно здесь находился вход в Аид. Это было место, где две реки — Флегетон и Кокит (совр.: Куяльник и Хаджибей) — вливаются в Океан-Ахерон (совр. Одесский залив)**.

Значит, где-то здесь же, близ эстуария, «образованного Днепром и Южным Бугом», располагался и остров Огигия —

---

* Очевидно, устья нынешних Хаджибея и Куяльника воспринимались античными мореплавателями как устья Тираса (Днестра). Точно такую же ошибку, зафиксированную на морских картах средневековья, совершали и итальянские мореходы (см.: очерк «Топонимические загадки Джинестры, Качибейя и Хаджибея»).

** По тексту «Одиссеи», разумеется, трудно однозначно определить местоположение Телепила. Однозначно лишь то, что он расположен на самом севере Европы, в стране киммерийцев и гипербореев [Грейвс, 1992: 540–541]. Флегетон, Кокит и Ахерон принадлежат непосредственно Аиду.

«остров Айайэ» — с пещерой Каллипсо (Березань) [Мачинский, Мусбахова... с. 4]. Где-то здесь же Одиссей увидел рошу Персефоны. Это же означает, что нет никаких соображений против локализации входа в Аид, или в «Землю Аза», или «врат Телепила» на Жеваховском мысу.

Хорошо известно, что в археологическом отношении именно такие места для времен античности наиболее отчетливо маркируются святилищами с культовыми ямами, которые именуются просто «ритуальными» — как и в нашем случае. Их невозможно классифицировать как хозяйственные или мусорные, поскольку на таких памятниках почти полностью отсутствуют соответствующие структуры — жилищные или хозяйственные постройки. Этот вопрос специально и тематически разбирается в литературе [Боспорский феномен, 2001–2007 и др.]. Принято считать, что такие ямы являлись существенным элементом культа мертвых и связанных с ним божеств, и считались местом общения живых и мертвых.

В таком случае ничто не мешает нам уверенно полагать, что жеваховское святилище с ямой и «омфалосом» — «Пупом Земли» и «Яйцом Пифона» — это в Северно-Западном Понте и есть «главный» вход в Аид, в землю Аза и одновременно идеальное место для свидания Одиссея с ясновидцем Тиресием. Именно здесь это свидание и должно было происходить. И естественно, что только такое место и должно было быть названо греками в честь посещения его столь выдающимся героем. Имя Одиссея стало эпонимом (греч.: *ερονυτος* — дающий имя) этого места — Одессоса. А Одессос — святилище и некрополь на Жеваховой горе — в свою очередь, стал эпонимом «торжища Борисфенитов», т. е. сакральной и центральной части протогородской «агломерации», образовавшейся здесь, на побережье нынешнего Одесского залива, к рубежу V–IV веков до н. э. Эта «агломерация» к тому времени включала в себя Гавань Истриан (Приморский бульвар), Лузановку и святилище с некрополем на Жеваховой горе. Естественно, все эти пункты стали именоваться Одессосом, а старое имя «торжища Борисфенитов» сохранилось за Березанью и перешло на Ольвию.

Впрочем, если это так, то «остров Айайэ», где было обиталище Кирки и откуда Одиссей отплыл к «вратам Аида» — Телепилу, — вполне можно видеть в любом из островов дельты Дуная или в Левке, или в «острове тирагетов», или в той же Березани.

Одиссей в гостях у Тиресия

Одиссей должен был плыть, подгоняемый восточными ветрами, чтобы достичь Огигии и рощи Персефоны; южные ветры должны были его отнести к островам Айайэ и к Телепилу. Согласно «Одиссее» *, один из таких островов принадлежал Кирке (Цирцее). Принадлежавшая Персефоне роща тополей расположена на дальней западной оконечности Аида.

Айайэ, как и Огигия, — типичный остров мертвых, где богиня смерти Кирка поет, «сидя за тканью», под звуки прялки. Встретила она Одиссея гостеприимно — сначала обратила всех его спутников в свиней, но затем предложила ему свое «пурпурное ложе». В результате Одиссей прожил на Айайэ ровно столько, сколько нужно, чтобы у него родились сыновья Агрий, Латин и Телегон. Затем Кирка согласилась его отпустить в Аид и напутствовала, как там следует правильно себя вести.

На Айайэ у Кирки всей команде Одиссея было так хорошо, что ему пришлось силой загонять своих спутников на корабль — они вовсе не хотели плыть в какой-то ужасный и мрачный Гадес. Но Одиссей их заставил. Кирка позаботилась о попутном ветре, который быстро понес их по водам Океана к краю мира — Телепилу на Жеваховой горе.

Именно здесь Одиссей сошел на берег и сделал все так, как советовала ему Кирка. Его визит к Тиресию описан детально и обстоятельно. Напомним о нем читателю, берущему, возможно, в руки томик Гомера не ежедневно. Изложение ведется по тексту одиннадцатой песни «Одиссеи».

Кирка велела Одиссею выкопать яму и принести в жертву корову и черного барана, чтобы умиловить «Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону». Он так и поступил.

---

* По одной из гипотез, автором «Одиссеи» была Навсикая, дочь Алкиноя, царя феаков. Мифологи Сэмюэль Батлер и Роберт Грейвс считают Навсикаю ученицей Гомера. Она, как и большинство женщин, имела весьма слабые географические познания и произвольно указывала то западный, то южный, то восточный, то северный ветры [Грейвс, 1992: 541]. Также принято считать, что у Гомера объединены две одновременные легенды о разных героях — об Одиссее и об Улиссе. Этим и объясняется повсеместная географическая путаница в тексте «Одиссеи».

Мы имеем подробнейшее описание всего поведения Одиссея на Жеваховой горе. От первого лица:

*«...я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною все пересытав...».*

Затем следовало принести жертву. Кровь жертвенных животных должна стечь в яму и соединиться с толпой душ усопших. Все тени нужно отгонять мечом, пока не придет тень Тиресия.

*«...Тиресия ж, более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши,
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших...».*

Первой явилась тень Эльпенора, одного из его спутников. Этот несчастный всего несколько дней назад страшно напился пьяным и уснул на крыше дворца Кирки. Проснувшись, он не понял, где находится, оступился, упал с крыши и разбился насмерть. Одиссей так быстро покинул Айайю, что поначалу даже не заметил отсутствия Эльпенора. Но сейчас он обещал ему устроить на Айе похороны, как и положено. И даже пошутил: «Скоро же, друг Эльпенор, оказался ты в царстве Аида! Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быstroходном!». Кажется, это первая, исторически зафиксированная «одесская» шутка. Но «опохмелиться» своему другу Одиссей категорически не дал — сказал, что как бы жалостливо ни просил у него Эльпенор крови, он не даст сделать ему даже крохотного глотка.

К яме тем временем собрались тени мужчин и женщин, умерших в разное время; среди них была и мать Одиссея Антикля. Она тоже очень хотела выпить. Но даже ей он этого не позволил, пока не явится Тиресий. Не положено. Душа Тиресия должна первой вволю напиться крови.

Тиресий действительно вскоре пришел, с золотым жезлом, узнал Одиссея и радушно его приветствовал:

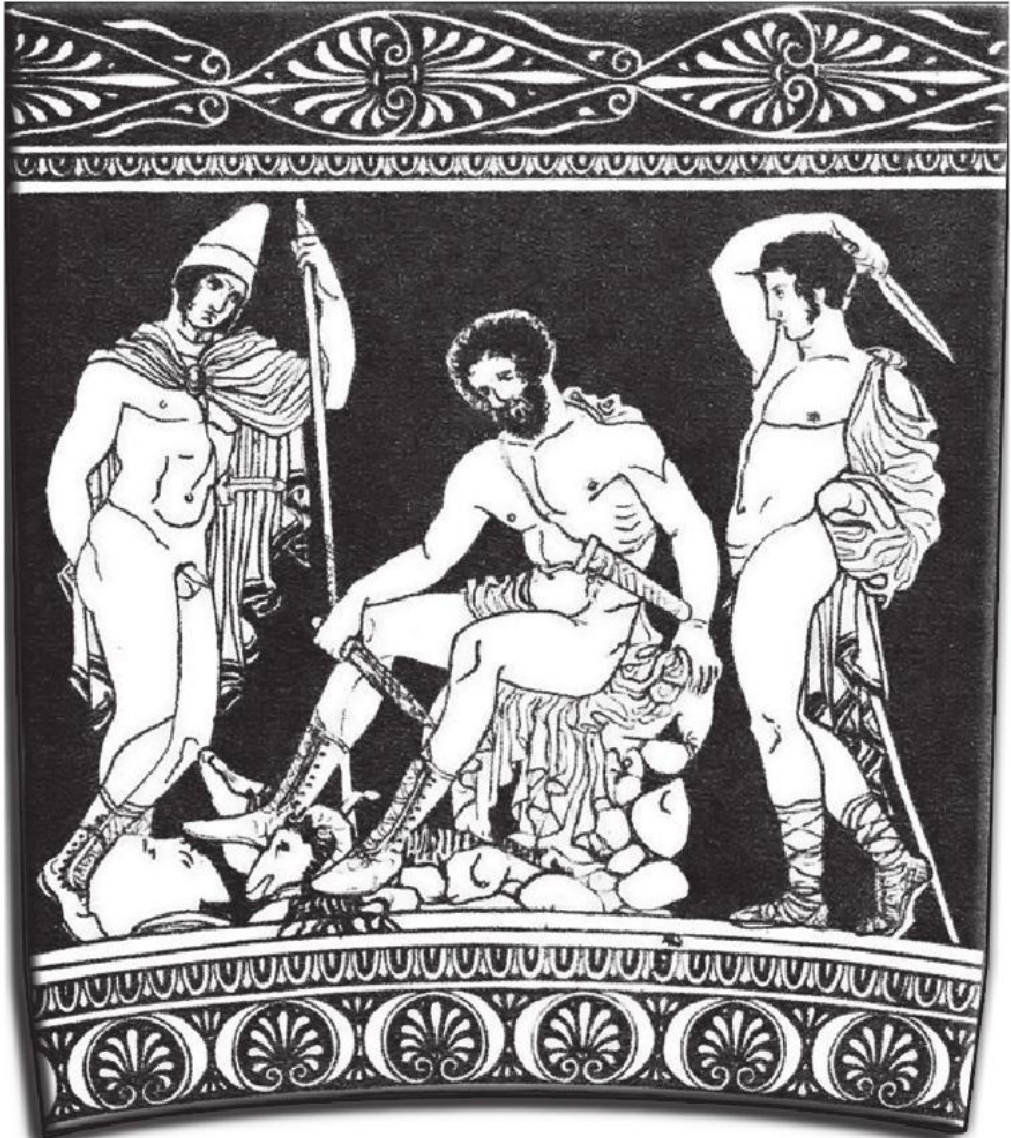
*«...многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?».*

Однако Тиресий отказался прорицать, пока не выпьет. Ему-то Одиссей и немедленно налил первому. Как положено. Напившись крови, Тиресий категорически сообщил, чтобы Одиссей ни в коем случае не позволил своим людям похитить быков солнечного Гипериона, когда их глазам предстанет остров Сицилия. На Итаке его ждут большие беды, но ему удастся отомстить за себя негодяям, которые проживают его добро.

Поблагодарив Тиресия, Одиссей, наконец, разрешил своей матери Антиклее утолить жажду. Вообще в Аиде все его встретили радостно и приветливо. С распростертыми объятиями. Тени супруг и дочерей знаменитых героев поспешили допить оставшуюся кровь. Одиссея окружило здесь самое лучшее общество. Он был очень рад снова встретиться и поболтать со своими старинными подругами и приятельницами, такими знаменитыми женщинами из «высшего света» Греции, как Антиопа, Эпикаста, Хлорида, Тиро, Леда, Ифимедея, Федра, Прокрида, Ариадна, Мера, Климена и Эрифилла.

После этого Одиссей побеседовал и со своими бывшими друзьями. Агамемнон посоветовал ему высадиться на Итаку тайно. Ахилла он порадовал рассказами о подвигах его сына Неоптолема, а амбициозный Большой Аякс, который так и не простил его (они поссорились под Троей из-за доспехов Ахилла), ушел в мрачном молчании. Кроме того, Одиссей видел, как, держа золотой скипетр, судит умерших Минос, охотится Орион, страдают Тантал и Сизиф, а Геракл — точнее, его дух, ведь сам Геракл пирует среди бессмертных богов — погоревал вместе с ним обо всем, что пришлось пережить Одиссею.

В общем, принимали Одиссея более чем благожелательно. Стоит отметить, что Одиссей со своими спутниками не «спускался» в Аид, как Геракл или Эней, а лишь «ожидал» провидца Тиресия у «входа». Но Кирка думала, что спускался, и, когда он вернулся на Айайю, не удержалась от восхищения его исключительным мужеством: «Люди железные, заживо зревшие область Аида! — воскликнула она. — Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды».

Одиссей в царстве Аида

Также стоит отметить, что, по археологическим наблюдениям, в культовых ямах вокруг «Пупа Земли» во множестве найдены кости крупного и мелкого рогатого скота — коров, быков, овец — тех жертвенных животных, которых упоминает Гомер. А многие «ямы глубокие, в локоть один шириной и длиною» вполне сопоставимы по размерам с большинством найденных ритуальных комплексов святилища на Жеваховой горе.

Известно также, что по пути домой, на Итаку, Одиссей побывал в гостях у очередной богини смерти — Каллипсо («скрытая»), хозяйки острова-усыпальницы Огигия. Если Огигией может оказаться остров Березань, находящийся в эстуарии Днепра и Буга, то имя этой богини может объяснять и название ее жрецов-служителей — «каллипидов», помещенных Геродотом как раз на территории этого эстуария (см.: очерк «“Прекраснозадые” каллипиды...»). А жрецы-каллипиды — провидцы и гадалки — обитали как раз вокруг святилища на Жеваховой горе, близ «торжища Борисфенитов».

«Блуждающие» гавани Одессоса и его «неуловимая» Фиска

Снова погружаясь в туманную область локализации Одессоса и других приморских античных памятников, следует четко обрисовать сложившуюся около нее научную ситуацию, определить источниковедческие несоответствия и неувязки.

Известно, что названия Гавань Истриан и Гавань Исиаков отмечены в двух письменных источниках античного времени. Первым из них является «Перипл Понта Эвксинского» Флавия Арриана. Вторым — его расширенная редакция (так называемый перипл «Анонимного автора»). В 134 г. н. э., будучи правителем Каппадокии, Арриан якобы осуществил плавание от Трапезунта до Диоскуриады, вдоль юго-восточного побережья Черного моря. На самом деле этот перипл был составлен лишь в качестве отчета императору Адриану о так называемой «поездке». Ведь Арриан лично в Северо-Западном Причерноморье никогда не был. Поэтому та часть перипла, которая посвящена этому региону, была заимствована из других лоций, составленных за 400–500 лет до него [Ростовцев, 1925: 63]. Одним из таких источников является перипл IV – начала III вв. до н. э., автором которого, как принято считать, был античный географ Эратосфен [там же: 69–73]. Именно Эратосфен оставил сведения о локализации Гавани Истриан и Гавани Исиаков где-то в районе современного Одесского залива, что соответствует обстановке его времени. А во времена Арриана, судя по археологическим материалам, на берегах залива если и находились какие-то населенные пункты, то настолько захудалые, что судить об

их размерах и уровне благосостояния мы можем лишь по горсткам черепков и нескольким римским монетам.

Так что же сообщают эти периплы? Оба они сперва отмечают на пути западнее Ольвий и устья Днепра «маленький, пустынный и безмянный остров», который принято соотносить то ли с островом Березань, то ли со скалистыми керкирами вокруг него [Агбунов, 1987]. «Отсюда 80 до Одесса (или Одессоса), после него — Скопелы». А за Скопелами следует Гавань Истриан. Источник определяет расстояние от Скопел до нее в 90 стадиев. Далее располагается Гавань Исиаков, до которой тоже 90 стадиев. И уже потом, от Гавани исиаков перипл указывает расстояние до города Никоний и «судоходной реки» Тирас в 300 стадиев (§§ 31, 87) *.

На основании этих сведений Петр Осипович Карышковский полагал, что Гавань Истриан находилась в районе Приморского бульвара в Одессе. И не раз об этом рассказывал своим ученикам во время «перипатетических» прогулок у колоннады Воронцовского дворца. Свое мнение он обнародовал в совместной с И. Б. Клейманом книге «Древний город Тира». Оно также основано на сообщениях Помпония Мелы и Плиния Старшего, которые помещали племя исиаков (асиаков) у Тилигула (Асиака), а племя истриан — между Днестром и Дунаем. Поэтому Гавань Истриан локализуется в связи с Приморским бульваром, а Гавань Исиаков — у Лузановки; подразумевается, что гавани должны были примыкать к районам обитания этих племен. Такое размещение истриан, исиаков и их гаваней авторы переносят вглубь столетий, до VI в. до н. э. [Карышковский, Клейман, 1985: 39–40, 68].

Со своей стороны, обобщая известные ему сведения и соображения своих предшественников, М. В. Агбунов опирается на сообщение Флавия Арриана о том, что «за Одессом

---

* Об источниковедческом качестве и научной добротности картографии того времени ясно свидетельствует тот факт, что от античности до нас дошло всего лишь три карты: карта середины III века до н. э. из города Дура-Европос на Евфрате; Певтингерова карта (сохранилась в копии XIII–XIV веков) и карта Агриппы (I век до н. э.). На всех этих картах северное побережье Черного моря показано прямой линией, лишь с указанием последовательности топонимии. Карты Птолемея стали также известны лишь по спискам XIII–XV веков, когда появляются карты-портоланы, дающие реалистическое изображение береговых линий [Подосинов, 1999, 2001: 231–234].

находится гавань истриан, до нее 250 стадиев» (§ 31). Он измерил это расстояние и поместил Гавань Истриан у Лузановки. Эта гавань, «судя по названию, принадлежала местному племени истриан... Другая гавань — исиаков — отождествляется с поселением на Приморском бульваре. Как видно из ее названия, гавань принадлежала местному племени исиаков» [Агбунов, 1987: 127, и др.].

Создается впечатление, что М. В. Агбунов не учитывает размещения истриан и исиаков по Плинию и Меле — авторов I в. н. э., а П. О. Карышковский и И. Б. Клейман неверно толкуют достаточно ясное сообщение перипла Арриана, источника II в. н. э.

На наш взгляд, не следует ставить факт основания этих населенных пунктов в зависимость от двух местных племен. Действительно, римские авторы размещают племя истриан в Дунай-Днестровское междуречье, а племя исиаков (по Плинию: *Axiacus*, по Меле: *Asiacus*) — на территорию между Днестром и Тилигулом (Асиаком-Исиаком). Истриане, по мнению П. О. Карышковского, являются племенем гетофракийским, а исиаки — скифским [Карышковский, Клейман, 1985: 38–39].

На самом деле «загадочные» истриане появляются в Северно-Западном Причерноморье не в VI в. до н. э., а в середине IV в. до н. э. и локализуются в дельте Дуная, на острове Певка [Ткачук, 1999: 276; Виноградов, 1999: 50–71]. Примерно тогда же происходит скифо-истрианский конфликт, о котором пишет Помпей Трог. Этот конфликт принято сопоставлять с известной войной скифов царя Атея с трибаллами, которые появились до 339 года в русле Истра. Трибаллы-то и являются гетским племенем истриан. Так что зона их обитания в низовьях Дуная [Ткачук, 1999: 291] или даже в пределах Дунай-Днестровского междуречья [Карышковский, Клейман, 1985: 38] не позволила бы им основать собственный порт на южном берегу Одесского залива. Не говоря уже о том, что все три поселения, судя по данным наших раскопок, возникли задолго до IV в. до н. э. А сам залив находился в центре владений асиаков-исиаков, если верить Плинию и Меле.

В этом смысле выглядит логичным предположение М. В. Агбунова о существовании в Лузановке Гавани Исиаков (но где же тогда была Гавань Истриан? И где же Скопелы?). Впрочем, связывать исиаков с одноименной гаванью

еще более рискованно. Оказывается, в греческом оригинале текста перипла такое название, как Гавань Исиаков, вообще не существует! Рукопись Арриана дважды дает однозначный топоним Ἰσᾶκω λιμῆν (Гавань Иако), эмендировать который в Плиниевый *Axiacus* или Меловский *Asiacus* (об исиаках вообще никто не упоминает) весьма и весьма рискованно, что и было сделано явно не от хорошей жизни: в него вструмили аж целых две буквы и затем подменили инициал. Кто и когда это сделал, сказать сложно. В публикациях начала XIX в. еще встречается правильное прочтение топонима. Затем в весьма авторитетные переводы первоисточника вкрался ошибочный вариант прочтения. Надо полагать, кто-то подменил инициал и буквы как бы в угоду Плиниевым и Меловским исиакам, заподозрив в благозвучных названиях ключ к решению проблемы локализации двух гаваней.

Однако ключ находился совсем в иной области поиска. Указанные филологические наблюдения позволяют уверенно полагать, что Гавань Истриан — секундарная (*вторичная*) апойкия города Истрии, которая была основана ее жителями (что очевидно из ее названия). И никакого отношения к племени истриан-трибаллов она не имеет. Так, Ю. Г. Виноградов убежден, что решение проблемы локализации этого пункта поможет определить степень колониционного влияния этого одного из крупнейших полисов региона на земли Северо-Западного Причерноморья [Виноградов, 1989].

Это мнение очень убедительно. Действительно, косвенные следы такого влияния заметны со всей очевидностью. Например, жителям Истрии приписывается и основание Николия в низовьях Днестра. Прямыми указаниями на связь Истрии с областями, расположенными к северо-востоку от устья Дуная, являются находки монет этого полиса и данные эпиграфики из раскопок в Тире. В свете сказанного вспомним о находках истрийских монет на Приморском бульваре, а также о коллекции сероглиняной керамики «истрийского производства» из раскопок у дворца Воронцова, которая по количеству уступает лишь амфорной таре. Именно в области археологии лежит ключ к разгадке локализации дочерней апойкии Истрии.

Но почему Гавань Истриан не могла располагаться на месте Лузановки или Жеваховой горы? Ведь, судя по вычислениям стадий Арриана, этот пункт мог соотноситься с любым из трех памятников. Ответ снова дает археология.

Во-первых, лузановское поселение исследователями признано «ольвийской колонией», следовательно, оно не могло быть основано жителями Истрии. Во-вторых, на Жеваховой горе если и было раннее поселение, то оно давно уничтожено морем и оползнями. Здесь сохранились лишь остатки огромного «пограничного» святилища (возможно, всеэллинского, под патронатом Ольвии), маркирующего юго-западную границу этого полиса. И оно, как мы стремились показать, вместе с исчезнувшим поселком на окраине мыса именовалось Одессосом.

Другими словами, из трех известных крупнейших памятников античного времени на берегу современного Одесского залива, наиболее ранним, самым «истрийским», расположенным ближе всего к Истрии, является тот, что расположен на Приморском бульваре. А по берегам залива проходила граница между сферами влияний двух крупнейших соседних полисов Северо-Западного Причерноморья — Ольвии и Истрии, которые нередко вступали в политическую и военную конфронтацию. Гавань Истриан являла собой уникальный для этого региона пример основания вторичной апойкии. Подобным же образом на азиатской стороне боспорскими тиранами была основана Киммериада. На южном берегу Понта секундарными апойкиями являлись Керасунт, Котиора и Трабезунт, подвластные Синопе, которые платили ей дань [Виноградов, 1989: 68].

При такой постановке вопроса достаточно легко вычислить местоположение и Гавани Иако (исиаков), которая, согласно тексту перипла, находилась сразу за Гаванью Истриан, на расстоянии 90 стадиев. Длина этого стадия определяется очень по-разному: от 157 до 200 метров [см.: Агбунов, 1987: 14]. Это означает, что остатки Гавани Иако (исиаков) следует искать где-то на расстоянии до 18 км южнее современного Приморского бульвара. Однако доверять этим вычислениям нет никаких оснований без данных топографических наблюдений над поселениями античного времени Северо-Западного Причерноморья и выводов палеогеографии. Они-то и указывают на памятник античного времени у поселка Люстдорф (Черноморка) в предместьи современной Одессы, возле устья Сухого лимана. Это крупнейшее поселение эпохи классики-эллинизма, которых на всем протяжении береговой полосы от Одесского залива к выкату Днестровского лимана насчитывается всего четыре [Буйских, 1997: 94]. Подобная

интерпретация перипла Арриана не противоречит и логике навигационных задач лоции. В описании береговой полосы даны ключевые пункты, которые соотносятся с устьями рек, лиманов, островами или важными мысами.

Таким образом, авторы античных периплов не ошибались, размещая Гавани Истриан и Иако (исиаков) на расстоянии 90 стадиев друг от друга. Не ошибался и Петр Осипович Карышковский, связывавший поселение на Приморском бульваре именно с Гаванью Истриан. Попытки же локализовать топонимы на побережье Одесского залива, аргументируя это влиянием смежных племен истриан и исиаков, безосновательны. Гето-фракийское племя истриан соотносится с трибаллами, и оно, обитая в Нижнем Подунавье, не могло участвовать в основании позднеархаической колонии Гавани Истриан на берегу нынешнего Одесского залива в IV в. до н. э. Гавань Истриан была секундарной апойкией Истрии и соотносится с остатками античного поселения VI–III в. до н. э. на Приморском бульваре в Одессе. Впрочем, вряд ли этот топоним мог распространяться на всю группу поселений побережья Одесского залива или же определять географическое название местности — таковым топонимом был, несомненно, Одессос (Жевахова гора). Название «Гавань Исиаков» не имеет никакого отношения к скифскому племени исиаков-асиаков и является перекрученным названием Γακω λυγῖνυ (Гавань Иако). Во всяком случае, локализация этого пункта на 18 км южнее Одесского залива, в районе современного поселка Черноморка (Люстдорф), не противоречит ни данным археологии, ни сообщениям периплов.

Все эти рассуждения представляются вполне разумными, достаточно убедительными и могут претендовать на очередную попытку добросовестно упорядочить историческую локализацию. Однако сохраняется опасение, что такая попытка тоже может оказаться бесплодной. Потому что остается (и будет оставаться) очевидным фактом явная недостаточность и изначальная противоречивость античных источников. Ведь всего на побережье Одесского залива сейчас известно 10 поселений периода архаики и классико-эллинистического времени и девять — первых веков нашей эры [Античные памятники, 2001: 167–168]. С уверенностью можно лишь сказать, что 2500 тыс. лет тому на всей прибрежной территории современной Одессы, несомненно, бурлила жизнь.

Упорядочить ситуацию могут помочь сравнительные наблюдения за меняющейся современной топонимикой. Ведь известно, что все приморские поселки располагались вдоль побережья, в округе Жеваховой горы, где на возвышенном мысу находился их сакральный центр — Одессос. Все вместе они, таким образом, образовывали прибрежную торговую агломерацию гаваней, портпунктов и поселков — «Большой Одессос» (как, впрочем, и сейчас, Одесский порт с «дочерними» Ильичевском, Григорьевкой, Южным). Поэтому они могли на протяжении столетий менять свои наименования в зависимости от исторической обстановки и ситуации.

Аналогии с наблюдениями за переменчивой топонимикой Одессы за двести с небольшим лет ее существования в данном случае могут показаться вполне уместными. Портпункты и гавани, набережные и парки, пляжи, улицы и площади меняли свои названия просто как перчатки. Так, Люстдорф сменила Черноморка, Дачу Ковалевского — 16-я станция Большого Фонтана, она же Золотой берег. Малый Фонтан стал Отрадой и Дельфином. Пляж Ланжерон надолго превращался в Комсомольский, затем снова обрел свое историческое имя, но сейчас стремительно превращается в Дельфинарий Немо. Или, например, Купеческая гавань разделилась на Военную и Практическую, а также Карантинную, которая именовалась попеременно Каботажной, Угольной, Андросовской, Потаповской или Арбузной гаванями. Топонимическая чехарда с названием улиц, площадей, скверов при ретроспективном рассмотрении просто поражает — можно в некоторых случаях насчитать более десятков переименований [Майстровой, 1997]. В таком случае логично полагать, что Гавань Иаков была античным предшественником порта Ильичевск, а Кошарское поселение — порта Южный.

Поэтому трудно даже себе представить, как будущие историки через два тысячелетия будут справляться с локализацией одесской городской топонимики. Нам же остается считать, что все поселки и гавани античного времени на побережье Одесского залива были просто «Большим Одессосом» — топографическим предшественником современной «Большой Одессы».

В связи со сказанным стоит отдельно оговорить и проблему расположения античной Фиски. Этот портпункт упоминается одним лишь Птолемеем и помещается в районе нынешней Одессы. Ни в каких других источниках название этого северопонтийского пункта не указывается.

Между тем, название Фиск (Physcus, Φύσκος) в античном мире довольно распространено. Известны такие города в озолийской Локриде и в Карии (гавань Миласа), а также гора у Кротона в Брутийской области. Под таким же наименованием Ксенофонт упоминает пункт на левом берегу Тигра в Месопотамии.

Очевидно, «загадка» птолемеевой Фиски заключена в смысле этого слова и его эволюции. Известно, что первоначальное значение «fiscus» — это просто корзина для сбора оливок. Затем стало оно означать ящик для хранения денег, преимущественно таких, которые назначены к выдаче (переходных сумм).

В Древнем Риме фиском называлась военная касса, где хранились деньги, предназначенные к выдаче. Со времени Августа (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) Фиском стала называться частная касса императора, находившаяся в ведении чиновников и пополняемая доходами с имперских провинций и другими средствами, в противовес Эрарию (лат. aerarium) — сенатской казне. Фиском стало называться также и все имперское управление. А с IV века Фиск превращается в единый общегосударственный финансовый центр Римской империи, куда стекались все виды доходов и сборов и откуда шли указания о чеканке монет, порядке сбора налогов, производились выплаты и пр. (отсюда обозначение термином «фиск» государственной казны).

Карта Птолемея отражает римские реалии первых веков н. э. На протяжении II века позиции Рима в Северном Причерноморье все более усиливаются. В середине этого столетия в Ольвии уже размещается римский гарнизон, состоявший из солдат трех легионов — I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева. А в конце века Ольвия и все прилегающие территории были включены в состав римской провинции Нижняя Мезия.

Ясно, что легионерам нужно исправно платить. Значит, «Фиска» означает лишь место расположения военной кассы. А она находилась в одной из гаваней Одессоса. Видимо, в порту. Потому что известно, что в греческих городах существовали специальные сборщики всевозможных пошлин, в том числе и те, кто собирал портовый сбор, взимавшийся со всех судов за право стоянки в порту и пользования портовыми сооружениями. Такой налог был установлен во всех пор-

тах Северного Понта, в том числе и в Борисфене-Одессосе, или в Гавани Истриан [Скржинская, 1991: 160–161].

Получается, что загадочная Фиска просто была морской таможней (или складом). А в римские времена там, видимо, поместили также и военную кассу римских легионов, охранявших от тавро-скифов восточные рубежи Нижней Мезии. Именно эта Фиска и указана на карте Птолемея.

Скорее всего, Фиска размещалась либо на Приморском бульваре, либо на Жеваховой горе, как таможня Гавани Истриан, потому что еще профессор Э. Р. фон Штерн предполагал, что здесь находился какой-то античный «складочный пункт». Впрочем, не исключено, что это могли быть также и остатки складских помещений польской соляной фактории Качибей и итальянской Джинестры у Овидиева озера в Средние века.

Хаджибей и Джинестра

Хаджибей... ничтожная татарская деревушка...

Генерал Адлерфельд

В последние десятилетия можно наблюдать, как во всем мире археологи все чаще склоняются к раскопкам памятников, близких нашему времени или же современных. Сейчас уже мало кого удивляет, что во многих странах изучаются культурные слои «нового времени», а также современные города и поселки — либо сравнительно недавно оставленные, либо ныне «живые». Эти занятия породили и новые направления археологического поиска — «промышленную археологию», этноархеологию, археологию «свежих памятников» и даже упоминавшуюся уже гарбологию, или «мусорологию» — науку, изучающую современные бытовые отходы.

Раскопки сравнительно «свежих памятников», в том числе и «мусорные проекты», начавшиеся в странах Европы и Америки и охватившие весь мир, спорадически предпринимаются и разными энтузиастами на территории бывшего Советского Союза. Впервые они были начаты еще в 1950-е гг. в Петербурге и продолжают по сей день [Сорокин, 1998: 263–268]. Петербургский опыт археологического изучения «живого» города мы перенесли в Одессу и с 1995 года начали «одесский мусорный проект» — целенаправленные раскопки современного культурного слоя. Оказалось, что сегодняшняя Одесса значительную свою часть стоит на многометровых напластованиях собственного мусора XIX–XX вв. Одесское «мусороведение» — это особый исследовательский сюжет, о котором мы уже писали [Добролюбский, Губарь, Чумак, 1996]. Здесь лишь отметим, что в процессе наших гарбологических поисков выяснилось — в историческом центре города одесские мусорные напластования едва ли не повсеместно перекрывают не только слои античного времени [Добролюбский, 1999], но и мощный слой турецкого предшественника Одессы — Хаджибея. Этот, турецкий, слой также состоит преимущественно из обильного мусора, в археологическом

отношении довольно «свежего». Основания для его типологического изучения нам дали предварительные «мусорологические» штудии — археологические работы в выгребных ямах турецкого Измаила.

«Свежие» турецкие памятники

Здесь мы хотим представить свои первые наблюдения и результаты археологического изучения Хаджибея. Поэтому начнем с попытки оконтурить проблематику в самых общих чертах. До недавнего времени все материальные остатки турецкой эпохи в Северном Причерноморье (XV–XVIII вв.) считались слишком «свежими». Турецкие города вообще не рассматривались как археологические памятники, несмотря на свою, порой удовлетворительную, археологическую сохранность. Автор этих строк был в числе тех, кто начал их первые и робкие раскопки в 1989 г. — с Измаильской крепости, а затем и других городков и небольших поселков того времени близ северного побережья Черного моря. Несколько позднее стал раскапываться Очаков. Выяснилось, что такие работы оказались новаторскими — они приподнимают завесу над необъятным пластом историко-археологической проблематики эпохи, которая оказалась подлинным «белым пятном» в изучении истории Северного Причерноморья. Однако археологическая сторона этой проблематики практически не исследуется [Добролюбский, 1998]. Дело в том, что турецкие древности ранее почти не выделялись из совокупности иных древностей Средневековья, им приписывалось золотоордынское, румынское, молдавское, украинское и иное происхождение. Поэтому работы по атрибуции и датировке этих древностей только начинаются. Так, почти совершенно не расчленены и путанно опубликованы обширные керамические коллекции XIV–XVIII вв. из Аккермана и Ясс. Лишь раскопки Измаила дали, пожалуй, самую богатую и представительную коллекцию поливной керамики, курительных трубок и стеклянных бутылок в Северо-Западном Причерноморье — самых многочисленных категорий находок турецкой эпохи. Эту коллекцию, как самую разнообразную, можно считать эталонной, поскольку мелкие обломки такой посуды зачастую являются преобладающими находками на других турецких памятни-

ках — небольших поселках и мелких крепостях в Северо-Западном Причерноморье.

Типология и датировки керамики XV–XVIII вв. для Северного Причерноморья почти не разработаны. Очаковские материалы опубликованы крайне скупо и невнятно [Беляева и др., 1991, 1998]. Поэтому при изучении Хаджибея нам приходится опираться на опыт классификации керамики Азова [Волков, 1992], а также на опыт собственных раскопок Измаила. Попытаемся его кратко обобщить.

Обработка керамических комплексов турецкого Измаила [Добролюбский, Дынник, 1990] дала, пожалуй, самую богатую и представительную коллекцию поливной керамики в Северо-Западном Причерноморье — красноглиняной, высокого качества, тонкостенной, со сквозным и равномерным обжигом. Многие экземпляры этой коллекции очень индивидуальны, их декоративное и функциональное разнообразие чрезвычайно велико и заслуживает специального внимания. Пока не удастся найти им прямые аналогии, хотя в ряде случаев импортное происхождение кажется очевидным. Цвет поливы бывает чаще всего зеленым, желто-коричневым, несколько реже желтым и коричневым, еще реже полива бесцветна. Основные художественные приемы: орнамент графито и роспись ангобом; орнамент при помощи цветной подкраски, а также сочетание геометрических и растительных мотивов. Такие орнаменты характерны для большинства типов встречающейся посуды — это кумганы, миски, тарелки, блюда, чаши, крышки, кувшины, светильники, подсвечники и т. п. Все эти типы встречаются в слоях XVI–XVIII вв., но выглядят и воспринимаются как единый хронологический массив. Такое же впечатление производит керамика Азова [Волков, 1993] и, видимо, Очакова [Беляева и др., 1991, 1998, и др.]. Очевидно, все эти коллекции пока убедительно не расчленимы на более дробные хронологические периоды в пределах XVI–XVIII вв.

Наблюдения над стратиграфией турецкого Измаила позволили выделить закрытые комплексы середины XVIII в. [Добролюбский, Дынник, 1990]. Преимущественно это были отхожие места и выгребные ямы, которые хорошо отличались по характерному заполнению — тускло-зеленому гумусированному грунту. Они точно датировались монетами. Пристальное изучение таких комплексов определило методические особенности наших мусороведческих изысканий

на турецких памятниках — удалось выделить наиболее распространенные вещи. Это обломки керамических кумганов (сосудов для омовения «в виде чайников», восточных аналогов биде), курительных трубок и стеклянных бутылок для вина. Удалось выяснить не только то, чем занимались жители Измаила близ своих отхожих мест — такие наблюдения оказались весьма продуктивными и для датировок. В частности, соотнесение вещей из выгребных ям Измаила, датированных монетами, с другими датированными категориями материала — фаянсовой керамикой Изника и Кютахьи, красноглиняными курительными трубками, бутылочным стеклом, показало их хронологическую сопоставимость. Так, продукция Изника и Кютахьи в Измаиле, как и в Азове, датируется серединой XVII–XVIII вв., а курительные трубки — XVIII – началом XIX вв. [Волков, Новикова, 1996]. Массовая же керамика с зеленой, желтой и коричневой поливой характерна для всего турецкого времени и сама по себе не датируется более узко. Использовать лишь ее в целях конкретной датировки пока невозможно.

Между тем, обломки именно такой посуды порой являются преобладающими находками на других турецких памятниках — небольших поселках и мелких крепостях, образующих систему турецких укрепленных пунктов в Северо-Западном Причерноморье. В последние годы они найдены археологически и локализованы в связи с имеющимися картографическими и иными сведениями. Это Аджидер (ныне Овидиополь), Хаджибей (Одесса) и Ени-Дунья (Сычавка), Молога и др. [Добролюбский, Гизер, 1994]. Время их существования в 60-х – начале 90-х гг. XVIII в. надежно удостоверяется письменными источниками. Культурные слои этих памятников почти полностью уничтожены, они выявлены по подъемному материалу и спорадической шурфовке. Коллекции состоят преимущественно из обломков описанной поливной керамики, а также фрагментов курительных трубок, в том числе фасонов «нарцисс», «лилия», «тахта-чубук» и толстостенных стеклянных бутылок с куполообразно вогнутым дном. Если все находки трубок «тахта-чубук» могут быть однозначно отнесены ко второй половине XVIII – началу XIX вв. [Волков, Новикова, 1996: 140; Волков, 1999: 226–252], то упомянутая бутылочная тара — «куполодонная» — нами встречена только лишь в закрытых датированных комплексах — выгребных ямах — турецкого Измаила

середины XVIII в., погибших в 1770 г., после взятия города корпусом генерала Репнина. Это позволяет рассматривать подобные бутылки как датирующие для середины и третьей четверти XVIII века.

Приведенные хронологические наблюдения позволяют переносить их и на поливную керамику. Видимо, этим создается возможность выделения в ней типов, характерных лишь для второй половины XVIII в. Повсеместное и обильное распространение такой керамики на всех турецких памятниках этого времени позволяет видеть — именно в этот, заключительный, период турецкого господства в Причерноморье ее производство было наиболее массовым и разнообразным. Надо полагать, дальнейшее накопление и обработка коллекций с подобных памятников позволит установить узко датирующие типы и внутри этой категории материала.

Известно, что турецкие крепости к востоку от Очакова (Хаджибей, Ени-Дунья и Аджидер) окончательно прекращают свое существование с 1789 г., после захвата их русскими войсками. Измаил был взят в конце 1790 г. С этого же времени повсеместно прекращается и распространение турецкой поливной керамики и упомянутых «куполодонных» бутылок. Лишь курительные трубки типа «тахта-чубук» продолжают сохраняться в обиходе нового населения Северо-Западного Причерноморья вплоть до конца первой четверти XIX в. Эти трубки встречаются в слое турецкого Измаила 1791–1812 гг., но уже без поливной керамики и «куполодонных» бутылок.

Можно заключить, что первичные типологические основания для хронологического распределения древностей внутри турецкой эпохи уже имеются. Дальнейшие усилия по выделению разных типов турецкой поливной посуды и их синхронизации с иными, более узко датированными категориями материалов на новых памятниках, кажутся очень перспективными и многообещающими.

К числу таких памятников относится и Хаджибей — турецкая крепость и поселок, известные на месте нынешней Одессы вплоть до ее основания в 1794 г. Естественно, ранее он также археологически не изучался, поскольку раскопки в Одессе не проводились. Между тем, именно Хаджибей давно занимает в истории Северного Причерноморья особое место — как непосредственный предшественник Одессы. Его «знаковый» исторический смысл в культурно-патриотическом сознании одесситов очень велик. Он усиливается и тем,

что Хаджибейский замок взял героическим штурмом сводный отряд российских войск под командованием Иосифа де Рибаса — впоследствии основателя самой Одессы. Поэтому сюжеты, связанные с историей Хаджибея, привлекали и продолжают привлекать повышенное внимание историков и литераторов, преимущественно одесских.

Изначальный Хаджибей в документах и легендах

Патриотический пафос в изучении Хаджибея был задан первым историком Одессы А. Скальковским еще более полутора веков тому назад. На этой же ниве потрудились и почти все видные одесские историки XIX в. — Н. Мурзакевич, Ф. Брун, А. Маркевич, В. Яковлев и др. [см. об этом: Скальковский, 1889]. Пик публикаций по этому вопросу пришелся на 1890-е годы и был прямо связан со 100-летним юбилеем основания Одессы. К началу XX в. совместными усилиями историков Одессы сложился своеобразный «миф о Хаджибее», который затем вполне органично вошел в систему «одесской мифологии» [см. об этом: Атлас, 1992]. Одной из основных идей этого, как и любого мифа, было стремление к максимальному удревнению существования Хаджибея, а также, по возможности, к утверждению его былого величия и значения — как непосредственного предшественника Одессы.

Действительно, имеются туманные источниковедческие основания относить время возникновения поселка на месте нынешней Одессы ко второй половине XIV в. Его историки связывают с именем «татарского» бека Хаджи, или Хаджибея (Качибея), поскольку тогда причерноморские степи были заняты кочевьями трех крупных орд — Крымской, Перекопской и Джамбулакской. В середине XIV в. предводителей этих орд — беков Кутулбугу, Хаджибея и Дмитрия — «Повесть о Подолье» именует «отчичами и дедичами» Подольской земли. Однако в битве при Синих Водах в 1362 г. литовскому князю Ольгерду удалось разгромить отряды этих беков. Один из них, Хаджибей, то ли погиб в этой битве, то ли откочевал со своими улусами к черноморскому побережью. Предположительно это был район нынешней Одессы. И сейчас один из одесских лиманов именуется Хаджибейским. Принято считать, что именно тогда

здесь и возник первый поселок Хаджибей, названный так в честь его «основателя» [Брун, 1879, и др.].

Последующие сведения о Хаджибее столь же туманны и полуполюгендарны. Первое конкретное упоминание о Хаджибее принадлежит польскому историку Яну Длугошу, который в конце XV века сообщает, что в 1415 г. польский король Владислав, пребывая в «святом сочувствии» к послан патриарха и греческого императора, жаловавшихся на жестокие нападения турок, «щедро дарит необходимое количество зерна, которое им необходимо получить в королевском порту Качибей» [Гончарук, 2000: 5–8].

Это сообщение считается первым документальным источником о Хаджибее, хотя и содержится лишь в труде Длугоша «История Польши», и неясно, на каких документах основано. Сообщение Длугоша тем более сомнительно, что он не был современником описываемого им события, и как раз родился в том самом 1415 г. Еще менее определены другие свидетельства. Надо заметить, что никто из «очевидцев» до начала XVIII в. «живого» Хаджибея не видел. Ни на одной из известных морских карт XIV–XV вв. Хаджибей не отмечен, а в окрестностях нынешней Одессы приводится в разных написаниях одно и то же наименование «Джинестра», связываемое с именем якорной стоянки генуэзцев. Другие сведения не столь уж многочисленны, их легко привести, и обнаружить, что «очевидцы» здесь либо вообще ничего не видели, либо видели какие-то развалины на морском побережье в разных местах от Днестра до Тилигула.

В 1421 г. бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (современник даты 1415 г., приводимой Длугошем) при описании черноморского побережья по пути из Монкастро (Аккерман) до Днепра не видит здесь ничего.

Более чем через полтора столетия, в 1578 г., другой очевидец, Мартин Броневский, видит развалины в устье Днестра: «Качибеево городище, как будто обрушившаяся земля, омываемое широким озером, находящимся возле моря и при устье Днестра».

Следующий известный нам очевидец — турецкий путешественник Эвлия Челеби. В 1656 г. он описывает развалины примерно такого же качества, но на морском берегу, расположенные «в 15 часах от устья Барабоя и в 14 часах от устья Тилигула».

Лишь в 1709 г. шведский генерал Адлерфельд, один из спутников Карла XII и Мазепы, бежавших из-под Полтавы,

упоминает в своих «Записках...» «ничтожную татарскую деревушку» где-то в районе устьев нынешних Хаджибея и Куяльника [см. об этом: Добролюбский, 1994: 7].

Ничего более внятного о Хаджибее мы не знаем — вплоть до 1765 г., когда турки начали строить «Гаджибейский замок» в районе нынешнего Приморского бульвара. Сведения о его не слишком долгой истории — до осени 1789 г. — куда более обстоятельны и известны, они едва ли не исчерпывающе обобщены С. Боровым [Боровой, 1968]. Отметим лишь, что Гаджибейский замок был захвачен русскими войсками в 1774 г., возвращен Турции и окончательно взят, как всем давно известно, в 1789 г. отрядом де Рибаса.

Кажется очевидным, что внятных документальных свидетельств о Хаджибее до 1765 г. не имеется, хотя и можно думать, что какой-то поселок или пристань здесь все же периодически существовали с конца XIV в. На протяжении всего XX в. это не подвергалось особым сомнениям и дискуссиям — советских историков этот вопрос мало занимал. Считалось, что с XV в. украинско-литовский «Качибей, как и другие поселения на Черноморском побережье, стал добычей татаро-турецких захватчиков и надолго потерял всякое значение». При этом заслуги взятия Хаджибея и основания Одессы были приписаны А. В. Суворову [«Одесса», 1957: 11, 17–18].

С начала 1990-х гг. изначально украинская древность Хаджибея стала активно популяризироваться в связи с новой и конкретной национальной задачей — превратить Хаджибей-Одессу в исконно украинский город Коцюбиев. Его основателем провозглашен шляхтич Коцюба-Якушинский, переселивший сюда своих крестьян из местечка Якушина на Южном Буге. Здесь он построил город и порт, который стал именоваться в его честь и превратился в морские ворота Литовской державы. Уже с начала XV в. здесь «існували корабельні стоянки, митниця, маяк, тобто всі атрибути портового міста», которое «не припинило свого існування у турецький період історії» [Болдырев, 1994, и др.]. Лишь его название оказалось впоследствии отуреченным, город непрерывно существует под разными именами — Хаджибей, Гаджибей, Аджибей и др.

Такое превращение приходится осуществлять на прежней, весьма скудной, источниковедческой базе. Поэтому новая концепция исходит из прямой подтасовки. Владелец села Якушина под Винницей Борис Коцюба действительно

существовал — только жил он не в XIV, а в середине XVI в. Он прославился лишь тем, что руководил постройкой ограды Винницкого замка, что зафиксировано в ревизии замков Волынской земли в 1545 г. Более о нем не известно ничего. А всю историю с Коцюбиевым и его украинскими переселенцами придумал еще в XIX в. польский историк Мариан Дубецкой. Сейчас она понадобилась создателям нового мифа о Хаджибее-Коцюбиеве.

Не вдаваясь здесь в детали очередного источниковедческого жульничества, отметим лишь, что при отсутствии внятных археологических сведений любые «научные» аргументы о продолжительности исторического существования Хаджибея, а также о его точном местонахождении, остаются неочевидными. Иными словами, все знают, что Хаджибей находился где-то на месте Одессы — но никто не знает, где именно. А также — как долго.

Известно лишь, что с 1764 г. на месте поселка Хаджибей турки начинают строительство новой крепости — Ени-Дунья (Новый Свет). Эта крепость уверенно отождествляется всеми последующими историками с тем самым Хаджибейским замком, который захватил четверть века спустя адмирал де Рибас. И локализуется на месте нынешнего Приморского бульвара. Насколько оправдана такая уверенность?

В поисках исчезнувшей Ени-Дуньи

Основным прямым источником, указывающим на такое местоположение Ени-Дуньи и ее отождествление с Хаджибеем, является сообщение об этом войскового толмача Константина Иванова. Летом 1764 г. Иванов, посланный из Запорожья с дипломатическим поручением к Крымскому хану, доносит своему начальству, что «в 50 верстах от Очакова, при море, по направлению к Белгороду, делается крепость, кое наименование Ени-Дунья, т. е. Новый Свет, прежде же там было село и именовалось Куджабей. Она же крепость зачалась делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок окольных». Это известие было воспроизведено в 1840 г. А. Скальковским в «Истории Новой Сечи», и с его легкой руки «прописалось» в краеведческой литературе.

Между тем, никакими другими свидетельствами 1760–80 гг. такое отождествление Ени-Дуньи с Хаджибеем не под-

тверждается. Напротив, эта крепость в дальнейшем именуется только лишь Хаджибеем. Уже в следующем датированном источнике — «Плане... турецкого города Гаджибея», составленном поручиком Исленьевым в мае 1766 г., — о Ени-Дунье речи нет. И казацкие походы в 1769 и 1770 гг. были направлены, в частности, на Хаджибей. Во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. «Гаджибейский замок» был взят русскими войсками, а затем возвращен Турции. В 1789 г. под Хаджибей ходили черноморские казаки Чепеги, отряд де Рибаса брал именно Хаджибейскую крепость.

Название «Ени-Дунья», таким образом, исчезает из сообщений о Хаджибейском замке едва ли не с начала его строительства. Известно лишь сообщение запорожского кошевого, что летом 1774 г. Ени-Дунья была взята русскими [Брун, 1879: 187], но не указывается, где она находилась. Зато имеется источник иного рода об Ени-Дунье — это карта черноморского побережья, которая была составлена Риччи Заннони в 1772 г. На ней Ени-Дунья (Ieni-duni) помещена к западу от устья Тилигульского лимана, а не на месте Хаджибея. Сомнений у историков первой половины XIX в. это не вызывало. Напротив, в 1856 г. Ф. Брун писал, что «между Березанским и Тилигульским лиманами были турецкие крепости Возия и Гассан-кале, последняя близ деревни Аджиатки (у мыса Аджиатск, ныне Рыбаковка). К западу от нее при Тилигуле была Возия, а на другой стороне Тилигула — третья крепость Иенидунья» [Брун, 1856].

Однако со временем Ф. Брун изменил свое мнение. В статье «Судьбы местности, занимаемой Одессой» он уже отрицает возможность расположения Ени-Дуньи у Тилигула, «ибо тогда она находилась бы в 25 тогдашних верст от Очакова, а не в 50, тогда как таково именно расстояние между этой крепостью и Гаджибеем — нужно только бросить взгляд на карту Риччи, чтобы убедиться в том, что он, помещая Ени-Дуни при Тилигуле, скорее мог ошибиться, нежели Иванов» [Брун, 1879].

Эти доводы Ф. Бруна с тех пор не подвергались ни сомнению, ни обсуждению. Поэтому авторы этих строк сделали попытку проверить сведения Риччи Заннони археологически и провели специальное археологическое обследование и шурфовку местности, где, согласно его карте, должна была находиться Ени-Дунья. Даже странно, что никто ранее не удосужился это сделать. Действительно, прямо на мысу,

образуемом западным берегом долины Тилигула и обрывом к морю, обнаружилось небольшое поселение турецкого времени. Со стороны степи мыс поперечно огражден сильно оплывшим земляным валом. В центральной его части культурный слой достигал мощности 1 м. Он образован преимущественно оплывшими стенами строений из необожженной глины, которые возводились на фундаментах из каменного бута, засыпанного в предварительно вырытые траншеи. На поверхности во множестве найдены обработанные известняковые плиты и фрагменты турецкой керамики, стеклянных «куполодонных» бутылок и железных изделий. По аналогии с материалами мусорников (закрытых комплексов) Измаила, сформировавшихся в середине XVIII в. и погибших в 1770-х гг., наш памятник может датироваться именно этим временем — третьей четвертью XVIII в. Площадь распространения находок — приблизительно 100 x 150 м [Добролюбовский, Гизер, 1994].

Именно это место обозначено Риччи Заннони как *Ieni-duni*. В таком случае, совпадение времени существования памятника с датой составления карты (1772 г.) позволяет уверенно зафиксировать здесь в третьей четверти XVIII в. существование турецкого укрепленного пункта. Это означает, что картограф не ошибся*.

По археологическим остаткам характер памятника устанавливается достаточно определенно — это было укрепление для караула или пограничной заставы. Очевидно, это была охрана и служба при маяке у входа в Тилигульский лиман, бывший тогда еще судоходным. Не менее очевидно, что местечко Возия, «напротив Ени-Дуньи», выполняло те же функции на противоположном берегу. Вероятно, оба поселка погибли в ходе военных действий русско-турецкой кампании 1789–91 гг.

Надо полагать, что упомянутые выше возражения Ф. Бруна были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья, действительно, должна оказаться на месте Хаджибея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении

---

* Автор признателен доктору геологических наук профессору Ф. Н. Лисецкому за обстоятельные консультации и большую помощь в обнаружении и исследовании памятника.

из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличивался вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст.

Таким образом, налицо совпадение датированных письменных и археологических сведений. Становится очевидным, что последующее отождествление крепости Хаджибей с Ени-Дуньей связано с историографическим недоразумением. Сюжет с исчезнувшей Ени-Дуньей лишь наглядно показывает, как невнимание к турецкому археологическому мусору создаст завалы другого «мусора» — историографического*.

Эти же поиски позволяют, наконец, непротиворечиво локализовать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий — «Очаковской области» — по Ясскому миру 1791 г. Это: Очаков, Гасан-кале (Рыбаковка), Возия (восточный берег Тилигула), Ени-Дунья (западный берег Тилигула), Хаджибей (Одесса), Хаджидер (Овидиополь).

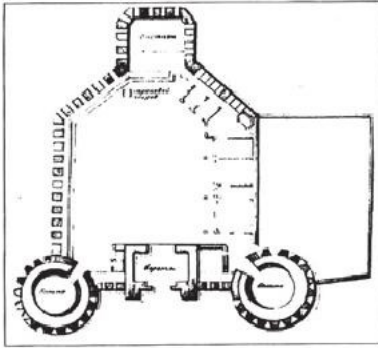
Остатки Хаджибея в свидетельствах «очевидцев»

Возвращаясь к истории самого «Гаджибейского замка» в 1765–89 гг., сразу заметим, что литературы о его возможном местонахождении немало. Большинство авторов локализуют его в районе Воронцовского дворца. Но документов о его точном топографическом размещении не сохранилось. Поэтому историки Одессы XIX в. привязывали его к местности по-разному. На «Плане штурма Хаджибея» (неясно, когда составленном) А. Н. Петров размещает замок в центре нынешнего Приморского бульвара, на месте памятника Дюку [Петров, 1880: 76]. Попытки археологически обнаружить остатки замка не предпринимались — видимо, никто не видел в этом особого смысла. И вот еще почему.

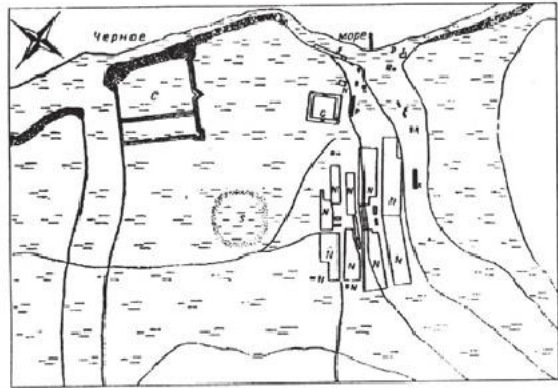
---

* Увы, историографический «мусор» продолжает накапливаться — отрицается сам факт археологического существования Ени-Дуньи у Тилигула, а плану И. Исленьева приписываются сведения об Ени-Дунье в Хаджибейской бухте [Сапожников, Сапожникова, 1998: 19–20]. Или эти очевидные сведения просто не замечаются [Красножон, 2011].

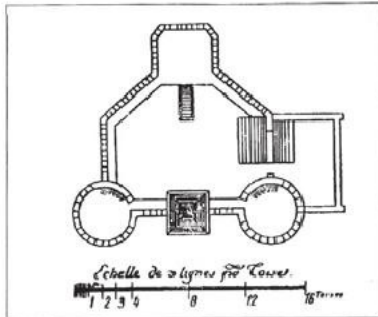
Хаджибей и Джинестра

а) План, составленный Фрейганом

в) План, составленный Исленьевым

б) План, составленный Лафиттом-Клаве

Планы крепости Хаджибей

Как уже говорилось, во время очередной русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Хаджибейский замок был взят Иосифом де Рибасом в ночь с 13 на 14 сентября 1789 г. Менее чем через два месяца после штурма, 10 ноября, Г. А. Потемкин пишет о своем распоряжении уничтожить замок для того, чтобы «затем... иметь счастье представлять о месте... для укрепления, которое соорудится из тех самых камней, что остались в развалинах Гаджибея». Эти развалины стояли, видимо, до конца войны 1791 г., а уже в 1793 г. были разобраны для строительства «Адмиралтейского жете, или Малой крепости» примерно на этом же месте. Поэтому новая, Малая, крепость оказалась и на первом «Плане города Гаджибея», составленном «главным строителем Одессы» Францем де Воланом зимой-весной 1794 г. Совершенно ясно, что уже тогда никаких внешних следов былого существования Гаджибейского замка оставаться не могло. Они, естественно, и не существовали к моменту основания Одессы в августе 1794 г. [Добролюбовский, 1998: 76–79].

Историки Одессы первой половины XIX в. не имели поэтому никаких сведений о точном расположении крепости, кроме «рассказов очевидцев» и «старожилов» (Смольянинов, 1853: 13–15). Им не были известны и какие-либо документы об этом, кроме двух инженерных планов. Одним из них является чертеж и рисунок замка Chateau de Codja-beu, составленный в 1784 г. французским инженером на турецкой службе Лафитгом-Клаве. Этот план, выполненный без точной привязки к местности, впервые опубликован Н. Мурзакевичем в статье «Гаджибейский замок» в 1867 г. Другой план, более обстоятельный — «рисунок с профилем» — был составлен в 1789 г. русским инженером Фрейганом. Планом Фрейгана как будто пользовался Г. А. Потемкин перед тем, как распорядился уничтожить замок. Оба плана практически совпадают, разнятся лишь в мелких деталях. Они, несомненно, были ранее известны А. Скальковскому, который еще в 1837 г. разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца. Очевидно, более точная привязка к местности для А. Скальковского была невозможной, как не была она возможной и позднее, для К. Смольянинова, также ограничившегося в этом вопросе «рассказами очевидцев». Заметим, впрочем, что вряд ли таких очевидцев могло быть достаточно много к середине XIX в., если учесть, что все «гражданское» население Гаджибея в 1794 г., когда от развалин Гаджибейского замка и следа не оставалось, составляло лишь 28 «душ» [Добролюбский 1994: 142–144].

Между тем, именно сообщения подобных «очевидцев» служили единственным источником для точной локализации замка. Поэтому К. Смольянинов размещает его «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли» (дома № 1, 2 на Приморском бульваре), а Н. Мурзакевич честно ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест», т. е. также на бульваре, но там, где дом № 7.

Видимо, в последующие два десятилетия этот вопрос мало будоражил одесскую общественность. Однако в связи со 100-летним юбилеем штурма Гаджибея он приобрел мемориальный характер. Так, на заседании Городской думы 28 июня 1889 г. было принято решение, по которому «на месте, где происходило решительное сражение при взятии крепости (конец Николаевского бульвара, около дома графа Строганова), поставить памятник в ознаменование столетия взятия Хаджибея».

Мемориальные же соображения, связанные со столетием Одессы, надо полагать, побудили А. Маркевича в 1894 г. снова рассмотреть этот вопрос. Очевидно, он понимал, что источниковедческая точность и добротность «преданий» и рассказов старожилов со временем не увеличивается. Ему пришлось еще более расширить территориальную вероятность расположения Гаджибейского замка — между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком. Впрочем, вслед за К. Смольяниновым, он считал наиболее возможным размещение крепости на месте тех же домов №№ 1 и 2 по Приморскому бульвару.

После этого, вплоть до конца 1960-х гг., этот вопрос снова никого не занимал. Лишь в 1967 г. С. Я. Боровой издал найденный им вместе с Ф. Е. Петрунем «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея», который был составлен поручиком Черного гусарского полка Иваном Исленьевым в 1766 г. [Боровой 1967: 130–136]. Это — единственный подлинный план размещения крепости, не искаженный последующими «преданиями». И на нем крепость расположена непосредственно у обрывов Военного спуска и левой половины Приморского бульвара.

С. Я. Боровой, издатель рисунка Исленьева, указывает на многие несоответствия планов Исленьева и Лафитта-Клаве. Бросающаяся в глаза непрофессиональность этого рисунка заставляет В. А. Чарнецкого усомниться в том, что его составлял умелый картограф [Чарнецкий, 1994: 4]. Замок по-прежнему локализуется не слишком точно — где-то «на левой половине Приморского бульвара между обрывом, Воронцовским переулком и дворцом Воронцова».

Хаджибейский замок в археологических остатках

Снова подчеркиваем, что сколько-нибудь удовлетворительное решение вопроса о локализации Хаджибейского замка невозможно без обнаружения его археологических остатков. Именно их нам (экспедиции Южноукраинского педагогического университета) и удалось найти в 1997–1998 гг. близ нынешнего Воронцовского дворца, в северо-западной части Приморского бульвара.

Найдены они случайно, при вскрытии слоя античного времени VI–V вв. до н. э. [Добролюбский, 1999: 249–250]. На

глубине от полутора до двух метров были обнаружены впущенные в этот слой остатки каменного сооружения. В сохранившемся виде они представляли собой кладку длиной около 3 м, сильно потревоженную в верхней части и в плане выглядывшую как сегмент окружности диаметром приблизительно 5 м. Кладка представляла собой юго-восточную часть этой окружности. Она сложена из пиленых клиновидных камней ракушечника, тщательно подогнанных друг к другу и выложенных сужающейся частью вовнутрь. Ее внешняя сторона выглядит небрежной, в отличие от внутренней, где поверхность каждого камня подтесана под одну линию. Почти на всех камнях присутствуют следы цементного раствора. Конструкция северной оконечности кладки представляла собой часть порога, сооруженного над специальным «пяточным камнем» — прямоугольной плитой, обработанной в нижней части как вытянутый цилиндр. В центре плиты имелось квадратное углубление, служившим основанием для дверной оси. Порог указывал на место входа в округлое помещение, большая часть которого давно оползла в обрыв.

К северо-западу от входа, который был обозначен «пяточным камнем», удалось обнаружить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, а также примыкавший к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. В заполнении описанной кладки и вокруг нее найдена поливная и простая гончарная керамика, кованые квадратные гвозди, черепица и несколько кирпичей. При зачистке поверхности входа в бастион, где, согласно рапорту де Рибаса, прятался в момент штурма двухбунчужный Ахмет-паша со своим гаремом, была найдена фрагментированная железная пряжка с крючком от поясного солдатского (офицерского?) ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением.

Здесь же найдены две красноглиняные курительные трубки типа «тахта-чубук» с клеймами стамбульских мастеров. На одном клейме читается слово «нишан» («штамп», «клеймо»), весьма распространенное на таких трубках. Это говорит о том, что они привезены из Константинополя и датируются второй половиной XVIII в. [Волков, Новикова, 1996: 140; Волков, 1999].

В шурфе в предматериковой части выявлено и зачищено несколько небольших турецких мусорных ям. Найдены

преимущественно стенки, донья, венчики мисок и горшков, покрытых традиционной ярко-зеленой или коричневой поливой. На некоторых из них имеется растительный или геометрический орнамент. Из кувшинов наиболее выразительным является фрагмент горловины сосуда с уплощенной ручкой. Его внутренняя поверхность и венчик с наружной стороны залиты темно-коричневой поливой. На плечико нанесено несколько поясков горизонтальных бороздок, оставленных гребенчатым штампом. Из простой гончарной посуды выделим нижнюю часть пиалы, венчик белоглиняного сосуда с выступом на внешней стороне, а также массивную ручку красноглиняного сосуда. В месте ее прикрепления к прямой, в профиле, стенке оставшаяся глина не разглажена, а сформована в валики у краев прилепа. Сосуд покрыт светлым ангобом. На поверхности следы от заглаживания инструментом.

Массовыми являются находки фрагментов винных бутылок с вогнутым дном — «куполодонные», достаточно определенно датирующиеся 1770–1790 годами. Как уже говорилось, наши датировки основаны на сопоставлении керамической коллекции Хаджибея с закрытыми комплексами турецкого Измаила XVIII в. и с такой же посудой из турецкого Аккермана [Добролюбский, 1998: 93]. Эти датировки соответствуют времени существования Хаджибейского замка, построенного в 1765 г. (не 1764 г. — дата уточнена С. Я. Боровым) и разрушенного по приказу Потемкина в ноябре 1789 г.

Среди находок обращает на себя внимание фрагмент стенки с волнообразным гребенчатым орнаментом. Тесто без особых включений, светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. Это фрагмент сосуда так называемой «красно-желто-ленточной» керамики. Такая посуда датируется рубежом XIII–XIV в. (до 60-х г. XIV в.) и известна на средневековых памятниках Молдовы и в Белгороде [Бырня, 1984; Кравченко, 1986: 49 и др.]*. Это позволяет полагать, что уже тогда здесь действительно находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Таким образом, археологически подтвержден сам факт существования здесь

---

* Выражаю глубокую благодарность П. П. Бырне, А. П. Городенко и Н. Д. Руссеву за консультации в датировках и атрибуции керамики Хаджибея.

какого-то поселка во второй половине XIV в. — возможно, того самого, который основал «татарский» бек Хаджибей после своего поражения от литовского князя Ольгерда под Синими Водами в 1362 году.

Зачищенные строительные остатки увязываются с известными планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Так, открытая часть кладки, как можно видеть, представляет собой юго-западный сегмент фундамента правого (по геральдическому принципу описания) бастиона. Пяточный камень ясно маркирует вход в башню со стороны крепостного двора. Совпадает с планом и археологически реконструируемый диаметр фундамента бастиона. Это позволяет уверенно говорить о том, что планы были составлены Лафиттом-Клаве и Фрейганом достаточно точно. Такую уверенность дополняют и сохранившиеся в вертикальном разрезе раскопа следы рва от фундамента примыкавшей к бастиону крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны в свое время — видимо, после распоряжения Г. А. Потемкина о разрушении крепости. Также подтверждаются и более чем скромные размеры замка, равно как и материал, из которого он был построен, — известняк «из степи с речек и балок окольных». Таким образом, нет сомнений, что нами обнаружены фундаменты именно Хаджибейского замка.

А коль это так, то подтверждается и достоверность известного рисунка, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва, непосредственно примыкающей к Военной балке [последняя публикация: Гончарук, 2000: 364]. Этому рисунку ранее не придавалось существенного источниковедческого значения — предполагалось, что он исполнен задним числом, лишь с использованием планов Лафитта-Клаве и Фрейгана, а потому приближен к обрыву Военного спуска произвольно. Наша находка позволяет утверждать, что рисунок верен, исполнялся, видимо, с натуры. Да и само фортификационное расположение небольшой «крепостцы» представляется вполне целесообразным.

Таким образом, единственным серьезным основанием для того, чтобы отодвинуть «крепостцу» на «сто сажень» от Военного спуска (как это сделал А. Скальковский), остается выдержка из рапорта Г. А. Потемкина: «на левой стороне полковник Хвостов, под картечными выстрелами... перейдя овраг, когда уже приблизился на сто сажень от стены зам-

ка... поспешил, не ожидая правого фланга, поставить первую лестницу». Эти сведения, заимствованные из рапорта де Рибаса, в деталях не столь уж вразумительны — ведь нет указаний, где именно был перейден Военный овраг. Но полковник Хвостов характеризуется де Рибасом как «храбрый и расторопный офицер». И ему, как человеку, обладавшему такими качествами, было ясно, что если вести наступление со стороны степи, то Хаджибейский замок сам защитит нападавших от огня своего собственного, турецкого же флота. Поэтому переходить овраг следовало подальше от моря и от турецкого флота, дабы напрасно не подставлять штурмующих под его шквальный огонь. Артиллерия крепости со стороны степи представляла собой куда меньшую опасность. Видимо, упомянутые «сто сажень», или 215 метров, полковник Хвостов со своими солдатами пробежали со стороны нынешнего Сабанеева моста.

Таким образом, археологическое обнаружение Хаджибея произошло в ожидаемом месте. Куда менее ожидаемым был сам факт сохранности остатков фундамента бастиона. Думается, они уцелели случайно, из-за небрежности, а скорее, лености разбивавших крепость солдат. Эти скудные остатки фундамента бастиона они могли и просто не заметить — ведь и при раскопках мы тоже не сразу разобрались, что это такое. Однако, разобравшись, сегодня мы благодарны тем, кто в свое время небрежно исполнил приказ Потемкина — это позволяет два столетия спустя действительно подвести итоги дискуссии о местоположении Хаджибейского замка.

Обнаружение остатков Хаджибея доказывает, что замок располагался едва ли не точно на месте нынешнего Воронцовского дворца. Упомянутая достоверность планов Лафитта-Клаве и Фрейгана позволяет с высокой степенью точности привязать замок к нынешнему Приморскому бульвару. Оно соответствует расположению крепости на плане Исленьева, который отметил, по мнению С. Я. Борового, лишь место ее строительства (или перестройки?) [Боровой, 1967: 132–136]. Поэтому остается лишь увязать все упомянутые планы. Получается, что фасад замка был вытянут вдоль берега моря от места нашей находки в сторону Военного спуска не более чем на 20–25 м, как это и следует из всех приведенных сведений.

Хаджибейский поселок в археологических остатках

«План крепости Гаджибей 1766 г.» Ивана Исленьева — единственный «градостроительный» документ, который мог нами использоваться для дальнейших археологических исследований Хаджибея. Другие для того времени просто не известны. Можно видеть, что на этом плане большинство строений поселка, примыкавшего к крепости, обозначено в устье Карантинной балки и частично на плато между нею и Военной балкой. Ныне это — район Польского и Ланжероновского спусков, Таможенной площади, а также территория, на которой находятся здания Археологического, Литературного музеев и Городской думы. Если рассматривать план Исленьева археологически, то очевидно: поселок XVIII в. сейчас «погребен» под сплошной городской застройкой. Поэтому его археологический поиск весьма затруднен. Но и заманчив.

Поэтому в 1999–2000 гг. нами были заложены шурфы у здания Горсовета (Городской думы), в противоположной от Воронцовского дворца части бульвара — на склоне Карантинной балки, а также в парке им. Шевченко — юго-восточный борт той же балки. Также проведены разведки в ее устье. Перечислим и опишем их по порядку.

Для шурфовки нами был избран свободный от современной застройки участок — береговой склон между оградой нынешних дворишков Городской Думы и Литературного музея и строениями вдоль улицы Приморской. Здесь, под стенами здания Горсовета (Думы, бывшей Биржи), в 1999–2000 гг. было заложено два шурфа для археологической диагностики культурного слоя на этом участке. Место было выбрано еще и потому, что растущие здесь ныне деревья достигают примерно столетнего возраста. Это указывает на то, что никакие строительные работы здесь в текущем столетии не производились. Действительно, культурный слой Одессы, состоявший из многочисленных прослоек бытового и строительного мусора, накопился здесь во временном диапазоне конца XVIII — начала XX в. Этот мусор хорошо датировался по своему вещевому составу, а также монетным находкам.

Первый шурф размерами 1 x 2 м был заложен на вершине склона, а второй — у его подошвы. Склон образован семиметровой толщиной преимущественно строительного мусора от восемнадцатилетнего строительства здания Думы, а

также грунтовой досышкой 1867 г., когда на этом участке был снивелирован береговой обрыв.

В первом, верхнем, шурфе на глубине 5,3 м под одесским слоем обнаружилась окраинная часть большой мусорной ямы турецкого времени, которая была вырублена в материковой глине. Она была вырыта с «дневной» поверхности XVIII в. Эта поверхность находится, таким образом, примерно, на 6–7 м ниже современной. Ее пологий склон продолжался до глубины 6,4 м и затем уходил под борт шурфа. Глубина ямы от ее обнаружения до материка 1,5 м, заполнение представляет собой однородный, очень плотный, гумусированный грунт, четко отчленяющийся от вышележащих слоев одесского времени. Здесь найдены обломки поливной и расписной богатой турецкой посуды. Датировку нашей ямы уточняют и обнаруженные в ней горлышки и донышки «куполодонных» бутылок.

Слой, перекрывающий турецкий, насыщен роскошной фарфоровой столовой посудой и тарелками со штампами английских фабрикантов первой половины XIX в. В нем найдена монета 1812 г. Этот и все последующие прослойки одесского периода содержат остатки перемещенных слоев XVIII в. Из них происходят фрагменты керамики с зеленой, коричневой и желтой поливой. Обнаружена почти целая пиала без каких либо украшений и росписи.

Во втором шурфе, разбитом у подошвы склона, размерами 3 x 1,5 м, нам удалось выделить пять слоев. Все они, кроме самого нижнего, турецкого, образованы строительной деятельностью одесского времени и насыщены с вершины склона, залегая под углом 45 градусов. Материк находился на глубине 7,4 м от уровня современной дневной поверхности и представлял собой известняковую крошку, покрывающую скалу. Уровень материка шел под наклоном в сторону морского берега. Здесь также все слои дали находки турецкой керамики, которая в количественном отношении не уступала коллекции посуды XIX в. В заполнении найдены и фрагменты горловин от трех древнегреческих амфор VI в. до н. э. Видимо, они попали сюда вместе с мусором от строительных работ, которые ранее проводились на плато нынешнего Приморского бульвара и разрушили античный слой.

Изучение стратиграфии описанных шурфов показывает, что при строительстве здания Думы были нарушены слои античного и турецкого периодов, которые и попали в переот-

ложенном состоянии на склон турецкого времени. Действительно, на глубине 6 метров зафиксирован мощный (более 1 м), нетронутый турецкий слой (слой № 5), содержащий немалый набор керамики. Он представлял собой чернозем темного цвета с глыбами синей, так называемой мэотической глины, крупными валунами и галькой. Находки турецкой керамики в нем менее многочисленны по сравнению с перекрывающими его слоями одесского времени. Слой не был образован путем сброса грунта со склона. В разрезе борта видно, что грунт насыпан со стороны морского берега. Возможно, это следы нивелировки побережья турками либо же остатки упомянутой пристани. По описаниям, это был участок с утрамбованным грунтом на берегу моря [Маркевич, 1894: 158–161]. Он имеется на плане Исленьева и изображен на уже упомянутом рисунке из книги Т. Гончарука.

Значительное количество находок представлено мисками с «заостренно-отогнутыми» краями, тарелками с плоско-отогнутым венчиком. Практически все эти фрагменты украшены геометрическим или растительным орнаментом. Во множестве найдены фрагменты красноглиняных пиал, горшков и кувшинов, не покрытых поливой. Единственным украшением подобной посуды зачастую являются пояски горизонтальных бороздок, нанесенных на верхнюю часть тулова либо под венчик.

Груша горшков представлена поливными и обычными сосудами. Многочислен тип двуручных горшков с отогнутым наружу, уплощенным венчиком. Поливой покрыта только внутренняя поверхность сосудов. Обломок горшка имеет на наружной стороне потек расплавленной глазури, что свидетельствует о том, что в момент обжига сосуд находился в горне в перевернутом состоянии. Выделяется ряд более простых сосудов. Их тесто рассыпчатое, с примесью крупнодробленого шамота. Поверхности во всех случаях покрыты голубой или темно-синей неустойчивой краской.

Отметим также несколько поддонов от сосудов не определенных типов. Есть экземпляр, сделанный из белой, хорошо отмученной глины и покрытый изнутри желтой поливой. Примечательна находка целого днища от небольшого сосуда буро-коричневого цвета. Внутренняя поверхность полностью залита полупрозрачной светло-коричневой поливой. На внешней стороне подтеки поливы не достали до днища. На свободном поле процарапано граффити в виде латинских букв WB.

Найдено несколько обломков от сосудов большого диаметра (тазы?). Один из них увенчан бороздками и покрыт изнутри поливой. Второй сосуд сероглиняный. Он интересен тем, что имеет массивный овальный отогнутый венчик и кольцевой пролощенный орнамент на внутренней поверхности. Сюда же следует отнести фрагмент очень широкого поливного сосуда с массивным квадратным венцом. Еще один таз никак не украшен. Он сделан из некачественного слоющегося теста с вкраплениями кварца и известняка. Внутренняя поверхность прогорела вглубь на несколько миллиметров.

Многочисленными фрагментами представлена группа так называемой белоглиняной керамики. Поверхность этих сосудов шероховатая и покрыта сажей. В подавляющем большинстве случаев венчик и плечико горшков украшены орнаментом, нанесенным красно-коричневым ангобом. Основные варианты орнамента — это горизонтальные прямые и волнистые линии в различных сочетаниях. Такая керамика повсеместно встречается на турецких памятниках Северо-Западного Причерноморья и Молдовы, но происхождение ее неизвестно. И. В. Волков связывает ее с Московским государством и относит ко второй половине XVII — началу XVIII в. [Волков, 1998: 64].

Толстостенная бутылочная «куполодонная» тара относится к середине и третьей четверти XVIII в. [Добролюбовский, 1998: 93]. Она сделана из иссиня-зеленого стекла и имеет следы формовки — небрежно приделанные пояски на горлышках и застывшие куски стекла на «куполах» доньев, пузырьки воздуха в стенках. Кроме бутылок встречаются тонкостенные маленькие банковидные сосудики — возможно, аптечные.

Из индивидуальных находок отметим чугунное ядро диаметром пять сантиметров, фрагменты двух курительных трубок, один из которых незначителен, ножку хрустального фужера на квадратном поддоне, который датируется концом XVIII в. Отметим также находку верхней части глиняного кальяна. Он покрыт белой замазкой, поверх которой нанесен желтый ангоб. На нем геометрический орнамент в виде мазков коричневой краски и зигзага, которые чередуются с красной, зеленой, коричневой линиями. Венчик покрыт зеленой поливой. В центре проделано сквозное отверстие для дыма. На самом дне, у материка, был найден фрагмент сосуда, покрытого густой белой замазкой, на которую нанесен орна-

мент в виде прямой и зигзагообразной линии коричневого ангоба. Рядом — пятно светло-зеленой поливы.

Если сравнить керамику из шурфов у здания Городской думы и из Карантинной балки с находками у стены Хаджибейского замка, то их «узкие» датировки совпадают. Это указывает на полную синхронность сравниваемых материалов — ясно, что описываемые слои представляют турецкий Хаджибей и, видимо, соотносятся со временем его расцвета — 1770–80-е гг.

Упомянутый план Исленьева представляет собой, по сути, схематический эскиз, составленный русским разведчиком лишь в военных целях. Между тем, этот план дает полную возможность увидеть размещение на местности отдельных строений Хаджибейского «посада». Сопоставление места наших раскопок с планом показывает, что шурфы сделаны приблизительно там, где некогда располагались гостиный двор, мечеть, а также «особливые казенные лавки для приезжих купцов». Иными словами, своими шурфами мы попали в «торговый и сакральный» центр Хаджибея 1760–80-х гг., видимо, самое оживленное место. Обилие и разнообразие обломков керамики в этой части Приморского бульвара, несравнимое по качеству изготовления с находками при крепостных фундаментах, также подтверждает это. Кроме того, к этому центру, у тогдашней «пристани на сваях», примыкал «дом бея янычарского». Здесь же находились колодец, «дом нынешнего командира над городом», а выше (в районе Ланжероновского спуска) располагались «строения для янычар и куечиров турецких и малой части христиан, волохов». Естественно, свое свободное время янычары, куечеры и волохи проводили в «торговом» центре. Надо думать, мы обнаружили археологические следы их времяпрепровождения. По всей видимости, вырытые нами шурфы содержали в себе остатки мусора, выброшенного из гостиного двора и лавок для купцов.

Не исключено, что вместе с упомянутыми янычарами и куечерами, здесь коротали время и те самые запорожские казаки, которые, по словам А. Скальковского, после разгona Новой Сечи в 1775 г. частично «убрались под Турка». Они «...поселились у подошвы Гаджибейской крепостцы, в так называемой ныне Карантинной балке, и после основали предместье нашего города Пересьшь».

В устье этой балки, судя по плану Исленьева, стояли «неведомо какие строения с припасами». По ее тальвегу,

по нынешней ул. Карантинной, летом 2000 г. проводились земельно-ремонтные работы. Слой турецкого времени был значительно потревожен строительством водостока XIX в. Тем не менее, материал, собранный при зачистке строительной траншеи, составляет представительную коллекцию. Керамический набор стандартен. В отличие от шурфов у Думы, единичны находки простой, красноглиняной и белоглиняной керамики. Преобладают фрагменты расписной посуды, ручки, венчики и нижние части поливных кувшинов. Многочисленны находки бутылок с «куполообразным» вогнутым дном, пиал и расписных мисок. Обращает на себя внимание фрагмент сосуда с проштампованной в виде мелких зерен внешней поверхностью. Тесто высокого качества, хорошо промученное, без заметных включений. Внутренняя поверхность покрыта густой белой поливой. Внешняя — светло-коричневой с желтоватым оттенком. На этот фон нанесен темно-коричневый орнамент в виде стилизованного листа с белыми пятнами и темно-зелеными разводами. Сосуд, по всей видимости, имеет импортное происхождение.

Пять других шурфов были нами заложены и на противоположном — юго-восточном берегу этой балки, в нынешнем парке им. Шевченко (Александровском), напротив стадиона. Здесь под мощным трехметровым слоем земляной русской крепости, построенной в 1793 г. и затем разрушенной, также обнаружены остатки культурного турецкого слоя второй половины XVIII в. Этот слой прослежен вдоль всей протяженности нынешней Карантинной гавани, вплоть до мола. Он обильно насыщен образцами уже описанной керамики и «куполодонной» бутылочной тары. По свидетельствам источников, в этом районе располагался Хаджибейский маяк, обозначавший современный мыс Ланжерон и отмель, идущую от него в море [Смолянинов, 1853: 13–15]. Это означает, что турецкий поселок Хаджибей оказался куда более крупным и обширным населенным пунктом, чем это представлялось ранее.

Действительно, план Исленьева, составленный в 1766 г., отражает лишь самое начало строительства крепости и поселка, а наши материалы — все его последующее существование, вплоть до событий 1789 г. и последующих. За четверть века поселок значительно вырос и расширился. Археологически очевидно, что он превратился в цветущий приморский городок с относительно многочисленным и полиэтничным населением.

Завершая описание археологического Хаджибея, попытаюсь кратко подвести некоторые *предварительные итоги* проведенной работы.

Одесский «мусорный проект» был предпринят в 1995 г. с учетом опыта раскопок Петербурга XVIII–XX вв., а также турецкого Измаила XVI–XVIII вв. При этом особое методическое внимание уделялось исследованию выгребных ям и отхожих мест. Именно такие закрытые комплексы содержали наибольшее число утерянных монет. Поэтому и содержащиеся в них предметы массового производства, прежде всего «куполодонные» бутылки, оказались датирующими и для других категорий керамических и иных находок [Добролюбский, 1998]. Наши датировки оказались сопоставимыми и с хронологической типологией курительных трубок [Волков, Новикова, 1996].

Благодаря точной датировке, по «куполодонным» бутылкам и курительным трубкам удалось четко датировать материалы других памятников турецкой эпохи в Северо-Западном Причерноморье, соотнести их с письменными сведениями и непротиворечиво картографировать турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днестром перед окончательной утратой Турцией этих территорий. В частности, оказалась возможной археологическая локализация Ени-Дуньи на западном берегу Тилигула и «отчленение» ее от Хаджибея.

Археологическое изучение Хаджибея под многометровыми залежами «одесского мусора» оказалось возможным именно благодаря обнаружению в нижних слоях датирующих материалов второй половины XVIII в., которые удалось уверенно определить как турецкие. Это же, в свою очередь, позволило оконтурить границы культурного слоя Хаджибея под историческим центром современной Одессы. По полученным сведениям, поселок располагался на всей территории между Карантинной и Военной балками (вплоть до улицы Дерибасовской, а скорее всего, и до Греческой), а также простирался вдоль побережья до нынешнего стадиона в парке Шевченко. В настоящее время вполне можно оконтурить Хаджибейский поселок на плане нынешнего города. Эта информация станет основой для дальнейшего археологического поиска. Равным образом, находка остатков Гаджибейского замка позволяет подвести итоги продолжительной дискуссии, разгоревшейся вокруг его точного местонахождения на Приморском бульваре.

Находка обломков «красно-желто-ленточной» керамики в забутовке фундаментов Хаджибея указывает на вероятность существования здесь поселка еще в XIV в. Несколько фрагментов относятся к концу XVII – началу XVIII вв., что подтверждает существование в это время здесь «ничтожной татарской деревушки» (по словам генерала Адлерфельда). Но подавляющее количество находок относится ко второй половине XVIII в., что полностью согласуется со временем существования «Гаджибейского замка» в 1765–89 гг. На эти же годы приходится и расцвет примыкавшего к нему поселка, бывшего, по всей видимости, достаточно крупным военно-торговым пунктом в Северном Причерноморье.

Ни одной находки, относящейся к XV–XVI вв., в уже обширной хаджибейской коллекции пока не имеется. Между тем, именно этот период нынче провозглашается временем процветания «польско-украинского» Коцюбиева.

Комментируя это обстоятельство, отметим лишь, что развивающееся археологическое «мусороведение» постепенно формирует свои собственные научные законы. Так, «отец» гарбологии Уильям Рэтджи, всю жизнь изучавший современные бытовые отходы, пришел к парадоксальному, но однозначному заключению — наибольшее количество бытового мусора образуется именно в условиях дефицита продуктов. Мы пока не рискуем распространять это наблюдение на археологию «свежих» турецких памятников Причерноморья. Между тем, указанная «гарбологическая» закономерность с очевидностью демонстрируется всей историографией о Хаджибее — легко можно видеть, что чем больший дефицит сведений об его истории, тем интенсивнее образуются вокруг этого сюжета завалы историографического «мусора».

Думается, полученные нами археологические материалы являются принципиально новыми для дальнейшего изучения всей турецкой эпохи. Хочется надеяться, что их обнародование будет способствовать устранению дефицита добротных сведений и утолению «голода» по источникам, который побуждает историков ко все более изощренным манипуляциям со «свидетельствами очевидцев» в сюжете о Хаджибее. Ясно, что лишь на основе датированных археологических материалов, полученных при раскопках «свежих памятников», возможно удовлетворительное решение многих вопросов истории Причерноморья и очистка этой проблематики от историографической неразберихи.

Топонимические загадки Джинестры, Качибея и Хаджибея

Если локализация и эпонимика (*eponimus* — дающий имя) Качибея-Хаджибея всегда вызывала «ученые» и даже «высоколобые» споры и столкновения, принимавшие порой острые национально-озабоченные формы, которые создавали упомянутую неразбериху, то локализация Джинестры как бы не имеет подобной историографии. Видимо, Джинестра никого не раздражала. Тем более что в Одессе, которая была основана неаполитанцем де Рибасом «вдали Италии золотой», по авторитетному свидетельству А. С. Пушкина, издавна любили итальянцев.

«Открытие» Джинестры, якорной стоянки итальянских мореплавателей XIII–XV вв., — заслуга профессора Новороссийского университета Ф. К. Бруна (1889). Он, наряду со своим коллегой Н. Н. Мурзакевичем, сумел заполучить в европейских музеях, архивах, книгохранилищах копии старинных итальянских и каталонских навигационных карт. Именно они фиксируют стоянку с именем «Джинестра» на акватории теперешнего Одесского залива и близлежащих лиманов.

Не секрет, что в средние века, как и во времена античности, нынешние Куяльницкий и Хаджибейский лиманы соединялись с морем судоходными протоками. Впоследствии, ближе к нашему времени, эти протоки затамповывались в связи с климатическими изменениями и соответствующими трансформациями динамики береговых процессов, а также в связи с хозяйственной деятельностью человека. Но прежде навигаторы из Генуи, Венеции, Анконы и других средиземноморских республик находили в лиманах безопасное убежище в ходе каботажных плаваний вдоль черноморских берегов. Это подтверждается и находками в лиманах средневековых якорей, как адмиралтейского типа, так и типа «кошка». В частности, они найдены при добывании лиманной грязи в районе нынешней куяльницкой грязелечебницы. Находки довольно крупных якорей позволяют полагать, что в лиманы могли заходить не только гребные галеры, но и более крупные суда — нефы. Единственное неудобство для средневековых мореходов заключалось в том, что вязкий донный грунт лиманов частенько «заглатывал» якоря, которые ценились в тех условиях необычайно дорого.

Профессору Ф. К. Бруну было известно всего восемь средневековых компасных карт. И лишь в конце прошлого века

О. И. Губарю (1994) удалось отыскать еще несколько старинных румбовых карт, а также рукописных лоций — так называемых «портоланов». И, по его выражению, наконец-то «таинственная Джинестра явила свой лик из мрака столетий».

Портоланы тогда служили текстовыми дополнениями к картам, как, впрочем, и теперь: морские карты подкрепляются лоциями, указывающими навигационные знаки, характер донного грунта, наличие подводных препятствий, преобладающих в конкретном месте ветров и т. п. Но главное для нас заключается в том, что в них указывались расстояния в морских милях (итальянских милях, каталонских лигах) между отдельными приморскими пунктами.

Портоланы в сочетании с картами позволяют уверенно и однозначно локализовать стоянку Джинестра в нынешнем Одесском заливе. А также более уверенно предполагать происхождение ее названия. По топонимическим заключениям, оно — искажение наименования Днестра.

Оказывается, средневековые мореплаватели (а вслед за ними и картографы) были убеждены, что реки, впадающие в одесские лиманы (куда более полноводные, чем сегодня), являются притоками Днестра (или, точнее, ответвлениями его разветвленного и обширного устья). Поэтому они изображали Малый, Большой или Средний Куяльники соединенными в верхнем течении с Днестром. Подобные ошибки отнюдь не редкость — так, практически на всех таких картах Южный Буг и Днепр показаны соединенными в верхнем течении. Такие неточности вполне объяснимы — навигаторы ходили вдоль берегов и не проникали на материк далее устьев рек, лиманов, бухт.

Упомянутые находки средневековых якорей в устьях лиманов сочетаются и со сведениями более чем вековой давности о затопленных причалах в устье Хаджибейского лимана. В последние годы также появились сведения об остатках древних молов на акватории Куяльницкого лимана. Это позволяет уверенно локализовать Джинестру при устьях этих лиманов, а именно — на нынешней Жеваховой горе.

Действительно, Джинестра фигурирует на подавляющем большинстве карт и лоций начиная с рубежа XIV–XV вв. и даже традиционно присутствует в сочетании с народившимся позднее Качибеем. Тогда получается, что и «королевский порт Кочибей», на который указывает историк Ян Длугош (под 1415 г.), должен был располагаться здесь же, в

устьях реки, воспринимаемых как рукава Днестра. И его гаванью являлась Джинестра, обслуживаемая итальянцами. Это — обычная практика в средневековом Причерноморье.

На карте, изданной в Кракове в 1526–28 гг. Богданом Ваповским, древний замок Качибей, уже совершенно разрушенный, стоит на правом берегу Овидиева озера (нынешний Хаджибейский лиман) *. Собственно говоря, это уже не замок, а просто захудалая польская торговая фактория, «где соль хранилась морская». Эта же информация воспроизведена в текстовых описаниях к карте Польши Вацлава Гродецкого (лат. Grodetius), изданной в 1558 году в Базеле, в подарок польскому королю Сигизмунду Августу.

На это же место точно указывает другой, уже очевидец, Мартин Броневский (под 1578 г.): «Качибеево городище», как будто обрушившаяся земля (*выделено мной. — А. Д.*), омываемое широким озером, находящимся возле моря и при устье Днестра». Ясно, что уже тогда оно было разрушено оползнями.

Тогда очевидно, что в территориальном споре, который относится к 1440-м гг., между польским королем и его вассалами Язловецкими, которым были пожалованы приморские земли между Качибеем и Очаковым, спорной могла являться лишь часть пересыпи между Куяльницким лиманом и морем. А «королевский порт Качибей» располагался на мысу, на Жеваховой горе, видимо, со стороны Хаджибейского лимана. И, по приведенным свидетельствам, был почти полностью разрушен оползнями уже в первой четверти XVI века. И там не осталось никаких руин. И быть не могло — они просто оползли в озеро, как и указано Броневским. Так здесь окончилась литовская колонизация края. Как, впрочем, и генуэзская.

Между тем, известно и иное. На территории нынешнего Приморского бульвара происходили другие события, связанные с турецкой колонизацией края. Так, в начале того же XVI века «один богатый человек по имени Ходжа», «получив

---

* Очевидно, в средние века и в эпоху Возрождения предполагалось, что местом ссылки Овидия был какой-то древний город на правом берегу нынешнего Хаджибейского лимана, который тогда считался одним из днестровских. Поэтому в XVIII веке Франц де Волан назвал город на берегу Днестровского лимана Овидиополем (см. выше). Он, как и польские картографы XVI века, думал, что Овидий был сослан именно сюда. Кстати, то, что это не так, — не доказано.

разрешение султана Баязида», построил прочное укрепление и поместил в нем отряд воинов. Его неплохо сохранившиеся остатки видит в середине XVII века турецкий путешественник Эвлия Челеби. Но во времена Эвлии их еще можно было восстановить — он даже сетует, что их некому чинить. Поэтому они, спустя еще полстолетия (1709 г.), пришли в полную негодность, и на них не обратил никакого внимания генерал Адлерфельд, адъютант короля Карла XII, когда в спешке где-то здесь позавтракал вместе со своим незадачливым патроном, а также с Иваном Мазепой и Пилипом Орликом — они бежали по территории будущей Одессы после разгрома под Полтавой. Им было не до каких-то руин — за ними гнались. И они здесь заметили лишь «ничтожную» татарскую деревушку.

Но зато эти руины были отмечены еще полвека спустя — на эскизе «с натуры» русского разведчика-топографа Ивана Исленьева. На плане-эскизе (без масштаба), под латинской буквой S, к юго-западу от «новопостроенного» замка, указаны «развалины старинного замка». Они действительно расположены на нынешнем Приморском бульваре (где нет, разумеется, Овидиева озера), «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли». Их уже археологически не найти. Но во второй половине XVIII века они были хорошо видны на поверхности, что даже позволяло «старожилам» юной Одессы в начале XIX века путать «старинные» развалины с «новопостроенными». Эти путанные старческие воспоминания добросовестно отмечали все первые историки Одессы (Скальковский, Смольянинов, Маркевич, Надлер и др.).

Таким образом, итальянская стоянка Джинестра (XIII–XV вв.) и литовский Качибей (XV–XVI вв.) могут быть локализованы лишь на Жеваховой горе, у «Овидиева озера». А другой замок, турецкий Хаджибей (от Ходжа Бай — «на месте, где некогда паслись овцы Ходжи Бая») — лишь на Приморском бульваре. К началу XVIII века от него остались одни руины. И рядом с ними турки в 1765 г. строят новый Хаджибейский замок. Что и отмечено на плане Исленьева. Археологические остатки именно последнего и были нами здесь обнаружены [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 150–157].

Сказанное лишь означает, что литовский Качибей и турецкий Хаджибей — это «две большие разницы»*.

---

* Попытка реконструировать литовский Качибей XV века на остатках фундаментов Хаджибея XVIII века [Красножон, 2011] является археологической фальсификацией и источниковедческой подтасовкой.

Еврейские надгробия под стенами Хаджибея

Летом 1998 года в районе найденных ранее (в 1997 году) остатков фундамента правого бастиона Хаджибейского замка, которые оказались «впущенными» в античный слой VI–IV вв. до н. э. — Борисфена-Одессоса, были найдены еврейские надгробия. Об этом уже неоднократно сообщалось в периодической и научной прессе [Добролюбский, 1998: 76–80, и др.]. Дальнейшая разборка всего слоя производилась вдоль берегового склона бульвара по обе стороны бастиона.

Примерно в 5 метрах к югу от остатков бастиона была изучена обширная (и обильная) свалка мусора XIX – первой половины XX вв. Самыми ранними из содержащихся в ней находок, были, пожалуй, фрагменты лепнины из дома Куликовского, разобранный при строительстве Воронцовского дворца (до середины 1820-х гг.). Мусорная свалка в нижней своей части отделялась стерильной прослойкой от предшествующей ей по времени ямы, которая стратиграфически соответствовала слою Хаджибейского замка и датировалась, таким образом, временем его существования — 1765–1789 гг.

Эта небольшая яма (80 x 60 см) сохранилась на глубину до 20 см и была впущена в античный слой. Она резко отличалась от этого слоя и перекрывавшего его более позднего мусорника XIX в. своим заполнением — мраморным бутом и крошкой. На дне и частично в заполнении ямы были найдены обломки мраморных плит с надписями — видимо, от надгробий.

Первое сообщение об этой находке было сделано нами «по свежим следам» [Губарь, 1998]. Уточним, что обнаружено девять фрагментов различных надгробий, из которых четыре — на русском языке, а пять — на иврите. Все они выполнены на тщательно обработанных мраморных плитах (одинаковой толщиной 20 мм), что само по себе уже может указывать на сравнительно высокий статус умерших. Приведем их последовательное описание.

На одной из «русских» надписей прочитывается имя — «Исаак», на буквах местами сохранились остатки позолоты. Три других обломка с надписями сохранились хуже. На одном — одна лишь буква «Я», на другом — буквы «ЕЛ», на третьем — видимо, нижние части букв «ИМА» с подстрочной цифрой «20».

Верхняя часть одного надгробия с надписью на иврите сохранила достаточно внятное сообщение о том, что здесь «похоронена скромная женщина, имеющая великие древние корни». Видимо, сходная информация содержалась и на еще одном фрагменте. Эти консультации получены в Одесском просветительском объединении «Ор Самеах», которому, пользуясь случаем, мы приносим глубокую благодарность. Еще на одном фрагменте также имеется знак «похоронен». Рядом с ним изображен символ дома Ааронитов — одной из семей в израильском колене Левитов. Эта семья издревле состояла лишь из священнослужителей. Изображен знак благословения в виде соприкасающихся пальцев обеих ладоней, которые «формируют» Звезду Давида. Такой знак ставят только на мужских захоронениях, он показывает, что усопший имеет древние корни в роде Коген.

Сохранившиеся фрагменты надписей на иврите на двух других обломках надгробий читаются куда менее уверенно. Поэтому здесь мы просто приводим их изображения в надежде на возможную помощь со стороны читателей. Остается попытаться понять полученную информацию, которая оказалась, как можно видеть, достаточно неожиданной.

И вот почему. В самом начале, сообщая о находке надгробий, мы указали на достаточно широкую возможность их датировки — от времени начала строительства Хаджибейского замка (1765 г.) вплоть до 1820-х гг., до строительства Воронцовского дворца. Если бы наши надгробия относились к первым десятилетиям существования Одессы, то их обнаружение было бы легко объяснимо — наличие здесь значительной прослойки еврейского населения фиксируется уже ревизией 1795 г. (246 из 2349 душ). Между тем, как уже сказано, стратиграфическое положение описываемой ямы позволяет достаточно точно датировать ее «доодесским» периодом, т. е. до конца 80-х гг. XVIII в., точнее, до взятия замка отрядом Иосифа де Рибаса. Если это так, то мы впервые получаем ясное археологическое подтверждение тому, что немалое число евреев проживало в Хаджибее и близ него до 1789 г.

Эти сведения не слишком привычны нашим нынешним представлениям о населении края в конце XVIII в. Впрочем, знатоков одесской истории это не удивляет. О посещении еврейскими торговцами Хаджибея еще в прошлом веке писал известный историк Одессы В. А. Яковлев. Это же, столетие спустя, подтверждает Патриция Херлихи. А в «Краткой ев-

рейской энциклопедии» (1992) сообщается, что до взятия Хаджибея русскими войсками в нем обитало шесть евреев (можно полагать, что речь идет о шести семьях). Эти данные вполне соотносимы со сведениями о старинном еврейском кладбище с надгробиями XVIII в., которое сохранялось еще в конце XIX в. «по дороге на Хаджибейский лиман».

Мы здесь снова воспроизводим эти сведения отнюдь не только для того, чтобы лишний раз привлечь внимание к «еврейским» страницам истории края. Весь контекст нашей находки таит в себе иную загадку. По археологическим наблюдениям обломки надгробий были аккуратно уложены на дно специально вырытой для этого ямы у подошвы Хаджибейского бастиона и тщательно забутованы. В этом и состоит историко-археологическая «изюминка» — мы столкнулись с *сознательным захоронением* надгробий под стенами Хаджибейского замка. Вероятно, была необходимость их надежно спрятать. И это никак не могло произойти втайне от турок — слишком близко к стенам замка произошло захоронение. А произойти оно могло лишь в предощущении очевидной опасности неминуемого осквернения еврейских могил. Такая опасность могла исходить, в данном случае, лишь от непосредственного врага — общего и для турок, и для «хаджибейских» евреев. Этим врагом могла быть лишь Россия и служившие ей украинские казаки.

Так, при первом набеге на Хаджибей осенью 1769 г., казаки «напавши на нього, чоловіків і жінок покололи, багато хат і різних будівель у селище й навколо нього попалили, а здобич забрали собі; тут же частково вирізавши, а частково забравши в полон пастухів, захопили 20 тисяч коней, тисячу рогатої худоби, 4 тисячі овець і 180 верблюдів» [цит. по: Яворницький: 272–273]. Национальная принадлежность жертв этого набега не указывается, вероятно лишь, что пастухами были ногайцы. Такой же набег повторился через год. Известно также, что в июле 1774 г. Хаджибейский замок был взят русскими войсками, а затем, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, возвращен Турции вместе со всей Очаковской областью.

Маловероятно, чтобы в эти беспокойные годы под Хаджибеем было такое количество евреев, чтобы они успели умереть в достаточном для образования кладбища числе. Видимо, упомянутое кладбище образовалось позднее, в период между русско-турецкими войнами (1775–1787 гг.), который

для Хаджибейского замка оказался относительно спокойным — вплоть до казацкого набега осенью 1788 г. под руководством З. Чепеги.

Откуда же здесь взялось еврейское население? Напомним, что менее чем через год после окончания русско-турецкой войны, летом 1775 г., по приказу Екатерины II была уничтожена Запорожская Сечь. Часть запорожцев осталась на службе России и образовала со временем Черноморское казачье войско. Отряды черноморцев под руководством Антона Головатого, Захара Чепеги и др. составляли особые подразделения в составе русской армии. Их история хорошо изучена.

Другая часть запорожцев перешла в Очаковскую область, на земли между Бугом и Днестром, которые принадлежали тогда Турции и Крыму. Эта акция также продолжалась несколько лет. Украинские историки (от Ф. Вовка до А. Бачинского) сообщают, что в 1775 году в турецкие земли ушло 5 тыс. человек («в Тилигул, на заробітки»), а к 1778 г. их число достигло 12 тыс. и продолжало увеличиваться — до 40 тыс. человек, образуя население так называемой «Ханской Украины».

Перешедшие на сторону Турции запорожцы поселились в Очаковской области, на Березани, по Тилигулу, у Хаджибея и Балты, от Аккермана до Бендер, а также в Буджаке, в дунайских гирлах, где они жили в землянках. В августе 1778 г. им были выделены земли для основания Сечи в низовьях Днестра и Кучургана, а кошевому атаману — полковнику Гнату — присвоено звание бунчужного паши. Старшина приняла присягу, согласно которой 40 тысяч запорожцев обязывались служить «турецкому двору верно и непременно». В апреле 1779 г. запорожский кошевой договаривается в Константинополе о расселении казаков у Хаджибея, Аджидера и у Березани. Все это вызывало серьезную обеспокоенность русского правительства, которое стремилось отселить враждебных России запорожцев за Дунай, подальше от русских границ. Однако этот вопрос так и не был решен до начала очередной русско-турецкой войны 1787–91 гг. Очевидно, что запорожцы, оставшиеся на службе России, и запорожцы, служившие Турции, оказались «по разные стороны баррикад». Надо полагать, их численность с обеих сторон была сопоставимой. Известно, что Черноморские запорожцы составляли 12500 человек, в то время как демогра-

фический потенциал «турецких» запорожцев (более 40 тыс. «заблудших овец», по выражению А. Скальковского) вполне мог противопоставить не меньшее число вооруженных людей [см. об этом: Бачинский, 1994: 16–17].

Вернемся к еврейским надгробиям. Сама мысль о пребывании евреев в запорожской среде кажется маловероятной, пожалуй, любому человеку, воспитанному в духе российско-советской исторической традиции. Это настолько очевидно, что когда в начале 1950-х гг. секретарь Одесского обкома Компартии по идеологии В. С. Готт рассказал в своем докладе, что «был в Одессе профессор, который разыскал в Запорожье Янкелей и Ицек», то это заявление вызвало оживление и хохот в зале [Боровой, 1993: 192].

Этим профессором был знаменитый ныне историк С. Я. Боровой, который еще в 1930-е годы обнаружил в открытом А. А. Скальковским архиве Запорожской Сечи множество документов на еврейском языке. Скальковский читать «по-еврейски» не умел, а Боровой умел превосходно. Опуская здесь подробности судьбы архива, сообщим лишь читателю, что эти документы, до того времени никем не читанные, легли в основу докторской диссертации С. Я. Борового, защищенной в 1940 г. в Институте истории АН СССР. Диссертация называлась «Исследования по истории евреев на Украине XVI–XVIII вв.» и состояла из трех частей: «Евреи в Запорожской Сечи», «Национально-освободительная борьба украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» и «Евреи в Левобережной Украине в XVII–XVIII вв.». Первые две части были опубликованы соответственно в научных журналах «Исторический сборник», т. I, Ленинград, 1934, и «Исторические записки», т. 9, Москва, 1941. Третья часть, как и другие работы Борового на эту тему, изданы не были. А чудом опубликованные разделы диссертации, как с грустью сообщает Саул Яковлевич, были «профилактически» изъяты многими библиотекарями. Поэтому трудно упрекнуть широкого читателя за неосведомленность в трудах С. Я. Борового — они были неизвестны даже таким маститым авторам, как В. А. Голобуцкий и Е. И. Дружинина, специально занимавшимся в то время историей Запорожья. Видимо, они мало известны и ныне действующим украинским историкам. Это понятно — диссертация Борового была в свое время «напечатана на обороте блеклых обоев в трех экземплярах». Но она не прошла незамеченной и, как пишет

автор, «была положительно оценена в ряде рецензий и даже стала источником повести одного украинского писателя (*фамилию его Боровой не указывает*) о евреях-запорожцах». После войны С. Я. Боровому вернуться к этой теме не удалось.

Автор этих строк обязан своей относительной осведомленностью в этом сюжете как личному знакомству с Саулом Яковлевичем, так и его посмертно изданным «Воспоминаниям» [Боровой, 1993: 189–217], к которым можно смело отослать читателя за подробностями. Применительно же к нашим надгробиям ясно, что они являются всего лишь археологическим подтверждением существования еврейского населения в среде запорожцев, в том числе и ушедших под Хаджибей после 1775 г. Труды Борового показывают, что доля евреев в запорожской среде была весьма значительной — настолько, что евреи в некоторых случаях даже выступали как «воюющая сторона», как самостоятельные военные еврейско-казацкие отряды.

На фоне сказанного кажется естественным, что группа евреев-казаков оказалась в числе запорожцев, которые, начиная с 1775 года, после разгрома Сечи, «тогда убрались под Турка, к Тилигулу, там не усидели, но поселились у подошвы Гаджибейской крепостцы, в так называемой ныне Карантинной балке, и после основали предместье нашего города — Пересьшь» [цит. по: Брун, 1879: 188]. И, если это так, то само расположение еврейского кладбища с надгробиями XVIII в., близ «дороги к Хаджибейскому лиману» вполне объяснимо — это было кладбище евреев-запорожцев, бежавших под защиту турок. Осквернить это кладбище могли лишь их тогдашние враги в условиях начавшейся войны 1787–91 г.

Наиболее вероятно, что упомянутое кладбище подверглось разрушению в ноябре 1788 г., во время набега казацкого отряда Захара Чепеги под Хаджибей. Ведь черноморские казаки, как и в предыдущих случаях, даже не пытались взять крепость — набег был осуществлен лишь «для истребления сооруженных там магазинов для провианта» [Дерибас, 1990: 3]. Видимо, нетрудно было при этом и разрушить надгробные памятники на «жидівськом» кладбище — ничего зазорного в этой акции православные казаки не усматривали. А в тревожных военных условиях того времени уцелевшие хаджибейские евреи опасались восстанавливать могилы своих родичей — обломки надгробий были тщательно спрятаны, «захоронены» под защитой хаджибейских стен. Замок охранял это «захоронение» вплоть до своего падения в сентябре 1789 г.

Показателен состав обломков в «захоронении» — ясно, что после вандализма на еврейском кладбище были отобраны и спрятаны наиболее значимые обломки надгробий, принадлежавшие самым родовитым членам общины, в том числе и священнослужителю-левиту. Это же, видимо, касается и обломков с надписями на русском языке. Так, очевидна «еврейская окрашенность» имени Исаак. Можно лишь предположить, что в еврейской среде запорожцев язык общения не имел существенного значения. По наблюдениям С. Я. Борового, многие документы из архива Запорожской Сечи написаны на украинском языке, транскрибированном еврейскими буквами. Это — редчайший случай в архивной практике. Поэтому А. А. Скальковский не сумел их прочесть.

Другой редчайший случай — в археологической практике — сберег описанный памятник до наших дней. Именно археологическая удача позволила нам вырвать этот драматический эпизод предыстории Одессы из мрака забвения.

«O tempora! O mores!»

*Ужасный смрад исходит из их желудков...
они... хватают пищу своими грязными
лапами, делая ее несъедобной, распространяя
ужасное зловоние, оглушительно крича.*

Вергилий. Энеида

Гарпии и их потусторонние родственники

При изучении населения «местности, занимаемой Одессой» в VII–III веках до н. э., в рамках историко-культурного подхода сугубо и строго научными методами требуется применение соответствующих теоретических приемов и методики. В традиционной научной историко-археологической литературе при рассмотрении сюжетов, связанных с исследованием тех или иных исторических народов, принято соотносить имеющиеся о них сведения письменных источников с археологическими сведениями. Естественно, с обзором имеющейся историографии вопроса. Такова общепринятая и обязательная норма выполнения любых научных работ в любой подобной области, в том числе и диссертационных. Не станем особо отклоняться от этой отработанной и респектабельной методики.

В наших последующих сюжетах речь пойдет, прежде всего, о нравах и ароматах эпохи. А дать читателю почувствовать натуральный дух и аромат эпохи — подлинное достижение для ученого-гуманитария.

Между тем следует себе отдавать отчет, что Гомер, Гесиод, да и Геродот, говоря о народах, населявших территории Северо-Западного Понта, описывали их мир в своих, а не в наших сегодняшних представлениях. А приводить свои представления в адекватные изучаемому времени и эпохе — это уже наши трудности. Ведь те же киммерийцы (они же галактофаги), алазоны, каллипиды, гарпии, андрофаги и многие другие вполне могут восприниматься как «загробное», так, в равной мере, и реальное население страны «вечного мрака». Эта мысль отнюдь не нова, но, при отсутствии иных данных,

современные историки древности их всегда воспринимают произвольно: хотят, считают эти народы историческими, а не хотят — не считают. А археологи пытаются соотнести их с реальными археологическими памятниками. Но почему-то памятников киммерийцев известно сколько угодно, а, допустим, гарпий, или андрофагов (людоедов) нет совсем. Хотя в любом источниковедческом смысле они имеют равные права на реальную историчность. Тем более общеизвестно, что киммерийцы и те же скифы вовсе не гнушались человечинной и предавались каннибализму с немалым удовольствием. Так, в обычаях гипербореев было попросту съедать не только врагов и соперников, но и всех своих родственников по достижении ими 60 лет — пенсионного возраста.

Если представить себе территории вокруг Одесского залива во времена греческой колонизации, то они были обитаемым, или «царством» гарпий. Эти гарпии отличались, прежде всего, своей редкостной зловонностью. Эти же гарпии, судя по карте Птолемея, и размещались в самых зловонных местах причерноморского побережья — в устьях нынешних лиманов — от Дуная до Буга. Из них едва ли не самым зловонным (хотя одновременно и лечебным) является Куяльницкий лиман у Жеваховой горы. Затхлые и сероводородные запахи здесь, как известно, повсеместны. Во все времена. Они побуждают к мыслям о смерти и бренности бытия. И, конечно же, такие места священны.

И действительно, когда Одиссей пересек Океан и достиг его крайнего предела, то там он увидел «народ и город киммерийских мужей, которые окутаны влагой и тучами». В эту страну никогда не заглядывает солнце, ее несчастные обитатели живут в постоянном мраке. А мрак — это царство Келайно — одной из гарпий. Значит, он попал в царство Гарпий. А возможно, и в город Гарпис. Очевидно, именно они испускают вокруг себя упомянутые сероводородные и гнилостно-болотные запахи.

С гарпиями, которых Клавдий Птолемей поместил в приморской части междуречья Днестра и Днепра, невозможно однозначно связать какие-либо археологические памятники. Хотя известны попытки соотнести их (видимо, по мнимому созвучию) с фракийскими памятниками карпо-даков в Восточном Прикарпатье, которые уходят своими корнями в культуру Латен. Оставим эту попытку без комментариев.

Зато с местами проживания гарпий, которые прославились не только своим исключительным зловонием, но и

крайне дурным нравом, можно вполне определенно и обоснованно связывать многочисленные природные объекты, отличающиеся своим подобным же «зловонием»: сероводородные лиманы, источники с крайне неприятным запахом, гнилостный смрад приднестровских и приднепровских плавней — иными словами, всю приморскую часть вокруг нынешней Одессы. Именно здесь они размещены на Карте Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. Правда, ни Птолемей, ни многие другие картографы, специально не отмечают здешнего «тяжелого духа». Зато он отмечен в подобной местности в Приазовье. Так, Гераклид Понтийский в IV веке до н. э. сообщает, что около Меотиды (Азовское море) есть озеро с таким дурным запахом, что его не могут даже перелететь птицы. Видимо, это известное «гнилое» озеро Сиваш (цит. по: Шуккин, 1991: 133). Впрочем, есть мнение, что птицы и не желают перелетать эти места — там идеальные гнездовья.

Дополнительные, не слишком чарующие обоняние, вкус и ароматы, придавал этой местности источник Эксампай (Εχάμπαιος fons, 'Εξάμπαϊος), отвратительную воду которого специально отмечает Геродот. Здесь, к западу от «торжища Борисфенитов», по реке Гипанису, он помещает племя каллипидов. Там же граничат владения каллипидов и алазонов, а Тирас и Гипанис сближают свои течения, Гипанис принимает горький источник Эксампай (Мертвовод или, возможно, Черный Ташлык) [Карышковский, Клейман, 1985: 5].

В «Хорографии» Помпония Мелы рассказывается, что Гипанис «рождается из большого болота, которое местные жители называют его матерью... недалеко от моря принимает он из малого ручья по прозванию Эксампай настолько горькие воды, что и сам, начиная отсюда, течет на себя непохожий и не сладкий». Однако и до Помпония Мелы в сочинении знаменитого архитектора и механика Витрувия (I в. до н. э.) «Об архитектуре» имеются сведения, что река Гипанис, приняв в себя маленький ручеек, стала горькой на вкус. Витрувий сообщает и о причине такого явления; он говорит, что ручеек протекает по земле, богатой жилами «сандараки», отчего вода становится горькой.

Поэт Овидий повторил в своих «Метаморфозах» общеизвестную, по-видимому, характеристику вод Гипаниса: «Что же? Разве рожденный в скифских горах Гипанис, ранее того сладкий, не испорчен горькими солями?». Впрочем, Иордан, восприняв сообщение о горьком ручье, портящем вкус воды

в большой реке, спутал название реки, и сведения, относившиеся к Южному Бугу, приписал Днепру. Употребляемый им термин «Infectus» точнее всего переводится просто как «инфекционный», «зараженный», иногда — «окрашенный». Хотя первоначальное значение глагола «infectere» — «макать», «красить». Этот глагол, кроме того, означает: «смешивать», «растворять», «портить», «заражать».

О гарпиях пишет тот же Птолемей. Они соседят с певкинами, живущими в устьях Истра, а «внутри материка до реки Гиерас» (Прут или Сирет) живут, по его словам, «гарпии ниже тирагетов-сарматов, бритолаги выше певкинов». Им же при описании побережья к западу от Днепра названы, с координатами, устье реки Асиака, город Фиска, не известный другим античным авторам, устье реки Тираса, упоминаемая Страбоном Гермонактова деревня и, наконец, город Гарпис.

Если попытаться его локализовать по силе «дурного запаха», то на место Гарписа должна претендовать Жевахова гора. Однако Птолемей ясно указывает на морское побережье западнее Тираса. Значит, «резиденцией царства Гарпий» была Гермонактова деревня с замком Неоптолема в районе Затоки и Будакского лимана, запахи которого также далеки от благовонности [Охотников, 2000: 40].

Для Гомера «гнусные Гарпии» — олицетворение критской богини смерти в образе бури [Одиссея, песнь 1, стих 237]. Они коварны и похищают беззащитных дев [песнь 20, стих 66, 78]. Видимо, они этим занимаются вместе с галактофагами («питающиеся молоком») и при посредстве гипшемолгов (доителей кобылиц) [Скржинская, 1991: 73–74]. В том же контексте Гесиод, со своей стороны, описывая здесь же «землю галактофагов, что дома имеют на повозках», указывает на гарпий, которые сюда, на край земли, уволокли несчастного и слепого фракийского царя-прорицателя Финея.

А Финей был несчастен потому, что никак не мог поесть — ему не давали гарпии, отвратительные крылатые существа женского пола, которые, как только Финей усаживался за трапезу, спешили во дворец, хватали со стола что попало, а оставшуюся пищу заражали таким зловонием, что ее невозможно было есть. Когда Финей навелили аргонавты, он умолял Ясона избавить его от гарпий. Иначе он ни за что ему не скажет, где достать золотое руно. Но Ясон, при всем своем желании, не смог ему помочь — когда аргонавты с Финеем сели за стол, явились гарпии и немедленно нагадили всем

в пищу. А самого Финея уволокли к галактофагам, в Скифию. Здесь Финей повторно женился на скифской принцессе Идее. И с ней вернулся в свою Фракию. А крылатые сыновья Борея — Калаид и Зет — прогнали отсюда и гарпий.

Но и в Скифии Финей никак не мог спокойно поесть. Он чуть не умер от голода. И выяснилось, что гарпии в данном случае были невиновны. Оказалось, что вторая, скифская, жена Финея Идея, как свидетельствует Диодор Сицилийский, обманывала своего супруга. Она утверждала, что гарпии крадут его пищу и заражают зловонием ее остатки. А на самом деле это совершали ее собственные слуги по приказу своей госпожи. Тогда те же Калаид и Зет разоблачили происки Идеи. И перестали преследовать бедных гарпий, которых оклеветала злая скифянка. Возмущенный Финей в гневе отправил Идею к ее отцу. И тем избавил себя от голодной смерти. А реабилитированные гарпии были отпущены на свободу [Грейвс, 1992: 440–441].

Именно такие «дамские» страсти кипели в «местности, занимаемой Одессой», когда сюда попал Одиссей. Здесь, в «стране вечного мрака» и царствовала, как уже говорилось, одна из пяти сестер-гарпий — Келайно («мрачная»). Ее сестер звали Аэлла, Аэллопа, Подарга и Окипета. Согласно греческой теогонии, их родителями были морской бог Тавмант и океанида Электра. Они были внучками Геи и титанов Океана и Тефиды, и имели также сестру Ириду. Аэлла была «бурной», Аэллопа — «вихреподобной», Подарга — «быстроногой». Она же была матерью волшебных коней Ахилла — Балия и Ксанфа, отцом которых был Зефир. Окипета была всегда «стремительной», а Келайно всегда оставалась мрачной, угрюмой и сумрачной. Все они были, естественно, богинями смерти. Как, впрочем, и их «коллеги» по ремеслу — покровительницы и наставницы Одиссея Кирка (Цирцея) и Каллипсо («скрытая», «скрывающаяся»), жившая в пещере на острове-усыпальнице Огигия («древний», «первозданный», «океан») [Грейвс, 1992: 540–541]. Все эти дамы были необычайно капризны и стержовны.

Есть мнение, что название «гарпии» происходит от греческого глагола «похищаю», так как в греческой мифологии гарпии являлись похитительницами человеческих душ и детей. Они изображались в виде полуженщин-полуптиц, были противниками олимпийцев в их борьбе с титанами, и вообще символизировали хаос. Иногда изображались в форме, соответствующей форме свастики.

У гарпий очень плохая репутация в мировой культуре. Они стали восприниматься как сверхъестественные существа, одно из олицетворений космических сил зла. Они — виновницы шторма, и всегда являются причиной внезапной смерти человека. Они же — космическое воплощение порока. Борьба с гарпиями составляет один из сюжетов Аргонавтики. О гарпиях упоминал Вергилий. Сюжет о гарпиях присутствует и в «Песне о Роланде». В средние века они символизировали нецерковную музыку и использовались как геральдические знаки [Борхес Х. Л. Бестиарий: Книга вымышленных существ. М., 2000, и др.].

Слово «гарпия», как известно, стало нарицательным. В седьмом круге дантовского ада гарпии едят на листьях колючего кустарника, в которые воплотились после смерти души самоубийц. Только страдая от кровоточащих ран, причиняемых этими тварями, которые оскверняют все, к чему прикасаются, грешники могут получить искупление своих поступков.

При этом известно, что Одиссей во время своего посещения Аида лично с гарпиями не сталкивался. Но зато на обратном пути ему довелось познакомиться (или суметь избежать знакомства) с их близкими родственницами — четырьмя двоюродными сестрами, тоже богинями смерти — сиренами. Сестры обитали на одном из понтийских островов близ материкового Аида.

Напомним читателю Гомера, что Одиссей с оставшимися спутниками на пути из царства Гарпий и Аида снова возвращается на остров Айяя, где хоронит Эльпенора. Кирка, встретив их с неподдельным восхищением, предупредила, что теперь им придется миновать остров сирен.

О сиренах известно, что они подобны гарпиям и также вырезались на каменных надгробиях. Их тоже изображали в виде хищных птиц, которые только и ждут, чтобы овладеть вылетевшей душой. Как и у гарпий, у них лица женщин, но тела птиц. Их было четыре: Парфенопа («юнолика»), Лигия («звучная»), Аглаопа («прекраснолика») и Телксиэпея («очаровывающая словом»). Они, как и Каллипсо, или Кирка, вполне могли обитать на острове-усышальнице Огигия (Березань). Или на острове Левке (Змеиный).

Сказанное означает, что все путешествие Одиссея, по сути, проходило в Понте Эвксинском (Аксинском), в «море, принимающем мертвых». Поэт Василий Капнист был в этом совершенно убежден еще в начале XIX века. Значит, после

знакомства с сиренами свое очередное испытание при возвращении домой, на Итаку — пройти между Сциллой и Харибдой — Одиссей должен был преодолеть уже у черноморского выхода Босфора — у известных скал Симплегады (или Планкты) (греч. Planktos — блуждающий).

Литература о гарпиях и сиренах необозрима. Для нашего сюжета важно подчеркнуть лишь то, что одесское черноморское побережье, как, впрочем, и черноморское побережье Болгарии, с островами между ними, являются их «исторической родиной». Это территория между двумя Одессосами — фракийским и скифским. Именно отсюда гарпии и сирены распространились по всему миру. Со всеми вытекающими последствиями для окружающих.

«Прекраснозадые» каллипиды
с «женской болезнью»

*Я люблю античность за то,
что сам ее воздух пронизан
ароматом мужского семени.*

Василий Розанов

В VII–III вв. до н. э. в «местности, занимаемой Одессой», кроме гарпий известны также и каллипиды («Καλλιπίδαί»). Они уже упоминались (очерк «Эллины в Северо-Западном Понте») как описанное Геродотом племя, обитающее между Тирасом и Гипанисом. «От торгового порта (εμπόριον) борисфенитов — а он из приморских поселений всей Скифии самый срединный — первыми живут каллипиды, которые являются эллинами-скифами. Выше их — οὐτὲρ δὲ τοῦτων (т. е. еще глубже, севернее)... живут алазоны». Племя каллипидов (Callipidae) встречается также у Помпония Мелы [Mela, II, 7].

Именем «Каллипида» (Callipidae), или «Каллиполида» (Callipolida) готский историк Иордан называет город. Но такого города нет ни у кого из античных авторов — ни у Орозия, ни у Аммиана Марцеллина. А Помпоний Мела говорит не о городе, а о конкретном скифском племени «каллипидов». По-видимому, Иордан ошибался. Принято считать, что он отождествлял это племя с городом «Каллиполидой» — «Прекрасной гаванью» (Καλὸς λιμὴν), потому что непосредствен-

но за «Каллиполидой» в тексте Иордана назван Херсонес. А значит, это и есть «Прекрасная гавань» (Акмечеть, Черноморское), которая вместе с Керкинитидой (Евпатория) находилась в другом месте, в Крыму, и входила в состав владений античного Херсонеса. И никто сейчас в этом не сомневается.

Хорошо известны и довольно обстоятельно изучаются археологические памятники, которые были оставлены каллипидами [Хазанов, 1975, и др.]. Они относятся к V–IV векам до н. э. и охватывают весь ареал южной части междуречья Буга и Днестра.

Все привыкли считать каллипидов скифским племенем, отличавшимся от других своей сильной эллинизацией. В чем именно проявлялась эта эллинизация — не вполне ясно. Однако существует и иная точка зрения. Смысл ее в том, что каллипиды, как и алазоны, были отдельной и самостоятельной кастой, или корпорацией — жрецами-прорицателями, или «гадателями». Такой, самой высокопоставленной жреческой корпорацией были энареи.

Объясняется это мнение достаточно убедительно: «...шесть перечисленных Геродотом скифских “племен” суть не только этнические единицы, но и сословно-кастовые группы, образующие две триады...». Поэтому возникли «жрецы-каллипиды» и «жрецы-алазоны». «Трансформация шести “этносов” в трехчленную сословно-кастовую структуру, — пишет Д. С. Раевский, — должна была происходить в любом случае. Не исключено, что именно поэтому терпят неудачу попытки разместить на археологической карте шесть названных Геродотом “племен”» [Раевский, 2006].

Д. С. Раевский считает, что этимология имени каллипидов (как и энареев) также совершенно неясна. Толкование их как племен, выполнявших в скифском объединении жреческие функции, подкрепляется рядом аргументов, но встречается и серьезные возражения. К числу доводов в его поддержку следует, прежде всего, отнести тот факт, что именно там, где, по Геродоту, обитают алазоны и каллипиды, в бассейне Гипаниса, Плиний локализует «авхетов», тождественных «авхатам» скифской этногонической легенды, т. е. жрецов. Косвенным аргументом в поддержку толкования каллипидов и алазонов как жреческих племен может служить и то, что в области их расселения, т. е. по течению Гипаниса, сосредоточивались, как отмечалось выше, скифские святилища и культовые центры. Происхождение традиционных скифских

святынь было связано, возможно, с глубокой древностью, а память о них могла восходить к древнейшей эпохе и в таком случае сохраняться как в среде субстратного населения, так и у племен-завоевателей. Именно этим можно было бы объяснить проникновение племени жрецов, принадлежавшего к суперстратному «собственно скифскому» компоненту, столь далеко в западные области Скифии, туда же, где обитали жрецы автохтонного субстрата.

Указание Геродота на факт занятия каллипидов и алазонов земледелием нисколько не опровергает толкования их как жречества. Предположение, что жречество как социальная группа совпадало с определенным племенем, вовсе не означает, «что все члены этого племени поголовно были жрецами, но лишь то, что это племя монополизировало управление культа» [Хазанов, 1973: 46].

Из существующих этимологий этнонима «каллипиды» лучше всего подтвердила бы толкование их как племени жрецов та, которая была предложена одесским археологом М. Ф. Болтенко. Согласно этой этимологии слово включает два корня: «прекрасный Лип» и патронимическое окончание. Каллипиды, таким образом, суть «сыны прекрасного Липа» [Болтенко, 1960: 47–48]. Лип же, по мнению Болтенко, тождествен Липоксаю скифской легенды, в поддержку чего он приводит факт параллельного упоминания в источниках двух форм имени второго из братьев — Апр и Арпоксай. Но Липоксай, по легенде, — родоначальник авхатов, вследствие чего мы получаем подтверждение тождества каллипидов и авхатов и, следовательно, толкования каллипидов как племени жрецов. Более того, в поддержку такого толкования можно привести факт, который М. Ф. Болтенко не использовал: греческое среди прочих значений имеет и такое, как «хороший, благой, чистый», т. е. представляет точный эквивалент иранского *vahu-*, к которому, как отмечалось, восходит слово «авхаты» — наименование скифского жречества. В таком случае этноним «каллипиды» можно толковать как «потомки авха[та] Липа» или «авхаты, потомки Липа».

Здесь также высказывалось предположение, что название каллипидов связано с богиней смерти Каллипсо («скрывающая») или с одной из гарпий Келайно («мрачная»). Оба предположения вероятны, но недоказуемы.

Зато куда более убедительным кажется другое предположение. «Каллипиды» записаны под таким именем оши-

бочно, на самом деле это термин «каллипиги», что однозначно переводится как «прекраснозадые». Иными словами, эпитет «каллипиды» — это искаженный от «каллипиги». Не исключено, что он появился в результате описки или ошибки (возможно, сознательной) переписчика, и на самом деле это было им сделано из соображений ханжеской христианской традиции. Хотя «прекраснозадая» Афродита Каллипига (римская копия с греч. скульптуры IV в. до н. э.) совершенно откровенно по сей день чарует взор посетителей Национального музея в Неаполе. И тут ошибки в истолковании термина быть не может [Словарь античности, 1989: 243]. В таком случае имя «каллипиды» можно истолковывать как «прекраснозадые» (греч. καλλιπυγή — имеющие красивый зад).

Таких искажений в античном источниковедении известно и выявлено великое множество. А не выявленных еще больше. Имя им — легион. В нашем случае это, например, кем-то придуманная гавань Исиаков-Асиаков, которая на самом деле является Гаванью Иаков (см. об этом: «Блуждающие» гавани Одессоса...).

Последнее толкование может показаться пикантным, однако оно в научном смысле вполне оправданно и более чем продуктивно. Потому что оно прямо наводит на ассоциации о загадочных жрецах-энарях, страдавших не менее загадочной «женской болезнью». А что это за болезнь, никто толком не знает. Но можно догадываться.

Так, описывая скифов, Геродот рассказывает об одной типичной для них болезни: мужчины становятся женственными по характеру, надевают женское платье и занимаются женскими работами. Они называются «энарями». Для объяснения этой «скифской болезни» Геродот приводит миф о том, что эту болезнь наслала на скифов Афродита за то, что они разрушили ее храм в Аскалоне во время набега на Сирию: «На тех скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало женскую болезнь, так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых называют энарями».

Гиппократ же считал, что скифские лекари лечили больных, отворяя вену около уха, а это якобы ведет к импотенции. Врачи XIX века считали, что атрофия половых органов развивалась просто от неумеренной верховой езды, и приводи-

ли в подтверждение аналогичную напасть у татарских конников. Само слово «энареи» специалисты по иранским языкам объясняют словообразованием от корня «нар» (муж-): «энареи» должно означать «не-муж», «обезмужественный».

Таким образом, женоподобные энареи — гадатели и прорицатели — носили женские платья, усвоили женские привычки и даже говорили «подобно женщинам». Так считали Геродот и Псевдо-Гиппократ. Они были, с точки зрения греков, самой экзотической корпорацией среди скифского жречества и, естественно, привлекали к себе наибольшее внимание.

Основные сведения о положении энареев в скифском обществе содержатся в двух литературных традициях, связанных с именами Геродота и Псевдо-Гиппократа. Отдельные намеки имеются и у других авторов. Из их сопоставления явствует, что энареи были профессиональной жреческой корпорацией, связанной с культом богини Афродиты — Аргимпасы, и являлись гадателями. «Искусство гадания даровано им Афродитою; они гадают при помощи липовой коры: гадатель разрезает ее на три полоски, затем, переплетая их между пальцами и расплетая, произносит предсказание» [Геродот, IV: 67–68]. Ясно также, что корпорация энареев имела наследственный характер.

«Женоподобные» особенности энареев, явно связанные с требованиями религиозного культа, передавались также их потомству [Геродот, I: 105; см. также IV: 69]. При этом энареи происходили из аристократических слоев общества, может быть, даже близких к царскому дому. Псевдо-Гиппократ отмечает, что энареи — «скифские богачи, не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом». «Причину такого явления, — считает Псевдо-Гиппократ, — туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя» (цит. по: Хазанов, 1975). Однако из сообщения Геродота следует, что боязнь энареев и гадателей вообще имела под собой и более реальные основания, потому что от их гадания иногда зависела человеческая жизнь.

Существует также мнение, что «женская болезнь» — результат сифилиса, которым якобы заразились скифы у иеродула храма Афродиты. Не менее странна точка зрения, что «женская болезнь» у скифов — социальное или профессиональное заболевание — следствие имущественного

неравенства. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с трансвестизмом или с кувадой [Хазанов, 1975: 89, 168–170] *.

Таким образом, тождественность, или явная визуальная сопоставимость «прекраснозадых» каллипидов с «женоподобными» энареями кажется очевидной. Псевдо-Гипократ утверждает, что такой «женской болезни подвержены скифские богачи — не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом», и ее причина «заключается в верховой езде».

Аристотель полагает, что она была распространена среди скифских царей. Климент Александрийский называет легендарного царевича Анахарсиса «как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов». Известно, что Анахарсис совершил обряд самооскопления в честь Кибелы и был за это убит — «за чужеземные свои установления и сношения с эллинами». Ибо обряды в честь Кибелы предусматривают обязательное самооскопление, во всяком случае, для тех, кто собирается стать ее жрецом (см. подробнее очерк «Чары Диониса»). Именно таковы были намерения Анахарсиса, который, «осмотрев многие страны и ознаменовав там великую мудрость... дал обет, — пишет Геродот, — коли жив и здоров возвратится в Скифию, принести Матери богов (*Кибеле*. — *А. Д.*) жертву... и установить всенощное служение» [Геродот, IV: 76–77]. Действительно, остаться живым и здоровым после самооскопления — это большое везение.

Сам Анахарсис (греч.: Ἀναχάρσις — небесный глас) (жил около 605–545 гг.) был сыном скифского царя Гнура, братом царя Савлия и Кадуита. Он прибыл во времена Солона в Афины, где подружился с самим Солонем и с другим знатным скифом Токсаром, который был известен в Афинах как врач и мудрец, позже путешествовал по другим греческим городам. Бывал у лидийского царя Креза, которого персы считали своим советником по Скифии.

Анахарсис прославился как мудрец, философ и сторонник умеренности во всем, его причисляли к семи мудрецам и ему приписывались многие разумные изречения и изобретения. Письма, носящие его имя, позднего происхождения

---

* Кувада (франц.: *couvade* — высиживание яиц) — обрядовая симуляция отцом родового акта при рождении ребенка. Известна у многих народов.

(датируются III веком до нашей эры) и отражают позиции близких Анахарсису скифов. По легенде, Анахарсис изобрел якорь, усовершенствованные гончарный круг и парус.

«Вернувшись в Скифию, — сообщает далее Геродот, — Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом из разных пород деревьев; низовья Днепра и Буга). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны (медные тарелки). Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи». Значит, Анахарсису не повезло — живым и здоровым он не остался. Не исключено, что Савлий его убил из жалости — чтобы тот не мучался после обильной потери крови.

Не исключено, что калипиды-энареи, как и Анахарсис, должны были быть скопцами. Или страдали иными отклонениями, связанными с понятием «женская болезнь». Они, видимо, были поселены скифами отдельно от себя, в особую, «зловонную», но священную местность. И не «на правах сексуального меньшинства», а за «сакральную избранность». Л. С. Клейн в книге «Другая любовь» рассматривает «женскую болезнь» скифов как разновидность гомосексуальности (раздел II, 6). То обстоятельство, что социальный статус энареев был очень высок, подтверждается подобными наблюдениями у сибирских народов — у них статус гомосексуалов не ниже мужчин, а выше.

Таким образом, калипиды-энареи, «гадатели» и прорицатели, предсказывающие будущее, — такие же провидцы в Скифии, как Тиресий — в Греции. Ведь «Тиресий» — это не только имя конкретного мифологического персонажа, но и его название, занятие, образ деятельности (так же, как Геракл, Дедал или Финей). Их жизнь может длиться несколько поколений. Поэтому естественно, что Тиресий должен был, согласно логике мифа, пребывать на той территории Аида, где проживали его «земные коллеги» по цеху. Это еще один аргумент в пользу того, что Одиссей искал Тиресия именно

здесь, на земле каллипидов. И совершенно не исключено, что земли каллипидов-энареев воспринимались как своеобразная эллино-скифская «Папская область» в Северном Понте, с центром-«Ватиканом» в Борисфене-Одессосе, на Жеваховой горе. В состав этих земель входила, как известно, и Гилея, где совершал свои «кощунственные» обряды знаменитый скифский царевич-мудрец Анахарсис.

Античные нравы Хаджибея. «Похищение сабинянок»

*Лучше умрем, чем останемся жить без
одних или других, вдовами или сиротами.*

Тит Ливий

В 1766 году русский военный разведчик и толмач (переводчик) Константинов по заданию киевского военного губернатора совершил поездку по Очаковской области. Так тогда называлось степное междуречье Южного Буга и Днестра, ограниченное на севере речками Малым Ягорлыком и Кодымой. Земли эти в турецких документах именовались Узу (или Осу) и до 1779 года входили в состав Крымского ханства, отчего их иногда еще называли «Ханской Украиной». Затем Очаковская область перешла в турецкое управление.

В своем отчете об этой поездке Константинов пишет, что обнаружил на Кодыме и Тилигуле ряд сел с украинским и молдавским населением. По сведениям, дополненным русскими и запорожскими разведчиками, в 50–60-х годах XVIII века здесь были, кроме Балты, уже более десяти таких поселений, в том числе Гедерим (ныне Котовский район), Бобрик Малый и Бобрик Большой, Ясеновое (ныне Любашевский район), Гольма, Перелеты (ныне Балтский район), Ананьев и другие.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг., в ходе которой на территории Очаковской области велись военные действия, сократила количество жившего здесь населения. Часть жителей для поселения в Новороссийской губернии вывело отсюда русское командование. Турецкая администрация, возвратившаяся сюда после окончания войны, сожгла ряд селений в качестве наказания местных жителей за помощь, оказанную русским войскам. Вместе с тем выселение Едисанской

орды из Очаковской области и хлынувшая из Запорожья волна казаков усилили процесс заселения края. Здесь появляются новые населенные пункты. К 1779 г. их насчитывалось уже 41, причем 14 из них были расположены по Днестру и Ягорльку. Ориентировочно общая численность населения в них составляла 12–16 тысяч человек. По всей вероятности, уже существовали села Фернатия (ныне Кармалюковка), Мироны, Пасицелы, Сенное (ныне Балтский район), Бирзула, Готары (ныне Борщи), Липецкое, Старая Кульна (ныне Котовский район), Валегоцулово (ныне Долинское), Шимково, Гандрабуры (ныне Ананьевский район), Гвоздавка, Познанка, Кричуново, Троицкое (ныне Любашевский район), Окны (ныне Красные Окны), Дубово, Черная (ныне Красноокнянский район), Захарьевка (ныне Фрунзовка) и другие. Возле Хаджибея, в нынешней Карантинной балке, располагалось небольшое поселение запорожцев.

подавляющее большинство этого населения составляли беглые украинские и молдавские крестьяне, казаки. Запорожский полковник, сообщая в середине 60-х годов XVIII века о поселениях в Очаковской области, писал, что в них «живут волохи (молдаване)... и почитай в большую половину во всякой слободе народа такого, как малороссийский». Селились в Очаковской области также русские старообрядцы, болгары, армяне, евреи.

Поселения здесь назывались слободами. Это означало, что их население на время освобождалось от выполнения феодалных повинностей. Такими льготами владельцы земли, на которых основывались слободы, стремились привлечь в них крестьян из других местностей. Поскольку Очаковская область принадлежала Крымскому ханству, то и слободы здесь получили названия ханских. Запорожский кошевой атаман сообщал в своих донесениях: «В новых слободах обыватели жительствоуют... без наложения никаких повинностей». В давно основанных слободах ханским чиновником-каймаканом с жителей «взимается в год со своего прибытка скотского и промышленного десятая доля». Когда же льготное время истекло, то слобожане вынуждены были платить значительные подати. Толмач Константинов писал, что «в татарских слободах чрезвычайные подати налагаются, а именно с одного плуга по десять левков турецких в ханскую казну, да на расходы откупщику с каждой севной борозды по одной денежке собирается». И хотя населению слобод жилось под

властью крымского хана нелегко, учитывая еще и опасность быть захваченными в плен ногайцами, важно было то, что здесь не существовало крепостное право, от которого бежали местные жители.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг., как и предыдущая, вновь резко сократила население Очаковской области. В 1787 году ногайцы Буджакской орды напали на приднестровские села, часть из которых сожгли, а жителей увели в плен. В ходе военных действий многие жители вынуждены были бежать на Правобережную Украину и в Екатеринославскую губернию.

После Ясского мира 1791 г. «Очаковская область», отошедшая к России вместе с крепостями Очаков и Хаджибей, стала именоваться «Новоприобретенной областью». Число ее жителей, по мнению историка А. Скальковского, к середине 1792 года было около 20 тысяч человек.

Наименее заселенными оказались земли, примыкающие к побережью Черного моря. Они составляли 2-ю и 3-ю части православного правления, входившие в ведомства священников Романа Иванова и Федора Недольского. Сведения о населении 3-й части не сохранились — упомянуты лишь мелкие безымянные слободы по «Тилигулу и Бризане... реке... по лиману Буга реки». Зато полностью сохранилась «Ведомость, учиненная новоприобретенной области... Романом Ивановым, сколько в ведомстве его селений и слобод» от декабря 1793 года.

По этой «Ведомости...» на землях между Днестром и Куяльником насчитывается всего 26 селений, из которых большинство (18) и самых населенных располагалось по Днестру и Кучургану — от Суклеи до Аджидера (Овидиополя). В них имелось всего 1170 дворов, где «мужеска пола» — 3078 душ, «женска пола» — 2172 души, преобладали волохи (более 50 %), а также малороссияне, великороссияне, редко — «польской, сербской, греческой нации». На остальной территории, близ Хаджибейского и Куяльницкого лиманов, имелось лишь 8 слобод, включавших 96 дворов, в том числе «жителей разного звания мужеска пола душ» — 156, «женска пола душ» — 108. Данных о национальной принадлежности этих 264-х «душ» не имеется.

Что касается самого Хаджибея, то в нем было лишь 10 дворов, из них «мужеска пола душ» — 22, «женска пола душ» — 6. Очевидно, в это число не входили строители и

гарнизон крепости над нынешней Карантинной гаванью — также мужское население. Дворы были разбросаны по пустынной степи вокруг развалин Хаджибейского замка, возвышавшихся над Военной балкой и прибрежным обрывом. Ближайшими населенными пунктами к Хаджибею были: Дальницкая слобода (58 жителей), четыре меньших безымянных слободы при речке Свиной (всего 132 жителя) и две такие же слободы при речке Куяльник (всего 46 жителей). Таким образом, эта местность оставалась крайне слабо заселенной после перемещения нескольких тысяч черноморских казаков в июле 1792 г. по решению русского правительства на Кубань.

Явный недостаток женщин в Хаджибее привел к тому, что из оставленного здесь русского отряда некий офицер с сержантом, лекарем и несколькими солдатами явились на хутора в окрестностях замка, захватили живущих там женщин и девиц и увезли их в крепость, отстреливаясь от пустившихся в погоню оскорбленных мужей. Впрочем, сами женщины не пожелали вернуться к своим бывшим сожителям и предпочли остаться в крепости. Похитители же в ответ на жалобу потерпевших мужей пояснили, что многие из живущих на хуторах женщин не венчаны со своими сожителями или повенчаны попами-расстригами. Поэтому храброе русское воинство юридических прав на прекрасный пол у их мужей не признало и решило им завладеть. Эта история почти полностью воспроизводит древнюю легенду о «похищении сабинянок». Вскоре после основания Рима там была нехватка женщин, и Ромул устроил игры, на которые пригласил соседних сабинян с семьями. Во время игр римляне похитили сабинянок, что послужило причиной войны. Однако сами сабинянки категорически отказались возвращаться.

Вот как описывает эту историю Тит Ливий: «...Брачных связей с соседями не существовало... Тогда Ромул обратился к окрестным племенам с предложением о брачных союзах, но те опасались подвоха... дело явно клонилось к насилию... И случилось насилие: римские юноши бросились похищать девиц... Армия сабинян осадила город, и кровопролитное сражение казалось неизбежным». «Тут сабинские женщины, из-за которых и началась война, распустив волосы и разорвав одежды, позабывши в беде женский страх, отважно бросились прямо под копыта и стрелы напе-

перез бойцам, чтобы разнять два строя, унять гнев враждующих, обращаясь с мольбою то к отцам, то к мужьям... Лучше умрем, чем останемся жить без одних или других, вдовами или сиротами» (Тит Ливий, 1989, т. 1: 16–17).

Таковым было к началу 1794 г. изначальное население местности, на которой суждено было вырасти Одессе и ее округе. Таковы были и нравы этой округи. А уже по ревизии 1795 г. в Одессе проживало 2360 жителей, в 1803 г. — 9009 человек, а к 1813 г. население города уже достигало 35 тыс. человек. И нравы стали другими.

Чары Диониса

Приятно и утешительно думать, до чего эта история далека от сегодняшнего мира, откуда бдение разума, слава Богу, выдворило всех чудовищ, которых некогда породил его сон.

Умберто Эко. Имя розы

Судьбою определено было ему погибнуть...

Геродот, 4:79

Мистерии царя Скила

Неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство.

Геродот, 4:84

В VI–III вв. до н. э. на месте нынешней Одессы находился крупный и богатый античный город Борисфен [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 94–128; Добролюбский, 2004: 82–89; Добролюбский, 2006: 24–43, и др.], который позднее именовался Одессосом. Как уже говорилось, в середине V века он размещался едва ли не в самом центре владений скифских царей и являлся одной из их излюбленных резиденций. В середине V в. Борисфен, или «торжище Борисфенитов» посетил «Отец истории» Геродот. Четвертая книга его исторического труда под названием «Мельпомена» представляет собой описание Скифии и сочинена именно здесь.

С конца VI в. до н. э., после разгрома скифами армий персидского царя Дария, скифы резко усиливаются и активизируются. Греческие города Причерноморья оказываются все в большей зависимости от них. Одним из таких городов был Борисфен. В его истории наступает эпоха «варварского протектората» [Виноградов, 1989: 81–109].

Одним из скифских «царей-протекторов» был Скил, который правил примерно в 60–50 гг. V в. до н. э. Около

450 г. Скил был свергнут, а затем и казнен за участие в дионисийских оргиях и мистериях, которые проводились в Борисфене. Современные историки полагают, что такое участие являлось всего лишь поводом для переворота — истинной причиной были династические распри и борьба за власть в Скифском царстве. Однако, видимо, повод был настолько существенен, что привел к казни царя его сводным братом Октамасадом, который и захватил власть.

Эти факты нам известны лишь из одного источника — книги Геродота. Он сообщает, в частности, сведения о воспитании и происхождении Скила, а также об эллинском стиле его поведения. Обратимся к «Мельпомене».

По свидетельству Геродота, Скил (между прочими сыновьями) был сыном скифского царя Ариапифа и истриянки, которая сама «научила его эллинскому языку и наукам». «Царствуя над скифами, Скил никак не любил скифского образа жизни и склонялся больше к эллинским обычаям по причине данного ему воспитания. Почему и поступал он таким образом: всякий раз, как входил он со скифским войском в город борисфенитов... войско оставлял он в предместье города, а сам входил в город, запирали ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, и даже дом себе построил на Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок» [Геродот, 4: 78].

«...Он пожелал посвятиться в таинства Диониса Вакха: но когда уже готовилось посвящение, то последовало величайшее чудо: был у него в городе борисфенитов, как недавно мной упомянуто, большой дом с богатым двором, вокруг которого поставлены были сфинксы и грифы из белого камня, и на этот то дом бог пустил стрелу, и весь он сгорел. Несмотря на то, Скил свершил обряд посвящения своего. А надобно знать, что скифы вменяют эллинам в стыд их вакхические празднества, ибо, говорят они, неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство».

«И вот, когда Скил посвятился Вакху *, некто из борисфенитов обратился к скифам с такой насмешкою: “Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы празднуем Вакху и что бог сей нас обуревают; но вот сей бог обуял и вашего царя, и он празднует Вакху и безумствует в боге; если мне не верите, ступайте за мной, и я вам это покажу”. Начальники скифские пошли за борисфенитом, и он тайно ввел их в терем; когда же явился Скил с хороводом, и они его увидели празднующего Вакху, то пришли в великое негодование и, ушед, объявили виденное ими всему войску...» [Геродот, 4: 79].

Игра с Судьбой —
«культурный героизм» дионисийства

Поведение Скила, который, несмотря на божественное предупреждение (сгоревший дом в Борисфене), упомянутое Геродотом, совершает обряд посвящения Вакху, выглядит загадочным. Такая загадка может решаться в туманной области культурно-психологической герменевтики, ибо герменевтика (*hermeneutikos* — *разъясняющий, истолковывающий*) — это «искусство интерпретации всех зафиксированных проявлений жизни». Или, точнее — «искусство постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста — как “второй”, “задний” план, как подтекст» [Кузнецов, 1991: 3–11].

Совершенно ясно, что новелла Геродота о Скиле записана в соответствующей историко-культурной обстановке своего времени, и может быть удовлетворительно объяснима лишь в конкретном тогдашнем культурном контексте. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего «порогового смысла», которое направлено

---

* Приобщение к «тайнствам Вакха» происходило постепенно. Сначала претенденты, участники мистерии (мисты) подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой стадии посвящения. Высшей же ступени достигали не все мисты; она включала полное созерцание Диониса, которое, как считали, доставляло высшее блаженство. Поэтому таких мистов называли *эпонтами* — созерцателями. Посвящение от низшей ступени до высшей, согласно священным законам, занимало более года [Скржинская, 2009: 72–85].

к идеалу — условной «цели» культуры. «Цель» культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя — «видимая» для нас цель, зная его, мы получаем культурный код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов [Ткачук, 1996: 131–173]. Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае известно имя и видимая цель Скила — «вакханалия», или же «постижение таинств Вакха». И мы знаем культурную традицию, в лоне которой они возникли, — древнегреческая мифология. Остается выяснить его смысл, который был задан «культурным героем» дионисийства — царем Скилом.

При такой постановке вопроса наша проблематика акцентируется на изучении «археологии личности» самого Скила. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Увидев их, мы можем узнать и смысл его жизни и поступков.

Изучение «археологии личности» предусматривает «постижение чужой индивидуальности». Это — психологическая герменевтика, определяемая также как «методология вчувствования» (*выражение* *Бл. Августина*) [Кузнецов, 1991: 15–24]. Принципы такой «методологии» разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений [Берн, 2004]. Развитие любой личности (*как и культуры*. — *А. Д.*) изменяется во времени по установленному «сценарию» («смыслу»), а также задается «родительской средой» («традицией»). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — «победителя», «непобедителя» и «неудачника», которые программируют все жизненное поведение. «Победителем», с этой точки зрения, может считаться человек, который решил достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился своего.

Другой стороной концепции Э. Берна является «теория игр», которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется с вполне уважаемой концепцией Й. Хейзинги о сущности игры как источника культуры [Хейзинга, 1992]. Изучение поведения историчес-

ких персонажей с позиций «игрового подхода» позволяет увидеть «археологию» их взаимоотношений. Например, очевидно, что такие отношения, которые сложились у Скила с другими скифами, именуются игрой в «Полицейские и Воры». Так, Скил еще в детстве (элинское воспитание) принимает роль «Вора» на всю жизнь и для этого избирает свой *modus operandi* (способ действий), приводящий к его поимке, — он систематически следует элинским обычаям, скрывая этот факт лишь декоративно. Последнее означает, что он желал быть пойманным. Тем самым он сознательно облегчает работу «Полицейского» (скифы). Поскольку такая смертельно опасная игра составляет главный интерес в жизни Скила, то можно определить его как человека, играющего со своей Судьбой [Берн: 2004: 129–134].

Сказанное дает нам основания для «археологической» реконструкции любых типов личности — достаточно установить «родительскую среду» (традицию) и «сценарий» (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и «рецепты» для понимания характеров «игроков». Остается рассмотреть с этой точки зрения жизнь Скила и попытаться применить упомянутую «методологию вчувствования». Ключ к смыслу обряда «приобщения к таинствам Диониса» нужно искать в области жизненного «сценария» Скила («сценария на всю жизнь»). Если таковое приобщение — участие в вакханалии — и являлось смыслом жизни Скила, то по своим психологическим установкам он — несомненный «победитель». И владение скифским тронном имело для него вторичное значение. Совершая обряд приобщения, он как бы распрощался с царским саном, а вместе с ним и с жизнью. Но если обладание и сохранение царского сана было смыслом его существования, то Скил — «неудачник».

Логика психологического постижения поведения Скила в этом смысле глубоко «археологична» — она предполагает воссоздание его мотивов по неявным, «подтекстовым» признакам. Хочется надеяться, что предлагаемый «герменевтический» подход позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о Скиле, так и некоторую искаженность восприятия нашего «культурного героя» последующей исторической традицией.

«Просьба» перстня и «(собственность) Скила»

Текст Геродота известен историкам много веков. Поскольку это — единственный письменный источник о Скиле, то выражались сомнения в историчности этого скифского царя*. Между тем, в Добрудже, к югу от Истрии, в середине 1930-х гг. был найден золотой перстень, на котором написано, что он принадлежит Скилу. Его подробное, обстоятельное и, пожалуй, исчерпывающее описание, сделано Ю. Г. Виноградовым [Виноградов, 1980: 92–109], который в своей интерпретации использует едва ли не все имеющиеся аналогии этому изделию. Ныне местонахождение перстня неизвестно. Тем не менее, большинство специалистов считают его подлинным, несмотря на то, что никто его не видел после Второй мировой войны.

Отметим лишь интересующие нас детали. Перстень представляет собой золотое кольцо-печать, уплощенная дужка которого монолитно переходит в овальный щиток. По щитку глубокой гравировкой вырезано изображение сидящей на троне человеческой фигуры в женском платье, обращенной влево; ноги ее покоятся на невысокой скамеечке. Человек, одетый в платье, довольно плотно его облегающее, держит в правой руке крупное круглое зеркало с валиком по краю. Ручка зеркала округла, подана с легким смещением. В левой руке — плохо различимый на фотографии предмет, по всей видимости, невысокий жезл или скипетр, украшенный стилизованным навершием. Слева от изображения глубоко врезана надпись, которая переводится как «(собственность) Скила». Надпись датируется второй четвертью V в. до н. э., что совпадает со временем правления этого скифского царя. Такая датировка с учетом семантики изображения, а также места находки, прекрасно вписывается в контекст пре-

---

* В недавние годы в Никонии были найдены монеты с именем Скила, что лишний раз подтверждает его историчность [Загинайло, Карышковский, 1990: 3–15]. Изображение совы на монетах — афинской символики — указывает на политическую ориентацию Скила на Афины, причем именно в те годы, когда завершалось формирование Афинского морского союза. Это может означать, что вакханалии Скила в Борисфене происходили несколько дней в феврале-марте и были приурочены к празднованию Великих Дионисий в Афинах [Скржинская, 2009: 10–11].

дания о происхождении и печальном конце Скила, позволяет считать перстень личной печатью этого скифского владыки.

Перстень имеет и вторую надпись, занимавшую все свободное пространство уплощенного бока шинки. Она в переводе читается как «Ввели быть (мне) при Арготе!». Обращение перстня, т. е. самого «говорящего объекта» — обычная формула архаических надписей. Она датируется рубежом VI–V вв., не позже самого начала V в. до н. э. Это делает ее старше легенды «(собственность) Скила» минимум на 30, а максимум на 50 лет. Это же позволяет полагать, что перстень был получен Скилом по наследству (прямо или опосредованно) от близкого родственника или предка по имени Аргот. Семантика же перстня заложена не в самом кольце, а в его печати: человек, скреплявший своей печатью государственные документы, обладал тем самым реальной властью, которая могла с вещью-символом передаваться по наследству.

Сам факт «обращения» царской печати к Арготу с «просьбой» быть ее владельцем показывает, что Аргот был скифским царем. Сроки его царствования условно помещаются в 510–490 гг. (дата перстня). Это означает, что после царя Иданфирса — победителя персов — непрерывная цепочка династического родства по линии «отец — сын» или, реже, от брата к брату, оборвалась с появлением на политической арене представителя новой династии — Аргота. Приказав вырезать на своем перстне такую надпись, он стремился прокламировать легитимность своей власти, полученной свыше. Тем же вызвано и решение Скила снабдить перешедший ему от предка перстень-печать своей сигнатурой с целью доказать легитимность своего сана по крайней мере в третьем колене. Тогда, следуя упомянутым принципам наследования власти у скифов, Аргота можно представить дедом Скила [Виноградов, 1980: 105–106].

Все это очень разумно. Но кто же изображен на щитке перстня, как символ и гарант этой легитимности, «полученной свыше»?

Ряд специалистов, занимавшихся этим вопросом, видят в персоне с зеркалом, сидящей на троне, скифскую богиню Аргимпасу, которая, согласно Геродоту (4: 59), тождественна греческой Афродите Урании и входила в так называемый третий разряд богов семибожного скифского пантеона. Этимология ее имени неясна. Аргимпаса трактуется как божество, олицетворяющее богатства материального мира [Вино-

градов, 1980: 101–102]. С ее культом связан институт женоподобных гадателей-энареев [Геродот, 1: 105; 4: 67].

Об энареех уже было достаточно сказано (очерк «Калипиды с “женской болезнью”»). Поэтому вернемся к фигуре на перстне *. Другие специалисты видят в особе на троне иную скифскую богиню — Табити, которая в скифской мифологии богинь почиталась более всех прочих, и (в единственном числе) представляла первый из трех разрядов семибожного пантеона [Нейхардт, 1982: 186–188]. Она отождествлялась с греческой Гестией [Геродот, 4: 59], которая была родной сестрой Зевса. Имя трактуется как «согревающая», или «пламенная». Табити интерпретируют обычно как богиню домашнего очага и как божество огня во всех его проявлениях. Геродот (4: 68) указывает на существование некоего множества «царских Гестий», клятва которыми является высшей клятвой у скифов. Он именует Табити «царицей скифов» [Геродот 4: 127], что указывает на ее роль супруги царя. Не исключено, что у скифов существовал ритуал символического бракосочетания царя с Табити, призванный подтвердить сакральный характер царской власти.

Если признать, что поиск аналогий — это одно из методических правил герменевтики, то аналогии изображениям сидящей на троне богине с зеркалом имеются на считанных золотых бляшках и пластинах, найденных в степных курганах. Впрочем, эти аналогии могут оказаться и надуманными. Ибо обычно перед богиней находится герой, пьющий из ритона: на бляшках — стоящий юноша, на пластине — коленопреклоненный бородатый мужчина. В этих изображениях усматривается сцена обряда бракосочетания Табити с родоначальником скифов Колаксам, равно как и заступающим его место земным воплощением — скифским царем. На этом основании было предложено считать, что на перстне Скила, где мужской персонаж отсутствует, он как бы подразумевается в лице обладателя перстня [Курочкин, 1989].

Как бы там ни было, прямых аналогий изображению на перстне Скила не найдено. Отметим, что в искусстве Древней

---

* Если на перстне изображена Аргимшаса, то ее женский головной убор должен иметь коническую форму, как это принято у скифской знати: башлыкообразный или «фригийский» колпак из войлока или кожи; наверняка он был расшит золотыми бляшками и драгоценностями [Клочко, 1982: 249]. На перстне же изображен веночек.

Греции фигура богини с зеркалом никогда не встречается в сочетании со сценой возлияния. Они имеются лишь в индоиранском мире.

В связи с этими трактовками остается непонятным, какое отношение может иметь «третьеразрядная» Аргимпаса к перстню Скила — она, по своему статусу, никак не могла утверждать сакральность царской власти. Впрочем, такое право могла иметь «перворазрядная» Табити. Но неясно, как Табити могла сочетаться с выраженной эллинской ментальностью Скила, и, видимо, самого Аргота. Надо полагать, изображение на перстне неминуемо должно эту ментальность символизировать. Видимо, изображение на перстне означало для Скила нечто очень личное и существенное, в его символике содержался особый, известный только ему смысл. И этот смысл, который оказался ему дороже царской власти и самой жизни, нам хорошо известен — это приобщение к таинствам Диониса-Вакха. В таком случае на перстне должен быть изображен сам Дионис. Именно его молит Аргот не только не разлучать его с перстнем, но просит распространить его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии. А Скил, полностью разделяя в этом смысле ментальность своего деда, своей собственной инсигнией подтвердил свою к ней причастность.

Дионис одет в женское платье. Это может показаться странным, если воспринимать его образ лишь как веселого и могучего бога вина, который дает людям силы, радость и плодородие, который только и делает, что учит людей разводить виноград под руководством своего мудрого учителя Силена. Он ходит по всему свету, окружен заботливыми сатирами и веселыми танцующими менадами в венках. Такой образ создан потоком популярной литературы и ее многочисленными переизданиями [напр.: Кун, 1955: 75]. Но из литературы куда менее популярной [напр.: Грейвс, 1992: 73-86], известно, что дочь Зевса Персефона, которая была матерью Диониса-Загрея * и которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афаманта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской полови-

---

* Загрей — бог, идентичный Дионису [Грейвс: 876].

не, переодетым в девочку. Затем его превратили в козленка, оскопили и снова передали на женское воспитание нимфам. Они и вырастили Вакха, наряжая его в девичьи платья. Дионис часто переодевается в женское платье и даже принимает женский образ. А это — ключ к разгадке его поведения и изображения на перстне.

Лукиан в «Разговорах богов» пишет, что Гера стыдит Зевса за Диониса: «Мне было бы стыдно, Зевс, если бы у меня был сын такой женоподобный, преданный пьянству, щеголяющий в женской головной повязке, постоянно блуждающий в обществе сумасшедших женщин, превосходящий их своей изнеженностью и пляшущий с ними под звуки тимпанов, флейт и кимвалов; вообще он похож на кого угодно, только не на тебя, своего отца» [Лукиан, 1962: 69].

Воспитанный как девочка, оскотленный Дионис ощущал себя женщиной. А это уже — типичный транссексуализм. Он связан с идеализацией всего женского, а неспособность вернуть собственный фаллос — с желанием лишить его всех мужчин. Дионис основывает в Фивах оргиастические мистерии *, делая участницами этих мистерий только женщин, менад, или вакханок. В пирах на горе Киферон, бродя по горам, они, отрицая мужское, разрывали на части животных и мужчин [Афанасьева, 2009].

Некоторых из вакханок Дионис приглашал принять участие в оргиях в образе девушки. С женщинами, не желающими принять участия в оргиях, Дионис жестоко расправлялся, неся повсюду чудовищное веселье и разрушение. Долгое время в память о мистериях Диониса в Орхомене проводили праздник «побуждение к дикости» [МНМ, 1: 380–382].

---

* Наименование мистерий, произведенное от глагола $\mu\upsilon\epsilon\iota\nu$ (закрывать, смыкать), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным. В единственном числе слово $\mu\upsilon\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$ имело значение «тайна», а во множественном $\mu\upsilon\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$ — «празднество», доступное посвященным в него, которых называли мистами. Слово оргия ($\acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\nu\sigma$ — дело), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действия, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза [Скржинская, 2009: 72].

Панорама божественной сексуальности

Попытки понять популярность почитаний Диониса были бы немыслимы вне связи этих культов с нормативами всей греческой культуры, которая базировалась на мифологии. Поведение богов и героев естественно становилось эталонным для всех смертных, особенно, для высших слоев общества. Это было единственным способом приобщения к божественному.

Ритуалы оскотления имеют свои глубокие корни в обычаях так называемого «укротения фаллоса». Эти обычаи, порожденные процедурами инициаций, были широко распространены едва ли не у всех древних народов и нашли свое отражение в церемониях всех первых цивилизаций древности. Они были тесно связаны с традициями трансвестизма, транссексуализма и гомосексуализма, а потому чрезвычайно многообразны [см. об этом: Лобок, 1997: 196–206].

На Востоке, в Греции и Риме были распространены скопческие культы, в которых физическое отсутствие фаллоса провоцировало страсть к фаллическому у другого. Чудовищные отправления скопческой гомосексуальной страсти к полноценному мужчине жрецами Исиды описаны, например, в «Метаморфозах» Апулея. Кастрация была символом крайнего гомосексуализма. Светоний в «Двенадцати цезарях» писал, что Нерон оскотил любимого им юношу и жил с ним, как с женщиной.

Культы, предполагавшие ритуальное оскотление, имели широкое распространение в Передней Азии и обычно были характерны для культа великих богинь (Астарты-Афродиты, Артемиды Эфесской — восточной многогрудой богини с греческим именем). Например, в Иераполисе (Сирия), центре культа Астарты, жрецы-евнухи приводили себя в иступленное состояние, после чего под бой барабанов и звуки флейт начинали наносить себе раны. Верующие поддавались этому экстатическому иступлению, скидывали одежды и принимались оскотлять себя специально приготовленными орудиями. После этого новый скопец богини бежал через весь город с отрезанными гениталиями в руке, и наконец, бросал их в один из домов, его жители должны были дать скопцу украшения и женскую одежду, которые тот носил до конца жизни.

В греческой мифологии подобные культы более всего связаны с Кибелой [МНМ, 1: 321–325, 647], богиней фригийс-

кого происхождения, близкой по своим функциям богине Рее и иногда отождествлявшейся с ней. Они являются олицетворением регулирующего, упорядочивающего стихийные природные силы начала. Одно из ее имен — Великая Мать богов. Она — владычица гор, лесов и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Культ Кибелы был оргиастическим по своему характеру, однако одновременно он связывался с аскетическим самоограничением, нашедшим отражение в сюжете об осклоплении Аттиса; в целом это подчеркивает общую символику ее образа. Богиня Кибела требует от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрецы Кибелы наносят друг другу кровавые раны или когда неوفиты осклопляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини.

При этом новопосвященные жрецы бросали отрезанные гениталии в статую Кибелы. Затем отрезанные органы погребали в земле храма Кибелы. По окончании этих экзотических ритуалов статуэтку Аттиса отвязывали от дерева и хоронили в земле.

Культы самого Аттиса также тесно связаны с традициями гомосексуализма, трансвестизма, транссексуализма и осклопления, которые со временем органично переходят в культы Диониса.

В горной местности Зевс находит Кибелу, свою мать, спящей и, влекомый к ней кровосмесительной похотью, пытается овладеть ею. Зевсу это не удается, и он с горя изливает свое семя на горный камень. Этот камень зачинает ребенка и рождает андрогена Агдистис (Агдестис), существо мужеженской природы, наделенное гигантской силой и безграничным вожделением к обоим полам. Бесчинства Агдистиса вызывают беспокойство богов, и те посылают на землю Вакха Либера (видимо, Диониса Лизя, Освободителя, который сам мог отождествляться с Аттисом). Вакх Либер наполняет вином источник, к которому ходит на водопой Агдистис. Последний напивается вина и засыпает. Вакх обвязывает его гениталии петлей из тончайшего и острейшего волоса, а другой конец привязывает к его ноге. Агдистис просыпается и дергает ногой, осклопляя сам себя. Таким образом Агдистиса лишают мужского пола, и он остается только женщиной, второй (земной) Кибелой. Капли крови Агдистиса питают землю, и из нее вырастает цветущее миндальное дерево. Нимфа

Нана сорвала цветущую ветку и положила ее к себе за пазуху. От этого нимфа забеременела и родила младенца Аттиса, носителя обособившегося от Агдистиса его мужского пола. Нимфа бросает новорожденного Аттиса, и его вскармливает коза. Он стал юношей прекрасным, как бог. Его увидела земная Кибела, женщина-Агдистис, и влюбилась в него. Но родственники Аттиса сосватали его за царскую дочь из Песинута и отправили юношу к ней. Во время брачного пира в чертоги врывается Кибела-Агдистис. Ужас обурекает всех гостей, и они впадают в исступление. Царь-отец оскопляется, невеста отрезает свои груди. Обезумевший Аттис бежит в лес и тоже оскопляется, с криком осуждения бросая отсеченные гениталии к ногам Агдистис, после чего умирает, истекая кровью. Из крови Аттиса вырастают цветы и деревья. Терзаемая раскаянием Кибела-Агдистис умоляет Зевса воскресить Аттиса и сделать его вечно юным и нетленным. Воскресший Аттис вместе с Агдистис возносятся на небеса [Мережковский, 4: 77–78; 5: 35; МНМ, 1: 123–124].

Но Аттис впоследствии горько скорбел о своем поступке, совершенном в безумии. Его чувства описал впоследствии Катулл:

*...Подстрекаемый яростью в сердце, с неясным умом,
Оскопил он себя острием камня в диком порыве...
...И теперь мне стать служанкой,
        стать Кибелы верной рабой!
Стать Менадой, стать калекой,
        стать бесплодным, бедным скопцом!..*

Аттис проклинает Кибелу [цит. по: Скржинская, 2009: 107]:

*Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн
И пусть твой ужас и безумие опьяняют других.*

Катулл. «Аттис»

Очевидно, здесь следовало бы определиться в терминах и понятиях. Трансвестизм (транс- + лат. Vestio — одевать; синоним — травестизм) — это стремление к переодеванию в одежду противоположного пола. Длительное время его связывали исключительно с гомосексуализмом, причем активным у женщин и пассивным у мужчин. Поэтому в странах, где гомосексуализм преследовался по закону, трансвестизм считался аморальным и преступным явлением. Еще в пя-

той книге Моисея говорилось: «Женщина не должна носить мужское снаряжение, а мужчина не должен одеваться в женское платье. Тот, кто совершит подобное, противен Господу». Известно, что в 1411 г. по приказу англичан была сожжена на костре Жанна д'Арк, а в числе предъявленных ей на суде обвинений фигурировало и ношение мужского платья.

Ясно, что мотивы ношения одежды противоположного пола могут быть совершенно различными. При истинном трансвестизме переодевание в одежду другого пола вызывает сексуальное наслаждение, например, сильное половое возбуждение у мужчины при надевании женского белья, платья, чулок и т. п. Переодевание нередко сочетается с разглядыванием себя в зеркале (как и в случае с Дионисом на перстне) и онанизмом. Такой вариант трансвестизма фактически является разновидностью фетишизма, поскольку половое удовлетворение у таких субъектов тесно связано с возможностью завладеть предметами одежды противоположного пола и пользования ими.

При транссексуализме мужчины и женщины с детских лет ощущают свою принадлежность другому полу. Поэтому они считают совершенно естественным постоянное ношение одежды того пола, который соответствует их самоощущению. Наряду с переодеванием транссексуалы всегда стремятся соответствующим образом изменить и свою внешность.

Если гомосексуализм в монотеистических религиях тождественен греху, пороку, извращению, то политеистические культуры, как восточные, так и греко-римская, содержат многочисленные представления о естественности, особой красоте, и даже сакральности гомосексуальных отношений. В греческой мифологии гомосексуализм снимает противопоставление мужского и женского, превращает сексуальные отношения из биполярных во множественные. Для не имевших представления о грехе древних греков гомосексуализм символизирует перемены, метаморфозы и рождение нового [Афанасьева, 2009].

Поэтому все эти культы для греческой мифологии были совершенно естественными, и свойственны едва ли не всем богам и героям. Изначально гомосексуализм тесно связан с актом изъятия мужского начала у верховного божества — оскоплением, с выравниванием, а не противопоставлением мужского и женского, с нивелированием разницы между полами. Известно, что на этапе сотворения греческого пан-

теона богов в борьбе за власть над миром бог времени Кронос оскопил серпом своего отца, бога неба Урана, пролив его кровь и семя на землю и бросив его гениталии в Океан. С тех пор Уран, являясь символом неземного, небесного, воздушного, одновременно является и символом потерянного мужского, неизбежной гомосексуальности. Неслучайно одним из первых названий гомосексуалистов было «ураинги». Уран свергнут, но оставляет своим наследникам вечный страх потери мужественности и, как следствие этого, потери власти.

Таким образом, по своему архетипу Уран — это психический или физический кастрат. Полное вынужденное отсутствие мужественности (кастрация) неизбежно приводит его к пассивному гомосексуализму. Из спермы кастрированного Урана-Кроноса выросли Эринии, Гиганты и Мелии, а упав в морскую пену, она породила Афродиту Уранию.

В сущности, разница между кастрацией и оскоплением весьма ситуативная и условная. Оскоплением принято называть удаление яичек вместе с пенисом. Это приводит к принципиальной невозможности совершить половой акт. При кастрации же удаляются лишь половые железы, что приводит лишь к невозможности иметь потомство. Впоследствии у религиозных сектантов также наблюдается терминологическая разница между ними: «малая печать» — удаление яичек, и «большая» — яичек и полового члена. Впрочем, ныне эти понятия синонимичны в научном и бытовом обиходе.

Римляне также различали «белую» и «черную» кастрацию. При «черной» кастрации удаляются и семенники, и пенис. При «белой» кастрации у мальчика или у мужчины вырезаются только семенники. Увечье это отнимает способность к оплодотворению, но не мешает заниматься сексом.

В античные времена эти процедуры осуществлялись и путем самооскопления. Орудия оскопления — чаще всего серп, заостренный «самосский» черепок или камень, а для особо изысканных персон — секира и тонкий острый волос.

Среди причин мужской гомосексуальности с определенностью выделяются боязнь кастрации, зачарованность матерью, соперничество с отцом, психические травмы, перенесенные в детстве, женское воспитание, нарциссизм [Афанасьева, 2009]. Так, известно, что Зевс славился своей умеренной сексуальностью. Воспоминания об оскоплении его деда Урана и скопящем топорике сверженного им отца Кроноса приводят у Зевса к подсознательному страху поте-

рять фаллос и, как следствие, преувеличению его значения. Зевс, как и многие другие герои мифов, зачарован своей матерью, Реей, священным деревом которой являлся дуб, символ фаллического. Именно она помогла Зевсу победить серпоносного отца, стать верховным богом. Рея же, видя его похотливость, запретила ему. Этот фатальный материнский запрет остался в веках, предопределив сексуальные проблемы огромного числа мужчин.

Желая утвердиться и преодолеть материнские чары, Зевс, превратившись в змея, изнасиловал собственную мать. Победа над матерью, превратившая Зевса в мужчину, толкает его на многочисленные сексуальные подвиги. Ему, решившемуся на инцест, дозволенным становится все. Зевс строит отношения со многими самыми прекрасными богинями и женщинами, в числе которых были его жена и одновременно сестра-близнец Гера, Фемида, Эвринома, Мнемозина, Стикс, Лета, Даная, Европа, Алкмена и Медея, и имеет многочисленных детей, но не удовлетворяется этим. Его отношения с женой Герой ужасны, это порочный круг предательств, обид, ссор. Концентрация Зевса на матери и отождествление себя с ней провоцирует у Зевса поиск «послушного мальчика», отношения с которым повторяют его собственные отношения с Реей. В результате он вступает в гомосексуальную связь с юношей Ганимедом.

А брат Зевса Посейдон, тоже принимавший участие в свержении отца, подвержен страху потери мужественности. В длинную цепь его сексуальных экспериментов включается прекрасный юный Пелоп, сын Тантала, оживленный после того, как отец убил его и приготовил из него лакомое блюдо, поданное на пире олимпийским богам. Посейдон влюбился в него, назначив своим виночерпием и постельничим, первым из богов и людей познав радости гомосексуальной любви.

Свой мужской архетип сексуальности Зевс по наследству передает своему сыну, критскому царю Миносу, избалованному женской любовью, но поссорившемуся с братьями из-за страсти к прекрасному мальчику Милету. К этому же архетипу относились Нерон, Калигула, Тиберий.

Геракл был также гомосексуалистом и трансвеститом, зачарованным матерью. Приложенный в детстве к груди Геры, Геракл замещает ею мать и всю жизнь стремится к ней. Его поиск фаллического, обретение себя — это путь к жестокой, отвергающей его матери, с которой он, наконец, воссо-

единяется, вторично родившись. Так же, как и многие другие гомосексуальные мужские типы, Геракл неоднократно поражается безумием. Сложность пути Геракла связана с круговоротом инициированных Герой унижений и инфляций. Все его подвиги совершаются благодаря Гере и во имя Геры. Она же толкает его на любовные нетривиальные отношения. Геракл чрезвычайно силен как мужчина, например, способен за одну ночь лишить девственности 50 дочерей Феспия. С ним всегда и его любовники: племянник и возничий Иолай, оруженосец Гилас. Существует даже вариант мифа, согласно которому Геракл совершил свои подвиги из-за любви к царю Эврисфею. Но на этом его фаллический поиск не заканчивается, он обнаруживает в себе склонность к трансвестизму. Переодевания позволяют ему отождествить себя с Герой.

Так, пребывая в рабстве у царицы Омфалы, Геракл растался со своей львиной шкурой, а вместо этого носил ожерелья, золотые браслеты, женский тюрбан и красный платок. Неслучайно художники изображали Геракла в желтой юбке. Склонность к украшениям была свойственна ему и раньше, он был обладателем самых прекрасных на свете золотых доспехов. Он сидит в кругу ионийских красавиц, прядет шерсть и вздрагивает при каждом окрике хозяйки, а она бьет его золотой туфелькой. Когда однажды Геракл с Омфалой прогуливались по виноградникам Тмола, то поменялись одеждой. Пан, влюбившийся в Омфалу, ночью пробрался к ней дом, и, ища женские шелковые одежды, наткнулся на Геракла и попытался овладеть им, в результате чего был бит. Именно Пан из мести распространил слух, что Геракл обменивается одеждой с Омфалой, находя в этом особое удовольствие. С тех пор Геракл часто переодевается в женщину: одевается в женское платье после поражения на фракийском острове Кос, в женских одеждах женится на Халкиопе.

Гомосексуализм такого типа, как у Ахилла, также связан с зачарованностью божественной матерью Фетидой, во всем превосходящей отца. Так же, как и Дионис, Ахилл воспитывался как девочка. Общеизвестны отношения Ахилла с его другом-любовником Патроклом, смерть которого изменила ход Троянской войны. Оплакивая Патрокла, Ахилл от горя катается в пыли, а затем страшно мстит за его смерть. Во время одного из сражений Ахилл влюбился в царевича Тройла, пообещав убить его в случае отказа, и действительно убил не уступившего ему юношу в храме Аполлона. Любов-

ники типа Ахилла были весьма распространены в армиях, ведущих длительные войны. Знакомый с историей по первоисточникам Флобер в романе «Саламбо», посвященном Пуническим войнам, пишет, что практически у каждого солдата был гомосексуальный любовник.

Тип Ганимеда — это архетип юношеского гомосексуализма, являющегося этапом становления мужественности, обычный для Греции и Рима. Зевс, возжелав Ганимеда, превратился в орла и похитил его, гулявшего по лугам Трои, вознеся на Олимп и сделав виночерпием, дабы он мог утолять его жажду. Позднее Ганимед стал утолять жажду и других богов-олимпийцев, поэтому все они приобщились к мужской однополой любви. Ревнующая Гера до тех пор досаждала Зевсу, пока он не поместил Ганимеда среди звезд в виде созвездия Водолея. Миф о Зевсе и Ганимеде приобрел необычайную популярность в Греции, поскольку в нем видели религиозное оправдание страсти мужчины к мальчику. В латыни от слова «Ганимед» произошло слово *catamitus*, означающее пассивный объект мужского гомосексуализма, буквально означающее «любимчик, развратник». Состояние юношеского гомосексуального поиска рассматривалось как неизбежная стадия взросления. В «Метаморфозах» Апулея, например, рассказывается история, как мальчика, едва вступившего в половую зрелость, наказали за связь с женщиной, расцениваемую как слишком раннюю и преступную, вернув к «нормальным» половым контактам с женщиной. К типу Ганимеда относятся все мальчики, волей случая оказавшиеся возлюбленными взрослого мужчины, в том числе и юноши-проститутки.

Известен также случай с Гиакинфом (Гиацинтом), спартанским принцем, в которого влюбился не только Фамирин, первый из людей, восплававший страстью к представителю собственного пола, но и сам Аполлон. Страстью к Гиакинфу воспладал и Зефир. Из ревности он перехватил у Аполлона, обучавшего юношу метанию диска, летящий снаряд, направив его в голову Гиацинта. Из крови погибшего юноши вырос цветок гиацинт, на котором до сих пор различимы инициалы убитого. Культ Гиацинта распространился по микенской Греции, его именем назывался поздний летний месяц гиакинфий на Крите, Родосе, Косе и в Спарте. В микенском городе Амиклы гробница Гиацинта образовывала основание культового трона Аполлона.

Этот тип гомосексуальности может провоцироваться и перенесенными в детстве психическими травмами. В этом случае гомосексуальность может быть связана с подсознательным мазохистским стремлением жертвы еще раз испытать перенесенное насилие. Так, юный любовник Посейдона Пелоп, первый пассивный гомосексуалист, был расчленен собственным отцом Танталом, а затем воскрешен Зевсом. В святилище Пелопа юноши бичевали себя, принося ему в жертву свою кровь. Первый юношеский гомосексуальный опыт может закончиться трагически, т. е. на стадии «прекращения поиска». Когда Лай, изгнанный царь Фив, сделал Хрисиппа, сына Пелопа, своим катамитом, мальчик покончил с собой. Фиванцы, оправдывая безумную страсть Лая, создали т. н. «священный отряд», полностью состоящий из мальчиков и их возлюбленных.

Тип Аполлона (Орфея) — это врожденный гомосексуализм женственного мужчины с фиксацией на идеале прекрасного юноши. Аполлон — символ необычайно красивого и одаренного человека, гения. Аполлон и его сестра-близнец Артемида — дети Зевса и нимфы Лето, родились семи-месячными в результате длинных девятидневных родов. В паре Аполлон-Артемида женственность досталась Аполлону, а мужественность — его сестре. Аполлон — мужчина, от природы наделенный женственностью, прирожденный (генетический) гомосексуал, в силу чего все его попытки построить отношения с женщинами неудачны. Кредо «Познай самого себя» заставляет его заниматься поисками гармоничного сексуального союза, первоначально перебирая женщин. Его девиз «Умеренность во всем» не позволяет считать его развратником.

В своем фаллическом поиске Аполлон оказался на стадии «божественное вмешательство». Благодаря милости Зевса под его покровительство попадают музыка, поэзия, философия, математика, медицина и естественные науки. Такая интеллектуальная и творческая переполненность компенсирует недостаток фаллического, уменьшает женское, в результате чего инфляция становится излишней. Путь к фаллосу, стремление оправдать латентную женственность связаны для Аполлона с фиксацией на идеале прекрасного юноши и приводят его к гомосексуальной любви с Гиацинтом. Это гомосексуалист, вступающий в связь только по любви и ищущий прекрасного и более женственного партнера.

К этому же архетипу относится и известный жрец Аполлона Орфей, сын фракийского царя Эагра и музыки Каллиоопы, самый известный из когда-либо живших в Греции поэтов и музыкантов, под музыку которого танцевали даже деревья и горы. Когда обезумевший Дионис напал на Фракию, Орфей сопротивлялся введению жертвенных убийств, в отместку Дионис наслал на него менад, которые разорвали Орфея надвое, а голову его швырнули в Гебр. Интересно, что мужья разгневанных менад ходили в храм, где Орфей открыто проповедовал особые священные таинства и любовь к своему полу. Проповеди Орфеем однополой любви вызвали гнев Афродиты, который до сих пор определяет отношение большинства женщин к мужскому гомосексуализму.

Символично, что голову Орфея, все еще поющую, прибило к острову Лесбос, знаменитому и единственному оплоту женской гомосексуальности. Менады же, разорвавшие Орфея, были превращены в дубы — символы фаллосов.

Парадоксально, но в литературе утвердился образ великой любовной пары Орфей—Эвридика. Однако гомосексуальность Орфея позволяет ему иметь только женщину-друга, каковой и была его жена Эвридика. Смерть Эвридики и неудача Орфея с возвращением ее из Аида символизируют невозможность такого мужчины соединиться с женщиной: Орфей, обернувшись на Эвридику, потерял ее навеки. Фаллический поиск для Орфея закончился на стадии «прекращение поиска», т. е. смертью.

К гомосексуалистам этого архетипа относятся Гораций, Вергилий, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспир, Байрон, Уитмен, Чайковский.

Другой тип гомосексуализма порожден комплексом нарциссизма. Нарцисс, как хорошо известно, был настолько патологически влюблен в себя, что для него возможна лишь любовь к максимально подобному себе, в идеале — к себе самому. В принципе он не может любить женщину. Нарцисс был сыном голубой нимфы Лириопы. Уже в 16 лет его путь был устлан безжалостно отвергнутыми влюбленными обо-его пола. В него влюбилась нимфа Эхо, настолько съедаемая любовью, что от нее остался лишь голос. Нарцисс отправил Аминию, преследовавшему его настойчивей других, меч, которым тот и лишил себя жизни на пороге дома Нарцисса, призвав богов отомстить за его смерть. Это проклятие услышала Артемида, сделав так, чтобы Нарцисс влюбился, но не

смог насладиться своей любовью. Вскоре Нарцисс влюбился в свое отражение в ручье. Он был вынужден созерцать предмет своих вожделений, не имея возможности им обладать, хотя в муках он ощущал и особую радость от сознания того, что предмет его любви никогда не изменит ему.

Такой архетип жестокого и самовлюбленного гомосексуалиста представлен в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Возможно, к гомосексуалистам подобного типа относился Ю. Цезарь, маниакально относящийся к своей внешности.

Слепой Тиресий, который был самым знаменитым прорицателем Греции, — типичный транссексуал. Ослеплен он был Афиной за то, что подглядывал за ней во время купания. Однажды, убив змею, он превратился в женщину и стал знаменитой гетерой. Через семь лет, убив змея, снова стал мужчиной. Именно Тиресия, поскольку ему ведомы были ощущения обоих полов, позвала Гера, чтобы он разрешил ее спор с Зевсом по поводу того, кто больше получает удовольствия в любви, мужчина или женщина.

Философскую апологию «любви к мальчикам», или интеллектуальный гомосексуализм, можно определить как тип Платона, ученика Сократа и учителя Аристотеля. Именно в Элладе был создан совершенно особый институт философов, выступивших с претензией на истолкование божественных истин. Происходит обмирщение некоторых форм сексуального поведения, которые до того практиковались исключительно в религиозном контексте. Прежде всего, речь идет о любви к мальчикам, которую именно свободолобивые греческие философы вывели за пределы храмов *. Это был, так сказать, философский вариант дерзкого похищения у богов «огня Прометея». Провозгласив себя глашатаями божественной мудрости, они произвели подлинную религиозно-

---

* «Любовь к мальчикам» в Ольвии зафиксирована и археологически, как развлечение во время симпозиона. Это граффити на чернолаковом скифосе рубежа VI–V вв. до н. э. Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб (*играна меткость в плескании вина*. — А. Д.) была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом, писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета.

сексуальную революцию, выведя запретную духовно-божественную по своему происхождению любовь к мальчикам за эзотерические границы храмов и постепенно сделав ее едва ли не нормой жизни всякого человека, считавшего себя культурным и образованным [Лобок: 205].

Интеллект становится сексуально привлекательным, фаллическое замыкается на интеллектуальном. Носителем интеллекта однозначно объявляется мужчина, а женщина, как существо неинтеллектуальное, становится сексуально непривлекательной. Фаллическое питается рациональным, последнее же полномочно снимать моральные запреты, например, используя мифологемы. Отношения с женщиной отсутствуют, либо очень неудачны. Фактически греческая философия превратилась в интеллектуальную игру, в которой мужчины могли обходиться без женщин, поскольку для них открылась область гомосексуального влечения. Сам Платон много писал об этом, обсуждая миф о Ганимеде, чтобы объяснить свои сентиментальные чувства к своим ученикам [Грейвс: 84].

«Человеческий разум и знания, из частных опытов выбрав лучшее, признали любовь к мальчику самой верной...», — писал Лукиан [Лукиан, 1962: 386].

К гомосексуалистам подобного типа относятся Платон, Сократ, Аристотель, Лукиан, Уайльд, Уитмен, Верлен, Рембо.

Можно видеть, что усилиями лучших умов античности «любовь к мальчикам» превратилась в престижнейшее качество и занятие мужчины, в эталон высшей культуры и интеллектуальности.

Таинства Диониса-Вакха

Обозрение основных типов мужского гомосексуализма и транссексуализма в античные времена (женский гомосексуализм здесь не рассматривается) может выглядеть достаточно поверхностным и пунктирным. На самом деле все эти типы куда более вариативны.

Такая вариативность более всего прослеживается в образе Диониса с его многочисленными и необычными перевоплощениями, разнообразием своих трансформаций. Он в самом деле единственный греческий бог, который своим

многообразием поражает воображение и привлекает к себе и невежественных селян, и интеллектуальную элиту, и политиков, и отшельников, и любителей оргий, и аскетов. Опьянение, эротизм, плодородие мира, а еще незабываемые переживания: когда периодически являются мертвые, когда человека охватывает *mania*, когда он погружается в животную бессознательность, когда испытывает экстаз *enthousiasmes*, и все эти восхитительные и леденящие душу ощущения имеют один источник — присутствие божества. Самим способом существования это божество выражает парадоксальное единство жизни и смерти. Можно было даже впустить его в себя; а экстаз мании служил доказательством того, что человеческая ограниченность преодолима.

Культ Диониса, как и идентичного ему Загрея, согласно традиционной точке зрения, проник в Грецию из Фракии или Фригии приблизительно в VIII в. до н. э., в эпоху перехода от «темных веков» к «культурному перевороту» [Зайцев, 2001]. Его распространение шло медленно. Сопротивление объяснялось тем, что поклонение богу-чужеземцу разительно отличалось от привычных обрядов и представлений о характере общения человека с богами. Вакханалии, описанные уже в V в. до н. э. Еврипидом в его знаменитой трагедии «Вакханки», были связаны с отрицанием общепринятых норм поведения и этики (разрывание и пожирание сырого мяса, каннибализм, агрессия по отношению к окружающим или тем, кто не хотел принимать дионисийский культ), помрачением рассудка (манией), которые давали кратковременное блаженное ощущение слияния с богом и наполненности божественной силой. В VI в. до н. э. к вакханалиям добавились столь же отягощенные архаическим наследием празднества в честь Диониса-Загрея, согласно мифу, растерзанного и съеденного титанами, а еще позже, в IV в. до н. э., — в честь Диониса, отождествленного с фракийским богом Сабазием.

Вначале Дионис был богом производительных сил природы вообще. Виноградная лоза и плющ прочно вошли в его мифологию. Об этом свидетельствует множество эпитетов Диониса, связанных либо с самим этим растением, либо с вином как продуктом виноградной лозы.

В архетипе Диониса наиболее проявлены зачарованность матерью и воспитанная женственность. Его можно определить как типичного трансвестита с выраженной не-

ненавистью ко всему мужскому. Характерными для этого типа гомосексуализма являются явные психические отклонения, связанные с физической неполноценностью, проявляемые, например, в садизме. Дионис — сын Зевса и Семелы, богини-луны, рогатое дитя, увенчанное змеями, испытания которого начались еще до рождения. Ревнивая Гера поссорила Семелу и Зевса, и тот, разгневавшись, предстал перед ней в своем истинном облике, испепелив ее. Гермесу, однако, удалось спасти ее шестимесячного недоношенного сына, зашив его в бедро Зевса, откуда тот по истечении трех месяцев и появился на свет. Поэтому Дионис — дважды рожденный [Афанасьева, 2009].

По приказу Геры титаны утащили новорожденного Диониса, разорвали его на куски и сварили их в огне — вот почему Диониса отождествляли с Осирисом. Однако Рея разыскала части тела внука, составила их и вернула к жизни, после чего физическое отделение фаллоса для Диониса навсегда осталось «психодрамой». Но на этом эксперименты с психикой маленького Диониса не закончились. Персефона, которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афананта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине, переодеть в девочку. Затем его превратили в козленка и снова передали на женское воспитание — нимфам Макриде, Нисе, Эрато, Бромии и Вакхе. С тех пор с именем Диониса связывают критский обычай держать мальчиков в темноте, т. е. на женской половине, до достижения ими половой зрелости. Когда Дионис стал взрослым, Гера, несмотря на приобретенный им отпечаток женственности, признала в нем сына Зевса, но позже поразила его безумием, во время которого он совершил серию ужасных и ничем не оправданных убийств и насилий, например, содрал кожу с живого царя Дамаска.

Зачарованность матерью у Диониса доходит до крайности. Уже став олимпийским богом, Дионис спускается в Аид, где подкупает Персефону и забирает с собой свою покойную мать Семелу.

Гомосексуализм Диониса, самый сложный, доходит до стадии «трансформации», в результате которой он обретает свою подлинную самость. Его следовало бы назвать «гомосексуализмом в квадрате», поскольку психика Диониса претерпевает двойную метаморфозу. Он любит женщин, но как

женщина, отождествляя себя с женщиной. Это тип безумного гомосексуала-трансвестита с садистскими наклонностями*.

Такие наклонности и породили то состояние дионисийского безумия, которое наступало после возлияний вина и экстатических танцев. «Вино — *aurum potabile*, питьевое золото». Однако опьянение виноградным вином было привилегией жрецов, требующей особого посвящения. «Вакх погружает в пенистый сок увитый плющом и змеиной травой офианой тирс. Когда менады натираются этой травой, клитор вырастает фаллосом, — писал Валерий Флакк. — В процессе оргии старики превращаются в детей, женщины в мужчин, мужчины в женщин, те и другие в пантер, змей, хищных птиц — рев, стоны, кровь, пение. Ритуал заканчивается, бог исчезает, на пустой земле валяются несчастные страдальцы. Но менады и вакханы, забыв о прежней жизни, днями и ночами рыщут по лесам и полям в поисках неистового бога сублимаций».

Это происходило в состоянии так называемого «вулканического» экстаза, характерно крайнее физическое и эмоциональное напряжение, высокая агрессивность, деструктивные импульсы внутренней и внешней направленности, мощные побуждения сексуальной природы, ритмические оргиастические движения. «Вулканический» экстаз предполагает уникальную смесь крайних эмоциональных и физических мук с диким чувственным порывом. Оказываются неотличимыми переживания ледяного холода от непереносимого жара, ненависти — от любви, агонии умирания — от восторга нового рождения, апокалипсических ужасов — от радости созидания и т. п.

---

* В этом также проявляется несовместимость в реальной жизни многообразия различных сторон облика Диониса. «Трансвестизм или транссексуализм и гомосексуальность — очень разные вещи. Первое — выбор поведения, второе — выбор партнера. Это закладывается в разных центрах мозга и, видимо, на разных стадиях развития плода. Транссексуалы мыслят себя женщинами, гомосексуалы — мужчинами (сугубыми!), любящими мужчин. Гомосексуалы не любят и презирают транссексуалов, а если и смотрят их на специальных зрелищных мероприятиях, то точно так же (и с тем же отчужденным отношением), как обычная публика — Верку Сердючку и Бориса Моисеева. Объединяют их только гетеросексуалы» (консультация Л. С. Клейна в письме автору от 20.02.2010).

Дионисийский экстаз означает, прежде всего, преодоление человеческой ограниченности, достижение полного освобождения, обретение свободы и непосредственности, не характерных для человеческих существ. То, что среди этих свобод есть свобода от запретов, правил и условностей этикета и социального порядка кажется очевидным, и это одна из причин массовой приверженности женщин культу Диониса. Один из эпитетов Диониса — Лиэй (освободитель) был связан со свободным характером праздников, освобождавших человека от всех моральных условностей [Торчинов, 1998; Элиаде, 2002: XV].

Мистерия состояла в участии вакханок в эпифании Диониса от начала до конца. Обряды совершались ночью, вдали от городов, на склонах гор или в лесах. На самого Диониса находило «безумие», а вакханки лишь разделяли с ним его испытания и страсти — в конце концов, это был самый верный способ войти с ним в общение.

Сын Зевса, воспитанный нимфами

Сказанное о таинствах Диониса является надежной мифологической основой для толкования его изображения на перстне. Он сидит на троне в женском одеянии. Действительно, по одному из вариантов мифа, Зевс в виде змея посетил Персефону, и та родила ему рогатого младенца Загрея, то есть Диониса. Едва успев появиться на свет, новорожденный воссел на трон своего отца. Примечателен сообщаемый Нонном и Фирмиком рассказ о том, как Дионис на короткое время занял трон своего отца Зевса. «Дионис, — сообщает Прокл, — был последним из богов, которого поставил царем сам Зевс. Ведь отец посадил его на царский трон, дал в руку скипетр и сделал царем над всеми богами в мире» [Грейвс: 73–79, 85–86].

Женское платье для Диониса также совершенно естественно — он воспитывался на женской половине дома, нимфы обряжали его исключительно в женскую одежду, да и сам он многократно превращался в женщину. Типичной одеждой была бассара, или бассарей. Это длинное одеяние вакханок (бассарид) считалось одеждой лидийского бога Бассарея, отождествлявшегося с Дионисом. Оно было сшито из лисьих шкур.

Одним из имен Диониса было «Лисий». Оно происходит от слова «лизис» — разрушитель границ, растворяющий цепи и страдания. Безусловно, посвященная ему (или вызванная им) мистерия должна раскрывать и отыгрывать это обстоятельство. «Приобщиться Дионису» — означает выйти с помощью «вина» (возвышающего, веселящего и освобождающего) за «границы» (социальных отношений, здравого смысла, характера и морали) в «безумие» (буйное действие непредсказуемой природы).

Но просидел Дионис на троне недолго. Мальчик смотрелся в зеркало «замысловатой работы» * (подаренное Герой), когда на него с ножами в руках и с выбеленными мелом лицами напали титаны, подсланные Герой. Какое-то время ему удавалось спасаться от атак титанов, по очереди превращаясь то в Зевса, то в Крона, то в юношу, то в льва, то в лошадь, то в змею. Но, в конце концов, титаны настигли бога, принявшего образ быка. Они разрезали его тело на куски, выварили их в различных травах и съели.

По иному варианту мифа зеркало Дионису подарили сами титаны, которые заманили бога к себе с его помощью, а потом растерзали. Этот миф толкуется как космогоническая история «падения» души в тело: отражение Диониса в зеркале является символом возникновения первичной «сверхчувственной» души в чувственном, материальном мире; превращения убегающего от титанов Диониса означают «переселение» души в разные тела; растерзание и поглощение тела Диониса настигшими его титанами — подчинение души «чувственному», «страстному» состоянию, символом которого и являются титаны. По мифу, сердце Диониса спасает Афина — так же и мист, участвующий в дионисийских таинствах, должен был «спасти» свое сердце, т. е. внутреннюю духовную сущность, от обезображивающего влияния материального «титанического» мира [Кнабе, Протопопова, 1998].

По другой версии, Гера знала, что взгляд Диониса обращает в безумие, и научила титанов подарить ему зеркало. Глядя в зеркало, Дионис сам оказался пораженным безумием, которое выражалось в серии метаморфоз, называемых

---

* Зеркало такого типа, какое изображено на перстне, с посвящением Дионису, найдено в Ольвии [Скржинская, 2009: 129–130].

«синдесмос», он превращался то в женщину, то в козла, то в быка. В образе быка его постигла смерть. Титаны разорвали его на части, зажарили (или сварили) и съели. Лишь сердце удалось спасти, благодаря чему Зевс смог воскресить сына. Гнев бога испепелил титанов.

Таким образом, зеркало в правой руке сидящего на троне Диониса выглядит совершенно естественным, как его непременный атрибут. Это согласуется с мифологическими сюжетами о его страданиях, смерти и воскресении, которые инсценировались в священных обрядах. В этих обрядах зеркало должно было отражать второе «Я» каждого из участников, или же его дух [Грейвс: 86]. Отметим также, что Дионис в женском платье разглядывает себя в зеркало как классический транссексуал.

В левой руке Диониса на перстне можно видеть скипетр, врученный ему Зевсом после посажения на трон. Изображение расплывчатое, однако в нем можно усмотреть шар с фигурой и крыльями. Такой шар символизировал удачу, судьбу, ассоциируясь с Тихэ (Фортуной), стоящей на нем. Шар был атрибутом Зевса как бога Небес, а также и Кибелы. Обычно его держат в левой руке как символ далеко простирающейся власти божества или суверена. Шар, как и сфера, означает мир, вечность, самодовлеющую власть над вселенной. Именно это и вручает Зевс Дионису.

Головной убор Диониса, изображенный на перстне, также выглядит неотчетливо. Ясно лишь, то это венок. Принято считать, что его короной был венок, обмотанный вокруг округлой колоды, изготовленный из плюща или виноградных листьев. И то и другое — атрибуты самого Диониса. Однако Зевс, породивший Диониса и посадивший его на трон, *«Из змей венок ему сделал, / И с той поры этой дикой добычей / Обвивает менада чело»*.

Так выглядит этот мифологический сюжет в изложении Еврипида («Вакханки»). С тех пор змей является непременным атрибутом Диониса. Его голову венчает именно венок из змей, которые в затылочной части не переплетены и свободно свисают вниз головками. И при мистериях вакханки, жрицы Диониса, увешивали себя дрессированными змеями.

Подражание богам — «сценарий на всю жизнь»

Судьба каждого человека определяется, в первую очередь, им самим и жизненным сценарием, который формируется еще в раннем детстве, в основном, под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора.

Сценарий — это то, что человек еще в детстве планирует совершить в будущем. А жизненный путь — это то, что происходит в действительности. Жизненный путь в какой-то степени предопределен генетически, а также положением, которое создают родители, и различными внешними обстоятельствами. Доминирующими факторами, влияющими на судьбу человека, являются: родительское программирование, поддерживаемое «внутренним голосом», который древние звали «демоном»; внешние силы, все еще именуемые Судьбой, и свободные устремления, которым древние не дали человеческого имени, поскольку они были привилегией богов и царей [Берн: 336–416].

Все, что нам известно о жизненном сценарии Скила, основано на сведениях о его рождении, воспитании, царствовании и печальном конце и может быть почерпнуто лишь у Геродота. Сообщения «Отца истории» позволяют определить жизненный сценарий Скила как установку на подражание Дионису-Вакху и постижение его «тайнств». Предпосылкой для этого было эллинское воспитание матерью в детстве и, как можно видеть, тщательное и систематическое соблюдение дионисийских обычаев.

«Поелику судьбой определено было ему погибнуть, — пишет Геродот, — то это может означать, что Скил знал свою Судьбу, свою обреченность и даже добивался смерти». Такое поведение принято именовать психопатическим, что также является одной из разновидностей половых извращений [Берн: 119–128]. Если Скилу всегда казалось, что он умрет не своей смертью, то, по его мнению, так оно и должно было случиться. Получается, что целью (и смыслом жизни) Скила была собственная гибель. Разумеется, это может быть лишь догадкой. Но создается впечатление, что всю свою жизнь он шел к этой цели, используя вакханалии в качестве средства и, в конце концов, создает для этого необходимую ситуацию.

Таким психопатам (они в психиатрии именуется истеричными), как Скил, присуща склонность к фантазированию, которое как бы заменяет им реальную действительность, для их поведения характерны аффектация, театральность. Они склонны к демонстративным оргиям и возлияниям.

Равным образом Скил, видимо, осознавал, что ведет себя недопустимо с точки зрения скифских обычаев. Однако при этом он систематически и многократно их нарушает. Это связано с вариантом игры «Подумайте, какой ужас!», при котором человек намеренно напрашивается на злоключения. Но в глубине души он ликует, предвидя и надеясь, сколько удовольствия он сможет извлечь из своего несчастья. В этом можно усматривать противоречие между «личностью» Скила, воспитанной в дионисийстве, и его «персоной» — скифским царем. «Персона» определяется знаменитым психологом К. Юнгом как маска, которая формируется и усваивается человеком как результат внешних воздействий и отвечает требованиям и представлениям социальной среды [Берн: 305–306]. Поведение Скила свидетельствует о том, что его дионисийская «личность» одержала в нем верх над «персоной» — скифским царем. Возможность обрести высшее блаженство и стать «эпоптом», созерцателем Диониса, была для Скила куда слаще царского сана.

Сведения о трансвестизме Скила (систематическое переодевание то в эллинскую, то в скифскую одежду) также почерпнуты у Геродота. Безусловно, можно лишь предполагать его транссексуализм или гомосексуализм, столь характерные для его божественного «патрона» Вакха и составлявшие самую суть его «тайнств». Но прямых данных об этом не имеется.

Как бы там ни было, на перстне изображен Дионис-Загрей в женской одежде и с иными атрибутами «старшего» Диониса, которые ему присущи согласно мифу*. Этот перстень достался Скилу в наследство от его деда Аргота — представителя новой династии, который правил примерно в 510–490 гг. до н. э. Это и есть дата изготовления перстня. Аргот прерывает прямолинейную династийную традицию

---

* На крышке краснофигурной леканы из Пантикапея маленький Дионис на руках у Гермеса изображен в женском платье и в венке — так же, как и на перстне Скила. Сходным образом он выглядит и на чернофигурных киафе и лекифе из Ольвии [Скржинская, 2009: 331, 332, 335, и др.].

Прорисовка перстня Скила

скифских царей после знаменитого победителя персов Иданфирса. Хронологическая разница между надписью на шинке («Вели мне быть при Арготе» — «просьба» перстня своему владельцу) и надписью на щитке перстня («принадлежит Скилу» — знак унаследованной династической собственности), которая была сделана во время правления Скила, составляет от 50 до 30 лет. Таким образом, все данные мифа и иконография перстня совпадают.

Весь сюжет на щитке перстня — сцена инвеституры, отражает вручение Зевсом Дионису власти «над всеми богами в мире». В свою очередь, власть над всеми скифами вручает Дионис, как верховное божество, скифскому царю Арготу. Этим подчеркивается легитимность власти Аргота, а вслед за

ним — и Скила. Аргот не только просит бога не разлучать его с перстнем, но и просит распространять его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии.

Надпись («собственность» Скила) также может быть психологически объяснена так называемой «гордостью за предков» — это стремление быть похожим не на отца, а на деда. Дед трактуется в сознании внука как семейный героический образец из прошлого, которому можно подражать, но нельзя превзойти [Берн: 228].

Скил, внук Аргота, воспитанный эллинкой, следовал тому жизненному сценарию, который ему в детстве предопределила мать. Согласно упомянутой «теории игр» такие сценарии закладываются для сыновей именно матерью.

Изображение Диониса на перстне Скила подтверждает отмечаемый историками и археологами процесс бурной эллинизации скифов с начала V в. до н. э. В какой-то мере это явилось следствием экспансии скифов в Причерноморье и во Фракию после победы над Дарием. Впрочем, уже со второй половины VI в. до н. э. наблюдается массовое проникновение в степь и лесостепь греческого импорта [Виноградов, 1980: 107]. Действительно, рассказ Геродота об Анахарсисе показывает, что еще во второй половине VI в. до н. э. верхушка

Перстень царя Скила, фотография

скифского кочевнического общества стала приобщаться к эллинской философии и религии. Так, отец Скила Ариапиф женился на гречанке из Истрии. Судя по всему, культу Диониса предался и Аргот, а вслед за ним — Скил, который по своей культуре являлся законченным эллином. Другой сын Ариапифа от другой его жены, дочери фракийского царя Террея Октамасад, был воспитан, как и Скил, во фракийско-дионисийском духе. Ясно, что он был если не приверженцем, то весьма терпимым к экстатическим обрядам Диониса. Впрочем, это ему не помешало отрубить своему сводному брату-филэллину голову.

Произошло это так.

Казнь за безумство

«... Когда после сего (вакханалии. — А. Д.) Скил возвратился во владения свои, то скифы восстали против него, избравши предводителем брата его Октамасада, что рожден был от дочери Тереевой. Скил, узнав о случившемся и о причине, почему сие сделалось, бежал во Фракию. Октамасад, о сем уведомясь, пошел на Фракию войною. Когда достиг он Истра, вышли ему навстречу фракияне и готовы уже были вступить в битву, как Ситалк послал сказать Октамасаду: “Что нам испытывать счастье? Ты сын моей сестры; у тебя находится мой брат; отдай мне его, и я отдам тебе твоего Скила. Опасностям же войны не будем подвергать себя ни ты, ни я”. Так объявил Ситалк через своего посланного; и в самом деле, у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад одобрил предложение и, отдав Ситалку своего дядю по матери, получил от Ситалка брата своего Скила. И Ситалк удалился с братом, а Октамасад там же немедленно отрубил Скилу голову.

Вот так скифы защищают свои установления и наказуют тех, кои принимают иноземные обычаи» [Геродот, 4: 80].

Между тем, утверждение Геродота о подозрительном отношении скифов к божеству, заставляющему людей безумствовать, странным образом расходится с тем, что он сам рассказывает о культуре Диониса у родственных скифам гелоннов, а также о скифской бане [4: 108]. Вошла в поговорку и склонность скифов к злоупотреблению дарами этого бога.

Это же подтверждают разнообразные археологические свидетельства распространения его культа в Скифии.

Получается, что Геродот, рассказывая о Скиле, в то же время склоняется к мысли, что обвинение Скила в вероотступничестве было лишь пропагандистским поводом к его свержению, придуманным хитрыми борисфенитами. Реальная же причина крылась в династической борьбе за власть. Остается склониться перед авторитетом «Отца истории», который «по горячим следам», пребывая в «торжище Борисфенитов», повествует, в назидание потомкам, о безрадостной драме царя Скила в середине V в. до н. э. и о том, к какому печальному концу могут привести пьяные оргии, безумства и вакханалии.

А традиции «борисфенского» трансвестизма оказались возрожденными на этом месте во времена классицизма. Так, город Одесса, основанный «героем классицизма» Иосифом де Рибасом, был назван в честь мужчины — Одиссея. Однако он, по воле основателя, получил женское имя [Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 212–215; Добролюбский, 2004: 98–105]. Тем самым Одесса, «переодевшись», стала Одиссеем-женщиной. И, как знать, быть может, это произошло потому, что Одиссей, побывав в местности каллипидов-энареев, заразился здесь от них загадочной «женской болезнью»? И сам античный город Одессос, в результате той же болезни, превратился в Одессу эпохи классицизма?

Одесса, рожденная классицизмом

Одиссея Иосифа де Рибаса

*Ждет идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец.
А глупцы завывают от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
И в полночи, духом свободный,
Сочетанья их плод первородный
Человечеству счастье дает.*

Пьер Жан Беранже. Безумцы

Методология «вчувствования»

Попытки разгадать подлинный смысл античного имени «Одесса» имеют историю, едва ли не равную по продолжительности истории самого города. Этот смысл не был ясен многим современникам основателя Одессы Иосифа де Рибаса, он не был установлен и последующими историками Одессы. Версий создано немало, но среди них нет ни одной убедительной или, хотя бы, удовлетворительной.

Причин тому также немало — не сохранилось решительно никаких документальных источников, объясняющих имя Одессы. Очень неоднозначно и отношение последующей исторической традиции к самому де Рибасу — оно колеблется в широком диапазоне от прямой апологетики этого человека вплоть до стремления полностью вычеркнуть его имя из истории. Не будем здесь «научно» оценивать эти попытки — их можно понять. Очевидное хитроумие де Рибаса, его способность всегда «провести всякого», его склонность к тайне, игре, мистификациям, интригам, его удачливость, стремительная и «незаслуженная» карьера — все это, без-

Иосиф де Рибас

условно, не могло не раздражать многих его современников и их потомков. Как не могли не восхищать яркость и блеск его личности, его остроумие, образованность, благородство, отвага, решительность и целеустремленность. Впечатляют и его деяния — герой Хаджибея, Измаила, основатель Одессы — те яркие поступки и достижения, которые недоброжелатели де Рибаса пытались и пытаются затушевать или же приписать другим лицам.

Загадку имени «Одесса» историки давно надеются решить, если будет обнаружен документ, об этом свидетельст-

вующий. «Официального распоряжения собственно о переименовании Гаджибея в Одессу не отыскано, хотя вероятно оно и было», — писал К. Смольянинов в 1852 году [Смольянинов, 1852: 352]. Оно не отыскано до сих пор, и трудно ожидать, что это произойдет. Поэтому версий за истекшие с того времени полтора столетия о происхождении имени Одессы не слишком прибавилось. Эти версии хорошо известны [Горбатьюк, Глазырин, 1994: 22–26], их нет смысла здесь перечислять. Не вызывает, пожалуй, сомнений только изначальная античная подоснова этого имени. В остальном остается лишь продолжать строить догадки. А это — дело ненадежное.

Очередная попытка обратиться к этому «бородатому» вопросу может показаться несколько самонадеянной. И это было бы действительно так, если бы несколько лет назад не были случайно найдены археологические остатки ритуала основания Одессы Иосифом де Рибасом. Эта находка — археологический «документ» с очень точной датировкой — 22 августа 1794 года [Губарь, Добролюбовский, 1996: 17]. И поэтому его можно изучать археологическими приемами — с целью установления утраченного культурного смысла обряда.

В очерке «Мистерии царя Скила» были предложены «герменевтические» приемы «искусства постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста — как “второй”, “задний” план, как подтекст» [Кузнецов, 1991: 3–11]. Хочется повторить, что такие задачи обладают особой интеллектуальной привлекательностью. Естественное желание понять потаенный смысл ритуала основания Одессы — личного поступка де Рибаса, который, по моему убеждению, таит в себе «подтекст» — тайну ее имени — возникло у нас едва ли не в момент обнаружения его археологических остатков осенью 1995 года.

Поэтому, рискуя повториться, снова обращаю особое внимание на то, что археологическая герменевтика, или искусство расшифровки археологических «текстов», исходит из простой истины: любой «археологический» факт удовлетворительно объясняется лишь в конкретном культурном контексте своего времени. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего «порогового смысла», которое направлено к «идеалу» — условной «цели» культуры. «Цель» культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя — «видимая» для нас цель, зная его, мы получаем

культурный код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов [Ткачук, 1996: 131–173]. Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае известно имя — «Одесса». И мы знаем культурную традицию, в лоне которой оно возникло, — классицизм XVIII века. Остается выяснить его смысл, который был задан «культурным героем» классицизма — Иосифом де Рибасом.

При такой постановке вопроса археологическая проблематика смещается в область изучения «археологии личности» самого де Рибаса. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Узнав их, мы сможем узнать и смысл совершенного им обряда.

Изучение «археологии личности» предусматривает «постижение чужой индивидуальности». Это — психологическая герменевтика, определяемая также как методология «вчувствования» (*выражение Бл. Августина*) [Кузнецов, 1991: 15–24]. Принципы такой «методологии» и ее научный инструментарий разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений [Берн, 1994]. Развитие любой личности (*как и культуры. — А. Д.*) также изменяется во времени по установленному «сценарию» («смыслу») и также задается «родительской средой» («традицией»). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — «победителя», «непобедителя» и «неудачника», которые программируют все жизненное поведение [Берн, 1994: 285]. «Победителем» с этой точки зрения может считаться человек, который решил

Герб де Рибаса

достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился своего.

Другой стороной концепции Э. Берна является «теория игр», которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется с вполне «респектабельной» концепцией И. Хейзинги о сущности игры как источника культуры [Хейзинга, 1992]. Изучение поведения исторических персонажей с позиций «игрового подхода» позволяет увидеть «археологию» их взаимоотношений. Например, очевидно, что Екатерина постоянно играла в игру «А ну-ка, подеритесь», которая определила, пожалуй, едва ли не весь ход русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Сказанное дает нам основания для «археологической» реконструкции любых типов личности — достаточно установить «родительскую среду» (традицию) и «сценарий» (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и «рецепты» для понимания характеров «игроков». Остается попытаться рассмотреть с этой точки жизнь Иосифа де Рибаса и попытаться применить упомянутую методологию «вчувствования». Ключ к смыслу обряда основания Одессы нужно искать в области жизненного «сценария» де Рибаса («сценария на всю жизнь») [Берн, 1994: 175–177]. И рассмотреть с этой точки зрения его биографию. Кажется очевидным, что по своим психологическим установкам де Рибас — несомненный «победитель».

Поэтому изучение судьбы Иосифа де Рибаса должно быть направлено на выяснение мотивов его поведения, конкретных поступков и определенных ими событий. Логика психологического «постижения» в этом смысле глубоко «археологична» — она предполагает воссоздание событий по неявным, «подтекстовым» признакам. Это реконструкция по оттенкам. Оговорим лишь: при рассмотрении типов поведения основных персонажей этого очерка используется «сценарно-игровая» терминология, которая обрамлена античными «одеждами» [Кнабе, 1993: 323–342].

Остается надеяться, что предлагаемый путь к воссозданию смысла имени «Одесса» позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о де Рибасе, так и искаженность восприятия нашего «культурного героя» последующей исторической традицией.

Ритуал и место основания Одессы

Обнаружение археологических остатков ритуала основания Одессы произошло при окончании раскопок на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Эти раскопки мы задумали и осуществили осенью 1995 года. Нам тогда хотелось узнать, что может получиться, если покопаться в мусорных ямах знаменитой ресторации Отона, прославленной великим Пушкиным. Хотя научное обоснование таких работ могло бы показаться сомнительным, нам все же удалось убедить городские власти дать на них разрешение. И, с некоторым недоумением, власти нам позволили на время разнообразить хрестоматийный городской пейзаж близ Оперного театра пыльным котлованом, окруженным кучами земли и старого строительного мусора.

Находка была совершенно неожиданной и произвела на нас очень сильное впечатление. На дне упомянутого котлована, при зачистке фундамента первого одесского дома — князя Григория Волконского, в заполнении первой траншеи Одессы, непосредственно на кирпичном фундаменте мы нашли обломки хрустальных бокалов и подноса, бутылочные осколки с пробкой, монету — «пятак» 1784 г. с вензелем императрицы Екатерины и российским двуглавым орлом, а также проржавевший кинжал, от которого сохранилась лишь рукоять и прилегающая к ней часть лезвия. Бокалы частично «восстанавливались» из собранных осколков — они имели формы, близкие к современным фужерам. Археологически очевидно, что бокалы были разбиты об кирпичный фундамент в открытой траншее, затем эта траншея была засыпана. Екатерининский «пятак», аккуратно положенный гербом вверх, ясно датировал время этого возлияния, т. е. *terminum post quem* (временной рубеж, позднее которого произошло событие) — после 1784 г., года чеканки монеты [Губарь, Добролюбский, 1996: 17].

Мы оказались тогда на том самом месте, где ровно 201 год и два месяца тому назад, у открытой траншеи, из этих бокалов выпили именно вице-адмирал Иосиф де Рибас со своим другом, генералом-поручиком Григорием Волконским. И сделали это в день основания Одессы, 22 августа 1794 г. А

перед нами — археологические следы первого празднования дня ее рождения*.

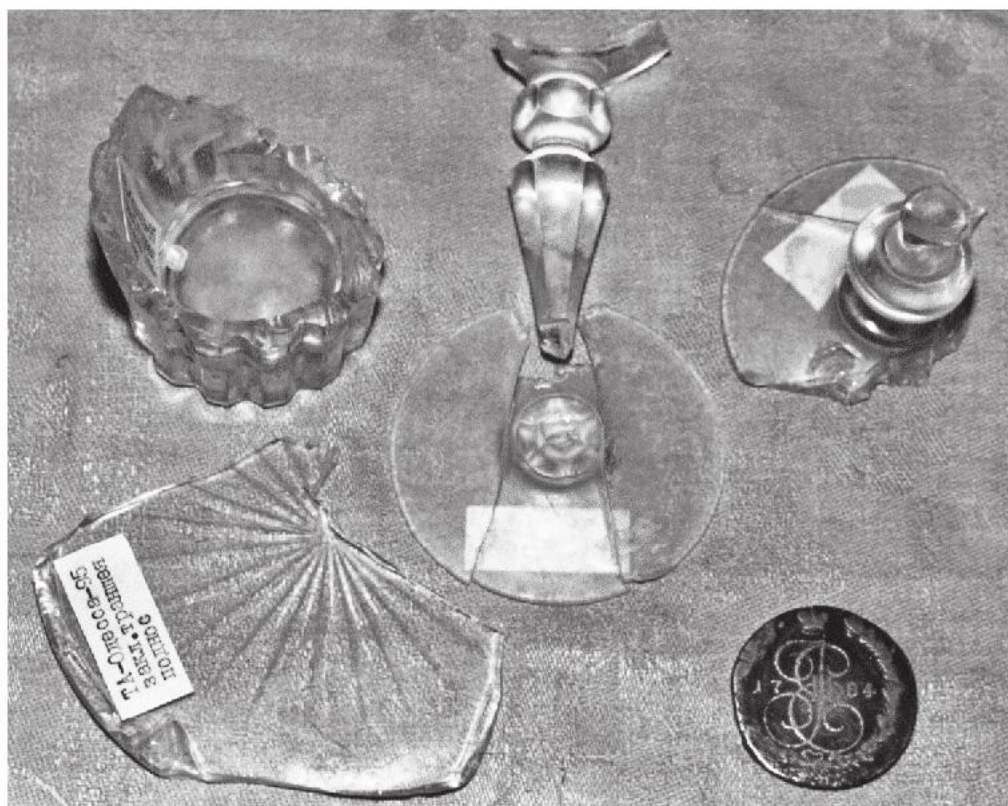
Установлено, что 19 августа, де Рибас, начальник Экспедиции строительства города и порта, вручил Волконскому «Открытый лист № 1» — право на владение участком, который мы раскапывали [Смолянинов, 1852: 330]. Значит, через три дня, 22 августа, они торжественно выпили у закладной траншеи и, в знак зачатия и на грядущее счастье будущего города, разбили свои бокалы об кирпичный фундамент «дома № 1» — дома Волконского, который, как известно, находился на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Таким образом, мы чудом нашли археологические остатки этого возлияния, обозначающего место основания Одессы — и они выставлены сейчас в экспозиции Одесского историко-краеведческого музея.

Разбитые бокалы — типичные кубки в терминологии того времени — были роскошны и распространены в обиходе российской знати второй половины XVIII века. Они крайне редки в Причерноморье. Типологически такие кубки (бокалы) представлены в собраниях Исторического музея в Москве, Эрмитажа, крупнейшем собрании русского стекла Е. и Ф. Лемкуль и др. [Губарь, Добролюбский, 1996: 17]. Бокалы нашим вельможам были поданы, видимо, кем-то из присутствовавших, на хрустальном подносе, который вслед за этим также был разбит о каменную отмостку в открытой траншее. Мог ли этот поднос держать в руках Франц де Волан?

Предлагаемая реконструкция обрядовых действий участников основания Одессы 22 августа 1794 года по археологическим наблюдениям кажется наиболее вероятной. Мы столкнулись с достаточно привычным ритуалом возлияния при закладке дома. Такой обряд, прослеживающийся со времен седой античности, был широко распространен в эпоху классицизма. Особенно стойким он был в среде российской военной знати — об этом однозначно свидетельствует вся литература эпохи. Поэтому неудивительно, что участники обряда в конце XVIII века ведут себя как античные «культурные герои» [Кнабе, 1994: 343–364].

---

* См. подробнее: О. И. Губарь, А. О. Добролюбский. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. — Одесса: историко-краеведческий музей, 1996. — С. 17; О. Губарь. Ритуал основания Одессы (письмо петербургской подруге) // Одесса. — № 4. — 1996. — С. 12–14.

Археологические остатки ритуала основания Одессы

Даже беглое рассмотрение античной обрядовой традиции показывает, что монета в основании постройки — это лишь символ благополучия дома. Однако изначальный античный сакральный смысл этого символа в ментальности классицизма меняется — монеты закладывались под памятник. В европейской и российской культурной традиции второй половины XVIII — начала XIX вв. это наблюдается почти повсеместно. Под памятники выдающимся «культурным героям» эпохи классицизма очень часто закладывались монеты. Дабы не обращаться к петербургским примерам (Медный всадник, памятник А. В. Суворову на Марсовом поле и пр.), приведем здесь одесский. «В 1827 году, 30 июля, произведена была закладка подножия памятника Дюку де Ришелье», — пишет К. Смольянинов в «Истории Одессы». — «По совершении молебствования и освящении места, в углублении самого большого камня, составляющего фундамент памятника, положены были различные медали и монеты, при-

надлежащие к царствованиям Людовика XVI, Екатерины II, Павла I, Александра I, Людовика XVIII, которым Ришелье имел счастье служить. К сим памятникам присовокуплена была медаль Государя Императора Николая Павловича, несколько серебряных монет 1827 года и бронзовый медальон с изображением покойного Дюка, выбитый по случаю смерти его в Париже в 1822 году» [Смольянинов, 1852: 405]. О выраженном античном облике Дюка — памятника Ришелье — здесь нет нужды напоминать.

Итак, мы нашли место закладки не просто дома, а Города. Что же мог иметь в виду Иосиф де Рибас, закладывая в основание будущего Города монету с вензелем своей государыни-императрицы? Уж не памятник ли самому себе?

Как бы там ни было, ясно, монета и кинжал, освященные ритуальным возлиянием в момент рождения Города, означали для де Рибаса нечто очень личное и существенное. В этих символах явно содержался особый, известный только ему смысл. А это значит, что, обнаружив их археологические остатки, мы, образно выражаясь, невольно коснулись тайны рождения Одессы, тайны ее происхождения и имени, которую нам оставил ее основатель.

Что же это за тайны? Напомним, что, несмотря на двухвековые усилия историков, по-прежнему остаются совершенно неясными два обстоятельства — зачем де Рибас столь упорно добивался, чтобы город был основан именно на этом месте, несмотря на жесточайшее противодействие влиятельных противников. И почему город был впоследствии назван именно Одессой — тайно, без всякого указа, задним числом? Почему это было для него так важно? Попытаемся установить смысл этого поступка, венчающего успешное осуществление некоего замысла.

Подражание древним — «сценарий на всю жизнь»

Методология «вчувствования» в эпоху классицизма довольно проста. Все «значимые» поступки людей во второй половине XVIII века определялись духом и соответствующей модой на античность. Это была не просто античная «вуаль» — античность была как бы реальностью. Девиз классицизма сформулировал Иоганн Винкельман: «Единственный способ для нас быть ве-

ликими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Действительно, глубинная «античная» ментальность тогдашней европейской культуры, омываемой «Гольфстримом античности» и организующей весь строй своей жизни по античным образцам, кажется очевидной [Кнабе, 1994: 171–180].

Общая ментально-культурная атмосфера классицизма неминуемо обрамляла «античной мотивацией» поступки всех людей этой эпохи. Это значит, что ключ к тайным смыслам обряда, совершенного 22 августа 1794 года Иосифом де Рибасом, лежит в его конкретных тогдашних побуждениях. Они были определены типом его личности, судьбы, его «идеалом» — и как «культурного героя античности» и, одновременно, «героя своего времени» [Кнабе, 1994: 182–198].

Биографы де Рибаса этого обстоятельства как будто специально не подчеркивали. Исторический очерк о нем помещен в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Н. Бантыш-Каменского [т. 4: 308–314], и эти сведения неоднократно воспроизводились. Известно, что де Рибас был сыном чиновника, служившего в Неаполитанском военном министерстве. Принято считать, что дон Хосе (Иосиф) де-Рибас-и-Бойонс родился в Неаполе 6 июня 1749 г. Эта дата надежно не документирована, однако вошла в большинство справочных пособий и литературу. По другим данным, как будто бы сохранившихся в записках его брата Феликса, Хосе появился на свет 13 октября 1751 г. Вопрос этот туманен и для наших целей не столь существен.

Как бы там ни было, детство и первые юношеские годы дона Иосифа приходятся на 1750-е — начало 1760-х гг. Об этом периоде его жизни — периоде, когда формируются все стержневые качества личности человека, — мы знаем крайне мало. Поэтому обстановка, в которой рос и воспитывался молодой человек, воссоздается лишь в общих чертах.

А они вот каковы. Известно, что рубеж 50–60-х гг. XVIII в. — это начало эпохи европейского классицизма, подражающей античности фазе европейской культуры и ментальности. Античная ментальность во второй половине этого столетия заразила все европейское общество. Истоки этого процесса — именно в Неаполе, а точнее — в Геркулануме и Помпеях. Раскопки Геркуланума велись в 1733–1766 гг., с 1748 года, незадолго до рождения дона Иосифа, начались раскопки в Помпеях. Эти раскопки ознаменовали встречу

европейцев с непосредственным и бытовым миром древности. Извлеченные в результате их античные шедевры вызвали настоящий «бум» античной культуры в Европе. Иоганн Винкельман в своем труде «История искусства древности» первым применил для изучения античных памятников едва ли не всю греческую мифологию. Его образные и яркие выводы произвели огромное впечатление, вызвали горячее сочувствие античным идеалам. Все поколение Иосифа де Рибаса воспитывалось на античных образцах, на «Илиаде» и «Одиссее». Сам же молодой де Рибас воспитывался в «эпицентре» начавшегося бума античной культуры, в королевском дворце Неаполя, где, прежде всего, скапливались богатейшие помпеянские и геркуланумские коллекции. Это естественно — ведь семья де Рибасов жила при дворе. В залах дворца, среди многочисленных античных сокровищ, мальчик провел все свое детство. И, если справедливы утверждения романистов и биографов, то можно судить и о типе его личности — «мальчик отличался от своих сверстников чересчур живым воображением, ясным умом, страстностью натуры и нетерпеливостью характера» — это отмечали все его гувернеры, объясняя шотландско-испанским темпераментом [Феденев, 1993: 57, сл.].

Органичная классическая образованность молодого де Рибаса очевидна — она была настолько глубока, что позволила ему впоследствии быть равным собеседником самых блестящих умов его времени — Ивана Бецкого, Дени Дидро, да и самой Екатерины. Де Рибас хорошо владел семью языками [Горбатюк, Глазырин, 1994: 39].

Показательным для выяснения сценарно-мифологической ориентации де Рибаса является использование им в своей переписке терминологической «номенклатуры» античных богов и героев. Даже беглый ее просмотр свидетельствует, что он отдает предпочтение Одиссею и мечтает быть Александром Великим. Иными словами, это — сценарий «победителя» Одиссея с идеалом Александра [Письма, 1872: 230–238; Письма, 1879: 378–436; Феденев, 1993: 68–214; Шахермайер, 1984: 364–366].

Тип сценария «победителя» Одиссея, в терминологии Э. Берна, может звучать как «перед тем, как...». Это значит — для того, чтобы вернуться на родину с победой, Одиссею необходимо было выполнить множество условий-испытаний. Девиз этого сценария формулируется как «бороться

и искать, найти и не сдаваться». Он может означать и постоянное стремление к риску и подвигу. Такой девиз подошел бы и самому Александру Македонскому.

В представлениях античности и в терминологии Аристотеля и Александра такое качество личности именуется «пото́сом» (букв.: «влечение», «побуждение») — это стремление к подвигу, присущее истинным героям, которое влечет их к «аретэ» (букв.: «доблесть», «добродетель»). «Аретэ» при этом понимается как присущее героям чувство долга, более важное для них, чем знатность происхождения или богатство [Шахермайер, 1984: 364–365]. Этически это — высшая доблесть. Такие особые качества обеспечивают способность личности превращать некую умозрительную и крайне малую вероятность в свершившийся факт, в «объективную реальность». В терминах современной биоэнергетической теории все сказанное именуется «пассионарностью» [Гумилев, 1990: 258–298] и измеряется «пассионарным напряжением».

Души «пассионариев» XVIII в. были органично пропитаны античным «субстратом», они искренне себя ощущали античными героями, им подражали, называли себя античными именами. Литературных примеров тому не счесть. И если в письмах зрелого де Рибаса содержатся «комплиментарные» оценки Одиссея, то ничто не мешает полагать — ориентация именно на этого героя определила контуры всей его судьбы.

Такое предположение герменевтически обосновывается типом личности де Рибаса. Если попытаться обобщить впечатления о нем современников, то это был одновременно необычайно умный, хитрый, ловкий, осторожный, крайне обаятельный человек, блестящий мастер интриги. Эти качества в нем удивительным образом сочетались с исключительной отвагой, бесстрашием и благородством, личным физическим мужеством. Известно также, что в культурной античной ментальности Одиссей-Улисс — это литературно-мифологический эталон «многоумия»: хитрости, ловкости, смелости [Тахо-Годи, 1969: 220–228]. Типологическое сходство характеров Одиссея и де Рибаса, пожалуй, кажется очевидным. Обладавший такими качествами де Рибас, безусловно, был человеком, способным творчески применять «сценарную методику Одиссея» при любых жизненных обстоятельствах. Как и Одиссей, «возбуждающий боевой пыл воинов», он обладал высокой «пассионарной индукцией» [Гумилев, 1990: 276–280].

При сравнительном рассмотрении семантического параллелизма судеб де Рибаса и Одиссея нас интересует «тип поведения» (*выражение Ю. М. Лотмана*) [Лотман, 1988: 158–204], а потому и не слишком смущают документальные лакуны. Поступки де Рибаса типологически совпадают с жизненными установками Одиссея-«победителя» и соответствующим «сценарием на всю жизнь». Для его осуществления необходимо проходить через «пороговые» подвиги-испытания, которые, в случае успеха, должны быть вознаграждены. Награда («выигрыш» в терминологии Берна) в таком случае побуждает к следующему подвигу-испытанию. Таким образом, перед нами типичная жизненная «игра», которая обладает ее основными характеристиками — скрытыми мотивами и наличием (возможностью) выигрыша [Берн, 1994: 37–38].

Любовь Афины и мальтийский талисман

В 1769 году молодой де Рибас покидает Неаполь, поступает на русскую службу и отправляется на бесконечную войну с Турцией-Азией — за «свободу Эллады». Он покидает родину из-за вендетты. Так и Одиссей оставил Итаку не по своей воле. Этот «знаковый» поступок определил ориентацию на судьбу Одиссея — вынужденного «странника», скитальца на чужбине, мечтающего вернуться «домой».

С этого момента вступает в игру «сила вещей» (*выражение А. С. Пушкина*) [по: Лотман, 1988: 124–150].

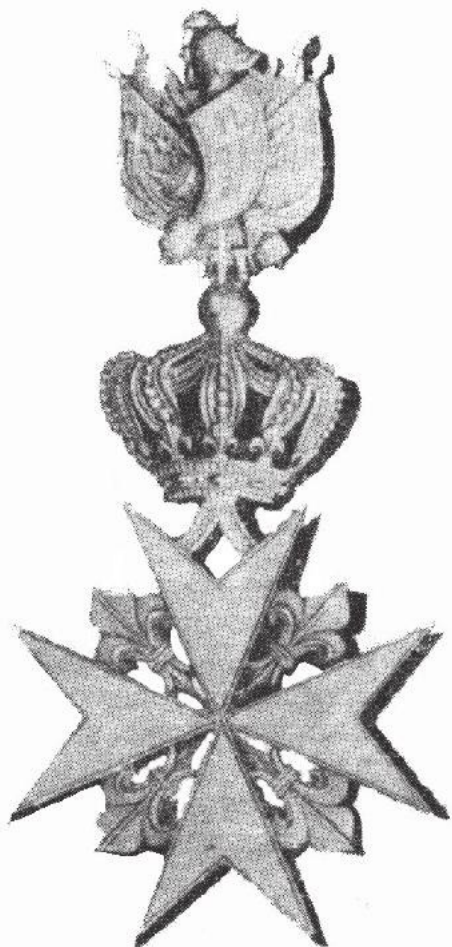
В Ливорно де Рибас почувствовал «ветерок судьбы» (*выражение Р. К. Феденева*) [Феденев, 1993: 11] и отдался ему полностью. Качества Одиссея спасают его через год при Чесме, где он как командир зажигательного брандера должен был проникнуть в сердце турецкого флота («метод Троянского коня»). Де Рибас фактически был обречен на смерть (как и Одиссей, проникнувший в Троию, был узан Гекабой). Оставшись в живых, де Рибас заслуживает особое доверие «богов» своего «Олимпа».

Ему тайно поручают «дело Таракановой», и она хитростью заманивается на флагманский корабль. Видимо, это была первая очень серьезная услуга, оказанная императрице [Феденев, 1993: 142–160] (так и Одиссей с Диомедом тайно похищают из Трои Палладий Афины, чем спасают ее честь).

«Вьигрыши» и Одиссея, и де Рибаса в обоих случаях были очень велики — обретение высочайшего покровительства, которое обеспечивает дальнейший жизненный успех. «Интеллектуальный героизм» Одиссея находится под неусыпным покровительством Афины [Тахо-Годи, 1969: 224].

Этот тип «интеллектуального героя» де Рибаса высоко оценила императрица и начинает ему особо покровительствовать. «Вьигрыш» от истории с похищением Таракановой оказался очень перспективным для «победителя» и определил дальнейшее направление его карьеры. Де Рибас становится воспитателем Алеши Бобринского — сына Екатерины от Григория Орлова. Императрица его женит на дочери своего любимца И. И. Бецкого — Анастасии Соколовой — и селит прямо во дворце (по слухам, Бецкой был чуть ли не возможным отцом самой Екатерины) [Феденев, 1993]. За неполных три года он из капитана становится полковником. «Ее Величество оказывает Рибасу всевозможные милости, — пишет маркиз де Жуиньи графу де Вержен 25 июня 1776 года. — Она желала бы даже дать ему знаки отличия, но вместе с тем желала бы, из-за общественного мнения, иметь причины, которые оправдывали бы ее особые милости» [цит. по: Горбатюк, Глазырин, 1994: 83–84]. Де Рибас становится для Екатерины-Афины «своим» Одиссеем. Как будто примерно на это же время приходится начало их романа [Горбатюк, Глазырин, 1994: 82–84].

*Командорский крест
ордена Св. Иоанна
Иерусалимского*

В связи с этим уместно вспомнить, что именно Афина после спасения ее Палладия стала особо покровительствовать Одиссею [Тахо-Годи, 1969: 222]. Поэт-мифолог Роберт Грейвс специально подчеркивает их интимные, едва ли не любовные отношения. При этом она сознательно подвергает его мужество все новым и новым испытаниям, однако неизменно и выручает его в самых безнадежных ситуациях [Грейвс, 1992: 531–547].

Сопоставление очевидно «порочной» Екатерины с Афиной-Палладой (Девой) современному «мифологически образованному» человеку может показаться почти кощунственным. Между тем, ее прямое отождествление с Афиной-Минервой воспринималось современниками совершенно естественно. Эпоха в этом открыто сознается. Так, в 1791 году поэт Державин в «Оде...» на смерть князя Потемкина писал как нечто само собой разумеющееся:

*Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был...*

Ясно, что де Рибас-Одиссей вполне мог считать Екатерину своей Афиной. Сам факт их романа весьма вероятен по уже упоминавшейся «силе вещей» и хорошо объясняет все последующие «игры» партнеров. Этот роман прослеживается по своим последствиям и обеспечивает де Рибасу очередные «выигрыши» и «награды». Императрица в 1777 году тайно «дарит» ему сына — Иосифа Сабира (перевертыш «Рибас-Сабир»). Следующий подарок своему «кавалеру» она делает в 1778 году — орден Св. Иоанна Иерусалимского — высшую награду Мальтийского ордена [см. подробности: Горбатюк, Глазырин, 1994: 81–86]. Большой милости императрица тогда де Рибасу оказать просто не могла, поскольку «настоящие», военные ордена можно было получить только на войне [Кузнецов, 1985: 11–26]. Этот орден — безусловный подарок «настоящему кавалеру» в благодарность за Сабира — в оценке «де Рибаса-победителя» обладал высшей ценностью и мог бы стать окончательным смыслом его жизни, если бы де Рибас не был Одиссеем. Известно, что, несмотря на «комфортное» положение при дворе, он томится в Петербурге от «невостребованности» [Феденев, 1993: 238–272]. И потому ищет новые испытания на пути к подлинно высшей цели и, как Одиссей, отправляется в «странствия».

Награждение де Рибаса командорским крестом древнейшего в Европе Мальтийского ордена может означать и то, что императрица разглядела в нем истинно рыцарские черты характера, оценила и задала соответствующие рыцарские мотивацию поступков и «тип поведения». Де Рибас обречен в дальнейшем играть с императрицей в игру «Кавалер» [Берн, 1994: 142–144].

Можно видеть, что Екатерина, как и Афина в случае с Одиссеем, отправляет де Рибаса на очередные испытания. И он в 1784 году отправляется в десятилетние «странствия» — на юг, в действующую армию. Мальтийский крест, как мы увидим, окажется в них надежным оберегом.

Таким образом, тип личности де Рибаса-Одиссея, «странника», «рыцаря» с пассионарной установкой Александра Великого, определил его «сценарную мечту» — основание «своей Александрии». Эта мечта и обусловила последующую «игровую» типологию его поведения, приведшую к основанию Одессы.

Во власти Светлейшего Посейдона,
или «А ну-ка, подеритесь»

Екатерина отправила де Рибаса в распоряжение Потемкина, который, по словам Байрона, был

*...муж великий в те года,
Когда величие убиством и развратом
Стяжалось. Если честь нам титул и звезда
Дают, — он славен был и был вдвойне богатым.
Саженьный рост его доставил без труда
Ему внимание царицы...*

Дон-Жуан. Песнь 7,37

Можно видеть, что этим императрица совершает один из «маневров» своей «ритуальной» женской игры: «А ну-ка, подеритесь» (АНКП). Такие игры относятся к категории сексуальных [Берн, 1994: 103–108], в их основе всегда лежит женская психология. Отношения де Рибаса с Потемкиным были с самого начала определены этим «маневром» императрицы. Его основное, «честное» правило — женщина ловко сталкивает двух симпатизирующих ей мужчин, дав понять

или даже пообещав, что будет принадлежать победителю. По окончании «сражения» она выполняет свое обещание. Предполагается, что отныне дама и ее партнер «будут жить долго и счастливо». Впрочем, эта игра предполагает и женское коварство в самом широком диапазоне (напр.: «изменить» обоим сражающимся с третьим «игроком» и т. п.).

Для Афины это — самое обычное поведение. Однако известно, что по отношению к Одиссею она вела себя честно. И выручала всегда [Тахо-Годи, 1969: 223–225]. Точно так же поступала Екатерина с де Рибасом, который при этом играл в свою «игру». Все десятилетие 1784–94 гг., предшествующее основанию Одессы, для де Рибаса в «лучшем мужском» возрасте «акме» оказалось периодом «странствий» — это серия подвигов, акций личного мужества и бесстрашия, нарастающих как по своей значимости, так и по получаемым наградам. Тогда и сформировалась окончательно репутация де Рибаса у его недоброжелателей как «человека необычайно ловкого, о котором говорили, что он может провести всякого. Но в отваге и решительности ему никак нельзя было отказать». В терминах личного идеала античности «игра» де Рибаса — это попытка пройти путь Александра Великого методами Одиссея.

Итак, в начале 1784 года де Рибас попадает в подчинение «великолепному князю Тавриды» Г. А. Потемкину. Современники единодушно отмечают, что основным внешним поведенческим признаком князя было то, что он всегда мрачно грыз ногти — в процессе едва ли не любого общения [Феденев, 1993: 161–215]. Светлейший князь в антично-мифологическом мышлении остроумного де Рибаса более всего мог напоминать Посейдона — главного гонителя Одиссея, после того, как последний не слишком уважительно обошелся с его сыном Полифемом. Отвратительный характер Посейдона хорошо известен — своенравный, капризный, угрюмый, сварливый, склонный к обжорству тип, коварный, злобный и мстительный [Тахо-Годи, 1969: 143–144]. В дальнейших событиях, как мы увидим, оба «игрока» постоянно используют соответствующие методы, извлекаемые из собственного «сценарного аппарата». Каждый — из своего.

По тезаурусу игр, составленному Э. Берном, отношения, в которые своей игрой (АНКП) Екатерина поставила Потемкина с де Рибасом, типологизируются как «Полицейские и Воры» (ПиВ). «Вор» (де Рибас) ненавидит «Полицейского»

(Потемкина), а потому от умения его перехитрить получает не меньше удовольствия, чем от полученной «добычи». Потемкин вынужден вести себя по сценарию «Ну что, попался, негодяй!», а де Рибас, со своей стороны, играет по гибким правилам «Как отсюда выбраться?», творчески сочетая их с вариантами игры «Давай надуем Джо!» [Берн, 1994: 53–146].

Попытаемся «вчувствоваться» в их отношения. «Игровая эпопея» началась с того, что де Рибас подает Потемкину свой, составленный им еще в Петербурге, проект реорганизации русского флота. Известно, что в ответ Его Светлость ставит де Рибаса «на место» и отправляет служить не во флот, а в кавалерию — командиром Мариупольского полка. Видимо, это было первым унижением, первой обидой де Рибаса на князя, которые со временем проявились в их разговоре об Оське (Иосифе) Сабире (см. ниже). Видимо, де Рибас не вполне понимал, чем он, собственно, хуже Потемкина, которому вынужден подчиняться. Он, в душе, считал себя выше князя, поскольку обладал выраженным «потосом», который побуждал его стремиться к «аретэ», а также «рыцарским» благородством. Таких качеств у Потемкина, безусловно, не было. Напротив, в представлениях античной ментальности Потемкин был типичным автократом, причем с явно выраженным «гибрисом» (букв.: «дерзость», «наглость», «высокомерие»). Гибрис присущ человеку, возомнившему себя равным богам [Шахермайер, 1985: 364]. О таком гибрисе писал, например, Ф. Шиллер в «Кольце Поликрата». И действительно, полководческими талантами князь не отличался — это было общеизвестно, хотя амбиции его были очень велики. Со своей стороны, князь вполне мог видеть в де Рибасе потенциального соперника. Трудно себе представить, чтобы он не знал ничего о карьере при дворе этого «выскочки». Поэтому его нужно унижить, если не уничтожить.

Мы не найдем в письмах де Рибаса прямых недоброжелательных отзывов о князе Таврическом. Думается, что «археологию» отношения мальтийского «рыцаря», героя Чесмы, с присущим ему «аретэ» и одновременно любимца Екатерины к «сыну Ночи», трусливому, желчному, завистливому автократу Потемкину («...ведь княжских подвигов День не видал вовеки») точнее всего выразил Байрон в приведенных строках из «Дон-Жуана» (песнь 7, 37, 41) [Байрон, 1947]. Таковым было общественное мнение эпохи. К слову, медицинское заключение после вскрытия тела князя подтвердило его исключительную желчность (см. ниже).

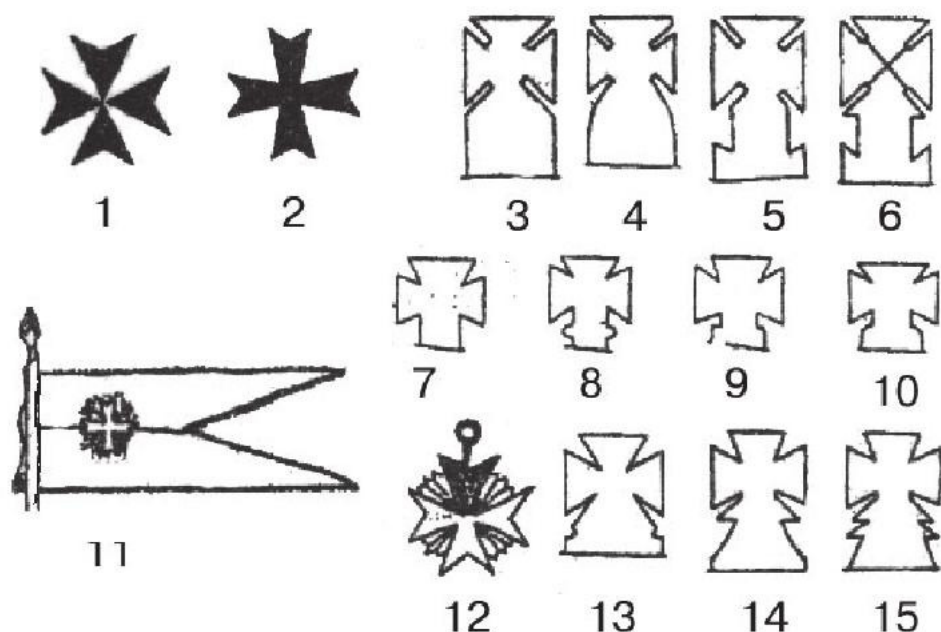
К началу очередной русско-турецкой войны, в 1787 году, Потемкин берет «рыцаря» де Рибаса к себе в услужение, на лакейскую должность — дежурным генералом при своем штабе. «Мальтийский командор» вынужден терпеть это оскорбление все десять месяцев бездарной очаковской осады. Он был не одинок в своем унижении.

Не менее оскорбленными Светлейшим, но по-иному, могли чувствовать себя и черноморские казаки во главе со своими старшинами — Антоном Головатым и Захаром Чепегой. Известно, что после разгрома Новой Сечи в 1775 году — острое, сильное и все еще достаточно свежее унижение — они образовали «личную гвардию» Потемкина и также вынуждены были ему служить. Не менее известно, что казаки неоднократно на протяжении 1788 г. настаивали на немедленном штурме Очакова, чтобы показать русским, как нужно воевать по-настоящему [Скальковский, 1994: 573–574]. Они были очень «пассионарны». Сближение униженных казаков с униженным де Рибасом было совершенно естественным: у них был общий враг — Потемкин. Ясно, что они роптали и тоже размышляли, как бы поудачнее сыграть в игру «Давай надуем Джо!» [Берн, 1994: 118–119].

Надо думать, этот ропот Потемкину надоел, и он решил проучить Головатого, используя любимый педагогический прием Посейдона — загнать в смертельную ловушку, из которой выбраться невозможно [Тахо-Годи, 1969: 144]. Поэтому он в ноябре 1788 г. посылает его отряд на верную смерть: взять штурмом турецкую крепость на острове Березань. Без всякой поддержки. Его Сиятельству не было жаль амбициозных и пассионарных казаков.

Как известно, отряд Головатого 4 ноября высадился на острове, но, встреченный картечью с крепостных стен, оказался в уготовленной Потемкиным ловушке — турецкий флот уже возвращался к Березани. Русский же флот бездействовал — приказа помочь казакам не было. Один лишь генерал Иосиф де Рибас по своей инициативе на двух канонерских лодках прорвался к острову. Это позволило казакам взять крепость и вернуться под Очаков, который был ими же захвачен через месяц [Скальковский, 1994: 574–576].

Этот «знаковый» эпизод, обеспечивший тесную боевую дальнейшую дружбу де Рибаса с черноморцами, которая продолжалась до самого окончания войны в 1791 г., находит надежное герменевтическое объяснение. Оно требует некоторого отвлечения.

Геральдические мальтийские кресты

Пассионарные казаки-черноморцы считали себя «мальтийскими рыцарями». Это, в частности, подтверждается множеством крестовидных каменных надгробий на их кладбищах, сходных с геральдическими мальтийскими знаками [Добролюбский, Добролюбская, 1997: 28–29]. Хронологически они появляются не ранее 1780-х гг., что соответствует времени образования Черноморского казачьего войска после уничтожения Новой Сечи в 1775 г.

«Рыцарская» ментальность запорожского казачества давно отмечена историками [напр.: Скальковский, 1994: 219–224]. Она приобрела конкретный «мальтийский» характер в процессе постоянной борьбы с турками на стороне Мальтийского ордена. Это прослеживается в источниках еще с XVI в. Казаки считали себя «мальтийцами», независимо от того, кем они были на самом деле. Важно не то, кем они были, а то, кем они себя считали. Это определяло стереотипы поведения казачества, принципы их «рыцарской» организации, которая была сохранена в отрядах черноморцев, служивших России. Мы знаем, что крест, подобный мальтийскому, сохранялся на знамени Черноморского казачьего войска вплоть до 1803 г. Известно также, что Павел I, после

избрания его Великим магистром Мальтийского ордена, учредил «донат» — знак этого ордена. Эта награда чрезвычайно высоко ценилась потомками черноморцев, проживавшими в южноукраинских селах. Донаты передавались из поколения в поколение и хранились под иконами в красном углу. Это обстоятельство способствовало широкому применению формы мальтийского креста для надгробий юга Украины и в XIX в. [Добролюбский, Добролюбская, 1997: 32–33].

Де Рибас был единственным из русских офицеров, грудь которого украшал «настоящий» командорский крест Мальтийского ордена. Естественно, что после того, как он спас отряд Головатого на Березани, казаки восприняли де Рибаса как своего органичного вожака: он не был в их глазах каким-то русским генералом — он был неаполитанцем-«мальтийцем», настоящим рыцарем-командором, который доказал это делом. Иными словами, для казаков он был своим. В этих условиях они ему безоглядно и с удовольствием подчинились. К тому же у них оказался общий враг — Потемкин. Так подарок Екатерины обеспечил де Рибасу верность черноморского казачьего войска. Видимо, он почувствовал себя более уверенно и позволил себе довольно рискованную светскую выходку в обращении с князем Таврическим.

Выходка эта мало известна. В начале 1789 года де Рибас, как бы дружески конфиденциально, просит Потемкина принять на службу своего сына Иосифа Сабира. Де Рибас ведет себя «по-приятельски», именуется просто Оськой, который «имеет вкус к фо...(?) и он, помоему, похож на врача» [Письма, 1879: 424]. Потемкин, естественно, тоже «по-приятельски» интересуется — что это за сын, мол, от кого? Де Рибас, явно издеваясь над бывшим «главным» фаворитом, разыгрывает смущение и «выдавливает» из себя признание, что мать — сама императрица. И Потемкин, не справившись с собой от неожиданности, устраивает де Рибасу громкий скандал.

Так этот эпизод выглядит в изложении С. Положенского [цит. по: Горбатюк, Глазырин, 1994: 84–85]. Такая игра называется «Дурачок», она требует от исполнителя немалого актерского таланта [Берн, 1994: 136–138]. Ясно, что де Рибас им обладал — и ему блестяще удалось унизить своего соперника. Разумеется, оба «игрока» сделали вид, что ничего не произошло. Но Такое не прощают. Видимо, с этого момента Потемкин решается угробить де Рибаса, и начинает искать для этого любую возможность.

Метод «Сциллы и Харибды» под Хаджибеем

Коварный Посейдон, как известно, желая отомстить Одиссею, заманил его в ловушку между Сциллой и Харибдой. Потемкин поступил точно по такому же рецепту. И де Рибас со своими «спутниками» — черноморскими казаками Головатого и Чепеги — (бывшей «гвардией» князя) отправляется «в ссылку», в деревню Тузлы, к генералу И. В. Гудовичу, который командовал корпусом, предназначенным для взятия Хаджибея.

Светлейший знал свои возможности главнокомандующего, и у него не было особых оснований сомневаться в успехе. Не получилось разделаться с де Рибасом и казаками под Березанью — не беда, получится в другой раз. И он ставит отряд де Рибаса в самое неопределенное положение.

Это отразилось в переписке. Де Рибасу остается продолжать играть в «Дурачка». В июле он пишет В. С. Попову: «Объясните мне, пожалуйста: нахожусь ли я под началом генерала Гудовича, или нет? Я думаю, что да! И всегда буду доносить ему о том, что до меня касается. Здесь многие думают иначе. И он сам выступает с «сообщениями» и не пишет мне иначе; может быть из вежливости» [Письма, 1879: 402]. Де Рибас, таким образом, не знал, «состоит ли этот отряд в корпусе Гудовича или от него независим» [Дерибас, 1990: 1–2].

Известно, что этот отряд под руководством де Рибаса тщательно готовился к захвату «Гаджибейского гнезда». Сплоченные кровью Березани и рыцарской дружбой, замешанной на неприязни к Потемкину, «казаки любили храброго генерала, не брезговавшего личным участием в их набегах» [Дерибас, 1990: 2]. Все дальнейшие события это подтверждают: набег Чепеги под Хаджибей после Березани по просьбе де Рибаса, а также состав его передового отряда, который должен был брать Хаджибейскую крепость: он состоял почти только из одних черноморцев под командованием Головатого [Дерибас, 1990: 3]. Совершенно очевидно, что в Тузлах оказалась едва ли не идеальная «пассионарная» группа. Ее вожак — генерал де Рибас — 9 августа пишет В. С. Попову: «Я гибну от желания что-нибудь совершить» [Дерибас, 1990: 6; Письма, 1879: 403].

Тем временем Светлейший готовился к захвату Хаджибея по-своему. Он «передергивает карты». Формально им

были отданы соответствующие распоряжения. 3 сентября Гудович выступил из Очакова со своим корпусом, имея приказ Потемкина атаковать и взять Хаджибей. Эту операцию сухопутных сил было решено провести совместно с флотом. Такой же приказ получил и М. И. Войнович. Предусматривалось, что русская Лиманская флотилия у Очакова под его командованием подойдет к Хаджибею и вступит в бой с турецким флотом, крейсировавшим близ крепости. Войнович еще в августе доносил Потемкину: «Располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле».

Главнокомандующему, как и всем офицерам, было хорошо известно, что опасность Хаджибейского замка была отнюдь не в силе его стен и гарнизона, а именно в защищенности всей орудийной мощью турецкого флота, курсирующего в Хаджибейской бухте. Поэтому крепость могла быть успешно взята русскими войсками лишь при взаимодействии достаточно крупных контингентов с суши и моря. Время штурма было назначено — ночь с 13 на 14 сентября. Это был приказ Потемкина — главнокомандующего, и нарушить его было невозможно.

Этот приказ — брать крепость — и получает де Рибас как командир головного отряда корпуса Гудовича. Получает, естественно, по инстанции, через Гудовича. Однако при этом основные силы корпуса были почему-то остановлены у Тилигула, и отряд де Рибаса оказывается один на один с Хаджибеем. При этом, как выясняется, Войнович и не подумал являться в назначенный срок.

Ясно, что военные люди не могут не подчиняться приказу. Но оба — и Гудович, и Войнович — этого не сделали. А приказ де Рибасу атаковать отменен при этом не был. Факты именно таковы — и они могут означать только одно: негласную отмену приказа Потемкиным Гудовичу и Войновичу.

Так де Рибас со своими «спутниками» оказался между Сциллой (турки) и Харибдой (Войновичем и Гудовичем). Лишенный поддержки сухопутных сил и взаимодействующего с ними флота его головной отряд был обречен на верную смерть под Хаджибейскими стенами — ясно, что в случае самостоятельной атаки турки его полностью уничтожат.

Это был сильнейший выигранный «ход» Потемкина в его игре «Ну что, попался, негодяй!». Понял ли это де Рибас в

туманную ночь с 13 на 14 сентября, сидя со своими казаками в Кривой балке, в четырех верстах от крепости? Получалось, что де Рибасу приказ никто не отменял, и если его не выполнить, то он трус и ничтожество, что и требовалось Потемкину доказать. Это позор, которого не пережить. И императрица точно узнает. А выполнить невозможно — потому что это смерть, и его самого, и его отряда. Тот же позор, только по-смертный. Для «рыцарей» такое невыносимо.

Выхода не было. И де Рибас обсудил это с казацкими старшинами. Они принимают единственно возможное в их положении «мужское» решение — нужно было овладеть крепостью одним ударом, чтобы державшийся у берега турецкий флот не успел высадить десант. Таким лишь мог быть ответный «ход» Одиссея в этой игре «Как отсюда выбраться?» — игре без правил: взять крепость неожиданно и молниеносно.

Опустим здесь подробности штурма — они хорошо известны. Маленький «пассионарный» отряд де Рибаса в густом тумане, обмотав соломой пушечные колеса, а тесаки — паклей, сумел незаметно подкрасться к стенам Хаджибея и почти мгновенно им овладеть. Их заметили с турецкого флота, но было поздно — де Рибас успел выставить батарею майора Меркеля из 12 пушек.

«Свежая» оценка действий других своих «товарищей по оружию» Гудовича и Войновича дана де Рибасом в письме из захваченного им Хаджибея В. С. Попову от 17 сентября [Письма, 1879: 407]. Он сетует на то, что Гудович нарушил свое обещание и своевременно не послал графа Безбородко с отрядом и батареей с 20 пушками к маяку. Это имело бы «громадное действие; неприятель потерял бы вдвое судов... но я не знаю, по какому случаю генерал не поспел этого сделать: он был в 13 верстах от меня, когда я начал атаку; он прибыл верхом и когда все было кончено, и его полк на два часа позже. Он наверно думал, что темнота меня устрасит, и что я не посмею вступить в бой. Вот мне кажется причина, по которой он не послал свой отряд». Что до Войновича, то «страшно слышать разговоры здешних о гр. Войновиче. Я умалчиваю о своих прежних рапортах, но морской журнал всегда будет говорить... Я печален и очень, *несмотря на многие причины быть довольным*» (выделено мной. — А. Д.).

Действительно, этих причин было немало. Де Рибасу удалось проскочить между своими Сциллой и Харибдой,

он снова блестяще и в совершенно безнадежной ситуации «выиграл» у коварного Посейдона. Выиграл лишь своим мужеством, отвагой, решительностью. Сложившаяся ситуация была для Потемкина очень унижительной — выигрыш де Рибаса был очень высоко оценен при дворе. «Это произвело здесь большое впечатление, — пишет мужу Настасия Ивановна. — Государыня говорила мне о вас и о вашей победе, милостиво выражая свое удовольствие. Принц Нассаусский поздравил меня с одержанной вами победой» [цит. по: Дерibas, 1990: 18]. О подвиге Хаджибея Екатерина немедленно сообщила и в своей переписке барону Гримму. Лично поздравил де Рибаса и А. В. Суворов. Да и награда за подвиг — орден Владимира 3-й степени, недавно учрежденный самой Екатериной (1782 г.), — была очень высокой и почетной: она давалась исключительно за боевые подвиги [Кузнецов, 1985: 69–75].

Все это произвело на «рыцаря» и «античного героя» де Рибаса огромное впечатление. Видимо, он все же не мог рассчитывать, что останется жив. Но — пронесло. И это значит, что для де Рибаса Хаджибей имел огромное «экзистенциальное» значение. Мы знаем, что победа была немедленно отпразднована по-античному: именно в кофейне грека Симона Аспориди встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем. Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Кофейня была «античной», греческой, офицеры праздновали победу также античными «лучшим кипрским вином и душистой мастикой» [Дерibas, 1990: 110–111]. Кофейня находилась на том самом месте, где и был через пять лет совершен обряд основания Одессы.

Если попытаться поставить себя на место де Рибаса-Одиссея — «победителя», празднующего победу на античный манер, то не покажется невероятной еще одна ассоциация. Известно, что имя Хаджибей может переводиться как «спутник великого Хаджи». Одиссей же переводится как «спутник Зевса». Уместно предположить, что в сознании де Рибаса (при его владении многими языками) это могло преломиться семантически: Хаджибей и Одиссей — одно и то же имя. Античный Одиссей в знак своей победы над «варваром»

Хаджибеем должен увековечить это место и построить здесь город в свою честь*.

Если сказанное справедливо, то именно ранним утром 14 сентября, при восходе Солнца Его Победы над Хаджибеем, де Рибас-Одиссей задумывает основать город своей мечты именно здесь — на месте своего «экзистенциального» подвига. И назвать его одновременно и в честь Одиссея, и в честь своей Дамы-Афины. Иначе трудно объяснить его дальнейшее острое желание и настойчивость именно в этом.

Именно здесь, у кофейни Аспориди, и в этот момент, пройдя Сциллу и Харибду и утерев нос самому Посейдону, после совершения «сверхпоступка» Одиссея, де Рибас мог по-настоящему ощутить «потос» Александра Великого. Его судьба обрела новый «пороговый смысл». У него была «своя» преданная армия — черноморские казаки. Перед ними стояла новая «сверхзадача» — выиграть войну против Турции. А заодно и расправиться с Потемкиным.

Напомним, что войны с Турцией воспринимались европейским классицизмом как борьба Европы и Азии. Османская империя — это «варварская» Персия, империя Ахеменидов. Измаил же Байрон прямо называл Троей.

Мысленно примеряя «мантию Александра Великого», де Рибас всем своим новым «потосом» стремится к новому «аретэ». Он желает со своей казацкой армией отправиться туда, куда совершил свой первый поход юный Александр — на Дунай, и выиграть всю русско-турецкую войну. И делает все, от него зависящее, для осуществления этого намерения — вплоть до подписания Ясского мира.

---

* Такое предположение вероятно — античные ассоциации при наименовании российских городов, видимо, были совершенно произвольными. Ни один российский город, получивший античное имя, не назван в честь своего предшественника по местонахождению. Так, Херсон основан далеко от Херсонеса. То же касается Ольвиополя, Тирасполя и др. Одесса же, по мнению антиковедов XVIII века, была основана на месте древнего Одессоса. Оказалось, что это не так — но таковым было мнение эпохи. Поэтому не столь важно, является ли этимологически верным отождествление Хаджибея и Одиссея. Де Рибас так считал, и это было для него достаточным основанием.

Измаильская «Илиада»

Известно, что Потемкин никак не наказал ни Гудовича, ни Войновича, несмотря на их жалкие роли в деле Хаджибея. Отряд де Рибаса удерживал крепость более 10 дней, не давая турецкому флоту высадить десант. Затем казаки-черноморцы во главе со своими «навархами» — полковниками Чепегой и Головатым под руководством де Рибаса поднимают на поверхность затопленные между Хаджибеем и Очаковом турецкие лансоны и сами создают Черноморскую гребную флотилию. Потемкин снова посылает ее на смерть. И эта флотилия в октябре 1790 г. совершает очередной подвиг. В устье Сулинского рукава Дуная отряд де Рибаса, снова под покровом ночи, захватывает турецкие батареи. То же в Килийском рукаве делают черноморцы отряда Головатого. Они снова чудом остаются живы. «Помощь Провидения», — пишет де Рибас Попову [Письма, 1879: 408]. От устьев Дуная «подвиг за подвигом, наводя ужас на турецкие поселения то бомбардировкою, то десантами, истребляя провианты, завоевывая крепости Тульчу, Исакчу и другие, флотилия все ближе подходила к Измаилу, уничтожила все его прибрежные батареи и защищавшие его с реки турецкие суда и сделала, таким образом, возможным взятие силой считавшейся до сего неприступной крепости» [Дерибас, 1990: 20].

Де Рибас хорошо видел эту возможность — он сам ее создал. Видели и другие. «Браво, дорогой генерал, — пишет 14 ноября де Рибасу князь Репнин, — вы широко продвигаетесь с вашей прекрасной флотилией. Тульча ваша и вы, так сказать, у ворот Измаила! К вам идут, дорогой генерал, как некогда стремились в Афины (выделено мной. — А. Д.). Все хотят сражаться под вашими знаменами и если послушать этих юных и доблестных воинов, которые прибыли к нам из-за границы, то все они отправились бы к вам» [Дерибас, 1990: 21].

Граф Ланжерон, который тогда оказался в числе «этих юных и доблестных воинов», оценивал ситуацию так же: «Смелость предприятия адмирала де-Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исакчи, дали основание думать, что попытка взять Измаил может иметь успех». Сражаться под знаменами де Рибаса мечтали и другие «доблестные юноши» — среди них отметим герцога Ришелье и Франца де Во-

лана. Последний, как мы знаем, и после Измаила остался органичным соратником и единомышленником де Рибаса.

«Воспоминания» о штурме Измаила другого из «юных и доблестных воинов», принца Шарля де Линя, помогают нам и сегодня «разогнать туман забвения, что стал его скрывать», — так выразился «Гомер Измаила» Байрон [Байрон, 1947]. Действительно, седьмая и восьмая песни его «Дон-Жуана» являются подлинной «Илиадой» измаильской эпопеи. И сам Измаил прямо связывается поэтом с Троей-Илионом. Между тем, в отличие от «Илиады», песни поэмы строго документированы и хронологизированы, поскольку основаны на подробнейших «Воспоминаниях» де Линя. В «Дон-Жуане», таким образом, точно воспроизводится событийная канва. Это позволяет «вчувствоваться» в «археологию» событий, в «археологию» поступков всех действующих лиц.

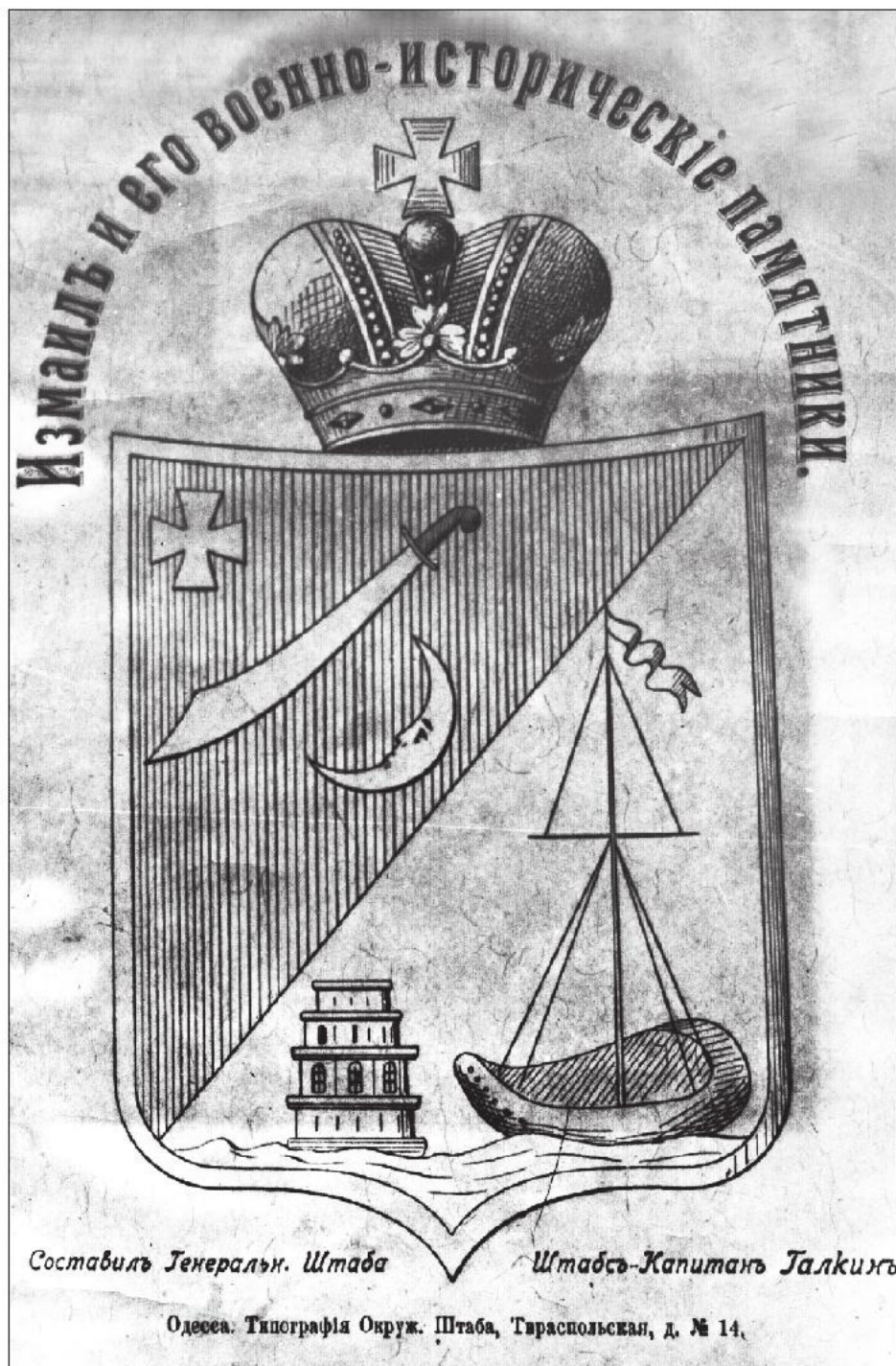
Надо думать, что если вся русская армия и вся Европа ожидали к концу ноября 1790 года взятия Измаила именно де Рибасом, то это не было тайной и для Потемкина. Способность де Рибаса совершить этот подвиг уже теперь вряд ли вызывала у него сомнения. Тем более, что сам де Рибас постоянно настаивает на немедленном штурме. Это зафиксировано в многочисленных рапортах генерала на имя Г. А. Потемкина, в письмах В. С. Попову, в воспоминаниях Ришелье, Ланжерона, Рошешуара и того же де Линя. «Потос» де Рибаса и необычайную пассионарность его флотилии отметил Байрон:

*И русский генерал, известный Де-Рибас,
Упорно требовал от генералитета
Назначить обций штурм, но получил отказ.
И старцев, и юнцов — всех устрашило это,
Но споры излагать не стану я...*

Дон-Жуан. Песнь 7,35

Отказ был понятен — снова «вчувствуемся» в положение Потемкина. Угробить де Рибаса никак не удастся, мало того, его враг и соперник вплотную приблизился к самому гребню славы. А ведь «слава — выигрыш!» (песнь 7, 33). Если допустить, что де Рибас возьмет Измаил, то он и выиграет всю войну. Вся слава достанется де Рибасу, а не ему, Потемкину. Но он находился в безвыходном положении — не только вся армия, но и сама Екатерина требовала «достать мир с

Одесса, рожденная классицизмом

Герб Измаила

турками», а это было невозможно, пока держался Измаил и «вязал руки» наступавшим войскам.

Откладывать далее штурм было невозможно. И князь решил обмануть судьбу.

Известно, что с суши Измаил был блокирован русскими войсками. Их командующие — генералы Самойлов и Потемкин (родственник князя Г. А. Потемкина) полагали, что взять Измаил невозможно. Формально власть де Рибаса распространялась лишь на флотилию. Под Измаилом было три равноправных начальника, власть которых не была объединена. И 26 ноября двое из них, по негласному указанию (просьбе?) главнокомандующего, начинают отводить свои войска. Все было сговорено и сделано тихо, по-родственному. Турки не верили своему счастью:

*С восторженным «Алла», вытягивая шею,
Дивились турки: враг осаду снял, бежит!».*

Песнь 7,42

Нетрудно представить себе бессильное в этот момент отчаяние де Рибаса — у него отняли самый крупный «выигрыш» — славу! Ведь «известность — как лото, и слава — выигрыш!». И в этом отчаянии

*...отправил
Рибас к Потемкину курьера. Удалась
Его затея: он все дело так представил,
Что план его вполне одобрил властный князь.
Что адмирал писал, и как в письме лукавил, —
Не знаю...*

Песнь 7,38

«Властный князь» сумел обмануть де Рибаса иначе — снимая осаду с Измаила, он одновременно

*...приказ «взять штурмом Измаил»
Любовнику войны — Суворову — вручил!*

Песнь 7,39

Это было очень умно и как бы патриотично. Нельзя было допустить, чтобы слава взятия самой мощной в то время в Европе крепости досталась иностранцу и казакам. Руко-

Одесса, рожденная классицизмом

водить штурмом должен был только «настоящий» русский генерал. Тем более такой любимый войсками, как А. В. Суворов. Это была идеальная кандидатура. Да и де Рибасу здесь невозможно было возражать — с Суворовым у него были самые добрые отношения. Потемкин «сыграл» блестяще — он противопоставил своему врагу не меньшего, пожалуй, «пассионария». Сила воздействия «пассионарной индукции» Суворова на русскую армию была огромной.

Суворов прибыл под Измаил 2 декабря, лишь за 8 дней до штурма, к которому де Рибасом уже все было подготовлено.

Штурм Измаила многократно описан исключительно с позиций русского патриотизма. В этом может убедиться каждый, кто обратится к любому учебнику по истории России или СССР или к любой подобной литературе. Можно видеть, что Потемкину все же удалось отнять у де Рибаса основную долю славы этой победы в глазах потомков.

Но не в глазах очевидцев, участников штурма и современников. Они прекрасно знали, что решающую роль в овладении Измаилом сыграли именно де Рибас с Головатым и возглавляемая ими казацкая гребная флотилия. Очевидно, несмотря на всеобщий массовый героизм русской армии под Измаилом, действие «пассионарной индукции» де Рибаса, казацких старшин, гренадеров Эммануила оказалось самым высоким. Именно они своим мужеством решили исход штурма в пользу остальной русской армии, действия которой носили, в основном, вспомогательный характер. Самим Суворовым атака русских войск была задумана как отвлекающая. Основную задачу должен был решить флот. Впрочем, войска не должны были об этом знать.

Опустим здесь подробности штурма — его судьбу действительно решил массовый героизм солдат и офицеров. И не стоит ни умалять заслуги Суворова, ни приписывать ему чужие подвиги. Но крепость была сдана турками именно де Рибасу, а не Суворову:

*И к Де-Рибасу вмиг помчался бей, спеша
Уведомить, что флаг готов спустить паша.*

Песнь 8,120

Такого же мнения был и сам Суворов. «На третий день после штурма, — пишет герцог де Ришелье, участник этой битвы, — генерал Суворов обедал на борту корабля де-Рибаса

и высказал ему много комплиментов, приписывая ему, не без основания, наибольшую долю чести этого подвига». И даже в своей военной реляции Суворов официально аттестовал де Рибаса «как принявшего в штурме Измаила самое большое участие, присутствуя везде, где более надобности требовалось, ободряя мужеством подчиненных, взял великое количество в плен и представил отнятые у неприятеля сто тридцать знамен».

Описывая свою поездку с Пушкиным в Измаил в конце 1821 г., И. П. Липранди замечает, что Пушкин был «очень чуток к подвигу». Подробности штурма Измаила ему были известны очень хорошо. И единственное, что поразило воображение поэта, — то, «каким образом де-Рибас мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену» [Добролюбский, Добролюбская, 1997: 32].

Если посмотреть на изображение первого герба Измаила, то можно увидеть казацкую чайку на волнах Дуная, «кавальер», казацкую саблю и поверженный мусульманский полумесяц. А также знак Георгиевского креста. У составителей герба не было сомнений в том, кто на самом деле взял Измаил. Этот подвиг совершили «мальтийские» рыцари — запорожские казаки под командованием де Рибаса *.

Гнев и милости Афины

Де Рибас-Одиссей сумел-таки взять свою Троию. Это был очередной «сверхпоступок» и крупнейший психологический «выигрыш». И его Афина это оценила самым высоким образом: ведь императрица знала, кто были главными героями этого штурма. Именно де Рибас был награжден Георгием 2-й степени и шпагой, осыпанной бриллиантами. Казаки, помимо наград, получили и многочисленные льготы [Скальковский, 1994].

При этом императрица-Афина была очень недовольна князем Таврическим. Очевидно, она видела всю историю

---

* Этот герб был «патриотически» подправлен и изменен в 1826 г. — убраны изображения кавальера и казацкой чайки. Вместо них показаны нос корабля на якоре и часть берега. В его описании говорится, что символика герба связана почему-то с победой при Кагуле (Винклер П. П. Гербы городов, губерний и посадов Российской империи. — СПб, 1899).

войны от Очакова до Измаила своими глазами. Екатерина, видимо, имела все основания думать, что де Рибас был отстранен Потемкиным от головного командования штурмом несправедливо. Поэтому измаильский подвиг де Рибаса и был ею оценен максимально: ведь орден Георгия мог получить лишь тот, кто «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или «лично предводительствуя войском, возьмет крепость» [Кузнецов, 1985: 45–46]. Не случайно и то, что Суворова в награду за Измаил она произвела лишь в подполковники Преображенского полка, того самого, полковником которого была Екатерина. Ясно, что императрица считала участие Суворова в этом деле «ситуационным». Да Суворов и сам об этом знал.

Судьба Потемкина после Измаила была полностью сломана. Очевидно, «команда де Рибаса» успешно потрудились и на светском «фронте»: в феврале 1791 года Потемкин был вызван в Петербург, «на ковер». Мы не знаем подробностей царственной выволочки и последующей опалы. Но зато знаем результаты: отставка была решена — за бездарность у Очакова, за подлость под Хаджибеем, за трусость при Измаиле. За все. Стресс его был сильнейший, князь очень переживал свое унижение и поражение — ясно, что этот человек, которому было всего 51 год, не хотел далее жить. Любой врач может подтвердить это, если прочтет письмо канцлера князя А. А. Безбородко, которое он пишет из Ясс графу П. В. Завадовскому. «Склонность его к желчи, при геморроях, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у вас бытность (с 24 февраля по 24 июля. — А. Д.), вызвала приступ “молдавской лихорадки”, от которой лечиться он не желал — по обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался в пище и не принимал лекарства... дошел до крайности, исповедовался и причащался...», затем «съел целого гуся и впал в рецидиву. Тут еще более отрекся он от лекарств... по ночам велел лить себе eau de Cologne на голову, опрыскивал себя кропилом с холодной водою и тем, мешая всякой транспирации, концентрировал весь жар во внутренности своей» [Письмо... Безбородко, 1879: 503–504]. 4 октября, отъехав пять верст от станции Резина, он попросил вынести его из коляски и положить на землю. Так он скончался. Снова прокомментируем это словами Байрона:

*От несварения он умер, пищей сладкой
Объевшись — и лежал у придорожных лип,
Стяжав проклятия страны, им разоренной, —
Как саранча, что мрет на ниве обнаженной.*

Песнь 7,36

И дополним свидетельством Безбородко: «При вскрытии тела его найдено необычайное разлитие желчи, даже, что части ея, прильнув к неким внутренностям, затвердели... Много он должен казне...».

После смерти Потемкина императрица назначает главнокомандующим друга де Рибаса, князя Г. С. Волконского. Под его руководством еще в июле 1791 года де Рибас, возглавляя кавалерийскую атаку при Мачине, решает исход этого боя в пользу русских. За Мачин он награждается Афиной орденом Александра Невского (*наверное, Потемкина это добило. — А. Д.*). А затем, в составе русской делегации, подписывает Ясский мир. Он выиграл свою войну — совершил суперподвиги, победил своего Посейдона и снискал благодарность Афины и подлинную славу.

На пути к городу Солнца *

Если справедливо предположение, что «Одисей» — это, в «компаративно-лингвистическом» сознании де Рибаса, перерожденный (возрожденный) «Хаджибей», то нетрудно себе представить, что замысел основать город с таким античным именем на месте своей победы возник у него именно утром 14 сентября 1789 года, в кофейне Аспориди, на нынешнем углу Ланжероновской и Ришельевской улиц. И он стал к этому готовиться.

«После взятия Хаджибея, де-Рибас оставался в нем еще долго... и не терял напрасно времени; его поразила доброта Хаджибейского рейда, и свои предположения о возможности построения здесь гавани... он подкрепил целым рядом наблюдений и лично сделанных измерений, — пишет А. Дерибас. — Несомненно, что будущий сподвижник его по осно-

* Опубликовано в сокращении: А. Добролюбский, А. Челомбитько. Город Солнца // Вестник региона. — Одесса, 30.04.1998; то же // Ланжеронхолл. — Июль-1999. — Одесса. — С. 6–7.

ванию Одессы, Франц Павлович де-Волан, состоял при нем еще в Хаджибее... По всем вероятностям, работы по измерениям рейда и другие были произведены ими вместе... Во всяком случае, план основания Одессы... был выработан исподволь, систематично, основательно» [Дерибас, 1990: 4–6].

Показателем античных пристрастий де Волана может для нас послужить тот факт, что при строительстве укреплений бывшего турецкого Хаджидера (Овидиополя) он в 1795 году случайно наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. И немедленно объявил ее гробницей самого Овидия, о чем, как о сенсационной находке, оповестили миру парижские газеты [Формозов, 1986: 106–107]. Разумеется, это оказалась ошибкой — впоследствии выяснилось, что захоронение действительно было античным, но совершенно лет за 350 до рождения поэта-изгнанника. Однако факт сам по себе диагностичен — де Волану очень хотелось найти «античного» Овидия*.

Не менее антично-диагностичным в этом отношении оказывается и первый план Хаджибея-Одессы, составленный де Воланом зимой-весной 1794 года. Он свидетельствует, что город был задуман как античный с самого начала. Попытаемся «вчувствоваться» в замысел де Волана.

В античной ментальности любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь, — рождение, брак, смерть, основание города, дома или храма, освоение новой территории и т. д. — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоторого прадействия. И в античной мифологии существует представление об отделении богами тверди от хляби — о выделении организованного упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе военного ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала-

---

* Турецкая крепость Хаджидер (переводится как «бедный скиталец») названа Овидиополем теми же де Рибасом с де Воланом. Именно Овидий был бедным скитальцем в сознании классицизма того времени. По мнению эпохи, он некогда жил именно здесь. Поэтому и де Волан так тоже считал. Он же — автор и первого «античного» плана Овидиополя.

ла в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копьё), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально, и когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно проводили плугом борозду, определявшую направление первой главной улицы — декумануса; к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — кардином, и у их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первозданной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Мы сегодня знаем, что все эти соображения были органично присущи де Рибасу и де Волану — «в тот же день» (рождения Одессы. — А. Д.) была проведена первая борозда для фундаментов городских строений» [Дерибас, 1990: 8]. Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Рассмотрим несколько подробнее образцы, на которые они были сориентированы.

В Римской империи на бесконечных просторах от Атлантики до Двуречья и Причерноморья возникают одни и те же города, с одной и той же основной, «декуманусной» магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходят выборы руководства гражданского коллектива. «Жить по-другому нельзя, жить — это значит быть гражданином, жить — значит жить в полисе, в городе, ценить его и хранить... *Античность — это полис*» [Кнабе, 1994: 18].

Несмотря на греческие наименования новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоеванных территориях, планировались по римским образцам. Это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности

[Тимофеевко, 1984: 200] — сетка прямоугольных кварталов, рассеянных меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Так, при утверждении проекта Вознесенска прямо указано, что «улицы города сего расположены перпендикулярно от севера к югу и от востока к западу». Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де Воляном. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

«План города Гаджибея», разработанный де Воляном и утвержденный Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения [Тимофеевко, 1984: 150–154]. Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север-юг. Это на первый взгляд кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де Воляном на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой восходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120°. Это означает, что упомянутый «принцип композиционного построения» оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом «декумануса» как раз для того времени года, когда составлялся «План...».

Действительно, на рассматриваемом «Плане...» ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направ-

---

* Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).

Проект города и порта Гаджибей

лены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии «декумануса» (*decumanus ager* — поле, с которого вносится десятая часть продуктов). Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии «кардина» (*cardinis* — ось, небесный полюс, граница). Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. «План...», таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла. Неслучайно позднее римляне стали называть главную улицу военного лагеря или города термином *decumanus maximus*.

Место совершения обряда Основания Одессы — у кофейни Аспориди — указывает нам на ту точку, которую его участники считали исходным центром. Это — место, где де Волан с де Рибасом устанавливали символически шест или копьё. Обряд «маркирует» для нас это место. И если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Этот обряд на месте закладки первого дома Одессы 22 августа 1794 г. [Губарь, Добролюбский, 1996: 17] был совершен примерно полгода спустя после составления «Плана города Гаджибея», который Одессой еще не назван. Но участники обряда заранее ведут себя как античные «культурные герои», «обустраивающие» будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.) *.

Сказанное позволяет полагать, что первой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де Рибас с де Воланом предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — дом аристократа, князя Г. С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX вв. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Отона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка «кардинных» и «декуманусных» улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север-юг, а их изначальная «кардинная» направленность. Это обусловило выбор де Воланом на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии как с античной градостроительной традицией, так и с условиями

---

* Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспориди, встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90°). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день всходило точно на востоке (см. выше).

местности. Именно плато, ограниченное «кардинно» ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями античного обряда. Так было выделено основное, «сакральное» ядро будущего города. Его западная, «профанная» часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него «декуманусные» линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а «кардинные» — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75° . Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45° по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы «кардинная» ось Греческого форштадта, по замыслу де Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным «небесным полюсом». В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого форштадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70° . Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день рождения Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным.

На солярной, «небесной» оси располагается и задуманная здесь де Воланом Греческая церковь. Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает изначальную античную обусловленность «Плана города Гаджибея» [Добролюбский, Челомбитко, 1999: 6–7].

В дальнейшем полисная идея была модифицирована де Воланом в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую «очаговую», или «мегаполисную». Она заключалась

Одесса, рожденная классицизмом

Одесса — город Солнца

в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города [Чарнецкий, 1997: 46–7]. Такие очаги, по мысли де Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, «римскому» плану, «как бы постепенно сливающимися крупными пятнами». Эта идея создавала дополнительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запла-

нированных «очагов» была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно «круглый дом», находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы.

Трудно сказать, мог ли де Волан знать при составлении плана зимой 1794 г. задуманное де Рибасом имя будущего города. Но ясно, что оно могло быть только античным.

Становится объяснимым и выбор конкретной даты основания Одессы. «Надлежало начертанный де-Воланом план города наложить в натуральную величину на пустынную территорию Хаджибея... наметить места для храмов. С благословения Гавриила, в присутствии де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основание нашего города» [Дерибас, 1990: 7–8].

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанные с этим «комфортные» ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны не только высочайшему профессионализму и таланту де Волана, но и его необычайной культурной чуткости к древнейшим традициям античного градостроения. Своим планом он сумел оптимально обеспечить освещение будущего города солнцем. План де Волана оказался, таким образом, совершенным воплощением античного градостроительного замысла де Рибаса.

Одесса как памятник де Рибасу, или «Археология» имени

В царствование Екатерины создание новых городов на юге России (как и в Римской империи) было самым обычным делом. «Избирался какой-либо пункт местным администратором... писалось об этом в Петербург, откуда шел на его имя указ: «*повелеваем на сем, избранном вами, месте град воздвигнуть*». Таких городов воздвигалось до десятка ежегодно [Атлас, 1992: 26–28]. Поэтому кажется удивительным, что градостроительная затея де Рибаса с де Воланом рассматривалась их противниками как едва ли не государственное преступление. Но это было именно так. «Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко... безнаказанность и дерзость Рибаса достигли своего апогея». Более всего сопротивлялись сторонники устройства

главного порта на Черном море в Очакове. Самыми активными из них были граф Ф. В. Ростопчин и вице-адмирал Н. С. Мордвинов — злейшие враги де Рибаса. Начались бесконечные интриги. Впрочем, Ростопчин предвидел свое поражение — «борьба не будет равной», потому что «добродетель и достоинство всегда терпят поражение, когда против них вооружаются интрига и преступление».

Мы знаем, что «вооружившись интригой и преступлением», де Рибас «выиграл» свою Одессу. Де Волан пишет об этом: «Приманчивые и корыстолюбивые предупреждения не укоснили возникнуть и, напрягая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие (построение одесского порта), вопияли о невозможности приведения сего в действо; однако твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей, и устройство возымело свое начало 1794 года августа в 22 день» [Смольянинов, 1852: 349].

Можно видеть, что хитроумный де Рибас и здесь повел себя как Одиссей — формально он добивался лишь устройства порта Хаджибей, а фактически заложил Город. Оставалось дать ему желаемое имя.

Последовательность взаимных «подарков» Афины и Одиссея такова. Рескрипт об устройстве в Хаджибее военной гавани с купеческою пристанью был подписан Екатериной 27 мая 1794 г. Эта дата — день свадьбы де Рибаса. Подписывая рескрипт, императрица тем самым делала ему очередной подарок. Как бы «в ответ», 22 августа де Рибас закладывает монету с вензелем своей Богини в основание будущего города и тем самым посвящает его Ей. Этим же он ставит «памятник» себе, Одиссею. Естественно, что пока этот город никак не назван и продолжает именоваться Хаджибеем. Происходит это на месте, где некогда, по мнению де Рибаса, был античный Одессос.

Проследим тайное и внезапное появление имени «Одесса». В декабре «вице-адмирал де-Рибас выехал в С.-Петербург, к Высочайшему Ея Императорского Величества двору... и минул первый и последний год жизни города Гаджибей!» [Смольянинов, 1852: 531]. «В начале 1795 года название Гаджибей исчезает: его место заступает Одесса... Слово «Одесса» встречается в первый раз в заглавии Высочайше утвержденного 10-го Генваря 1795 года штата запасного соляного магазина... В другой раз город Одесса упомянут

в указе 27-го Генваря 1795 года об учреждении Вознесенской губернии. На основании этого указа в состав новой губернии входили двенадцать уездов с 12-ю окружными и 7-ю приписными городами. Между приписными упомянут и «город Одесса, татарами Гаджибей именованный», приписанный к Тираспольскому округу» [Смольянинов, 1852: 532].

Вот и вся тайна. Де Рибас специально приехал в Петербург, чтобы договориться с императрицей о новом имени Хаджибея. Екатерина сделала де Рибасу высший и тайный подарок — позволила ему назвать новый город своим античным именем, освятив его своей «женской» сущностью и покровительством. Никакого специального указа о названии города в таких условиях и быть не могло — это было закамуфлировано другим «указом», о соляном магазине.

Трудно себе представить, чтобы штат «запасного соляного магазина» требовал именно Высочайшего утверждения! Не менее трудно представить, чтобы имя «Одесса» после Такого Утверждения могло бы в России кем-то оспариваться. И это имя, данное явочным порядком, было закреплено в следующем указе — от 27 января — как факт, который уже далее не обсуждается. Он и не обсуждался. И чтобы у де Рибаса в дальнейшем было поменьше неприятностей с Ростопчиным, Мордвиновым и др., императрица подчинила его непосредственно своему последнему любимцу — Платону Зубову, тогда екатеринославскому, таврическому и вознесенскому генерал-губернатору. А также «подарила» своему Одиссею на развитие новорожденной Одессы 712 тыс. рублей (по утверждениям Ф. В. Ростопчина — 1 миллион 200 тыс.).

Трудно не восхититься — придумано все очень остроумно: Одесса началась с шутки и розыгрыша. Афина с Одиссеем развлекались и снова всех провели. Никто ничего не понял. Завистникам оставалось только брюзжать, что де Рибас «обманым образом вынудил у престарелой государыни согласие на построение никому не нужного города» [Атлас, 1992: 23]. Императрица с де Рибасом обхитрили и современников, и потомков — они тайно поставили памятник в лице Одессы самим себе. В этом и есть смысл их поступка.

Смысл основания Одессы де Рибас «обозначил» и другой существенной для себя символикой: дата на монете — 1784 год — не случайна, отстояла от даты закладки ровно на 10 лет. Это — срок странствий Одиссея, после которых он вернулся домой. Так и де Рибас, основав свою Одессу, закончил

свою военную эпопею и «вернулся домой». В знак этого он уложил оружие (кинжал) в закладную траншею дома своего боевого друга князя Волконского, с которым вместе выиграл свою последнюю битву при Мачине*.

После смерти Екатерины в ноябре 1796 года Одессу у де Рибаса отняли. Его жизнь без любимой государыни, без любимого «игрового» партнера во многом утратила вкус, стала пресной. Остаток своих лет он проводит в Петербурге, вынужденный терпеть унижения и бесконечные капризы императора Павла. Возможно, не случайно, оставшись без покровительства своей Афины, он утрачивает свой «потос» и погибает через четыре года, запутавшись в собственных интригах.

Одесса за эти годы без де Рибаса тоже чуть было не погибла. Но ее спасли и поставили на ноги наследники де Рибаса — Ришелье и Ланжерон — продолжатели его дела. Они сумели воплотить его мечту в жизнь. Поэтому Одесса оказалась лучшим «выигрышем» де Рибаса — она самым своим существованием «обессмертила» его имя. Наверное, также не случайно Провидение позаботилось о том, чтобы мы через двести лет нашли остатки его тайного, «археологического» замысла. Ведь образ Одиссея и в нашем сознании — это символ тайны, надежды и выживания культуры вопреки всем испытаниям, выпавшим на ее долю в XX столетии.

...Историческая память причудлива. У постамента памятника Екатерине бронзовые фигуры де Рибаса и Потемкина были поставлены рядом, в одной компании с Зубовым и де Воланом. В такой же компании они остались и в дворике Одесского историко-краеведческого музея. Быть может, с «вышей» точки зрения это и справедливо. Ведь Потемкин своими руками «создал» именно «такого» де Рибаса, который сумел основать именно «такую» Одессу.

---

* В первом гербе Одессы, Высочайше утвержденном 22 апреля 1798 г., при жизни де Рибаса, обозначена также и существенная для него «мальтийская» символика. В верхней части, под разветвлением шеи орла, видны «ласточкины хвосты» подарка Екатерины — ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. — СПб, 1899. — С. 109).

Франц де Волан: жизнь по Витрувию

Всякий, кто заявляет себя архитектором, обязан быть и человеком, одаренным от природы, и человеком, восприимчивым к научному образованию, ибо ни дарование без науки, ни наука без дарования не могут создать законченного мастера.

*Марк Витрувий Поллион.
Об архитектуре. Книга 1*

Р асцвет Борисфена-Одессоса — самого раннего и крупного пункта греческой колонизации в Северо-Западном Понте — определило, как уже говорилось, прежде всего, его тогдашнее географическое положение. Оно отличалось от современного. Сегодняшняя конфигурация черноморского побережья образована так называемыми трансгрессиями, в результате которых уровень моря поднялся за 2,5 тысячелетия на 10–12 м. Нынешнего Одесского залива в античные времена не существовало [Бруяко, Карпов: 1994]. Борисфен возник на правом берегу реки (теперь Хаджибейский лиман), у тогдашнего устья Борисфена-Днепра. Теперешняя Кинбурнская коса тогда простиралась на запад до устьев Хаджибея и Куяльника. Само местонахождение позволяло Борисфену-Одессосу в VI–VI вв. до н. э. полностью контролировать узкий выход из всего Днепровско-Бугского бассейна и бассейнов Тилигула, Куяльника, Хаджибея — территорий скифского мира. Такое расположение было ключевым для всего Северного Причерноморья. Это обусловило особое значение Борисфена и превратило его в крупнейший город и порт тогдашнего Северного Понта, в центр притяжения многочисленного и разнообразного населения.

Ясно, что в античные времена греки прекрасно осознавали исключительно выгодное географическое положение «торжища Борисфенитов». И использовали его для устрое-

ния крупного города и порта в Северном Понте *. Видимо, не случайно первые екатерининские «одесситы» — Иосиф де Рибас и Франц де Волан — избрали для основания своего города и порта именно это, оптимальное место. Здесь некогда расцветал античный предшественник Одессы.

Непонятый Лафитт-Клаве

К XIV в. такой порт (по сути, якорную стоянку) под названием Джинестра возобновляют здесь итальянские колонисты. Тогда же, на Жеваховой горе, здесь возникает и поселок Качибей, а затем, на Приморском бульваре — Хаджибей, который, видимо, с перерывами, существует здесь вплоть до середины XVIII в. Как известно, в 1765 г. турки здесь строят Гаджибейский замок — по сути, небольшую «крепостцу» [Боровой, 1967].

По всей видимости, власти Османской империи плохо осознавали важнейшее географическое положение Хаджибея. Но это прекрасно понимали их военные инженеры и настойчиво рекомендовали срочно укрепить замок. Французский инженер на турецкой службе, Лафитт-Клаве, об этом пишет совершенно недвусмысленно. В его докладной записке от 30 октября 1784 г. говорится, что «рейд Коджабея, лежащий между устьями Днепра и Днестра, кажется надежным и может служить линейным кораблям. Ширина его около 2000 туазов ** при 7, 8 и 9 брассах глубины в середине, дно — твердый ил. Обыкновенно на этом рейде суда, идущие

---

* С середины V в. до н. э. географическая ситуация меняется — уровень моря начинает подниматься. В связи с этим и Кинбурнская коса постепенно отступает на восток. Поэтому, столь же постепенно, Борисфен утрачивает свое преобладающее расположение, хотя и продолжает существовать как крупный центр вплоть до последней трети IV в. до н. э. и, вероятно, значительно позднее — до IV в. н. э. На это указывают находки римского времени. В эллинистическое время (с конца IV в. до н. э.) город, видимо, носит название Гавани Истриан. Под таким наименованием он отмечен в «Перипле Понта Эвксинского» Флавием Аррианом в 134 г. лишь как небольшой порт и приморский поселок [Добролюбский, Красножон, 1998].

** 1 туаз = 6 футам = 1,83 м.

«Гидрографическая карта северным берегам Черного моря»

в Очаков, укрываются во время ледохода». «Однако, — продолжает Лафитт-Клаве, — рейд защищен жалким замком на 20–25 человек гарнизона, который не в силах сопротивляться ничтожному корсару» [цит. по: Сапожников, 1999: 26–28].

Год спустя Лафитт-Клаве снова беспокоится о слабости Хаджибея: «Коджа-бей, лежащий на Черном море в заливе или взморье, образующим довольно спокойную рейду, состоит из двух татарских деревень, отделенных маленькой безводной ложбиной. В нем для защищения рейды находится худой замок и маяк для показания онго судам, в море находящимся. Оба они находятся в довольно худом состоянии и не соответствуют своему назначению (курсив мой. — А. Д.). В нем нагружаются хлебные зерна, масла и кожи. Во время моего путешествия в 1784 году снят план сего места и в то же время отдан проект об установлении работ для приведения его рейды в оборонительное состояние» [Лафитт-Клаве, 1999: 53]. «Этот проект, в частности, предусматривал установление артиллерийской батареи на Жеваховой горе, а также построение большого форта на месте старой кре-

пости» [Сапожников: 28]. Однако ничего этого сделано не было. Надо полагать, турецкое военное командование просто отмахнулось от рекомендаций Лафитта-Клаве *. Видимо, турки полагали, что ключевым стратегическим пунктом в Северо-Западном Причерноморье должен быть Очаков. Там и располагалась их мощнейшая крепость. Между тем, если бы турецкое командование осуществило предложения своего компетентного военного инженера и укрепило Хаджибей, ход русско-турецкой войны мог бы быть иным. Во всяком случае, молниеносный и блистательный захват «Гаджибейской крепостцы» отрядом Иосифа де Рибаса в ночь с 13 на 14 сентября 1789 г. был бы просто неосуществим.

Страсти по Хаджибею

Мы видим, что военные власти Османской империи не поняли Лафитта-Клаве. И, как известно, жестоко заплатили за это. Но точно так же военные власти Российской империи не желали понимать исключительного положения Хаджибея. Вслед за турками, они считали, что ключевым портом на Черном море должен быть Очаков. Несомненные преимущества Хаджибейского рейда по сравнению с Очаковским отчетливо понимали лишь адмирал Иосиф де Рибас и его единомышленник, инженер-полковник Франц де Волан. Они настойчиво предлагали заложить город и порт именно в Хаджибее.

Страсти в связи с их предложениями оказались бурными. Они начали разгораться, видимо, не позднее конца 1793 или начала 1794 г. Противники де Рибаса и де Волана устроили настоящий скандал, который разжигался, прежде всего, вице-адмиралом Н. С. Мордвиновым, начальником Черноморского адмиралтейства, а также графом Ф. В. Ростопчиным. Такой накал страстей кажется удивительным —

---

* Это неудивительно — известно, что профессиональный уровень командного состава османской армии во второй половине XVIII в. был крайне низок. Так, на пост командующего флотом (капудан-паши) султаном, не считавшимся в таких вопросах с канцелярией Великого Визиря (некий аналог Государственного совета в России), назначались совершенно случайные лица [История Востока, 2000: 381–383].

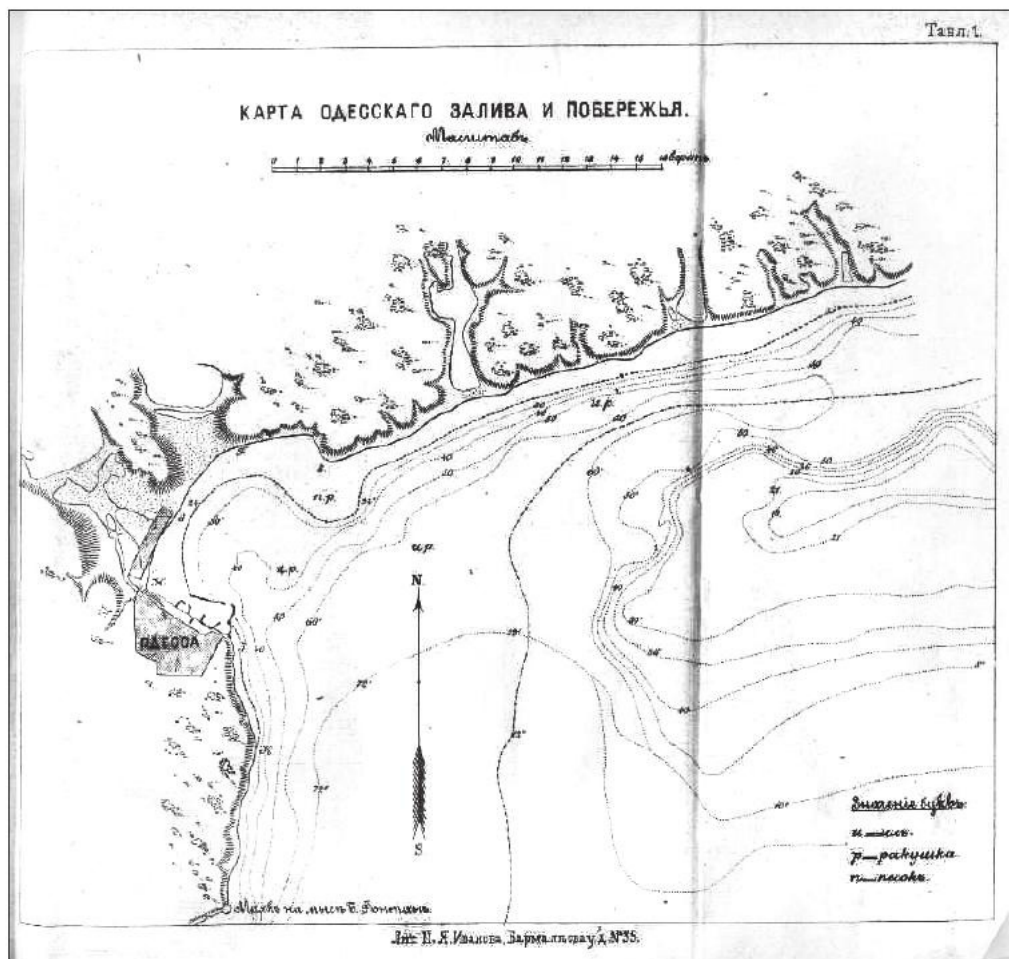

особенно в ту эпоху, когда в Российской империи, при освоении необъятных новых территорий, отвоеванных у Турции в Северном Причерноморье, принцип «*nil admirari*» был едва ли не возведен в систему. Ведь известно, что в царствование Екатерины создание новых городов было делом самым обыкновенным. «Избирался какой-либо пункт местным администратором», — писал Иван Дитянин в книге «Русский дореформенный город», — «найденный им удобным и необходимым или, например, “для пользы водяной коммуникации”, или в интересах государства вообще; писалось об этом в Петербург, откуда шел на его имя указ: “повелеваем на сем, избранном вами, месте град воздвигнуть”. И “град” без лишних разговоров “воздвигался” каким-нибудь специально назначенным для этого “генерал-майором”, или “при помощи и содействии сведущего в таковых заведениях человека”». Таких городов «воздвигалось» до десятка ежегодно [цит. по: Атлас, 1992: 26–28].

Между тем, градостроительный замысел И. де Рибаса и Ф. де Волана рассматривался их противниками как едва ли не государственное преступление. «Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко, — возмущался граф Ф. В. Ростопчин, — безнаказанность и дерзость Рибаса достигли своего апогея... Он добился утверждения проекта сооружения порта для гребного флота в Хаджибее, прозванном Одессой... Течение, особенно сильное в месте производства работ, во время бури разрушает все до основания и приходится постоянно возобновлять работы, связанные с новыми ассигновками» [цит. по: Атлас, 1992: 23].

Все это несколько странно — почему Мордвинов с Ростопчиным воспринимали основание еще одного ничтожного городка на юге России столь болезненно? Создается впечатление, что «страсти по Хаджибею» были лишь столкновением личных амбиций — известно, например, что Мордвинов давно ненавидел де Рибаса. И действительно, начались бесконечные интриги. Партия Мордвинова была ближе к «малому двору», зато де Рибас, благодаря своей жене, а также особому расположению к нему императрицы [см.: Добролюбский, 1999, 2001], склонил на свою сторону всемогущего тогда графа Платона Зубова и, разумеется, выиграл. И 27 мая 1794 г. Екатерина подписала хорошо известный рескрипт, начинавшийся словами: «Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с

Одесса, рожденная классицизмом

Карта Одесского залива и побережья

оним пользы, признали Мы нужным устроить там военную гавань купно с купеческою пристанью...».

Настойчивое сопротивление Мордвинова и Ростопчина замыслам де Рибаса и де Волана станет понятным, если учесть, что речь шла об устроении *главного порта* Российской империи на Черном море. Видимо, здесь дело не только в амбициях. Мордвинов был совершенно искренне убежден, что такой порт должен быть построен в Очакове. И как бы имел для этого многие основания. Действительно, хорошо известно, что Днепровско-Бугский лиман прекрасно защищен от сильных штормов. Кроме того, наличие мощной Очаковской крепости могло обеспечить оборону нового

порта и города от возможных нападений турок. Прибугские равнины были куда более обжиты людьми, чем окрестности Хаджибея. Кроме того, имелись и дешевые транспортные магистрали Буга и Днепра, близость Крыма с его камнем и лесом. Все эти преимущества были настолько очевидны Мордвинову, что он уже в 1792–93 гг. начал подготовительные работы по сооружению такого порта в Очакове. Его мнение разделяли многие члены Государственного совета [см. об этом: Глеб-Кошанский, 1999: 100]. Очевидно, они были столь же компетентны, как и турецкие власти, не обращавшие внимания на предложения профессионального военного инженера Лафитга-Клаве.

Надо полагать, что подобные, куда более обстоятельно разработанные предложения Франца де Волана — верного союзника де Рибаса в описанном конфликте — постигла бы такая же судьба. Ни его тогдашний статус в России, ни тип личности никак не позволяли выиграть борьбу за Хаджибей самостоятельно. На российской службе он состоял сравнительно недавно, и его авторитет как военного инженера тогда еще лишь складывался. Он был далек от двора и вряд ли имел «вкус» к интригам. И, как инженер, был совершенно убежден, что *главный порт и город* на Черном море необходимо строить именно на берегу Хаджибейского залива. Доводы Мордвинова его совершенно не убеждали. Обосновывая преимущества Хаджибея, де Волан приводит лишь профессиональные аргументы.

И пишет по этому поводу докладные записки в Сенат. Нам известны две из них: «...Доброта его (*Хаджибейского*. — *А. Д.*) рейда, а особенно грунт дна, известна была нашим мореходцам и довольно испытана употреблением оной *прежними ее владельцами (курсив мой*. — *А. Д.*). Льды там не могут ни малейшего вреда и течение воды оной занести. Судходство может происходить весь год со всеми ветрами. Пункт сей представлял в то же время удобство подкрепления и убежища действующим флотам в военное время и гавань для торговли порубежных с Днестром богатых провинций: Подолии, Галиции, Волыни. Осталось только добавить убежище и потребные выгоды для судов, которые только от западных и северо-восточных ветров терпели беспокойства. Для этого признано за нужное, *сообразуясь с гаванями Неаполя, Ливорно, Акконы и Генуи*, построить мол и, производя в рассуждении сего надлежащим рассматривания удостове-

рились, что мол сей доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани, и что построение оно не более стоило бы, как же те и выходные каналы в Кинбурне и Очакове» [цит. по: Глеб-Кошанский, 1999: 101].

В другой записке он пишет, что «Хаджибейский замок был весьма важным пунктом еще у турок как в рассуждении гидрографического своего положения, так и относительно коммуникации сухим путем с Нижним Днестром, а через Аджидер с Аккерманом (курсив мой. — А. Д.). Пункт сей надлежит уважать в составлении оборонительной системы, учреждаемой вследствие нового рубежа, неприятельскому флоту залив сей служил местом убежища и пристанища; завладение оным крайней было важности...».

К сожалению, хорошо известно, что во все времена власти при принятии решений менее всего пытаются вникнуть в профессиональные научные соображения. Вряд ли инженер-полковника де Волана, при его тогдашнем, достаточно скромном, положении, стал бы кто-то слушать, если бы он один противостоял могущественным Мордвинову и Ростопчину. Думается, что и российские военные власти, вслед за турками, явно не понимавшие преимуществ Хаджибея, решились бы дело в пользу Очакова.

Зато, в отличие от де Волана, его друг и единомышленник де Рибас имел и возможности, и «вкус к интригам». Поэтому дело решилось в пользу Хаджибея лишь благодаря особому положению Иосифа де Рибаса при дворе Екатерины *. В самом деле, тогдашние шансы де Рибаса победить своих противников были очень высоки. К 1794 году он в своей карьере достиг едва ли не «всех вершин». Знаменитый боевой генерал, вице-адмирал, герой Хаджибея, Измаила, Мачина и пр., любимец императрицы и отец ее сына, муж дочери Ивана Бецкого — он имел огромнейшие возможности при дворе. Недаром Ростопчин предвидел свое поражение: «борьба не будет равной...», потому что «...добродетель и достоинство всегда терпят поражение, когда против них вооружаются интрига и преступление» [цит. по: Атлас, 1999: 31]. Наверное,

---

* После смерти Екатерины де Рибас, как известно, потерял всяческое влияние. И никакие профессиональные старания де Волана, пыгавшегося спасти недостроенный порт и город от разрушения и захирения, не производили на Павла ни малейшего впечатления.

Ростопчину было хорошо известно, что де Рибасу оказался «по зубам» сам Светлейший князь Потемкин-Таврический [см.: Добролюбский, 1999: 456–459]. Надо полагать, что с Мордвиновым он справился довольно легко, несмотря на то, что формально был подчинен ему по службе.

Мотивы Иосифа де Рибаса, который вполне профессионально выиграл у Мордвинова «на светском фронте», принято считать чисто эмоциональными — он желал построить город и порт именно на месте турецкого Хаджибея, поскольку крепость была взята именно под его командованием [Глеб-Кошанский, 1999: 100]. С этим, в общих чертах, можно согласиться, хотя ясно, что побуждения адмирала были куда более сложными и вполне обоснованными [Добролюбский, 1999: 448–451, 462–464; 2001: 25–31]. Однако несомненно, что «Записки» де Волана оказались существенными профессиональными аргументами в руках де Рибаса и помогли ему уговорить императрицу не обращать внимания на Мордвинова и его мнение.

«Отличнейший по достоинству и знаниям»

Фействительно, приведенные «Записки» отличаются ясным и глубоким анализом всех факторов, которые должны быть решающими в данной ситуации. Такие «Записки» мог составить лишь очень компетентный военный инженер, архитектор, проектировщик. Ясно, что Франц де Волан был именно таким, «крепким» профессионалом к сентябрю 1787 г., когда он «был принят на военную службу в Россию по воле Российской императрицы» [Де-Волант, 1999: 5] в не слишком высоком чине инженер-майора. Почти ровеснику де Рибаса (де Волан был моложе его лишь на два года *), карьера которого тогда была на взлете, де Волану — уже не слишком молодому и сложившемуся человеку — пришлось в России фактически начинать с нуля.

Тем не менее, его профессиональные качества оказались столь высокими, что сразу же стали очевидны окру-

---

* Дата рождения Иосифа де Рибаса постоянно дискутируется. По уточненным данным, полученным при сопоставлении служебных формулярных списков, он родился осенью 1750 г. [Уржанов, 2000: 3]. Это соответствует дате, указанной на памятной плите его могилы.

Франц де Волан

жающим — уже с 1788 г. он составлял проекты ремонтных работ в балтийских портах. Видимо, был замечен, поскольку весной 1789 г., по просьбе Потемкина, был откомандирован в Причерноморье и стал дежурным инженером при князе. Ему поручаются разнообразные, сложные и ответственные инженерно-технические и проектные работы, и опасные военные предприятия — строительство батарей при разведке Бендерской крепости под огнем врага, разведки Хаджибея и Рымника. Он также посылается на пороги Буга и Днестра с тем, «чтобы составить мнение о возможности навигации по ним»

[Де-Волант, 1999: 6]. В течение зимы 1789–90 гг. Потемкин поручает де Волану ведение журнала военных действий, планов батальев, осад и т. д. А в 1790 г. он составляет проект Николаева, его порта, верфей и систему береговой обороны. Со всем этим де Волан справляется блестяще. Его компетентность очевидна, а потому профессиональный авторитет его как инженера, проектировщика и архитектора явно растет.

Сказанного достаточно, чтобы характеризовать Франца де Волана как деятельного, необычайно ответственного, смелого и решительного человека. Уже во время шведской войны он командовал артиллерией в сражении при Готланде (1788 г.). По-видимому, оказавшись в Причерноморье при Светлейшем князе Таврическом, он познакомился с де Рибасом, который тогда был также при Потемкине — дежурным офицером при штабе. Надо полагать, что они часто виделись и, видимо, испытывали симпатию друг к другу. Де Волан упоминает, что он был послан на разведку Хаджибея [Де-Волант, 1999: 6] — вероятно, незадолго до штурма он находился в Тузлах в составе отряда де Рибаса летом 1789 г.

Известно, что после взятия Хаджибея в сентябре 1789 г. де Рибас с де Воланом совместно проводили работы по измерениям Хаджибейского рейда. Надо полагать, что единомышленниками эти очень разные люди стали именно тогда. «Во всяком случае, план основания Одессы, — пишет А. Дерibas, — был выработан исподволь, систематично, основательно» [Дерibas, 1990: 6]. Очевидно, эти работы и легли в основу двух приведенных выше докладных «Записок» де Волана в Сенат.

Во время дунайской кампании 1790 г. они тоже были рядом. За участие в штурме Измаила в составе флотилии де Рибаса де Волан получает первую русскую боевую награду — крест Св. Георгия *. Не расставались они и при Мачине, за что де Волан снова был отмечен и получил Владимирский крест 4-й ст. с бантом **.

---

* Такие кресты выдавались тогда лишь за строевую службу в армии в течение 25 лет в офицерских чинах [Кузнецов, 1985: 45]. Однако де Волан к тому времени отслужил лишь 3 года. Это значит, что его участие в штурме было оценено особенно высоко.

** Этот орден, учрежденный в 1789 г., считался одной из почетнейших наград офицерам за боевые подвиги [Кузнецов, 1985: 70].

После подписания Ясского мира (1791 г.) де Волан становится, пожалуй, одним из самых авторитетных военных инженеров-проектировщиков. Ему поручаются важнейшие проектные работы по строительству новых крепостей и городов в Причерноморье. Он получает звание инженер-полковника, а в 1793 г. назначается на должность первого инженера южной армии А. В. Суворова.

Такая профессиональная карьера, сделанная в считанные годы без всякой протекции, была бы невозможна без редкой одаренности и таланта, колоссальной энергии, исключительной работоспособности, но прежде всего — без превосходного военного, инженерно-технического и архитектурного образования.

Однако нам неведомо, как он его получил. Известно лишь, что до приезда в Россию Франц де Волан, дворянин из Брабанта, был офицером голландской армии. Участвовал в войне Голландии и Франции с Англией в Америке, на стороне американских повстанцев. Предположительно строил в Америке голландские поселения [Глеб-Кошанский, 1999: 92]. Что побудило его отправиться в Россию — неизвестно. Ведь к тому времени ему уже исполнилось 35 лет — в представлениях той эпохи — «возраст увядания» (*выражение Ю. Н. Тынянова по отношению к 34-летнему Н. М. Карамзину*). Поэтому мы не можем точно знать, где и как Франц де Волан сложился как блестящий инженер, военный, архитектор и проектировщик. Мы знаем лишь результат. «Отличнейший по достоинству и знаниям» — так характеризовал генерал-лейтенанта де Волана в 1812 году Главноуправляющий путей сообщения России, принц Георгий Ольденбургский, передавая ему свою должность [Деволан, 1905].

«Подражание древним»

Характер и качество образования де Волана и его инженерного искусства нетрудно выяснить из общего культурного контекста эпохи. Известно, что 50-е гг. XVIII в., когда родился де Волан, — это начало европейского классицизма — подражающей античности фазе европейской культуры и ментальности. Это была не просто мода или античная «вуаль» — античность была как бы реальностью. Девиз классицизма сформулировал Иоганн Вин-

кельман: «Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Вся тогдашняя европейская культура как бы омывалась «Гольфстримом античности» и организовывала весь строй своей жизни по античным образцам [Кнабе, 1993: 171–180]. А общая ментально-культурная атмосфера классицизма неминуемо обрамляла «античной мотивацией» поступки всех людей этой эпохи. Античная ментальность во второй половине этого столетия заразила все европейское общество. Именно в такой обстановке формировался европейский дворянин Франц де Волан.

Незадолго до рождения Франца де Волана начались раскопки в Помпеях, которые ознаменовали встречу европейцев с непосредственным и бытовым миром древности. Извлеченные в результате их античные шедевры вызвали настоящий «бум» античной культуры в Европе. Все поколение де Волана воспитывалось на античных литературных образцах.

Сказанное касалось и естественных наук, а также архитектуры и градостроительства, которые в ту эпоху развивались в полном смысле как «подражание древним». Тем более что у «древних» были прекрасно отработанные классические примеры. Это позволяет уверенно предполагать, что де Волан, получая инженерно-градостроительное образование, учился, прежде всего, по этим эталонам. Такие образцы хорошо известны — они были выработаны в Римской империи в эпоху Цезаря и Октавиана Августа — это «Естественная история» Плиния, «О природе вещей» Лукреция Кара, «О сельском хозяйстве» Колумеллы, «География» Помпония Мелы, «Об архитектуре» Витрувия и многие другие. Римское естественнонаучное наследие органично было воспринято эпохой классицизма [см.: Рожанский, 1988]. Кажется очевидным, что для классического образования де Волана в области инженерного дела, гражданского и военного строительства и проектирования наибольшее значение могли иметь сочинения знаменитого Витрувия. Такое впечатление усиливается при сопоставлении их биографий — типологическое сходство налицо. И, в «подражание древним», воспользуемся методом автора «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха [Плутарх, 1994] — младшего современника Витрувия. Плутарх, как известно, сопоставлял выдающихся личностей разных эпох по «типам» их деяний.

Витрувий и де Волан.
«Сравнительное жизнеописание»

Римский инженер и архитектор Марк Витрувий Поллион жил во второй половине I в. до н. э. В молодости он был военным инженером и командиром саперных войск при Помпее и Юлии Цезаре (де Волан командовал артиллерией при Готланде, Килие, Измаиле, руководил саперными работами под Бендерами, военными разведками и пр.). Видимо, был замечен (как и де Волан) и после смерти Цезаря был приближен ко двору Августа через его сестру Октавию, где завоевал полное расположение императора своими выдающимися профессиональными качествами. Витрувию поручен надзор за строительством важнейших инженерных сооружений (де Волану после Ясского мира поручается строительство важнейших крепостей и городов. Позднее де Волан был приближен ко двору Александра I через Великую княгиню Екатерину Павловну — жену принца Ольденбургского). Известно, что Витрувий строил акведуки, в том числе и в самом Риме. Должность его была довольно высокой — видимо, он возглавлял магистрат консульского ранга, и под его началом трудилось 700 человек, распределенных по нескольким службам [Словарь античности, 1989: 107]. Ему также подчинялись кураторы в муниципальных городах, ведавшие строительством (так и инженер-генерал де Волан был Главноуправляющим путями сообщений, а также возглавлял Департаменты водных коммуникаций и путей сообщений — в ранге министра). К числу построенных Витрувием сооружений, описанных им самим, является храм Фортуны в Фано на Адриатике, водопровод в Риме, а также, видимо, возведенные по приказу Цезаря мосты через Рейн в Галлии (де Волан тоже руководил строительством мостов и каналов). Витрувий был не только инженером и зодчим, но и изобретателем (в частности, он изобрел клапаны в водопроводных трубах) и чертежником, автором технических иллюстраций (как и де Волан — проектировщиком). Кажется очевидным, что профессиональная служба Витрувия Риму типологически сопоставима с такой же службой де Волана Российской империи. Сопоставимы и их «деяния» (в терминологии Плутарха).

По своему социальному положению Витрувий также сходен с де Воланом — он не принадлежал к высшему слою

римской знати, как Варрон, Цицерон или Лукреций, а относился к сословию «всадников» — второму по значению после сенаторов сословию в Римской империи. Это — средний слой римского общества. Обычным дворянином, отнюдь не аристократом, был и де Волан.

Уже на склоне лет опытный Витрувий приступил к написанию своего единственного сочинения «De architectura», или «Десять книг об архитектуре», созданному в промежутке между 22 и 14 гг. до н. э., которое посвятил императору Августу. В литературе отмечается, что этот трактат написан сухим, «грубым», «плебейским» языком. Это естественно, поскольку выходец из среднего класса не мог получить первоклассного риторического и грамматического образования, и из него никак не мог получиться стилист, подобный Цицерону, Лукрецию или Цельсу. Собственно, как пишет сам Витрувий, он и не стремился к изысканному языку. В связи с этим отметим, что единственное литературное произведение де Волана — «Очерк моей службы...», а также все его служебные записки тоже написаны чрезвычайно сухим и скупым языком (в отличие от блестящих писем де Рибаса и других аристократов, получивших превосходное литературное образование).

В целях дальнейшего изложения дадим труду Витрувия краткое описание.

«De architectura»

В трактате последовательно рассматриваются основные категории архитектурной эстетики, строительство городов и крепостных сооружений (книга 1); типы строительных материалов — кирпич-сырец, песок, известь, различные виды камней и описание систем стеной кладки (книга 2). В книгах 3 и 4 трактуются основные принципы строительства храмовых зданий. 5-я книга посвящена технике и технологии сооружений общественных зданий, прежде всего театров. Особое внимание он уделяет выбору места для театрального здания, акустике и т. д. Произведение архитектуры, считает Витрувий, должно отвечать требованиям «прочности, пользы и красоты». От его композиции требуется единство и соразмерность частей, соответствие законам зрительного восприятия (эвритмия-гармония), образная выразительность и разумное использование средств.

В 6-й книге речь идет о строительстве частных (жилых) домов, а в 7-й — о различных видах отделочных работ. 8-я книга посвящена проблемам гидрологии. В ней излагаются методы изыскания воды (гидрологической разведки), описываются свойства и особенности вод из разнообразных источников (дождевая, речная, озерная и т. п.), предлагаются способы определения воды и установления ее доброкачественности, описываются устройства водопроводов, колодцев и цистерн. В 9-й книге рассматриваются вопросы астрономии, устройства солнечных и водяных часов. Особое значение Витрувий придает воздействию солнечных лучей на Землю, а также принципам оптимального расположения жилых, гражданских и храмовых строений в зависимости от климатических условий местности.

В 10-й книге говорится о машинах и орудиях. Это — машины для подъема тяжестей (блоки, триспасты, полиспасты, рычажные весы с рассуждениями о принципах действия рычага), водоподъемные устройства, водяные колеса и мельницы, водяной винт, поршневой насос, водяной орган, приборы для измерения пройденного пути и т. п. Затем описываются военные машины — «скорпионы», баллисты, катапульты, осадные сооружения (тараны, «черепахи»), а также оборонительные приспособления — рвы, траншеи и т. п.

Витрувий в своем трактате обобщил едва ли не весь огромный естественнонаучный опыт античной цивилизации. Известно, что он был знаком со всей греческой и эллинистической литературой по строительному и инженерному делу, в том числе и по военной технике. Он использовал труды 37 греческих авторов, а из латинских наиболее часто ссылается на Варрона и Гермогена. Таким образом, Витрувий создал всеобъемлющую энциклопедию сведений, относящихся к зодчеству и широкому кругу научно-технических и художественных вопросов.

В римскую эпоху труд Витрувия был оценен очень высоко и считался классическим. Его рекомендации считались едва ли не обязательными для любого римского инженера и архитектора. На него, как на классика, ссылаются в конце I в. н. э. Фронтин и Афиней Младший. В конце II в. Цеций Фавентин переиздает трактат Витрувия в кратком изложении — как учебно-методическое пособие. В первой половине V в. труды Витрувия рекомендует использовать римский писатель Палладий для строительства сельскохозяйственных

сооружений. В том же столетии Сидоний Аполлинарий характеризует Витрувия как идеального планировщика-архитектора. Он сравнивает его с Архимедом, идеальным математиком и чертежником [цит. по: Витрувий, 1936: 5]. Однако после крушения Римской империи и гибели античной цивилизации, в средние века, труд Витрувия был забыт.

Дух и наука «витрувианства»

Зато он оказался востребованным в эпоху Возрождения. Около 1450 г. к нему обращается Леон Баттиста Альберти. Это положило начало становлению архитектурной теории Ренессанса. Впервые Витрувий был издан в 1486 г. Его чертежи в XVI в. реконструировали архитекторы Джованни Джокондо и Вальтер Рифф. В 1542 г. в Риме архитектор Палладио основал Витрувиевскую академию. Ее влияние распространилось далеко за пределами Италии и приобрело характер художественного течения — «витрувианства», которое органично вошло в европейскую культуру XVI–XVII вв., но более всего — в классицизм XVIII в. Трактат был переведен на французский язык. Лучше всего сформулировал основную идею и дух витрувианства Гете: «Это какая-то вторая природа, которая действует в интересах гражданского благоустройства, — вот что представляет собой античное строительное искусство» [цит. по: Витрувий, 1936: 7].

Видимо, тогда же дух витрувианства проникает в Россию. Впервые на русский язык трактат «De architectura» был переведен с латинского Д. Савицким в 1757 г. Но перевод остался в рукописи — очевидно, еще не был востребован. Витрувий понадобился русскому классицизму несколько позднее. После двух русско-турецких войн — 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. на отвоеванных у Турции территориях в Причерноморье началась бурная градостроительная деятельность. Именно тогда, в 1790–1797 гг., в Санкт-Петербурге издается трактат Витрувия под названием «Архитектура в 10 книгах», в переводе с французского знаменитых архитекторов В. Баженова и Ф. Каржавина. Надо полагать, издатели стремились предложить всем инженерам и градостроителям Российской империи классическое учебное пособие. С ним мог (и, вероятно, должен был) ознакомиться каждый инженер-строитель — независимо от рангов и званий. Тем самым русский

классицизм признал «Архитектуру» Витрувия эталоном высочайшей культуры инженерно-архитектурного мышления.

Витрувий был убежден, что подлинный инженер и архитектор должен быть научно мыслящим и энциклопедически образованным человеком. *«Наука эта, — пишет он, — рождается из практики и теории... Практика есть неустанное мастерское суммирование опыта, которое тут же переходит в осуществление действием рук над материалом разного рода, какой потребен для стоящей перед оформлением задачи... А теория есть то, что может законченными обработкой произведения подать в наглядном показе, раскрыть их со стороны ловкости исполнения и точности расчета»* * [Витрувий: I, 1,1].

«Ведь, как и во всем, — продолжает Витрувий, — так и подавно в архитектуре неотъемлемы две стороны: изъясняемая и изъясняющая. Изъясняемая сторона вещи — это есть сама данная вещь, о которой говорят, а изъясняет ее наглядный ее показ, развернутый методами наук... Следовательно, всякий, кто заявляет себя архитектором, обязан быть одинаково изошрен в том и другом подходе... Так пусть же то будет человек, владеющий письмом, искусный в графике, обученный геометрии, знакомый с подбором рассказов по истории, прослушавший внимательно курс у философов, знающий музыку и не лишенный познаний в медицине, сведущий по части толкования законов юристами, обладающий знанием астрономии и законов небесных явлений» [Витрувий: I, 1,3].

Ученик Витрувия

Надо полагать, что «Архитектура» стала настольной книгой де Волана с 1790-х гг. Хотя более чем вероятно, что она таковой была для него давно — во французском (или ином), более раннем издании. Такое предположение не покажется слишком смелым, если сопоставить конкретные рекомендации Витрувия с не менее конкретными действиями Франца де Волана еще до выхода трактата на русском языке.

---

* Здесь и далее цитаты из «Десяти книг об архитектуре» Витрувия выделены курсивом (А. Д.).

Попытаемся выяснить, как использовал де Волан — «человек, одаренный от природы, и человек, восприимчивый к научному образованию» [Витрувий: I, 1,3] — эти рекомендации при планировке и начале строительства будущей Одессы и ее порта.

Хаджибейская бухта, по мнению де Волана, была для этого оптимально приспособлена. Ведь «...если сами природные условия создают удобное расположение для гаваней, — пишет Витрувий, — если имеются выдающиеся... мысы, благодаря которым будут образовываться внутри естественные изгибы или завороты, в таком случае такие гавани имеют громадные практические удобства» [Витрувий: 5, XII, 1].

Уже упоминалось, что после взятия Хаджибея де Волан проводил «работы по измерениям рейда и другие...», и «план основания Одессы... был выработан исподволь, систематично, основательно» [Дерибас, 1990: 4–6]. Эти наблюдения и были обобщены де Воланом в его «Записках» в Сенат.

По мнению Витрувия, при выборе места расположения гаваней «*надо объяснить, каким способом в них корабли защищаются от бурь*» [Витрувий: 5, XII, 1]. Де Волан и объясняет: «...Льды там не могут ни малейшего вреда в течение воды оной занести. Судоходство может происходить весь год со всеми ветрами. Пункт сей представлял в то же время удобство подкрепления и убежища действующим флотам в военное время и гавань для торговли... неприятельскому флоту залив сей служил местом убежища и пристанища», и поэтому «завладение оным крайней было важности...».

«*Надлежит тщательнее производить изыскания для выбора самых умеренных по климату местностей, когда будет поставлен вопрос о здоровых условиях при месторасположении городов*», считает Витрувий. Именно «*выбор места, самого что ни есть здорового*» — первый принцип, которым, по его мнению, следует руководствоваться при закладке города. «*Таковым будет место высокое, не подверженное ни туманам, ни заморозкам, — место, обращенное в сторону не жарких и не холодных, а умеренных стран света. Затем при выборе здорового места предстоит избегать соседства с болотами... Точно так же, если городское поселение будет расположено вдоль моря и обращено к югу или западу, то оно будет находиться не в здоровых условиях, потому что в летнюю пору южное небо с восхо-*

дом солнца раскаляется, а в полдень горит жаром; равным образом и поселение, обращенное к западу, на восходе солнца нагревается, в полдень раскаляется, а к вечеру пышет жаром» [Витрувий: 1, IV, 1].

Таким требованиям Витрувия на берегу избранной де Воланом Хаджибейской бухты отвечает лишь ее южная сторона — именно она обращена «в сторону не жарких и не холодных, а умеренных стран света», к морю, на север, с незначительным отклонением к востоку. Морской берег на этой стороне достаточно высок и отдален от болот. Именно на этом, южном участке бухты, в соответствии с рекомендациями Витрувия, де Волан «произвел топографическую съемку местности и создал первый план города и порта» [Глеб-Кошанский, 1999: 103].

Однако еще ранее де Волан проводит тщательные гидротехнические изыскания не только в Хаджибейской бухте, но и значительно шире — по всему северо-западному побережью Черного моря.

Опыт античного Борисфена

Результаты гидротехнических изысканий сохранились. Они показаны на «Гидрографической карте северным берегам Черного моря... изготовленной... по повелению вице-адмирала и кавалера де-Рибаса». Попытаемся прокомментировать эти результаты. «Гидрографическая карта...» была изготовлена в 1794 г. * На ней представлены конкретные сведения измерений морских глубин — очевидно, в том числе и те самые «замеры» рейда, ко-

---

* «Гидрографическая карта северным берегам Черного моря, означая ныне состоящую границу между устьями рек Днепра и Днестра, на коей показаны глубина, отмели и фарватер в пользу судоходства по Днепру, Бугу, Днестру и вдоль по берегам моря с показанием способа, как иметь коммуникацию по Черному морю с городами и портами: Херсоном, Николаевым, Очаковым, Одессой и Овидиополем. Снята и проверена Черноморского гребного флота и инженерного корпуса офицерами, находящимися при строении крепостей южной границы по повелению вице-адмирала и кавалера де Рибаса». 1794 г. Фонды Одесского историко-краеведческого музея. Шифр: К-933-1-11.

торые проводились после взятия Хаджибея. Известно, что де Волан их уточнял и позднее — ясно, что эти данные ему уже были известны ко времени составления «Записок» в Сенат, обосновывавших достоинства Хаджибейской бухты. На карте можно видеть, что бухта измерена более чем обстоятельно.

Не менее обстоятельно измерено и все прилегающее побережье до устьев Буга и Днепра. Так, на «Гидрографической карте...» совершенно отчетливо видна длинная песчаная отмель, являющаяся продолжением Кинбурнской косы. Эта отмель вытянута вдоль побережья от Кинбурна (напротив Очакова), и ее оконечность располагается напротив Хаджибейской бухты. На карте нет данных о повсеместных измерениях этой отмели. Однако совершенно ясно, что она была существенной помехой для судоходства в этом районе Черного моря — прежде всего для судов с глубокой осадкой. Таким судам для того, чтобы попасть к Очакову и Кинбурну, а также к Николаеву и Херсону, приходилось огибать отмель с запада, т. е. в районе Хаджибейской бухты. И действительно, на «Гидрографической карте...» указан основной фарватер для входа в Днепровско-Бугский лиман — он проходит между самой бухтой и крайней западной оконечностью этой отмели — подводного песчаного продолжения Кинбурнской косы.

Сказанное означает, что *реальное* устье Днепровско-Бугского лимана в конце XVIII в. находилось не у Очакова, а у Хаджибея. И это установили де Рибас с де Воланом во время гидротехнических измерений в начале 1790-х гг. Результаты этих измерений полностью опровергают все доводы и соображения Мордвинова о достоинствах расположения Очакова и возможностях его использования как главного порта Российской империи на Черном море. Любые суда с глубокой осадкой — торговые или военные — могли попасть в Очаков, лишь проходя мимо Хаджибея. Иного пути для них просто не было. Поэтому куда более целесообразным представлялось «устроить... военную гавань купно с купеческою пристанью» именно в Хаджибейской бухте — и «в рассуждении гидрографического положения, так и относительно коммуникации сухим путем...», как писал де Волан в одной из своих «Записок».

Дополним эти «рассуждения» еще одной рекомендацией Витрувия — желательно, чтобы приморский «город располагался близ устья судоходной реки» [Витрувий: 1, IV, 11–12]. Де Волан, как можно видеть, учел и это: иде-

альное коммуникационное расположение Хаджибея было ему совершенно очевидно. Как и должно было стать очевидным каждому, кто ознакомился бы с результатами его гидротехнических измерений.

Не исключено, что с предварительными результатами этих гидротехнических измерений де Рибас ознакомил Екатерину. Как бы там ни было, в январе 1793 г. де Волану поручено спроектировать большую крепость и составить план нового порта и города для Высочайшего утверждения. А в июле 1793 г. в указе на имя генерал-прокурора Самойлова императрица повелевает: «...назначенную при Очакове гавань строением не начинать» [Глеб-Кошанский, 1999: 102].

Вероятно, именно тогда императрица обратила на де Волана особое внимание. Позднее она высоко оценит его труды в Рескрипте от 4 декабря 1795 г.: «инженер-полковнику де Волану, которого неутомимою деятельностью и расторопностью все производимые в ведомстве нашем многочисленные работы и строения производятся в исполнение с желаемым успехом всемилоостивейше жалуем ему в уважение трудов им подъемлемых и немалых издержек, которые он по должности своей обязан делать, десять тысяч рублей единовременно, и по сто рублей на месяц столовых денег из сумм ведомства вашего» [Глеб-Кошанский, 1999: 107].

Интересно и иное. Если сопоставить «Гидрографическую карту...» де Волана с «Картой береговой линии северо-западной части Черного моря», воссоздающей по палеогеографическим данным навигационную ситуацию в северо-западной части Черного моря в античные времена, то нетрудно видеть, что они полностью соответствуют друг другу. Отличие лишь в том, что в I тыс. до н. э. уровень моря был значительно ниже, и тогда надводная часть нынешней Кинбурнской косы доходила до нынешнего Одесского залива. Поэтому первые греки-колонисты и заложили свой город «*близ устья судоходной реки*» — Борисфена-Днепра — в самом выгодном месте. Мы стремились это показать во второй части этой книги.

Гидротехнические измерения де Волана в конце XVIII в. показывают, что, несмотря на существенный подъем уровня моря за два с половиной тысячелетия, которые отделяют время рождения Одессы от античного Борисфена, навигационная ситуация в этом районе существенно не изменилась. И вслед за своими античными предшественниками, основавшими здесь крупный город и порт Борисфен, де Волан просто

воспроизводит их опыт и размещает будущую Одессу на том же, самом выгодном месте — «*близ устья судоходной реки*».

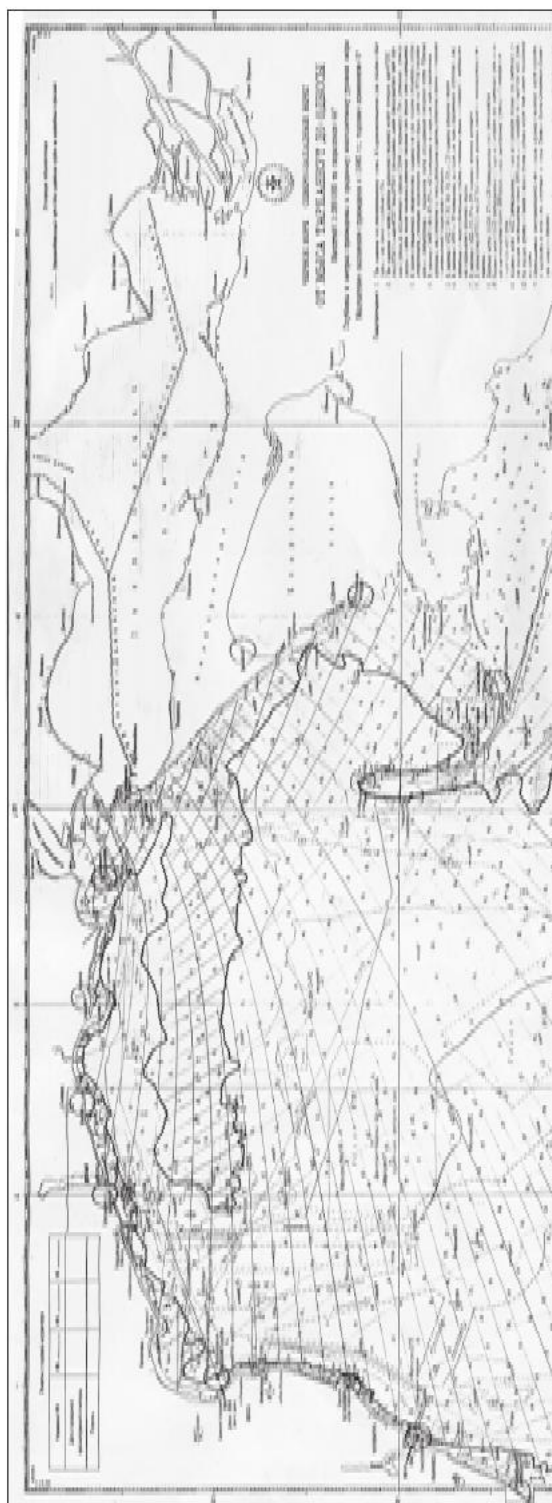
Трудно переоценить значение гидротехнических измерений де Волана для будущих судеб Одессы. Ему удалось действительно расположить Одессу и ее порт в идеальном месте. Ведь песчаное продолжение Кинбурнской косы — ныне известная Одесская банка — сохраняется и сегодня. Она продолжает вынуждать все крупнотоннажные суда, направляющиеся в Днепровско-Бугский лиман, ее огибать — основной фарватер проходит мимо Одесского залива. Благодаря такому «идеальному» расположению Одесса в XIX в. «выиграла» торговое и экономическое соревнование у Николаева и Херсона и превратилась в самый богатый и процветающий город Российской империи. Этим она обязана исключительному таланту и профессионализму де Волана, который работал в полном согласии и соответствии со всеми рекомендациями Витрувия. Он же, видимо, угадал или «провидел» градостроительный опыт Борисфена — античного предшественника Одессы [Добролюбский, 1998].

Замысел города Солнца

Надо полагать, такому «провидению» способствовала общая ментально-культурная атмосфера классицизма, обрамлявшая «античной мотивацией» всю деятельность де Волана. «Для себя лично, — пишет он, — я делал наброски проектов новых городов с их названиями: ...Хаджибей, предназначенный для греческой колонии в качестве торговой гавани» [Де-Волант, 1999: 11]. Проведя гидротехнические изыскания и топографическую съемку местности, де Волан зимой-весной 1794 года составляет первый «План города Гаджибея» и порта. Видимо, тогда он «советовался» с Витрувием особенно внимательно.

Уже упоминалось, что Витрувий особое внимание уделял оптимальному размещению жилых кварталов и строений по отношению к солнцу [Витрувий: 1, III-VII]. Так, он рекомендует производить «*прокладку улиц и переулков с ориентацией на определенную часть света*» [Витрувий: 1, VI, 1], а «*по распределению пространств между зданиями и по установлении плана улиц предстоит развернуть выбор под определенные здания соответствующих площадей*

Одесса, рожденная классицизмом

Современная Одесская банка

для удобства общего пользования ими населения: под храмовые здания, для форума, и для прочих общедоступных мест. И в тех случаях, если город будет расположен вдоль моря, то площадь для расположения форума следует избирать возможно ближе к порту...». А для «храмовых зданий... надо отводить площади на самом возвышенном месте» [Витрувий: 1, VII, 1].

«В центре города, — продолжает Витрувий, — следует установить по ватерпасу мраморную горизонтальную плиту или же самое место так выровнять под линейку и по ватерпасу, что не потребуются горизонтальной плиты. Затем вверху из самой середины этого места надо установить медный гномон, как указатель тени». И далее идет описание способа «получить северную и южную ориентацию» для планировки городских кварталов [Витрувий: 1, VI, 6].

Метод Витрувия восходит к обрядам закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Об этом мы писали в предыдущем очерке. Как и о том, что в Российской империи новые города, основанные во второй половине XVIII века на отвоеванных территориях, планировались по римским образцам.

Проведенные нами специальные астрометрические подсчеты [Добролюбский, Челомбитько, 1998: 22–26; 1999: 6–7] на плане современной Одессы были перенесены на «План города Гаджибея», составленный де Воланом зимой-весной 1794 г. Это позволило полагать, что де Волан проводил подобные расчеты при планировке будущей Одессы. Размещение городских кварталов, лежащее в основе композиционного построения всего плана, оказалось в полном соответствии с древнеримским ритуалом определения «декумануса» как раз для того времени года, когда составлялся «План...».

Центром будущего города было избрано место на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц, где был совершен обряд основания Одессы. Этот центр — место, где «надо установить медный гномон, как указатель тени», чтобы «получить северную и южную ориентацию», в соответствии с рекомендациями Витрувия для приморского города, — «был избран возможно ближе к порту» [Витрувий: 1, VI, 6]. Здесь же — здание Городской думы и Думская площадь — аналог античного «форума».

День торжественной закладки Одессы — 22 августа 1794 г. — был избран ее основателями заранее и сознатель-

но, из вполне научных соображений. И эти соображения, основанные на конкретных астрономических расчетах де Волана, исходили из столь же конкретных астрономических рекомендаций Витрувия [Витрувий: 9, I-VI]. Именно в этот день «кардинная» ось Греческого форштадта, по замыслу де Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным «небесным полюсом». Солярный центр Одессы оказался на стыке Военного и Греческого форштадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70°. Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день рождения Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным.

Известно, что к этому дню де Волан на основе первого «Плана города Гаджибея» подготовил другой план, более детальный. Он именовался «План города Гаджибея с назначением предполагаемого адмиралтейства, Карантина, Таможни и кварталов для строения домов и магазинов с назначением ныне имеющегося в оном разного Крепостного, гражданского и обывательского строения, и кому именно отданы места для построения домов и магазинов. Сочинен Августа дня 1794 г.» *.

На втором плане, по сравнению с первым, развита схема города с нумерацией его кварталов (всего 70), указано поквартальное количество домов и их будущая принадлежность. Определена очередность застройки и заселения, отмечены кварталы «для приумножения городского строения». Также спланированы экономическая и социальная инфраструктуры города: рынки, склады, городской госпиталь, пять церквей разных религий. Обозначен большой (16 га) Адмиралтейский квартал с артиллерийским фортом, со зданиями для служб и армии, призванными прикрывать порт и город от вражеского нападения с моря. Этот квартал примыкает к Адмиралтейской пристани и Малому жете (Военному молу). Центральную площадь квартала должна была украсить церковь Великомученицы Екатерины. Порт на втором плане более просторный.

---

* План подписан: «Адмирал де-Рибас, инженер-полковник де-Волан» [Глеб-Кошанский, 1999: 105]. Хранится в музее Одесского морского порта.

«Укрощение вредоносных» Австра, Кавра и Эвра

«**П**рокладка улиц с ориентацией на определенную сторону света будет вытолнена правильно, если эти проулки будут предохранены от действия ветров; иначе ветры, если они холодные, то действуют неприятно; если они жаркие, то действуют тлетворно; а если они влажные, то оказывают вредоносные влияния. Поэтому, очевидно, следует всячески избегать промахов в этом отношении... — учит Витрувий. — ...Так, например, на острове Лесбосе город Митилены выстроен великолепно и с изяществом, но местоположение его не свидетельствует о предусмотрительности. В этом городе при веянии Австра — южного ветра — люди болеют, при веянии Кора — западного ветра или северо-западного — страдают кашлем; при веянии Септентриона — северного ветра — возвращаются к нормальному состоянию, но в проулках и на улицах не в состоянии удерживаться на ногах под резким действием холодного ветра» [Витрувий: 1, VI, 1].

Зато, «если ветры будут обезврежены, то в таком случае этим будет достигнуто не только оздоровление места для здоровых организмов, но в таких местах вследствие обезврежения ветров и благорастворения атмосферы скорее всего будут излечиваться даже те болезни, которые возникнут от каких-нибудь других неблагоприятных условий и которые в других здоровых, но не обезвреженных от действия ветров местностях лечатся лишь с обратным медицинским результатом. Недуги, которые с трудом поддаются лечению... суть следующие: катар дыхательных путей, кашель, плеврит, чахотка, кровохарканье и прочие болезни... Они получают от отстуживаний, а затем от того, что при истощении сил болезнью воздух, под действием ветров, разрежаясь, вытягивает соки у больных из их пораженных организмов и вызывает их похугдание. И наоборот, мягкий и сгущенный воздух, который не дает ни сквозняков, ни частых воздушных прибоев, благодаря своей устойчивой неподвижности привнося собою нечто в организм, питает и восстанавливает силы больных, впавших в вышеназванные болезни» [Витрувий: 1, VI, 3].

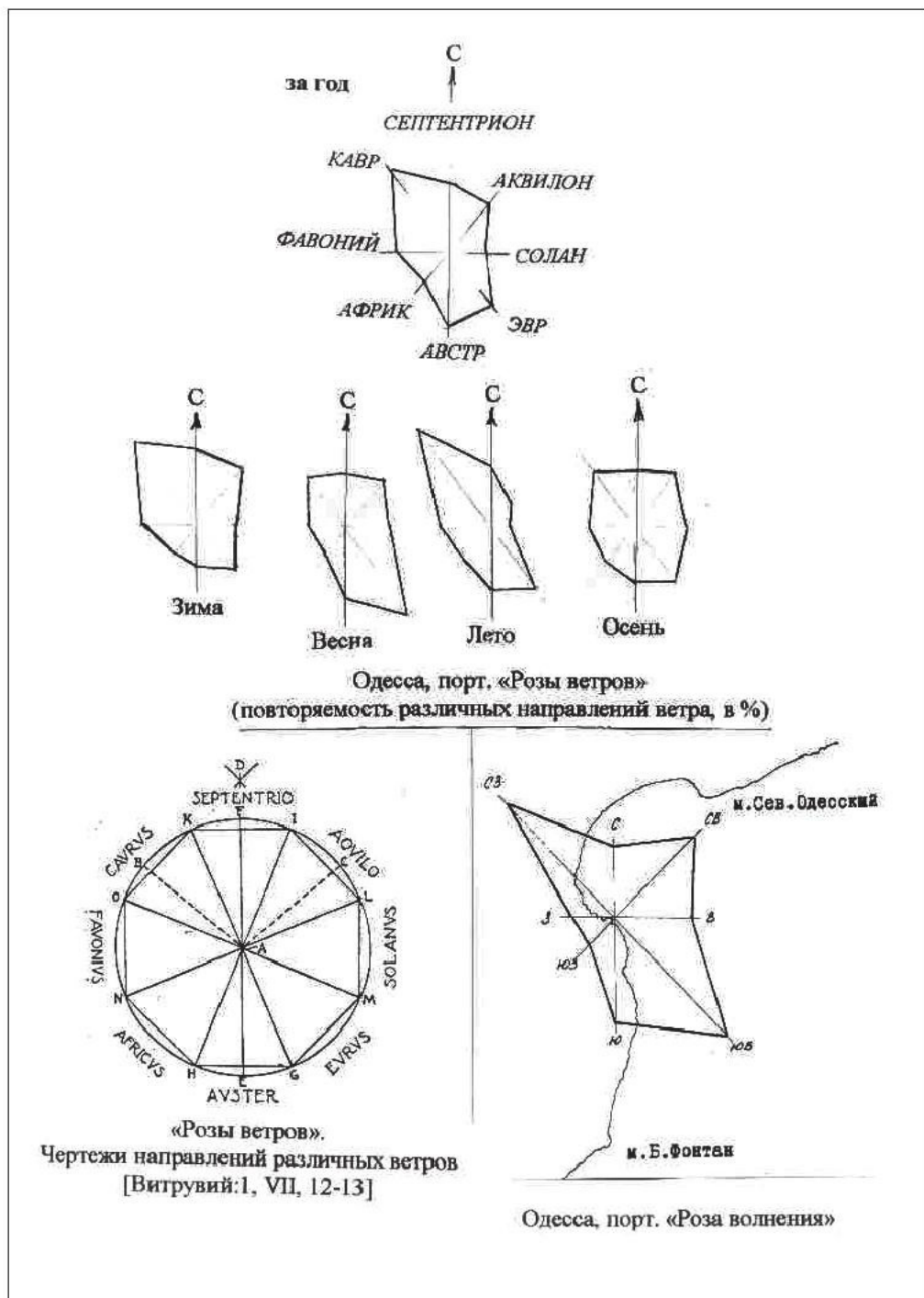
Витрувий насчитывает восемь основных ветров: «Солан, дующий с востока в точке равноденствия; Австр, дующий

с юга; Фавоний, дующий с запада в точке равноденствия; Септентрион, дующий с севера...». Помимо этого «...между Соланом и Австром — дующий с зимнего востока Эвр; между Австром и Фавонием — с зимнего запада дующий Африк; между Фавонием и Септентрионом — Кавр, который большинство называют Кором; между Септентрионом и Соланом — Аквилон» [Витрувий: 1, VI, 4, 5]. И, как в современном методическом пособии, он излагает принципы правильной планировки города и последовательность расчетов. Так, прежде всего следует установить северную и южную ориентацию от точки, где установлен медный гномон. От этой точки на чертеже следует циркулем сделать окружность, которая делится на восемь частей соответственно перечисленным ветрам. Затем получить «обозначение восьмой части окружности, занимаемой Австром и Септентрионом. Остальные части, справа три и слева три, должны быть совершенно ровно распределены по всей взятой в целом окружности, так, чтобы в чертеже были обозначены равные деления восьми ветров. Только потом уже по углам, занимающим место между двумя направлениями ветров, следует, как это теперь видно, прокладывать направления улиц и проулков (выделено мной. — А. Д.)... Таким образом, когда все это будет выполнено, надо посередине между углов поставить гномон и при таком положении его надо определять направления в планировке проулков».

«Такими именно приемами и такой распланировкой будет исключено отяготительное действие ветров, как на жилища, так и на улицы. Иначе, раз улицы будут проложены против направления ветров, то в таком случае налетающий из открытых пространств неба частыми порывами ветер окажется заключенным в тиски переулков и будет бушевать с непреодолимой силой. А потому-то и следует отворачивать от направления ветров линии улиц так, чтобы, налетая на углы корпусов зданий, ветры разбивались и, получив отпор, рассеивались (выделено мной. — А. Д.)» [Витрувий: 1, VI, 7–13].

Ясно, что «правильное» решение проблемы «отяготительного действия ветров» на человека было для

Розы ветров и волнений по Витрувию

Витрувия важнейшим при планировке города. Он ее рассматривает как первостепенную для комфортного и здорового проживания его жителей. Видимо, точно так же рассуждает и Франц де Волан. И вслед за своим античным «учителем» он так планирует свой город, чтобы максимально «укротить» самые «вредоносные» преобладающие ветры. Такими для Одессы являются северо-западный ветер Кавр, несущий катар и кашель ее жителям, а также южный и юго-восточный ветры Австр и Эвр, «*дующий с зимнего востока*» и несущий жителям города «*плеврит, чахотку, кровохарканье и прочие болезни*». Для обезвреживания именно этих, наиболее опасных ветров, де Волан располагает основные форштадты города под углом к ним: Военный — углом по направлению к Эвру, а Греческий — углом по направлению к Кавру. Благодаря этому, при преобладании северо-восточных ветров (Кавр) они, «*налетая на углы корпусов зданий*» Греческого форштадта, разбиваются и рассеиваются. Точно так же рассеивается и вредоносное действие юго-восточных и южных ветров — Эвра и Австра: они налетают на углы кварталов и строений Военного форштадта. Таким же образом форштадты Одессы защищены и от «*дующего от зимнего запада*» Африка — юго-западного ветра, который усиливается осенью и зимой и также способствует «*впаданию в вышеназванные болезни*».

Приведенные нами «розы ветров» показывают, что в Одессе на протяжении всего года преобладают, в среднем, северо-западные и юго-западные ветры. Это преобладание не так очевидно осенью, но постепенно усиливается зимой и весной, но более всего выражено в летние месяцы. Поэтому планировочной задачей де Волана было устранение их «отяготительного воздействия» наряду с «привлечением» в город здоровых или менее опасных ветров. Расположение Военного и Греческого форштадтов также способствует такому «привлечению» — их улицы открыты со стороны моря более слабым, более здоровым ветрам — северным и северо-восточным. При усилении именно этих ветров весной, зимой и осенью, люди, которые страдают от кашля, «*возвращаются к нормальному состоянию*». Этому не препятствует и открытость улиц Одессы со стороны степи ветрам, дующим с юго-запада и запада, — Африку и Фавонию. Они наиболее

слабы в течение года, в том числе зимой и весной. Летом они приятны и безвредны. Осенью же «вредоносные» Кавр и Эвр относительно ослаблены за счет увеличения доли здоровых северных, северо-восточных и восточных ветров — Септентриона, Аквилона и Солана.

Мы видим, что высочайшая градостроительная и архитектурная выучка и культура де Волана позволили ему оптимально учесть всю совокупность астрономических, климатических и метеорологических факторов при планировке Одессы. Он сумел полностью компенсировать возможные «вредоносные» воздействия этих факторов и расположить «свой» город едва ли не идеально. Равным образом сказанное относится и к порту.

Идеальный порт

Гидротехнические работы де Волана в Хаджибейской бухте показали, что глубина воды в ней не превосходит 42 футов (12,8 м), причем она наибольшая напротив нынешнего мыса Ланжерон. В остальных частях бухты эта глубина, начиная с 30 футов (9,15 м) на расстоянии от берега около 400 саженей (853,6 м) быстро становится все меньшей по мере приближения к северной части бухты, где образуется обширная отмель глубиной менее 24 футов (менее 7 м) *. Это создает опасности для прохождения и маневрирования здесь судов с глубокой осадкой [Тимонов, 1886: 3, табл. 1]. Безопасный вход в бухту располагался лишь со стороны юго-востока.

Поэтому Одесса оказывалась уязвимой для вражеского флота лишь со стороны мыса Ланжерон. Именно на нем, к востоку от города и порта, де Волан и располагает основную крепость. Крепость должна была препятствовать прохождению неприятельских кораблей в залив. Если же они все же попадали в залив, то могли приблизиться к берегу лишь в районе другой крепости — Малого жете, — расположенной

---

* Отмель образована действием берегового течения с северо-востока. Наносы из Днепровско-Бугского лимана оседают, более всего, в северо-восточной части Хаджибейской бухты [Тимонов, 1886: 3–4].

Профиль Платоновского мола

на месте бывшего Гаджибейского замка. Она защищала вход в гавань * [см.: Тимонов, 1886: приложения, табл. 1, 2].

«Не следует обходить молчанием вопрос об удобном расположении гаваней», — пишет Витрувий. Их «...надо строить с таким расчетом, чтобы они больше всего были обращены к северу; южные же стороны благодаря жару содействуют появлению гниения, а также родят и вскармливают тлю, сверлячков, [точильщиков] и другие виды вредных животных» [Витрувий: 5, XII, 1, 7].

Можно видеть, что на «Плане города Гаджибея» порт обращен к северо-востоку. И вход в него де Волан устраивает именно с северной стороны. Потому что, если «ориентация на определенную часть света будет выполнена правильно», то строения, как уже говорилось, «будут предохранены от действия ветров» [Витрувий: 1, VI, 1].

---

* Вспомним, что 10 апреля 1854 года, во время бомбардировки Одессы англо-французской эскадрой город сумела защитить лишь одна, установленная на Платоновском молу, у самого уреза воды, небольшая (4 орудия) батарея под командованием прапорщика Александра Щеголева, которая в течение почти семи часов вела неравную артиллерийскую дуэль с батареями девяти вражеских судов. Благодаря именно такому размещению этого мола он защищал единственный, достаточно глубокий и возможный проход в порт со стороны Ланжероновского мыса. В этом узком проходе неприятельские корабли не могли ни маневрировать, ни развернуться в боевой порядок, чтобы использовать мощь всех своих орудий, ни приблизиться к городу, чтобы высадить десант. На всех остальных участках Одесского залива и прилегающего побережья флот, при приближении к берегу, неминуемо бы садился на мель. При такой попытке у Малого фонтана и сел на мель фрегат «Тигр».

Действительно, Одесский порт расположен де Воланом по отношению к городу таким образом, что «высокие обрывистые берега укрывают воды от ветров с юго-юго-востока до северо-востока. С моря все ветры от NO через O до SSO имеют к нему совершенно свободный доступ. Из них наиболее опасны юго-восточные, производящие самое глубокое волнение. Береговые ветры, дующие с N до NO, никогда не вызывают сильного волнения» [Тимонов, 1886: 3] *.

Можно видеть, что город на высоком обрыве защищает порт от самого опасного и «вредоносного» ветра — Кавра. Но порт совершенно беззащитен перед не менее «вредоносным» Эвром — юго-восточным ветром, «отягощающее воздействие» которого усиливается «самыми глубокими волнениями».

Осознавая это, де Волан видит свою первостепенную задачу в укреплении гавани с самой опасной, юго-восточной стороны, для укрощения «вредоносного» Эвра и «самых глубоких волнений». Поэтому именно здесь он начинает строить первые и самые мощные молы. Таким стал нынешний Карантинный (Платоновский) мол **. Он задуман как самый длинный, полностью ограждающий порт с юго-востока, востока и северо-востока. А от возможных воздействий «вредоносного» Кавра порт с северо-востока защищает Военный мол. Сам вход в порт размещен с севера — сюда дует лишь здоровый северный ветер Септентрион, который не вызывает сильного волнения.

И когда «только с одной стороны будет бухта (место для стоянки), то тогда надо (искусственно) соорудить

---

* Автор выражает глубокую благодарность доктору технических наук, профессору, академику МАНЭБ М. Б. Пойзнеру («ЧерноморНИИпроект») за обстоятельные консультации по разным аспектам истории и строительства Одесского порта и за предоставление детальных сведений о «розах ветров», морских течениях и волнениях, характере конструкций гидротехнических сооружений и т. п. Написание этой работы стало возможным лишь при содействии Михаила Борисовича.

** Сильное южное течение «особенно ощутимо после сильного северного ветра, когда морские воды спешат принять положение равновесия, временно нарушенное действием бури, и возвращаются к берегу. Тогда массы мутной воды, несущей продукты размыва русла Днестра, береговых обвалов Черного моря... врываются в залив и там складывают свои наносы вдоль Карантинного мола» [Тимонов, 1886: 4].

жать молы или из камней или насыпями и, таким образом, устраивать ограды гаваням» [Витрувий: 5, XII, 2]. А уже в гавани «следует строить портики или корабельные верфи либо проходы из гаваней к товарным складам» [Витрувий: 5, XII, 1].

Де Волан так и поступает. В 1794 г., «получив... приказ незамедлительно начать строительные работы в Одесском порту, мне пришлось... вернуться на берега Черного моря, где меня ждал адмирал де-Рибас... Я обнаружил заботами адмирала де-Рибаса уже достаточно материалов, готовых для начала работ по строительству молов, дамб порта, различных складов временных строений для карантина и казарм на 12 тыс. человек. Отряды матросов были размещены в каменных сооружениях» [Де-Волант, 1999: 15–16]. И, как известно, уже в 1795 году в Одесском порту были готовы три верфи для постройки и ремонта кораблей, три больших товарных склада и один большой соляной склад. Также была проведена нивелировка пристаней вдоль порта с террасами для складов. Все это, как можно видеть, делалось по «учебнику» Витрувия. Дополнительно были построены четыре казармы — «жилье для войск и работников», карантин, таможня и другие помещения [Глеб-Кошанский, 1994: гл. 1].

Но самой главной и трудной задачей при строительстве порта для де Волана было, «сообразуясь с гаванями Неаполя, Ливорно, Акконы и Генуи, построить мол и, производя в рассуждении сего надлежащим рассматривания удостоверились, что мол сей доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани» [цит. по: Глеб-Кошанский, 1999: 100–101]. И действительно, к концу 1795 г. были готовы фундамент малого мола длиной 130 туазов, до 19 м глубины в море, а также плотно заполненный фундамент большого (*Платоновского*. — *А. Д.*) мола порта продвинулся в море на 50 туазов. Также построены две тали в море для швартовки кораблей.

При строительстве этих молов де Волан применил так называемый «ряжевый метод». Суть этого метода в том, что изготовлялись деревянные срубы, загружались камнями и песком и затапливались в нужном месте. «Прямо на плаву строились ящички-баржи по ширине мола и высоте — на сажень выше уровня моря. Ящички постепенно засыпались камнем и притапливались один за другим, образуя тело мола. По бокам забивались мощные сваи. Сверху на-

сыпался щебень, укладывалась мостовая, возводились заградительные от волн с морской стороны стены, и, — мол готов». Так пишет Н. Г. Глеб-Кошанский в комментариях к «Очерку моей службы в России» де Волана. Комментатор считает, что такой метод был изобретен самим де Воланом в Одессе [Глеб-Кошанский, 1999].

Напротив, лучший знаток местного градостроительства В. А. Чарнецкий полагает, что «нет никакой надобности приписывать де Волану изобретений или открытий, которые он никогда не совершал, — подобные мифологемы только оскорбляют память этого замечательного человека». В статье «Загадка Деволана» патриарх одесского краеведения приводит множество примеров, показывающих, что такой метод издавна применялся при постройке портовых сооружений в Европе и Америке, а в России — еще в петровские времена [Чарнецкий, 1997].

Снова обратимся к Витрувию. «...А каменные сооружения, которые должны быть в воде, следует делать вот как: надо привезти пугеоланский песок из тех областей, которые простираются от Кум до мыса Минервы (нынешний Неаполитанский залив. — А. Д.); этот песок следует перемешать с раствором извести, так чтобы было два на один. Затем в определенном месте следует опустить в воду и крепко утвердить обитые досками и скрепами четырехугольные клетки...», — пишет он в главе «О гаванях и сооружениях на воде», — «пространство внутри этих клеток... заполнить камнями, песком и цементом... затем с боков этой дамбы построить стенки (борта) одинаковой высоты с поверхностью дамбы» [Витрувий: 5, VII, 4].

Упомянутый «пугеоланский песок» «совершенно изумительным путем производит изумительное действие. Месторождение его... в краях, лежащих около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем оно придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но под ее действием приобретают незыблемую твердость даже сооружаемые на море молы» [Витрувий: 4, VI, 1]. Камни же, добываемые у Везувия, «обладают поистине... неоценимыми достоинствами. Ни атмосферическое влияние заморозков, ни касания огня не в силах им повредить, но, вопреки всем вредным воздействиям, они остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность, ибо по своему природному составу они в сла-

бой пропорции содержат доли воздуха и огня, в средней пропорции доли влаги и в наибольшей пропорции доли земли... будучи консолидированы из плотно сомкнутых составных частей, они не поддаются вредоносным действиям ни атмосферных влияний, ни силы огня» [Витрувий: 4, VII, 4–6].

Известно, что в Римской империи эти рекомендации соблюдались очень тщательно — молы в гаванях большинства средиземноморских портов — Остии, Милета, Карфагена, Александрии и др. — возводились подобным, «ряжевым» способом. Но главное то, что римляне стремились их строить именно из песка и камней, добытых в районе Везувия. Такие же волноломы найдены и при подводных археологических исследованиях в разных местах Черноморья. Римские корабли развозили лаву и песок из-под Везувия по всем портам империи [Снисаренко, 1990: 352–354].

Можно видеть, что Франц де Волан при строительстве молов и волноломов Одесского порта использовал «ряжевый» метод, который был рекомендован еще Витрувием [сравн.: Тимонов, 1886, приложение, чертеж 9: профиль Платоновского мола]. Но сказанное означает и иное.

Хорошо известно, что вся Одесса начала моститься камнями везувийской («неаполитанской») лавы уже со времени ее основания. Эти лавовые вымостки на одесских улицах сохранились до сих пор в тех местах, где их не уничтожили последующим строительством. Они действительно необычайно прочны, и, по словам Витрувия, «остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность» [Витрувий: 2, VII, 3]. Ранее принято было считать, что лавовый камень привозился из Неаполя в Одессу лишь вынужденно — как балласт для порожних судов. Потом его некуда было девать, а потому приходилось использовать для мощения.

Если это так, то почему же он привозился лишь из Неаполя, из-под Везувия? Становится ясным, что де Волан, следуя советам Витрувия, специально позаботился о том, чтобы вынужденным балластом оказался именно такой камень (а, возможно, и «путьоланский песок?»), который был бы самым прочным для строительства и мощения одесских улиц. Этим он обеспечивал «необычайной силы твердость», «незыблемость» и «вековечность» [Витрувий: 2, VI, 3–5] всех сооружений порта и города. Наверное, эти советы Витрувия оказались по душе и Иосифу де Рибасу — ведь Одесса строилась и мостилась из камней его родины — Неаполя.

Крушение мечты

Как известно, в ноябре 1796 г. скончалась императрица Екатерина. «...Мордвинова и Рибаса тотчас же вызвали в Петербург, первого, как полагали, для возложения на него какой-нибудь важной должности, а второго для того только, чтобы посадить в крепость» [Атлас, 1992: 32–33]. «24 декабря последовало Высочайшее распоряжение “Комиссию южных крепостей и Одесского порта упразднить...”. В рапорте адмирала Пустошкина от 18 января 1797 г. сообщается: “Вследствие Высочайшего повеления... экспедиция строения южных крепостей и порта Одессы упразднена от сего генваря 10 и как дела ее, так и чины в оной находившиеся, отправлены от меня в Санкт-Петербург”» [цит. по: Атлас, 1992: 32].

Де Волан пытался сопротивляться, как мог. К январю 1797 г. он готовит новый, третий план города и порта с тем, чтобы попытаться убедить Павла не губить Одессу. На этом, третьем плане Одессы, детализируются подробности построения города, а в порту добавлены заградительные сооружения [Глеб-Кошанский, 1999: цветная вкладка; 1994: 57]. Де Волан убежден, что сворачивать работы совершенно недопустимо из-за амбиций завистников. «Успех наших начинаний, вызвавший большую зависть, породил клеветников, — пишет он. — Одесса в особенности имела неумолимого врага в лице начальника Черноморского адмиралтейства Мордвинова, который был личным неприятелем адмирала де-Рибаса, считая себя оскорбленным, поскольку именно тому было поручено устройство нового порта и города Одессы» [Де-Волант, 1999: 32]. И далее, в «Записке» от 24 января 1797 г.: «Приманчивые и корыстолюбивые предупреждения не укоснили возникнуть и, напрягая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие (построение одесского порта), вопияли о невозможности приведения сего в действие; однако твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей, и устройство возымело свое начало 1794 года августа в 22 день» [Смолянинов, 1852: 349].

Все это было напрасно. Уже в конце января 1797 г. он пишет отчет в Сенат «О расходах крайне важных для по-

строения Одесского порта» [Глеб-Кошанский, 1994: 78–79] и отправляется в Петербург. Его военно-инженерная карьера окончилась. Одессу у него отняли.

Видимо, де Волан мечтал о создании «идеального города» и видел воплощение этой мечты в рождающейся Одессе. В ее создание он вложил всю свою душу, весь свой талант, энергию, любовь и профессионализм. Однако реплика Павла I в приказе адмиралу Пустошкину «...Одесский порт *по неудобности его (курсив мой. — А. Д.)* не будет отделяться...» [Глеб-Кошанский, 1994: 79] его доконала. Предвидя гибель Одессы и полное крушение своей мечты, он увольняется от службы (впрочем, с произведением в генералы) и на два года уезжает из России. Видимо, стресс у него был сильнейший.

Но, как известно, время лечит. В 1799 г. де Волан снова возвращается в Россию и поступает на службу в Департаменте водных коммуникаций — уже в чине инженер-генерала. Одессу он посещает лишь в 1800 г. с почти самоубийственной миссией — для образования там комитета для окончания постройки города и порта [Деволан, 1905].

Одесса как памятник де Волану

Исторические обстоятельства, как известно, дамы необычайно капризные. Иосиф де Рибас в конце 1800 г. погибает при подготовке заговора против императора [Горбатюк, Глазырин, 1994: 89–90]. Но в марте 1801 г. Павла все же убивают. Для обреченной Одессы это оказалось спасением. Надо думать, и де Волан был доволен, несмотря на то, что менее месяца назад, в феврале 1801 г., он получил из рук Павла орден Св. Иоанна Иерусалимского — командорский крест Мальтийского ордена.

Францу де Волану повезло больше, чем его другу Иосифу де Рибасу — он дожил до времен возрождения Одессы при Ришелье и Ланжероне.

Такое возрождение и последующий расцвет «Южной Пальмиры» оказались возможными благодаря тому, что именно де Волан сумел заложить наш город в соответствии со всеми требованиями эвритмии-гармонии — «прочности, пользы и красоты». В этом он «советовался» со своим антич-

ным «учителем» Витрувием и основал Одессу на месте древнего Борисфена * — у реального устья Борисфена-Днепра.

Мечте гениального инженера и архитектора суждено было сбыться. Уже при Ришелье Франц де Волан снова получает возможность позаботиться о своем любимом детище. Свою античную, «полисную» идею «идеального города» он развивает в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую «очаговую», или «мегаполисную». Она заключалась в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города [Чарнецкий, 1997: 46–47]. Такие очаги, по мысли де Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, «римскому» плану, «как бы постепенно сливающимися крупными пятнами». Эта идея создавала дополнительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запланированных «очагов» была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно «круглый дом», находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы.

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанные с этим «комфортные» ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны необычайной культурной чуткости де Волана к древнейшим традициям античного градостроения. Своим планом он сумел оптимально обеспечить освещение будущего города солнцем, уберечь его жителей от действия «вредоносных» и болезнетворных ветров. Видимо, не случайно в 1870 г. Л. Самсонов в книге «Золотой город» назвал Одессу «Солнцем, согревающим юг России» [Самсонов, 1990: 310].

Изначальное расположение и прочность молов, волноломов и других сооружений «военной и купеческой га-

---

* Мы убеждены, что де Волан знал об античном предшественнике Одессы. Его строительные работы между Военной и Карантинной балками не могли не нарушить повсеместный мощный культурный слой античного времени и не выявить там множества находок. Так, Малое жете находится на самом насыщенном античными находками участке. Неслучайно уже в 1798 г. житель Одессы А. Ф. Панагиодор-Никовул попытался начать здесь археологические раскопки. По сей день античные находки повсеместны при любых строительных и дночерпательных работах в Одесском порту.

Одесса, рожденная классицизмом

вани», защищавших ее от опасных ветров, волн и течений, превратило Одесский порт в один из надежнейших в мире. Он и сегодня является признанным шедевром гидротехнического строительства.

А лавовые «неаполитанские» вымостки еще сохранились во многих старых одесских дворах. Как и многие прибрежные лестницы из лавового камня. Они придают нашему городу особое обаяние. Они — тоже памятник уму, прозорливости, высочайшей градостроительной культуре и таланту великого инженера — Франца Павловича де Волана. Его имя всегда будет сохраняться в благодарной памяти одесситов. Сама же Одесса — «лучший город в мире» (выражение Л. Утесова) [Утесов, 1990: 340–346] — и есть лучший ему памятник.

Вместо эпилога

Одесса, рожденная Одессосом

Больше всего мне хотелось бы научиться перемещаться не только в пространстве, но и во времени Южной Пальмиры.

Олег Губарь

Эта книга написана под впечатлением неожиданной находки — считанных обломков роскошной античной посуды на месте основания Одессы Иосифом де Рибасом. Находка оказалась удивительной и стала поводом к переосмыслению историко-археологических сведений с учетом нового существенного фактора — крупного древнегреческого города VII–IV вв. до н. э.

Эти находки в многократно потревоженном культурном слое могли получить лишь одно удовлетворительное объяснение: зафиксированы остатки богатого некрополя. Такой некрополь мог образоваться лишь при богатом и крупном городе. Этот город можно искать только в море. И действительно, палеогеографические данные об изменении береговой линии в районе Одессы вполне удовлетворительно объясняют его былое существование. Вся археологическая ситуация становится упорядоченной, она может быть проверена в связи с изложенной гипотезой. Частично это удалось сделать на Приморском бульваре, под Воронцовским дворцом. А затем и на Жеваховой горе.

Так античное «торжище Борисфенитов», или Гавань Истриан, названное два века спустя после его основания городом Одессосом на побережье нынешнего Одесского залива, становится реальным и научным фактом. Он легко проверяется, мы теперь хорошо себе представляем, что и где нужно копать. Но уже сейчас можно задавать этому городу новые вопросы. Как о нем могли не знать его современники и почему его не заметила эпоха? Выясняется, что «очень даже» знали и заметили.

В книге «Идея истории» английский историк Робин Дж. Коллингвуд делится своим опытом обращения с историческими источниками. Это опыт следователя и подозреваемого, скорее, палача и жертвы. Ученый должен «пытать» свою жертву, задавать ей неожиданные, парадоксальные и провокационные вопросы, сбивать с толку, устраивать «очные ставки» с другими источниками. Если «пытать» умело и профессионально, то источник обязательно «сознается». Его нужно лишь настойчиво «истязать», не доверяя и не оставляя в покое. Речь идет о детективном стиле исторического рассуждения, который на техническом языке современной поэтики именуется «метонимическим» — изучение деталей, замещающих целое. Значимость каждой детали превращает ее в существенную часть исторической обстановки, деталь как бы подается крупным планом. Это позволяет производить реконструкцию прошлого на основании лишь некоторых, не замеченных ранее подробностей, которые могут послу-

жить наблюдательному историку для построения и проверки своих гипотез.

Так, «пытая» Геродота, историка и очевидца, «пропитанного» античной ментальностью Гомера, можно увидеть, почему он «не заметил» наш Борисфен — он просто в нем тогда находился, и именно здесь, в районе нынешнего Приморского бульвара, писал драматические истории царевича Анахарсиса и царя Скила. Город Борисфен был для него такой же очевидностью, как Ольвия, Истрия, Тира или Никоний, которые он, как выясняется, тоже не очень заметил. Геродот, по собственному признанию, описывает лишь удивительные события и деяния. А греческие города для него очевидны и ничем не удивительны, как и для всех его современников и читателей. Поэтому он вообще не уделил им никакого внимания. Для Геродота и его современников было совершенно ясным все то, что мы сегодня выясняем с таким трудом: мотивы поведения Скила, его истрийская и проафинская ориентация, соперничество Истрии и Ольвии, скифов и фракийцев, династическая борьба за власть в Скифии, коварство ольвиополитов, бегство Скила из Борисфена во Фракию, поведение Ситалка и Октамасада. Все это — повседневный исторический фон, естественный для современников «Отца истории».

Лишь на этом фоне непрекращающегося соперничества Истрии и Ольвии, скифов и фракийцев получает удовлетворительное объяснение и изображение Диоскуров-Кабиров на аверсе истрийс-

ких монет, и скифская символика на серебряных ольвийских монетах. Восточная экспансия истриан объясняет широкое распространение истрийских монет к востоку от Днестра. Понятно, почему именно Никоний и «одесский» Борисфен — Гавань Истриан — становятся истрийско-македонскими опорными пунктами в войне против Ольвии и скифов и, вероятно, военно-морскими базами Зопириона. Также удовлетворительно объясняется одновременность тезаврации Орловского, Дороцкого и Висунцовского кладов, гибель Никония, битва за остров Левке, прекращение обращения истрийских монет к востоку от Днестра после 330 года до н. э., расцвет Ольвии и выпуск ею золотых статеров с антимакедонской символикой. Как и обитатели любой эпохи, древние греки мыслили совершенно конкретно в своей системе культурных предпочтений, симпатий и политических ориентаций. Очевидно, следует стараться задавать им вопросы не в нашей, а в их системе культурного мышления и ментальности. Тогда и ответы на них станут вразумительными.

Равным образом Геродоту было предельно ясно, что «торжище Борисфенитов» находилось в местности, которая в античной ментальности воспринималась как загробный, потусторонний мир. Это было не менее ясно и другим античным авторам. И эту страну «киммерийско-скифского мрака» населяли «загробные народы» — гарпии, каллипиды, алазоны и многие другие. А также мифологические персонажи — Ахилл, Одиссей, Геракл, да и весь олим-

пийский и доолимпийский пантеон богов, титанов и героев. Наравне со смертными, каждый из которых мог стать героем или полубогом, в зависимости от своих деяний. Все они были для них очевидной реальностью. И именно в этой местности должен был находиться крупнейший ритуальный центр этого мира, одновременно реального и потустороннего. И он оказался на Жеваховой горе.

Ясно, что дальнейшее изучение древнегреческого города Борисфена и Одессоса, а также их почти несостоявшихся, явно неудачливых и «захудалых наследников» Джинестры и Хаджибея, под нынешней одесской застройкой позволит задавать им все новые вопросы. Здесь заданы лишь немногие из них. Дальнейшая работа видится заманчивой и, разумеется, необозримой. Это придает ей особую интеллектуальную привлекательность. Достаточно обратиться к опыту археологических исследований в других городах. Он показывает, что даже при непрерывающейся веками перестройке сохраняется до 30–40 % древнейших культурных напластований. Это, например, доказано археологами в Лондоне и во многих других европейских городах. Одесса — не Лондон, намного лучше. Здесь строительство ведется лишь два столетия, причем планировка городских кварталов в исторической части осталась почти неизменной. В таком случае, вероятность сохранности предшествующих культурных слоев очень высока. А это может означать, что нас ожидает множество новых радостных открытий.

Зато теперь мы знаем, что неслучайно будущие одесситы екатерининских времен выбрали для своего города, быть может, сами того не ведая, то оптимальное место, где более чем два тысячелетия тому назад расцвел его античный предшественник. Неслучайны и античное имя Одессы и античная ментальность ее основателей. Неслучайно и то, что Одесса стала крупнейшим центром новой средиземноморской колонизации эпохи классицизма на северных берегах Черного моря. Свято место пусто не бывает.

Это «свято место», занимаемое ныне Одессой, в историко-культурном отношении воистину уникально. Хорошо известно, что северо-западное побережье Черного моря издавна является областью непосредственного контакта средиземноморской и евразийской цивилизаций, «связующим звеном и проводником мощных обменных процессов» между народами Восточной Европы, евразийских степей со Средиземноморьем. В терминологии «Князя истории» Фернана Броделя структурные естественно-географические характеристики такой территории, по сути своей, стабильны как природное явление. Для северо-западного побережья Черного моря такие характеристики определяются, прежде всего, возможностями судоходства в этом районе. Ими же, естественно, обуславливается и расположение на побережье тех или иных портов или гаваней — пунктов упомянутых «обменных процессов» с сухопутными территориями.

Также кажется очевидным, что существовавший здесь в античные времена крупнейший городской, торговый и портовый центр был не полисным (административно-государственным) в общепринятом понимании городом, а торговым, находящимся на перекрестье двух полисов — Ольвии и Истрии, а также двух цивилизаций — скифской, кочевнической, и античной, балкано-средиземноморской. Это был античный предшественник «порто-франко» Одессы — «вольного города». В этом смысле Борисфен был «Вольной Гаванью» Истриан и стал именоваться Одессосом в память о посещении этой местности — «дальних врат» Аида на нынешней Жеваховой горе — Одиссеем в гомеровские времена. Здесь же тогда находился и центр мироздания — Пуп Земли.

Ретроспективное рассмотрение истории «местности, занимаемой Одессой» позволяет заметить некую историко-энергетическую закономерность — за весь период существования европейской и евразийской цивилизации именно на месте Одессы, в районе Жеваховой горы, возникал уникальный культурный «цветок», причем с периодичностью примерно в две тысячи лет. Первым был «энеолитический цветок». Это — Усатовская культура, редкостный вариант трипольской цивилизации, которая пребывала в расцвете 2500–2250 тыс. лет до н. э.. Вторым стал «античный цветок», Борисфен-Одессос, который расцветал в VI–III веках до н. э., примерно через две тысячи лет после Усатова. И, наконец, спустя еще две с небольшим тысячи лет расцветает феноменаль-

ная культура самой Одессы (конец XVIII–XXI века). Все эти культуры зарождались и возникали около какого-то загадочного энергетического источника, который, возможно, действительно находится где-то в недрах Жеваховой горы.

Это наблюдение может что-то означать. Античный культурный слой, подстилающий современную Одессу, — это, разумеется, «мертвая» материальная реальность. Но она каким-то загадочным образом оплодотворяет живую, нынешнюю духовную реальность Одессы своей энергией. Такое свойство энергии мертвой культуры, воздействующей на живую культуру, Аристотель назвал «энтелехией». «Материя есть возможность, — писал он. — Форма же — энтелехия». Так, «душа есть энтелехия тела, ибо в ней оно, одушевляясь, обретает смысл и обретает сущность». Тогда получается, что нынешняя Одесса, в полном смысле этого слова, рождена античностью, рождена Одессосом. Очевидно, где-то в этом гениальном научном прозрении Аристотеля и таится разгадка феноменальности одесской культуры.

Литература *

- Агбунов М. В.** Античная лоция Черного моря. — М.: 1987.
- Агбунов М. В.** Путешествие в загадочную Скифию. — М., 1989.
- Алексеев В. П.** Семантика аверсного типа серебряных истрийских монет V–IV вв. до н. э. // Нумизматика античного Причерноморья. — Киев, 1982.
- Алексеев В. П.** Монеты Одесса с Кошарского городища // Древнее Причерноморье. VI Чтения памяти профессора П. О. Карышковского. — Одесса, 2005.
- Андрух С. И.** Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. — Запорожье, 1995.
- Античные памятники Северо-Западного Причерноморья.** — К., 2001.
- Аристотель.** О душе. — II, I, 412a; Метафизика. — XI, 2, 7, 1049a. — Сочинения. — Т. 1. — М., 1976.
- Артамонов М. И.** Киммерийцы и скифы. — Л., 1974.
- Археология СССР.** Античные государства Северного Причерноморья. — М., 1984.
- Атлас Д. Г.** Старая Одесса, ее друзья и недруги. — Одесса, 1992.
- Афанасьева В. В.** Мифология гомосексуализма // Журнал философского факультета Саратовского госуниверситета. — Саратов, 2009.
- Байрон Д.** Дон-Жуан. — М., 1947.
- Бачинський А. Д.** Січ Задунайська. — Одеса, 1994.
- Беляева С. А., Ляшко С. Н., Константинеску Л. Ф.** Раскопки в г. Очакове // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. — Київ, 1991.
- Берн Э.** Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М., 2004.

---

* Список составлен в научной манере французской исторической школы «Анналов». Неаккуратность французских ученых в отношении библиографических сносок общеизвестна (см. об этом: Умберто Эко. Имя розы, 1980). Приношу свои извинения читателю, если, в результате следования этой традиции, подобная небрежность могла прокрасться и в эту книгу.

- Біляєва С. О., Віноградська А. І., Сухобоков О. В., Ерзой Б.** Археологічні дослідження в Очакові // Археологічні відкриття в Україні 1997–98 рр. — Київ, 1998.
- Болдирев О. В.** Одесі — 600. Історичний нарис. — Одеса, 1994.
- Боровой С. Я.** Воспоминания. — Москва-Иерусалим, 1993.
- Боровой С. Я.** Хаджибей в 60-х гг. XVIII ст. // Записки Одесского археологического общества. — Т. 2 (35). — Одесса, 1967.
- Брун Ф. К.** Заметки, относящиеся к древней географии Новороссийского края и Бессарабии. — Одесса, 1856.
- Брун Ф. К.** Судьбы местности, занимаемой Одессою // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. — Одесса, 1879.
- Бруяко И. В.** Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7–3 вв. до Р. Х. — Волжск, 1999.
- Бруяко И. В., Карпов В. А.** Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ, 1992, № 2.
- Буйских С. Б.** Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997.
- Бырня П. П.** Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. — Кишинев, 1984.
- Виноградов Ю. Г.** О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. — М., 1976.
- Виноградов Ю. Г.** Перстень царя Скила // Советская археология, 1980, № 3.
- Виноградов Ю. Г.** Политическая история ольвийского полиса (VII–I вв. до н. э.). — М., 1989.
- Витрувий.** Десять книг об архитектуре: пер. Ф. А. Петровского. — М., 1936.
- Волков И. В., Новикова Г. Л.** Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании музея истории города Москвы: Труды Музея истории города Москвы. — М., 1996. — Вып. 9.

- Геродот. История в 9 книгах. — Л., 1972.
- Голосовкер Я. Э. Логика мифа. — М., 1987.
- Гомер. Одиссея: пер. с древнегреч. В. Жуковского. — М., 1985.
- Гончарук Т. Г. (ред.). Історія Хаджибея (Одеси) 1415–1795 рр. в документах. — Одеса, 2000.
- Горбатюк А. И. Дитя Европы. — Одесса, 2006.
- Горбатюк А. И., Глазырин В. Л. Юная Одесса в портретах ее создателей. — Одесса, 1994.
- Граков Б. Н. Скифы. — М., 1971.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. — М., 1992.
- Губарь О. И. 100 вопросов «за Одессу». — Одесса, 1994.
- Губарь О. И. Новые загадки старого Хаджибея // Вестник региона, №37. — Одесса, 1.08.1998 г.
- Губарь О. И. Пушкин. Театр. Одесса. — Одесса, 1990.
- Губарь О. И. Старые дома. — Одесса, 2006.
- Губарь О. И., Добролюбский А. О. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. — Одесса, 1996.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990.
- Деволан Франц Павлович // РБС, т. 5. — СПб, 1905.
- Деволан Франц Сент. Моя жизнь в России. — Одесса, 2002.
- Де-Волант Женераль Франсуа. Очерк моей службы в России. 1787–1811 гг. — Одесса, 1999.
- Дерибас А. М. Старая Одесса. — Одесса, 1990.
- Диамант Э. И. Далекый предшественник Одессы // Есть город у моря (краеведческий сборник). — Одесса, 1990.
- Диамант Э. И. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине. — К., 1984.
- Диамант Э. И. Поселение и могильник V–III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Киев, 1976. — Вып. 6.
- Диамант Э. И. Топография античных поселений побережья Одесского залива и лиманов // Тезисы Первой областной историко-краеведческой научно-практической конференции, посвященной 200-летию г. Одессы, «Воспитание историей». — Одесса, 1989.

- Добролюбский А. О. Античная идея Одессы // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. — Одесса, 2006. — Вып. 1.
- Добролюбский А. О. Античная Одесса. — Одесса, 2004.
- Добролюбский А. О. В поисках античной Одессы // Stratum plus. — Кишинев, 1999. — № 3.
- Добролюбский А. О. Где и когда были Джинестра с Качибеем? И где же тогда был Хаджибей? // Древнее Причерноморье. — Вып. 10. — Одесса, 2013.
- Добролюбский А. О. Население «Новоприобретенной области» перед строительством Одессы // Одеси — 200. Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 200-річчю міста. — Одеса, 1994.
- Добролюбский А. О. Об этническом составе населения греческих городов Северо-Западного Причерноморья (по материалам сероглиняной лощеной керамики) // Боспорский феномен. — Вып. I, часть 2. — СПб, 2001.
- Добролюбский А. О. Одессея одного археолога. — СПб, 2009.
- Добролюбский А. О. Сексоцентризм в культуре и философии древности // Исторіосфера. — Одеса, 2010.
- Добролюбский А. О. У колыбели Одессы. — Одесса, 2002.
- Добролюбський А. О. У пошуках античного Одесоса // Лукомор'я. Археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. — Вып. 5. — Одеса, 2011.
- Добролюбский А. О. Чары Диониса и казни царя Скила // Дерibasовская–Ришельевская. Одесский альманах (сб.), кн. 42. Всемирный клуб одесситов. — Одесса, 2010.
- Добролюбский А. О. Юго-запад Украины как особый историко-культурный регион // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. — Одесса, 1994.
- Добролюбский А. О., Губарь О. И., Красножон А. В. Борисфен–Хаджибей–Одесса. — Одесса-Кишинев, 2002.
- Добролюбский А. О., Красножон А. В., Хулентий С. А. Был ли царь Дарий в Одессе? // Исторіосфера. Матеріали наукової конференції молодих вчених Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського. — Одеса, 2006.

- Добролюбский А. О., Красножон А. В.** Древнегреческое святилище на Жеваховой горе в Одессе // Боспорский феномен. — СПб, 2007. — Часть 2.
- Добролюбский А. О., Сергиенко И. С., Ориховский Т. А.** Керамическая коллекция из раскопок Жеваховой горы 2006 года // Историческая Одесса. — Одесса, 2007.
- Добролюбский А. О., Смирнов И. О.** Кочовики південно-західної України в X–XVII століттях. — К.; Миколаїв, 2011.
- Добролюбский А. О., Красножон А. В.** Подземные тайны Одессы. — Одесса, 2007.
- Добролюбский А. О., Красножон А. В.** Топохронология, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб, 2005. — Вып. 5.
- Добролюбский А. О., Мохненко С. С., Добролюбская Ю. А.** Школа «Анналов» — «новая историческая наука». Учебник. — Одесса–Херсон–Москва, 2000.
- Дубнов С. М.** Краткая история евреев. — Ч. 1. — СПб, 1912. — Гл. 7–8.
- ЖМНП** (Журнал Министерства народного просвещения). — СПб, 1850. — Ч. LXV.
- Загинайло А. Г., Карышковский П. О.** Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. — Кишинев, 1990.
- Зайцев А. И.** Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. — СПб, 2001.
- ЗООИД** (Записки Одесского общества истории и древностей). — Т. XVII. — Одесса, 1884.
- Известия.** Вечерний выпуск. — Одесса, 8 августа 1937.
- История Востока.** — М., 2000. — Т. 3.
- Каллистов Д. П.** Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. — Л., 1949.
- Карышковский П.** Березанские сонеты // С. Буйских. Пыль золотая. — Киев, 1994.
- Карышковский П. О.** Монеты Ольвии. — Киев: Наукова думка, 1988.

- Карышковский П. О.** Новые эпитафические находки в Нижнем Поднестровье // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. — Севастополь, 1988.
- Карышковский П. О., Клейман И. Б.** Древний город Тира. Историко-археологический очерк. — Киев: Наукова думка, 1985.
- Клочко Л. С.** Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок. Древности степной Скифии // Сборник научных трудов. — Киев, 1982.
- Кнабе Г. С.** Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. — М., 1993.
- Кнабе Г. С.** Эпителия культуры // Диалог культур. — М., 1994. — Вып. 25.
- Кнабе Г. С., Протопопова И. А.** Культура античности. История мировой культуры. Наследие Запада. — М., 1998.
- Кобылина М. М.** Милет. — М., 1969.
- Константинов В., Незнахин В.** От Геродота до Маразли и дальше // Историческое краеведение Одесщины. — Одесса, 1992. — Вып. 3.
- Котов В.** Устроитель Одессы // Франц Сент Деволан. Моя жизнь в России. — Одесса, 2002.
- Красножон А. В.** Литовский замок Качубиев на территории Одессы // Древнее Причерноморье. — Одесса, 2011. — Вып. IX.
- Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б.** К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. — К., 1980.
- Крижицький С. Д.** Античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. — Київ, 1994. — Кн. 1.
- Кузнецов А. А.** Ордена и медали России. — М., 1985.
- Кузнецов К. Г.** Герменевтика и гуманитарное познание. — М., 1991.
- Куклина И. В.** Этнография Скифии. — Л., 1985.
- Кун Н. А.** Легенды и мифы древней Греции. — М., 1955.
- Курмоярцев С. Г.** Амфорные клейма Жеваховой горы // Историческая сфера. — Одесса, 2007.
- Курочкин Г. Н.** Образ богини с зеркалом в скифском искусстве и его иконографические прототипы // Скифия и Боспор. — Новочеркасск, 1989.

- Лафитт-Клаве.** Описание пути от Константинополя до Очакова // Сапожников И. В. Описание Одессы и Северного Причерноморья 1780-х годов. — Ильичевск, 1999.
- Лобок А. М.** Антропология мифа. — Екатеринбург, 1997.
- Лотман Ю. М.** Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М., 1988.
- Лукиан из Самосаты.** Разговоры богов. Две любви. Избранное. — М., 1962.
- Майстровой Я.** Улицы Одессы. Справочник по топонимии старой части города. — Одесса: УООКН, 2007.
- Маркевич А. И.** Город Качибей или Гаджибей — предшественник города Одессы // ЗООИД, 1894. — Т. XVII.
- Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т.** Земля Айэ, остров Айайэ и вход в Аид в ранних «Аргонавтиках» и «Одиссее» в сопоставлении с достоверными сведениями о Понте и Причерноморье в античной письменной традиции // Боспорский феномен. — СПб, 2001. — Часть 1.
- Мережковский Д. С.** Тайна Запада: Атлантида — Европа. Кодры (Молдова литературная). — Кишинев, 1991. — № 1–7.
- МНМ (Мифы народов мира):** Энциклопедия. — М., 1991, 1998. — 1, 2 тт.
- Михайлов А. В.** Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры. — М., 1988.
- Нейхардт А. А.** Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. — Л., 1982.
- Новицкий Е. Ю., Добролюбский А. О.** Предыстория Одессы. — Одесса: Оптимум, 2006.
- Носова Л. В.** О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. — СПб, 2002. — Ч. 2.
- Одесса.** Очерк истории города-героя. — Одесса, 1957.
- Одесский вестник.** — 1827, № 20; 1831, № 76.
- Отечественные записки П. Свиньина.** — СПб, 1826. — Ч. 26.; СПб, 1826. — Ч. 28.
- Охотников С. Б.** Греческие колонии Нижнего Поднепровья. — Одесса: Ивлия, 2000.

- Охотников С. Б.** Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. — Киев, 1990.
- Охотников С. Б., Островерхов А. С.** Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). — Киев: Наукова думка, 1993.
- Охотников С. Б., Пасхина Е. П.** Находки амфор в Черном море // Новые археологические исследования на Одессине. — К., 1984.
- Петров А. Н.** Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791. — СПб, 1880. — Т. 2.
- Письма адмирала Иосифа Михайловича де Рибаса правителю канцелярии фельдмаршала князя Потемкина-Таврического // ЗООИД.** — Одесса, 1879. — Т. 11.
- Письма генерал-майора О. М. де-Рибаса князю Потемкину-Таврическому // ЗООИД.** — Одесса, 1872. — Т. 8.
- Письмо канцлера А. А. Безбородко графу П. В. Завадовскому // ЗООИД.** — Одесса, 1879. — Т. 11.
- Плутарх.** Сравнительные жизнеописания. — В 2-х томах. — М., 1994.
- Подосинов А. В.** Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. — М., 1999.
- Полин С. В.** Хронология ранньоскіфських пам'яток. — Археологія, 1987. — Вип. 59.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.
- Раевский Д. С.** Мир скифской культуры. — М., 2006.
- Раевский Д. С.** Модель мира скифской культуры. — М., 1985.
- Редина Е. Ф. и др.** Раскопки древнегреческого поселения и могильника у села Кошары Одесской области // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. — Одесса, 1999. — Вып. 1.
- Рожанский И. Д.** История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. — М., 1988.
- Розанов В. В.** Религия. Философия. Культура. — М., 1992.

- Русяева А. С.** Древнегреческие ландшафтные святилища в северном Причерноморье // Боспорский феномен. — СПб, 2002. — Ч. 2.
- Русяева А. С.** Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992.
- Русяева А. С., Скржинская М. В.** Ольвийский полис и каллипиды // Вестник древней истории. — 1979. — № 4.
- Рыбаков Б. А.** Геродотова Скифия. — М., 1979.
- Самойлова Т. Л.** Этнокультурная ситуация в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и основание греческих колоний в Нижнем Поднестровье; ее же: Эллинское и варварское в духовном мире греков Нижнего Поднестровья в VI—I вв. до н. э. // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я. — Одеса, 2000.
- Самсонов Л.** Золотой город // Есть город у моря. Краеведческий сборник. — Одесса, 1990.
- Сапожников И. В., Сапожникова Г. В.** Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе. — Одесса, 1998.
- Секерская Н. М.** Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. — Киев, 1989.
- Скальковский А.** Адмирал Де-Рибас и завоевание Хаджибея. — Одесса, 1889.
- Скальковський А. О.** Історія Нової Сечі. — Дніпропетровськ, 1994.
- Скржинская М. В.** Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. — Киев, 2009.
- Скржинская М. В.** Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. — К., 1991.
- Словарь античности.** — М., 1989.
- Смолянинов К.** История Одессы // ЗООИД, 1853. — Т. 3.
- Снисаренко А. Б.** Эвпатриды удачи. — Л., 1990.
- Сорокин П. Е.** Археология Санкт-Петербурга — итоги исследований и проблема сохранения и использования археологического наследия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. — СПб, 1998.
- Станчев А.** Древнее поселение — предшественник Одессы // Знамя коммунизма. — Одесса. — 6 мая 1967.

- Стемпковский И. А.** Известия о древностях, найденных в Одессе, в течение 1826 г. // Отечественные записки П. Свинына. — СПб, 1827. — Ч. 30.
- Стемпковский И. А.** Исследования о местоположении древнегреческих поселений на берегах Понта Эвксинского по случаю найденных в 1823 г. остатков древностей в Одессе. — СПб, 1826.
- Страбон.** География. — Л., 1964.
- Сымонович Э. А.** О древнем Одессе // Вестник древней истории. — 1954. — № 4.
- Тахо-Годи А. А.** Греческая мифология. — М., 1969.
- Телушкин Й.** Еврейский мир. — М., 1992.
- Тимонов В.** Очерк развития Одесского порта // Материалы для описания русских портов. Одесский порт. — СПб: Издание Комиссии по устройству коммерческих портов, 1886.
- Тимофеенко В. И.** Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. — Киев, 1984.
- Титенко Г. Т.** Закавказские удила, найденные на Полтавщине. — КСИА АН УССР, 1954. — Вып. 3.
- Ткачук М. Е.** Археология свободы. — Кишинев, 1996.
- Ткачук М. Е.** Три Гетика // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1996.
- Торчинов Е. А.** Религии мира: опыт запредельного, психотехника и трансперсональные состояния. — СПб, 1998.
- Уржанов В. М.** Еще раз о дате рождения Иосифа де Рибаса // Вечерняя Одесса, 26 декабря 2000.
- Утесов Л.** Лучший город в мире // Есть город у моря. Краеведческий сборник. — Одесса, 1990.
- Феденев Р. К.** Де Рибас. — Одесса, 1993.
- Формозов А. А.** Страницы истории русской археологии. — М., 1986.
- Хазанов А. М.** Социальная история скифов. — М., 1975.
- Хейзинга Й.** Homo ludens. — М., 1992.
- Хейфец С. В.** Некоторые вопросы экономических связей Николия по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. II Чтения памяти проф. П. О. Карышковского. — Одесса, 1991.
- Хенниг Р.** Неведомые земли. — М., 1961. — Т. 1.

- Циркин Ю. Б.** Карфаген и его культура. — М., 1986.
- Чарнецкий В. А.** Загадка Деволана // Одесса. — 1997. — № 11–12.
- Чарнецкий В. А.** Замок Ени-Дунья // Одесский вестник, 29.10.1994 (№ 717).
- Черненко Е. В.** Скифо-персидская война. — К., 1984.
- Шахермайер Ф.** Александр Македонский. — М., 1984.
- Щукин М. Б.** Машина времени и лопата. — Кишинев, 1991.
- Элиаде М.** История веры и религиозных идей. — М., 2002. — Т. 1. XV.
- Яворницький Д. І.** Історія запорізьких козаків. — Львів, 1990. — Т. 1.

Жевахова гора

Начало раскопок

Работа на святилище

Студенты на раскопках Одесса

Ритуальные сосуды Одессоса

Грузила, пряслица

Намотки

Стрелы Аполлона в теле омфалоса

Сезам, отройся!

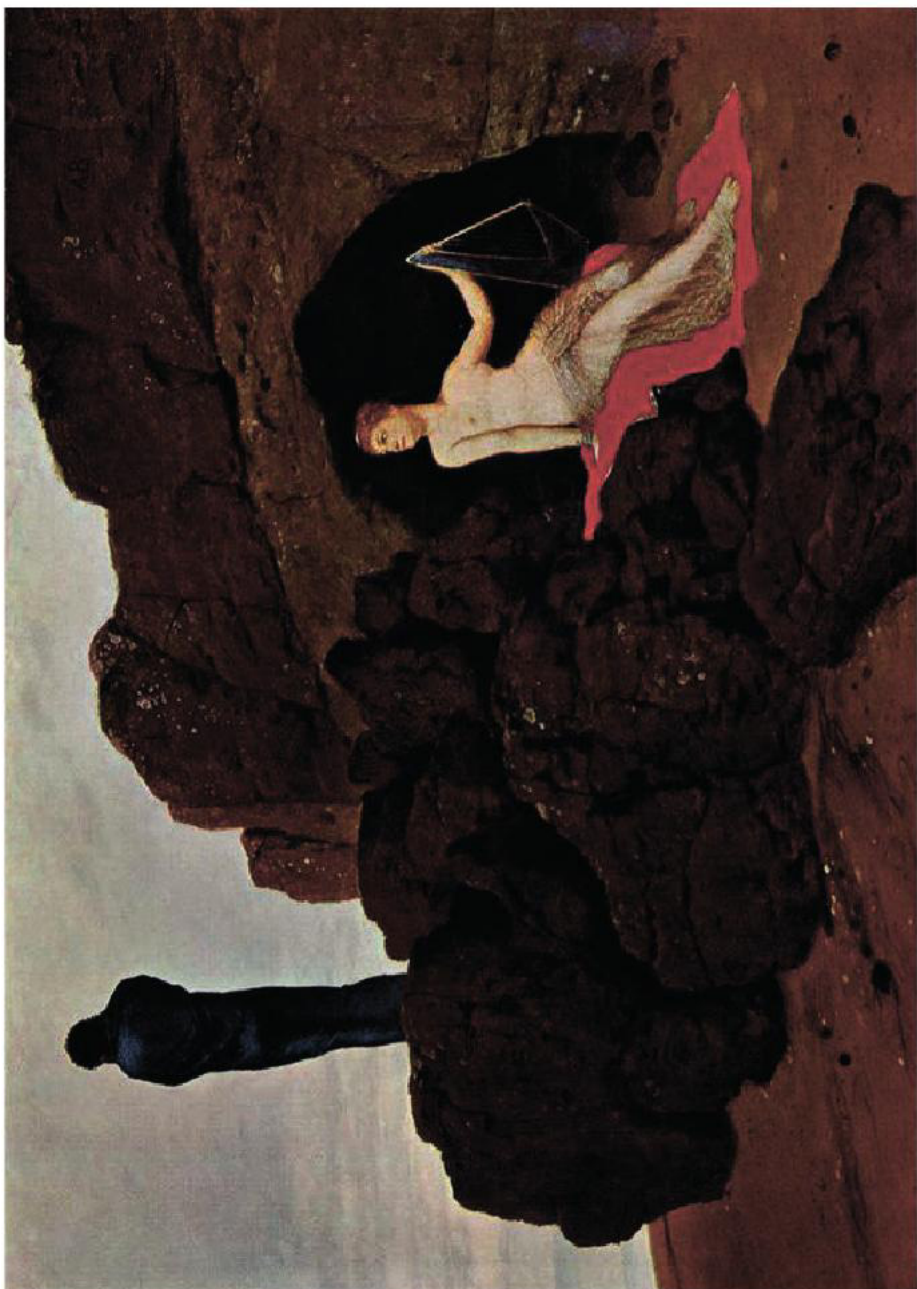
Яйцо Пифона в разрезе

Омфалос после зачистки

Одиссей и Тупесий

Каллипсо и Одиссей

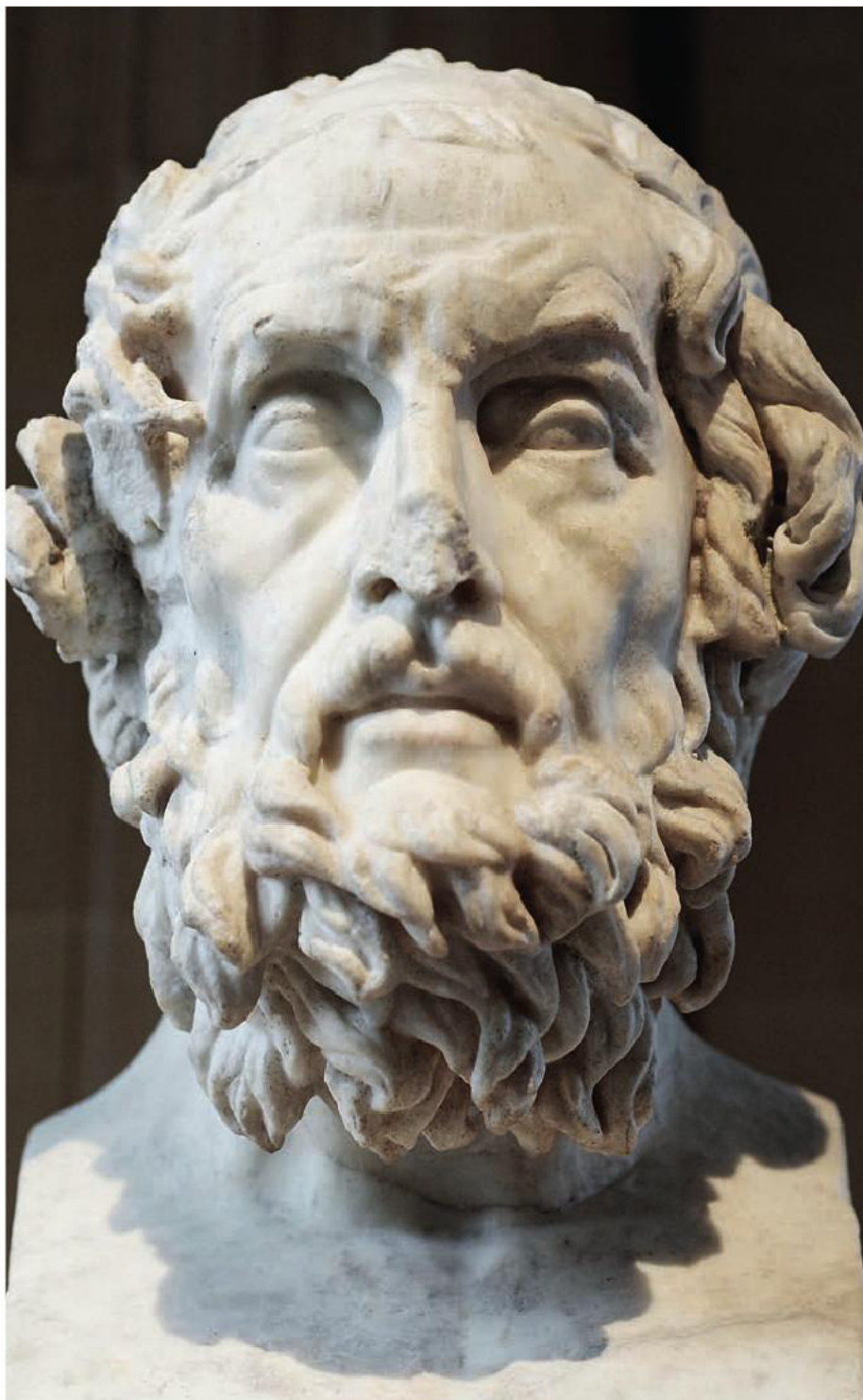

Одиссей у Тиресия

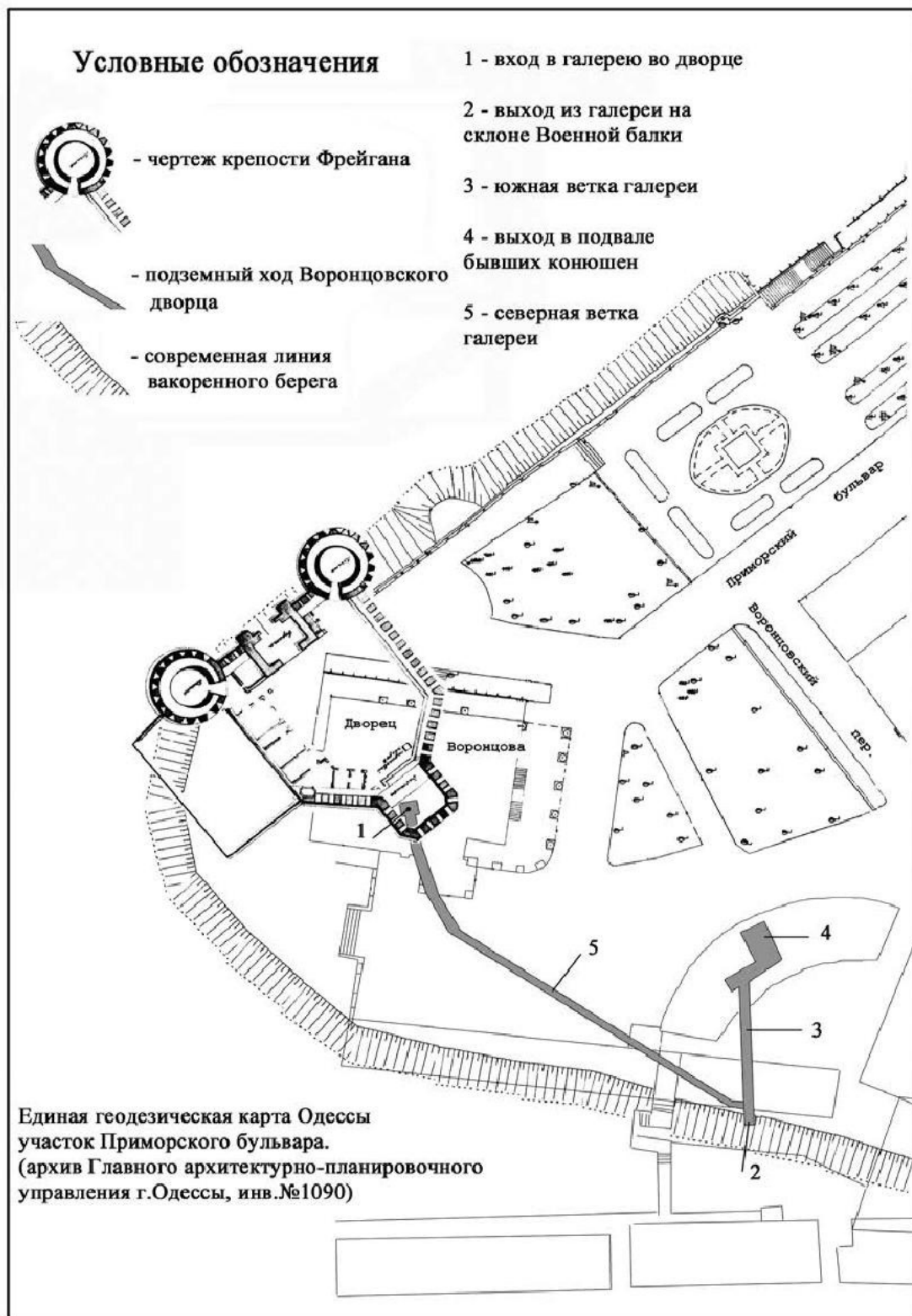

Кирка

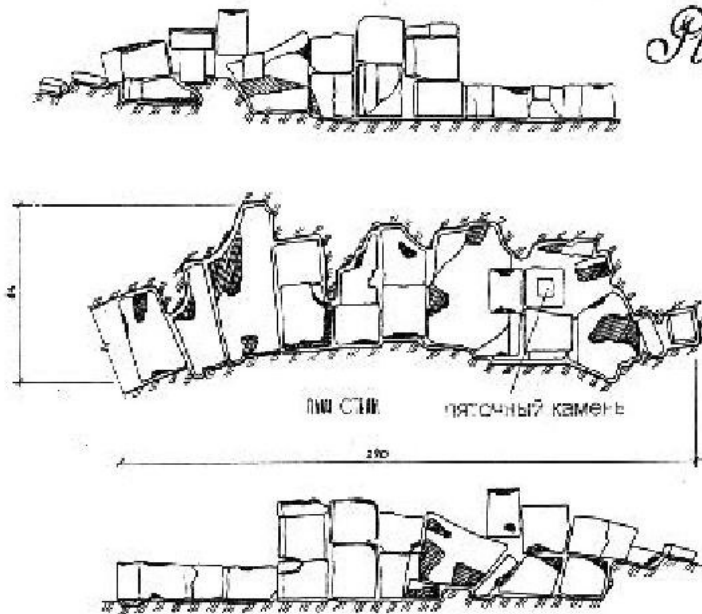

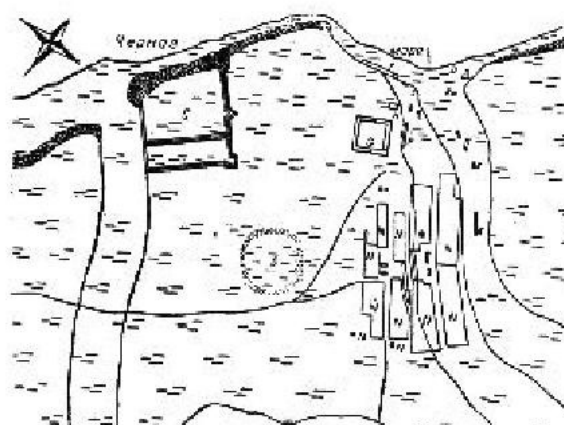
Гомер

*План крепости Хаджибей
 на геодезической карте Одессы*

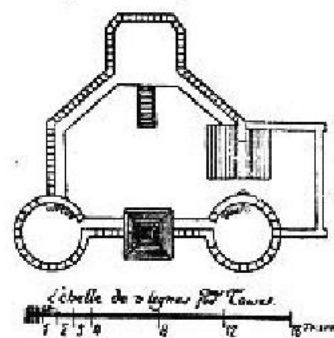

1 - Археологические остатки Хаджибейского бастиона (архитектурные обмеры)

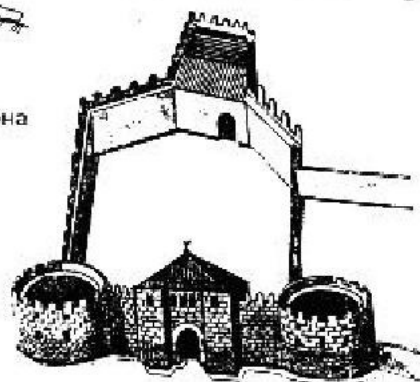

5 - "План II специальной новостроенной на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея... Сочинил Черного гусарского полка поручик Иван Исленьев" . (1766 г.)

Plan du Château de Hadzibey 1784

2 - план замка Ходжа-бей (снят Паситом-Клаве)

3 - рисунок замка Ходжа-бей

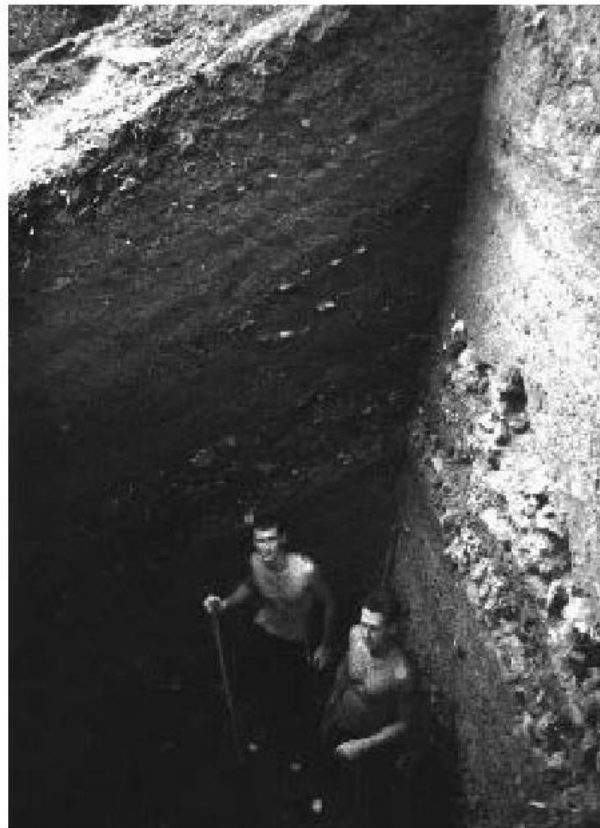

4 - вид Гаджибейского замка, (рисунок с натуры)

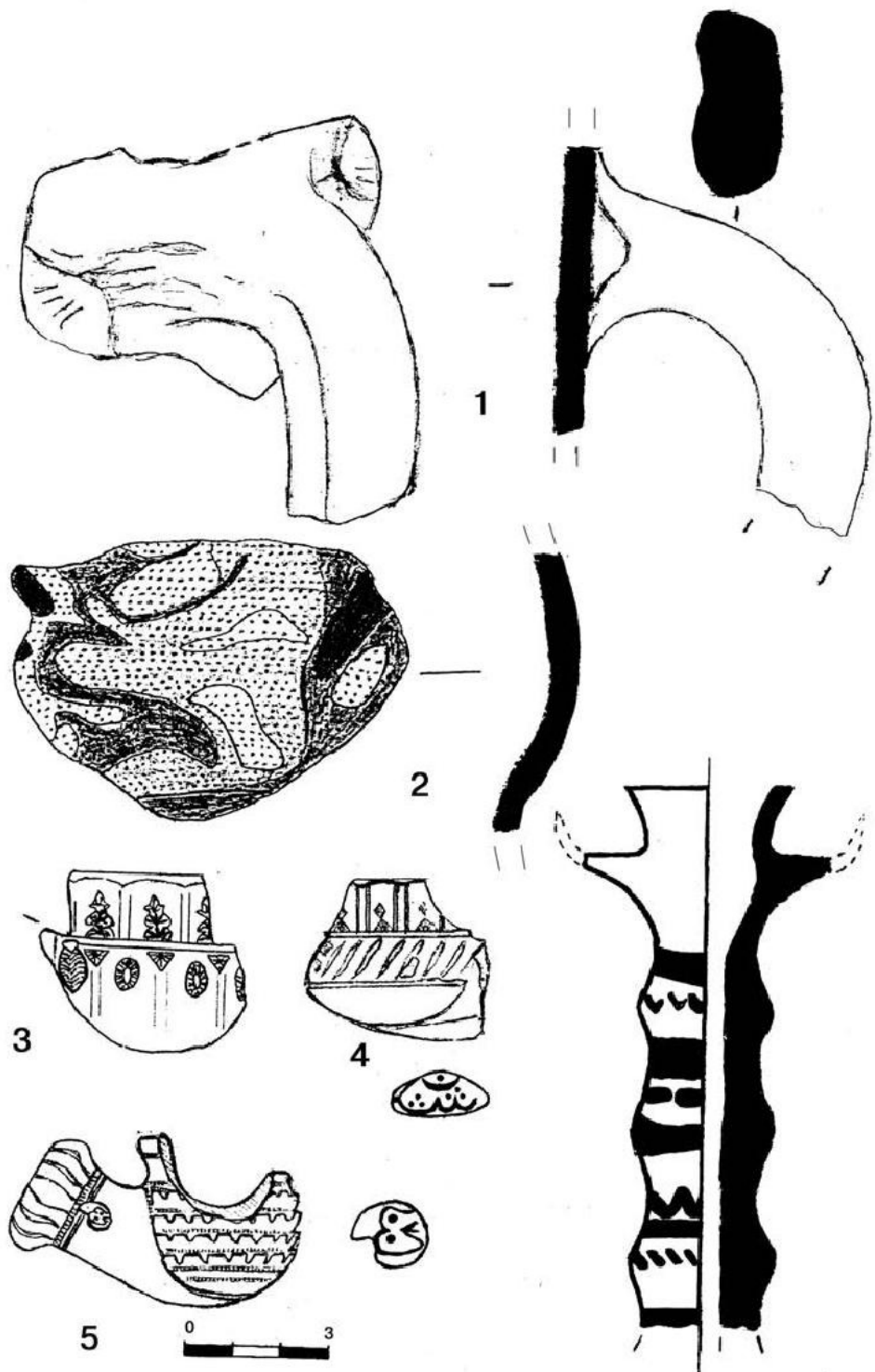
Хаджибейский замок в археологических остатках

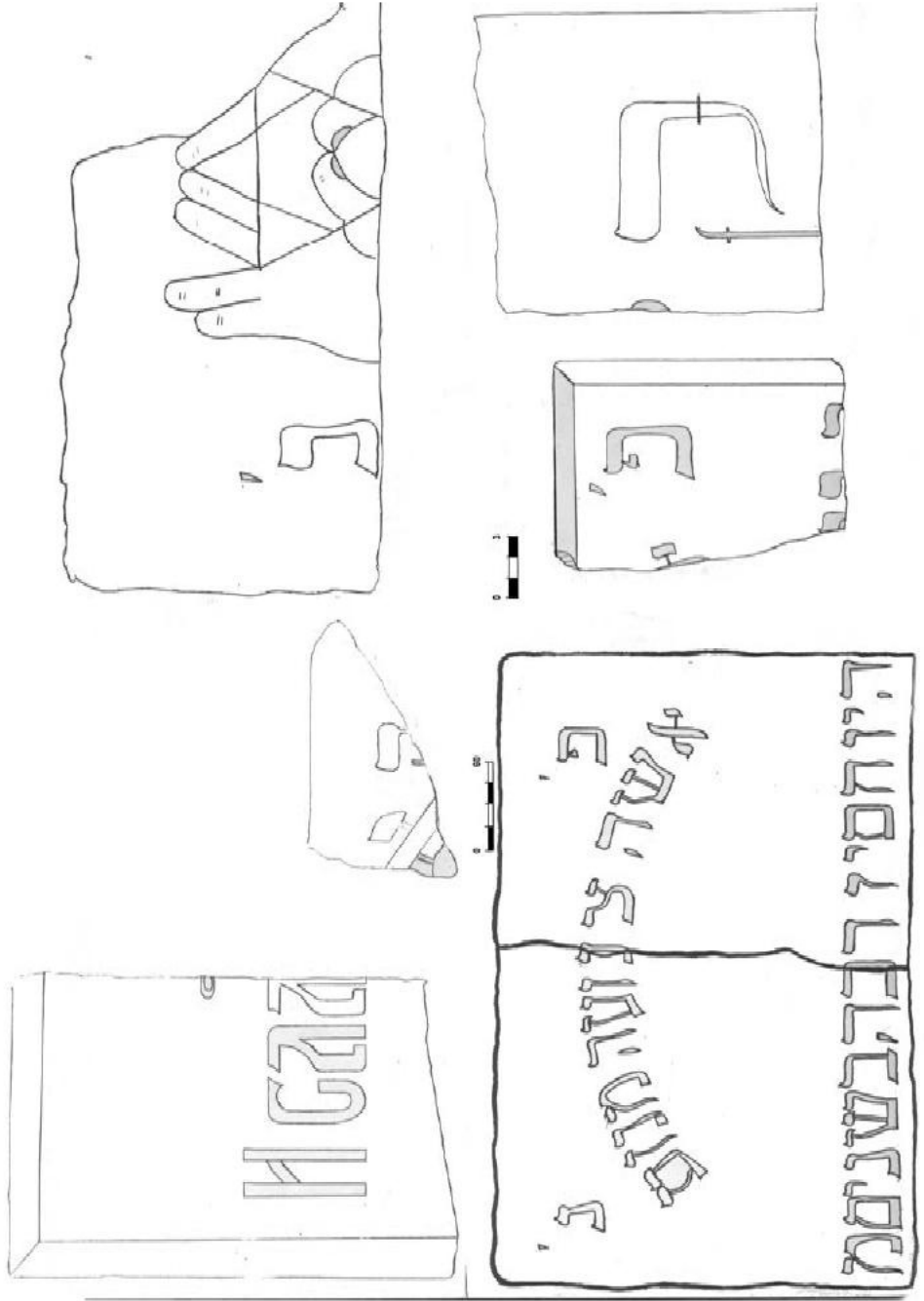
Остатки бастиона хаджибейского замка

*Глубина залегания слоя
под Городской думой*

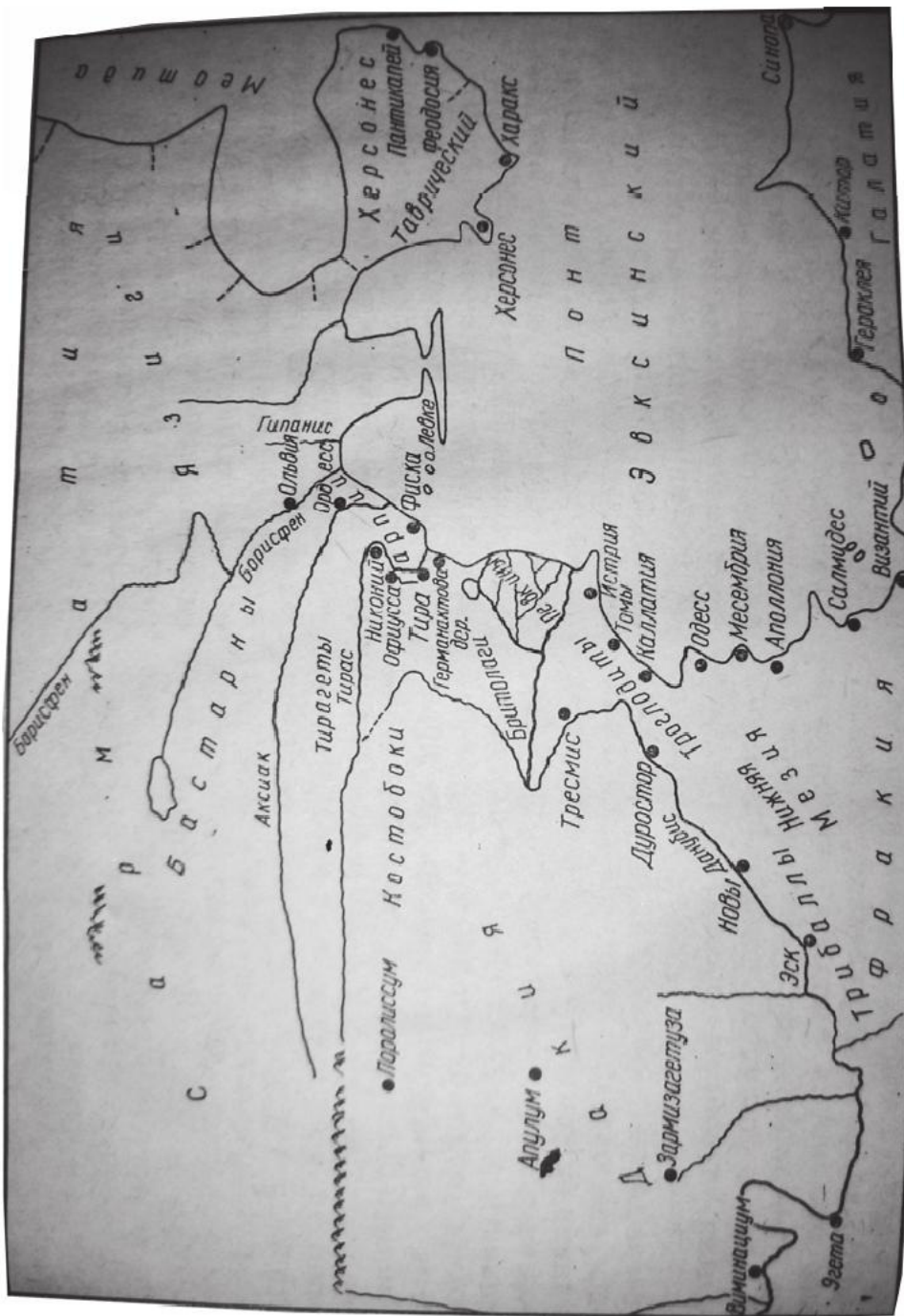
Хаджибейская керамика

Еврейские надгробия

Хаджибей-1794. Работа Геннадия Александровича Ладыженского. 1899 г.

Карта Птолемея

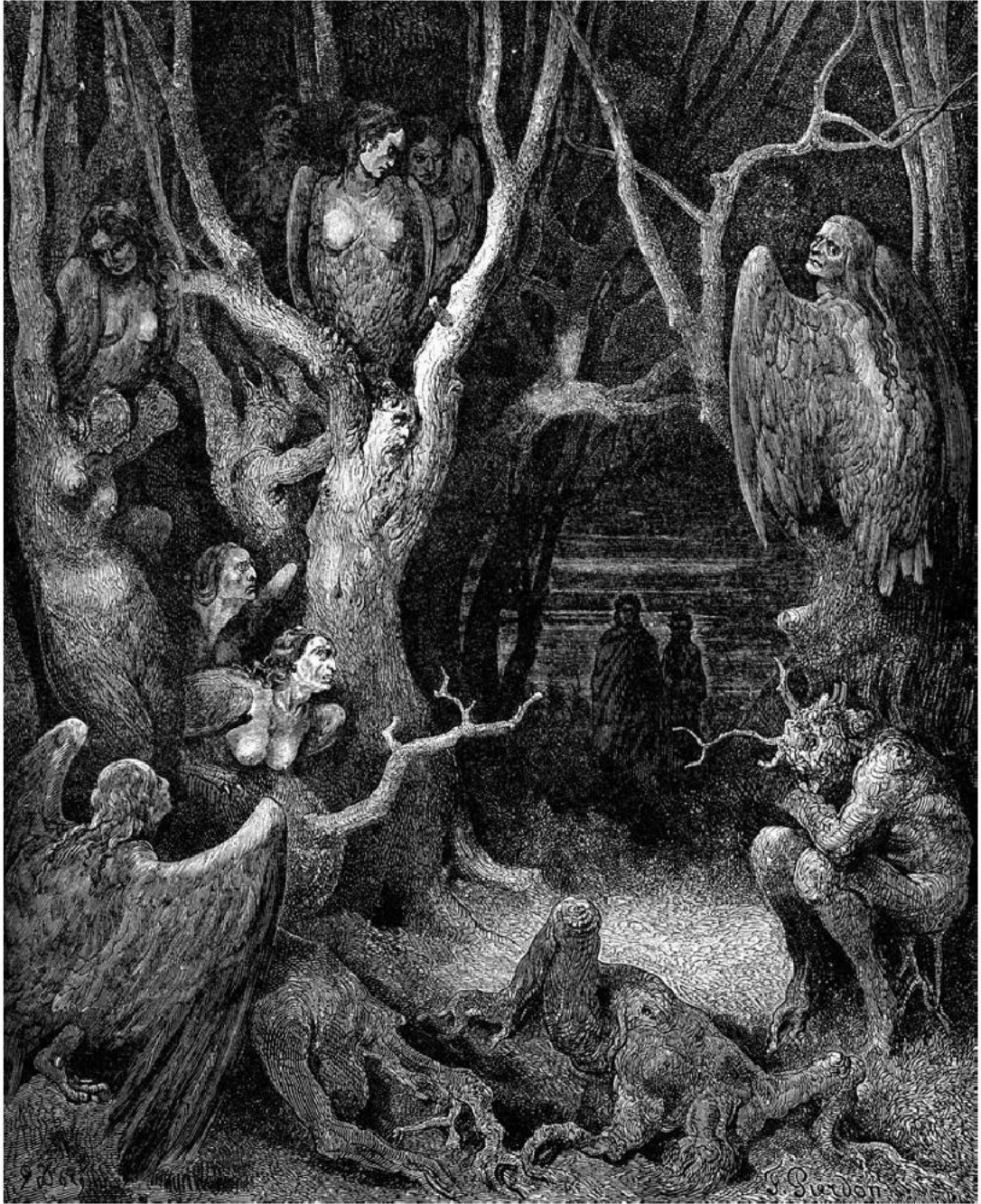

Гарпия

Афродита Каллипига

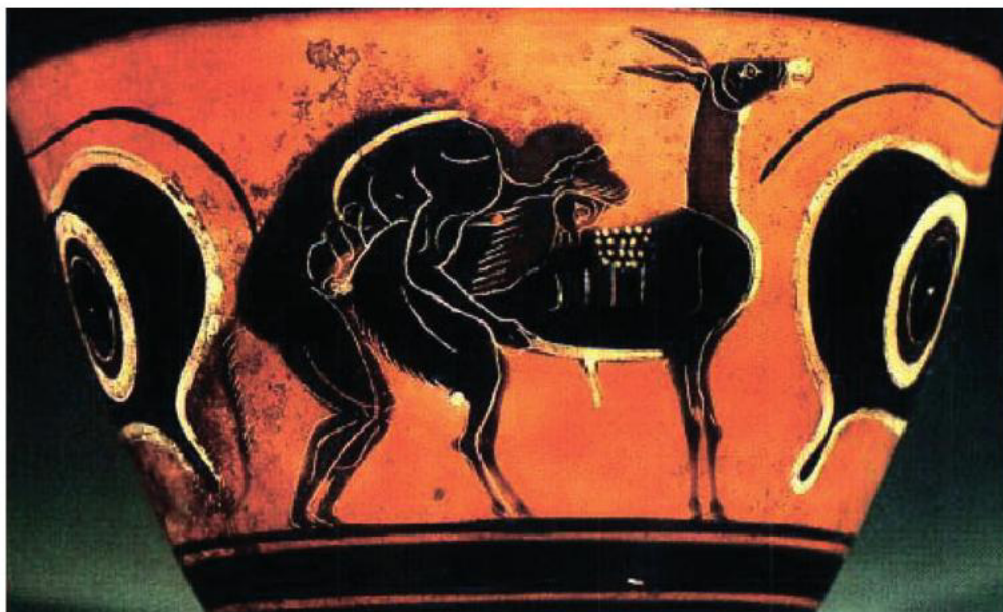
Γαρνυυ

Похищение сабинянок

Сатурн, V век до. н. э.

Силен и bestiарии, 560 год до н. э.

*Содомия, фелляция и садомазохизм.
Аттика, 510 год до н. э.*

Науково-публіцистичне видання

Андрій Олегович Добролюбський

Археологія Одеси

Монографія
(російською мовою)

Видання друге, перероблене і доповнене

Малюнок на передній обкладинці — сирени спокушують Одиссея
Малюнок на задній обкладинці — герб де Рібаса

Технічний редактор, коректор *Є. А. Добролюбська*

Підписано до друку 22.04.2014

Формат 70 x 100 / 16

Ум. друк. арк. 23,4

Наклад 300 прим.

Зам. № 22-04/1

Видавець Олег Філюк

07300, м. Вишгород, вул. Дніпровська, 3б, кв. 97

Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
(Серія ДК № 4506 від 18.03.2013 р.)

Надруковано з оригінал-макету замовника

Видавництво «Центр учбової літератури», вул. Лаврська, 20, м. Київ

В книге освещаются научные обстоятельства открытия в Одессе крупного античного города Борисфена (Гавани Истриан) и его историко-археологического изучения.

Город был основан в VII веке до н. э. и достиг своего наибольшего расцвета в V–III веках до н. э. Тогда он стал именоваться Одессосом в честь посещения этого места Одиссеем во времена Гомера. Привлекаются и новые исторические возможности изучения средневековых поселков и гаваней Джинестры и Хаджибея.

Рассматриваются исходные источниковедческие и ментальные подосновы существования здесь античных Борисфена и Одессоса, их культурологические контексты, последствия и плоды, а также их воздействие на ментальность и деятельность основателей Одессы в эпоху классицизма. Основная идея книги — отображение духовного мира ушедших эпох предыстории Одессы, воссоздание системы представлений и образа жизни, которые, в сущности, и составляют то, что называется «культурным наследием».

